

ШЕНРОКЪ
ИОГРАФIЯ
ГОГОЛЯ

ТОМЪ
1

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

Печ со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ.

Печ. въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ СПБ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ

В. И. Шенрока.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА. 1892

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

Настоящій трудъ будетъ состоять изъ трехъ томовъ, при чемъ второй томъ предполагается напечатать не позже осени слѣдующаго года. Напечатанный первый томъ представляетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ второе, исправленное, изданіе книги „Ученическіе годы Гоголя“, вышедшей въ 1887 году, въ остальномъ—объединеніе ряда статей о Гоголѣ, помѣщенныхъ первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“ и другихъ журналахъ *). Рецензіи на книгу „Ученическіе годы Гоголя, были въ слѣдующихъ изданіяхъ:

„Историческій Вѣстникъ“ (1887, II).

„Дѣло“ (1887, II).

„Вѣстникъ Европы“ (1887, III).

„Кіевская Старина“ (1887, III).

„Русская Старина“, (1887, IV).

„Русская Мысль“ (1887, VI).

„Сѣверный Вѣстникъ“ (1887, X).

Всѣмъ гг. рецензентамъ приносимъ искреннюю благодарность.

---

*) Объединеніе разрозненныхъ статей представило нѣкоторыя затрудненія при корректурахъ, вслѣдствіе чего мѣстами пришлось допустить незначительныя повторенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Н. В. въ началѣ литературной карьеры (1830—1831).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Имена великихъ дѣятелей чтятся высоко у народовъ всѣхъ образованныхъ странъ; память о нихъ должна быть священною для потомства. Эта общеизвѣстная истина получаетъ на нашихъ глазахъ все большее значеніе въ средѣ нашего общества. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что переживаемое нами время не безъ основанія считается тяжелой переходной эпохой, но зато съ другой стороны, при всѣхъ невзгодахъ труднаго экономическаго положенія и душной нравственной атмосферы, посреди которой мы живемъ, можетъ быть, давно не было столько причинъ радоваться нѣкоторымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ лучшею частью нашего общества. Въ ряду этихъ причинъ видное мѣсто занимаетъ благоговѣніе передъ талантомъ и общественнымъ значеніемъ выдающагося литератора или художника, которое ярко выразилось въ недавнемъ торжественномъ чествованіи нѣкоторыхъ наиболѣе даровитыхъ современныхъ писателей и небываломъ стеченіи народа на похоронахъ высоко-талантливыхъ беллетристовъ нашихъ, особенно Тургенева и Достоевскаго. Вообще теперь все болѣе замѣчается очевидный успѣхъ нашего общества въ признаніи и оцѣнкѣ имъ заслугъ представителей науки, литературы, искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы воздаемъ должную дань почета и удивленія героямъ и завоевателямъ, прославляемъ военные и административные таланты, которымъ въ свое время выпало на долю высокое счастіе способствовать внутреннему и внѣшнему благососто-

нію нашего отечества, то не меньшею, конечно, признательностью обязаны мы также людямъ, посвятившимъ свои богатыя дарованія и замѣчательныя силы развитію въ обществѣ эстетическаго чувства и проведенію въ жизнь благородныхъ идеаловъ, способствующихъ умственному и нравственному нашему совершенствованію.

Если искреннее и сознательное признаніе заслугъ людей мысли и въ частности образцовыхъ писателей наступаетъ обыкновенно въ обществахъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ признаніе большинства другихъ полезныхъ дѣятелей, то тѣмъ утѣшительнѣе и знаменательнѣе наступленіе этой поры, свидѣтельствующей о распространеніи *въ лучшей части общества* безкорыстнаго уваженія къ знанію, и умственному и духовному превосходству, которое въ неразвитой толпѣ всегда ставится не только ниже военныхъ доблестей и практической пользы, доставляемой успѣшными административными мѣрами, но даже нерѣдко ниже могущества грубой силы капитала, силы кошелька.

Писатели, являясь по самой природѣ вещей представителями мысли, а масса выразительницею и воплощеніемъ матеріальныхъ интересовъ и преобладанія послѣднихъ надъ умственными, представляютъ двѣ совершенно разнородныя, чтобы не сказать, противоположныя стихіи, которыя могутъ то сближаться, то отдаляться, и по этому сближенію или отдаленію лучше всего можно судить о пульсѣ умственной жизни общества и о степени его развитія.

Если сказанное нами справедливо, то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что изученіе жизни нашихъ лучшихъ писателей должно представлять для насъ предметъ высокаго интереса. Разработка біографическихъ данныхъ, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, является съ одной стороны нашимъ долгомъ, а съ другой—естественной посильной данью глубокаго благоговѣнія и признательности къ дѣятельности тѣхъ, чьей памятью справедливо дорожитъ и гордится образованная часть нашего общества.

Великая заслуга Гоголя передъ русскимъ обществомъ и литературой поставила его на такую высоту, о которой и самъ онъ, при всемъ высокомъ мнѣніи о себѣ, не имѣлъ яснаго

представленія. Будущимъ историкамъ литературы предстоитъ еще опредѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы. Несомнѣнно однако, что одной изъ причинъ широкаго національнаго значенія нашего писателя слѣдуетъ считать то обстоятельство, что онъ не ограничивалъ кругъ наблюденій, симпатій и самой дѣятельности одной узкой племенной сферой, но посвятилъ свои необъятныя силы служенію всей Россіи, — обстоятельство, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ его стремленій... Въ позднѣйшую пору своей дѣятельности онъ опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни, (къ которой смутно стремился чуть не съ дѣтства, но которую сознательно уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе); онъ убѣдился, по выраженію его въ „Авторской Исповѣди", что „тому, кто пожелаетъ истинночестно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая поглотила бы уже всѣ другія чувства".

Но въ то же время Гоголь никогда не переставалъ быть истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ Украйны, что̀ не могло, конечно, не отражаться и на всемъ нравственномъ складѣ этой въ высшей степени даровитой личности. Не только по своему происхожденію, но и по складу характера и по наружному виду онъ былъ настоящій малороссъ; всѣми глубочайшими и завѣтными струнами души онъ былъ связанъ съ своей поэтической родиной. Такимъ образомъ личность Гоголя представляетъ въ нашей литературѣ чрезвычайно любопытный и поучительный примѣръ слиянія малороссійскихъ симпатій съ общерусскими и подчиненія первыхъ послѣднимъ.

Безъ сомнѣнія, общее теченіе жизни и даже отчасти случайныя обстоятельства могли имѣть немалое вліяніе на временный перевѣсъ тѣхъ или другихъ симпатій въ каждый данный моментъ, и это, въ свою очередь, должно было отражаться на воззрѣніяхъ писателя, при чемъ перемѣны въ отношеніяхъ Гоголя къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ его интимной жизни не были, конечно, такъ рѣзки и исключительны, чтобы онѣ совершенно не допускали совмѣстнаго развитія обоихъ теченій. Но вообще говоря, легко убѣдиться, что въ ранніе годы чувство страстной любви къ Украйнѣ

было въ немъ гораздо свѣжѣе и интенсивнѣе, нежели впослѣдствіи, когда оно мало-по-малу утрачивало свою исключительность и уступало мѣсто болѣе широкимъ симпатіямъ, охватившимъ наконецъ всю обширную Русь.

Если имѣть при этомъ въ виду, что на склонѣ литературной дѣятельности Гоголь остался вѣренъ тѣмъ же стремленіямъ, какими былъ воодушевленъ какъ въ ранней юности, такъ и въ лучшую пору своего творчества, то это обстоятельство дастъ возможность намѣтить въ его внутренней жизни, съ одной стороны, основной фонъ его задушевныхъ стремленій, въ которыхъ онъ видѣлъ смыслъ и цѣль своей дѣятельности, а съ другой—нѣсколько отдѣльныхъ фазисовъ развитія, сообразно съ которыми они видоизмѣнялись, попеременно принимая ту или другую окраску. Можно было бы отмѣтить въ его жизни нѣсколько, не рѣзко впрочемъ отдѣляющихся, періодовъ въ отношеніи къ указанному вопросу.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ впечатлѣнія отъ современной малороссійской жизни, знакомство съ прошлымъ Малороссіи по разсказамъ о старинныхъ событіяхъ, частое присутствіе при живыхъ и остроумныхъ бесѣдахъ отца съ знаменитымъ сосѣдомъ [1]), въ которыхъ не мало могъ почерпнуть Гоголь и для своихъ произведеній перваго періода, но, что̀ всего важнѣе, могъ вынести унаслѣдованное отъ этихъ пламенныхъ любителей малороссійской старины сочувствіе ко всѣмъ подробностямъ родной жизни и быта, наконецъ, видѣнныя на домашнемъ театрѣ Трощинскаго представленія юмористическаго характера, — все это должно было забросить благотворныя сѣмена любви къ родинѣ въ душу отрока еще въ пору, предшествовавшую поступленію его въ школу, въ которую онъ явился уже съ достаточно опредѣлившимися наклонностями и задатками. Напротивъ, въ послѣдніе годы школьной жизни, значеніе которыхъ нельзя не признать особенно важнымъ, такъ какъ тогда формировался характеръ и складывалось міросозерцаніе геніальнаго юноши, его щедро одаренная натура уже страстно искала простора смутно сознаваемымъ въ себѣ силамъ и влекла его неудержимо на сѣверъ, въ далекую столицу, на которую онъ возлагалъ широкія надежды относительно осуществленія своихъ замысловъ.

[1]) Трощинскимъ.

Въ эту пору идеаловъ онъ не останавливался даже передъ мыслью, если будетъ нужно, оставить навсегда Малороссію. Это, вѣроятно, было то самое время, когда, по словамъ „Авторской Исповѣди“, Гоголю представлялось, что его „ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій“, и что онъ „сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра“ [1]). Результатомъ стремленій было, какъ извѣстно, поступленіе Гоголя въ Петербургѣ на службу. Острое разочарованіе, вызванное столкновеніемъ съ суровой дѣйствительностью и непривѣтливой стороной столичной жизни, заставили юношу тотчасъ же съ любовью оглянуться на дорогое прошедшее, и чувство страстной привязанности къ родинѣ вспыхнуло въ немъ снова яркимъ пламенемъ со всей беззавѣтностью молодого увлеченія. Въ отвѣтъ на убѣжденія матери оставить Петербургъ Гоголь писалъ однажды: „Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По моему, ежели ѣхать, такъ только въ Малороссію“ [2]). Вскорѣ занятія исторіей дали только новую обильную пищу этому энтузіазму. Письма Гоголя къ Максимовичу особенно наглядно показываютъ, съ какой горячей любовью онъ относился тогда къ роскошной природѣ и чуднымъ преданіямъ Малороссіи. Увлеченіе доходило въ это время до высшаго предѣла, проявляясь нерѣдко въ весьма энергической формѣ. Однажды, напримѣръ, поэтъ съ воодушевленіемъ совѣтуетъ другу: „бросьте въ самомъ дѣлѣ *кацапію*, да поѣзжайте въ гетманщину“ [3]). Въ другой разъ, говоря уже о себѣ, онъ восклицаетъ: „Представь, я тоже думалъ: „туда! туда! въ Кіевъ! въ древній и прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли?“... [4]). Намѣреніе переселиться въ Малороссію сильно занимало Гоголя до самаго его отъѣзда за-границу, когда весь жизненный строй его настолько существенно измѣнился, что иные интересы и стремленія значительно заслонили для него дорогую Украйну. На приглашеніе матери переѣхать изъ Италіи на родину Гоголь отвѣчаетъ уже почти съ раздраженіемъ, возражая, что, „климатъ въ Малороссіи совсѣмъ не то, что въ Италіи“, а, передавая объ этомъ приглашеніи одному изъ близкихъ друзей, отзы-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 248.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 109.
[3]) „Письма Гоголя къ Максимовичу“, стр. 2
[4]) Тамъ же, стр. 4.

вается о немъ, какъ о совершенно невозможной и странной мечтѣ [1]). Въ то же время на чужбинѣ Гоголю изъ „прекраснаго далека" начинаетъ представляться все въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ уже вся великая Россія, на которую онъ постепенно распространяетъ свои симпатіи. Еще въ первую заграничную поѣздку, когда, по собственному сознанію Гоголя, проектъ и цѣль его путешествія были очень неясны, онъ былъ убѣжденъ только въ томъ, что „узнаетъ цѣну Россіи только внѣ Россіи". И теперь, кромѣ болѣзненнаго состоянія здоровья, потребовавшаго теплаго климата, ему было нужно удаленіе изъ Россіи, чтобы живѣе пребывать мыслью въ ней. Спустя еще нѣсколько лѣтъ Гоголь уже является, несомнѣнно, вполнѣ искреннимъ и глубокимъ общерусскимъ патріотомъ въ своихъ задушевныхъ лирическихъ отступленіяхъ въ „Мертвыхъ Душахъ". Если въ „Ревизорѣ" онъ уже „рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, чтобы за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ" [2]), имѣя въ виду конечно широкую общественную цѣль, то теперь онъ думалъ, что „исполняетъ тотъ долгъ, для котораго призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы", и что, „исполняя его, онъ въ то же время служитъ государству своему, какъ бы дѣйствительно находился въ государственной службѣ". Наконецъ въ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, отличавшихся, какъ извѣстно, вполнѣ интимнымъ характеромъ, есть одно въ высшей степени замѣчательное мѣсто, изъ котораго можно окончательно убѣдиться, что въ зрѣлыхъ годахъ Гоголь одинаково горячо и сильно любилъ обѣ родственныя ему народности и ни одной не отдавалъ предпочтенія. „Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы *не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ.* Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и, какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой" [3]).

---

1) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 302 и 303.

2) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 249.

3) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 147.

Въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1886 годъ мы нашли совершенно неожиданно подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что въ концѣ своей жизни Гоголь одинаково высоко цѣнилъ русскую и малорос-

Мы разсмотрѣли здѣсь этотъ вопросъ пока лишь какъ примѣръ, единственно съ цѣлью показать, что постепенное развитіе Гоголя и образованіе его взглядовъ на жизнь и поэзію, представляя чрезвычайно интересный предметъ для изученія, въ то же время еще недостаточно затронутъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ обстоятельное знакомство съ личностью и судьбой геніальнаго писателя, безъ сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи нашей новѣйшей литературы. Какъ основатель новой литературной эпохи, какъ виновникъ совершеннаго имъ крупнаго поворота въ литературномъ движеніи, Гоголь давно получилъ всеобщее согласное признаніе и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія. Съ другой стороны трудно выразить, въ какой мѣрѣ желательна была бы наиболѣе удовлетворительная разгадка духовнаго строя высоко-гуманнаго писателя, проникнутаго горячею любовью къ человѣку и глубокою искреннею скорбью о его несовершенствѣ и недостаткахъ.

сійскую народность. Приводимъ нѣсколько строкъ, ближе другихъ подходящихъ къ нашей цѣли. „Русскій и малороссъ—это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно“. („Знакомство съ Гоголемъ“, Г. П. Данилевскаго, стр. 479). Отмѣтимъ кстати, что цитированныя выше свѣдѣнія изъ воспоминаній Г. П. Данилевскаго повторены и въ названномъ нумерѣ „Историческаго Вѣстника“.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ О ГОГОЛѢ.

„Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“, — слова пророка Іереміи, начертанныя на гробницѣ Гоголя (въ Москвѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ), чрезвычайно мѣтко выражая существенное направленіе всей его литературной дѣятельности, краснорѣчиво говорятъ въ пользу его нравственной личности. Задушевный, необыкновенно прочувствованный тонъ многихъ мѣстъ его сочиненій и собственное сознаніе, что онъ „озиралъ всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“, доказываютъ такое богатство внутренняго міра, что едва-ли можно сомнѣваться и въ важномъ образовательномъ значеніи будущей полной его біографіи.

Еще при жизни поэта сначала его геніальныя произведенія, а потомъ болѣзненный роковой переломъ, происшедшій, какъ полагали, въ его характерѣ и убѣжденіяхъ, столь неожиданно всѣхъ поразившій и казавшійся сначала какимъ-то загадочнымъ и непонятнымъ, возбудили надолго особенный интересъ какъ въ литературѣ, такъ и въ болѣе развитыхъ слояхъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалась и трудность удовлетворительнаго уясненія личности Гоголя.—Все это прекрасно выражено въ слѣдующихъ словахъ И. С. Аксакова, сказанныхъ въ самый годъ кончины Гоголя: „Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ, эта страшная

торжественная ночь сожженія и вслѣдъ за этимъ смерть, — все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую великую, грозную поэму, смыслъ которой останется долго неразгаданнымъ". („Московскій Сборн." 1852 г.). Въ томъ же свѣтѣ должна была представляться исторія Гоголя и всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ. Кромѣ того, прежняя, хотя и не особенно продолжительная принадлежность къ кружку Пушкина, близкія отношенія къ Жуковскому и нѣкоторымъ другимъ выдающимся литераторамъ, знакомство съ славянофилами могли до извѣстной степени еще больше усиливать интересъ къ Гоголю, не говоря уже о томъ рѣшительномъ вліяніи, которое имѣлъ Гоголь на развитіе и дальнѣйшій ходъ отечественной литературы, — вліяніи, отмѣченномъ еще критикой сороковыхъ годовъ и становившемся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе несомнѣннымъ. Такимъ образомъ много немаловажныхъ условій соединилось, повидимому, для разносторонняго изученія столь крупнаго литературнаго явленія. Между тѣмъ это изученіе при сравнительномъ изобиліи матеріала долго шло все - таки далеко не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ можно было бы ожидать. Одна изъ существенныхъ трудностей лежитъ въ самой натурѣ Гоголя, какъ было мѣтко указано въ статьѣ С. Т. Аксакова въ „Московск. Вѣд." за 1853 г., № 35: „Біографія Гоголя", — говоритъ онъ, „заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борьбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ, — ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю".

Сколько-нибудь обстоятельное разъясненіе внутренней жизни писателя по весьма понятнымъ причинамъ стало возможно не раньше его смерти, да и послѣ нея первое время не могло назваться особенно благопріятнымъ, вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, доходившихъ до того, что сочувственное слово, посвященное въ печати памяти Гоголя, а отчасти даже самое упоминаніе его имени было не всегда безопасно. Стоитъ

припомнить извѣстную исторію съ И. С. Тургеневымъ и неудовольствіе, возбужденное статьею „Московскаго Сборника“[1]). При всемъ томъ многіе факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что значеніе Гоголя для громаднаго большинства было уже тогда вполнѣ очевидно, и многія дѣльныя статьи, посвященныя воспоминаніямъ о Гоголѣ, появились уже въ первыя пять лѣтъ послѣ его кончины. Живое сочувствіе Гоголю и признаніе его литературныхъ заслугъ ярко выразились въ почетѣ, оказанномъ его памяти представителями ученаго міра и литературы. Усиленная строгость цензуры неумолимо сдерживала, правда, самое малѣйшее выраженіе благоговѣнія къ личности великаго писателя, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но съ тѣмъ большею силою и искренностью нашло оно себѣ проявленіе въ первопрестольной столицѣ, отозвавшейся на тяжкую національную утрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ чувствомъ. Московскій Университетъ, по свидѣтельству „Московск. Вѣд.“ (1852 г., № 35), почтилъ Гоголя торжественнымъ отданіемъ ему послѣдняго долга. Тѣло Гоголя, какъ почетнаго члена Университета, было перенесено, въ ожиданіи погребенія, изъ квартиры его на Никитской улицѣ въ помѣщеніе университетской церкви и оставалось тамъ до выноса, въ которомъ приняли участіе профессора и студенты. На похоронахъ присутствовали представители литературы и университетской науки, также нѣкоторыя высокопоставленныя лица, въ числѣ которыхъ были генералъ-губернаторъ Закревскій и попечитель московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ.—Профессоръ Давыдовъ напечаталъ вскорѣ въ извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ „О значеніи Гоголя въ русской словесности“. Наконецъ въ самый годъ кончины Гоголя Академіей было поручено составленіе полной его біографіи одному изъ заслуженныхъ своихъ членовъ, профессору Шевыреву, предпринимавшему также изданіе сочиненій Гоголя, (предпріятіе это потомъ не состоялось, вслѣдствіе послѣдовавшей вскорѣ смерти Шевырева). Большинство литературныхъ органовъ также поспѣшило отозваться на горькую утрату безвременно скончавшагося художника: появляется цѣлый рядъ цѣнныхъ замѣтокъ для біографіи Гоголя, между которыми первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, статьѣ г. Ку-

[1]) См. „Историч. Вѣст.“ 1881, II, стр. 350 и 351.

лиша въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1852 г., № 4 подъ заглавіемъ: „Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя“. По поводу этой статьи вскорѣ появились въ разныхъ журналахъ поправки и дополненія, изъ которыхъ особенно важны слѣдующія: „Замѣтки для біографіи Гоголя“ („Соврем.“ 1852 г., № 10), „Выправка нѣкоторыхъ библіографическихъ извѣстій о Гоголѣ“ Н. Иваницкаго („Отеч. Зап.“ 1853 г., № 2), „Библіографическія поправки и дополненія“ („Московс. Вѣдом.“, 1853 г., № 5) профессора Тихонравова, „Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя“ С. Аксакова, также „Хуторъ близъ Диканьки“ Г. Данилевскаго („Москов. Вѣд.“, 1852 г., № 124 и „Русскій Инвал.“, 1853 г., № 26).—Среди общихъ искреннихъ сожалѣній о Гоголѣ, выразившихся во многихъ некрологахъ и воспоминаніяхъ, рѣзкимъ диссонансомъ звучало лишь злобное шипѣніе „Сѣверной Пчелы“, шедшей въ своихъ сужденіяхъ о Гоголѣ совершенно наперекоръ установившемуся общему мнѣнію и уже послѣ геніальной оцѣнки Бѣлинскаго не терявшей надежды низвести Гоголя съ пьедестала и втоптать его въ грязь. Выходки этой газеты въ фельетонахъ, принадлежавшихъ перу одного изъ издателей и подписанныхъ начальными буквами, переходили въ нападкахъ на память покойнаго писателя всякія границы и въ настоящее время кажутся почти невѣроятными. Они продолжались упорно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на возбуждаемое ими всеобщее негодованіе; голосъ „Сѣвер. Пчелы“ оказался почти одинокимъ въ литературѣ, какъ показываютъ многія статьи ея противниковъ, проникнутыя уваженіемъ къ Гоголю и горячо взявшія его подъ защиту, если только такое выраженіе прилично въ примѣненіи къ Гоголю [1]). По прошествіи нѣко-

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя, возгорѣлась еще разъ довольно рѣзкая и оживленная, хотя и не продолжительная, полемика между однимъ изъ лучшихъ друзей и горячихъ почитателей Гоголя, проф. Максимовичемъ, и самимъ издателемъ его сочиненій, г. Кулишемъ, прежде не менѣе безусловнымъ поклонникомъ его таланта. Но на этотъ разъ дѣло уже не касалось болѣе вопроса о литературномъ значеніи Гоголя, такъ-какъ послѣднее не подлежало больше сомнѣнію и давно считалось фактомъ рѣшеннымъ и общепризнаннымъ. Это было уже въ 1861 году; ареной полемической схватки явилась на этотъ разъ съ одной стороны газета И. С. Аксакова „День“, а съ другой украйнофильскій журналъ „Основа“, посвященный исключительно изученію малороссійской жизни и литературы. Въ „Основѣ“ появился рядъ статей, принадлежавшихъ перу Кулиша, неожиданно выступившаго съ упреками Гоголю въ недостаточномъ зна-

тораго времени послѣ смерти Гоголя прежніе горячіе споры наконецъ улеглись, (если не считать пасквиль Герсеванова, написанный въ Одессѣ также въ 1861 году подъ заглавіемъ: „Гоголь передъ судомъ обличительной литературы“, и вызванныя имъ опроверженія); наступила пора единодушнаго благоговѣнія передъ талантомъ Гоголя и началась понемногу болѣе спокойная разработка его біографіи, болѣе основательное опредѣленіе его значенія. Спустя три года послѣ смерти Гоголя начали появляться въ „Современникѣ“ такъ называемые „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“. Нѣсколько позднѣе вышли въ свѣтъ извѣстныя „Записки о жизни Гоголя“, напечатанныя П. А. Кулишомъ, подъ псевдонимомъ Н. М., и изданная имъ же переписка покойнаго въ двухъ послѣднихъ томахъ полнаго собранія его сочиненій. Біографическій трудъ Кулиша, составлявшійся постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и разросшійся изъ небольшой журнальной статьи, сначала въ цѣлую книгу подъ названіемъ „Опытъ біографіи Гоголя“, а потомъ въ двѣ небольшія книги, являясь въ разныхъ видахъ, перешелъ нѣсколько фазисовъ. Въ своей послѣдней редакціи онъ пред-

комствѣ съ малороссійскимъ бытомъ и невѣрномъ его изображеніи. Начало этихъ мнѣній было имъ высказано еще въ „Эпилогѣ къ Черной Радѣ“ („Русская Бесѣда,“ 1857, 3). Впадая отчасти въ противорѣчіе съ высказываемыми не разъ прежде отзывами и сужденіями, Кулишъ находилъ теперь много возраженій противъ выбора Гоголемъ времени и мѣста дѣйствія для первыхъ его произведеній, напр., „Сорочинской Ярмарки“, противъ погрѣшностей въ самомъ изображеніи быта и нравовъ, забывая, что авторъ ея былъ 20-лѣтній юноша и что онъ не задался безусловно точнымъ изображеніемъ быта (въ этнографическомъ отношеніи). По мнѣнію критика, Гоголь смотрѣлъ на изображенную жизнь простонародной украинской среды глазами барина, недостаточно съ нею освоившагося и несвободнаго отъ навязыванія иногда послѣдней чертъ, не свойственныхъ городскому и притомъ великорусскому населенію. Въ нѣкоторыхъ своихъ обвиненіяхъ Кулишъ удивительнымъ образомъ соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще нѣкогда Полевымъ въ «Московскомъ Телеграфѣ“, въ критической замѣткѣ по поводу только-что вышедшихъ „Вечеровъ на Хуторѣ“, который не затруднялся простирать свое сомнѣніе въ знаніи авторомъ малороссійскаго быта до утвержденія, что онъ только прикидывается украинцемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ москаль, да еще горожанинъ... Къ сожалѣнію, многіе затронутые въ этой полемикѣ вопросы и вѣскія мнѣнія, высказанныя съ обѣихъ сторонъ, впослѣдствіи были совершенно сданы въ архивъ и самая полемика прошла почти безъ слѣда.—Объ этой полемикѣ см. подробнѣе въ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина, т. III, стр. 203—210.

ставляетъ до сихъ поръ единственный цѣльный и наиболѣе крупный трудъ о Гоголѣ и не перестаетъ служить главнымъ источникомъ многихъ составляемыхъ на основаніи его извлеченій и новыхъ статей о Гоголѣ. Столь же важное значеніе имѣло и изданіе писемъ, вызвавшее въ томъ же году нѣсколько статей въ наиболѣе уважаемыхъ и распространенныхъ журналахъ, въ „Современникѣ" и „Библіотекѣ для Чтенія". Въ „Современникѣ" былъ тогда же весьма удовлетворительно разъясненъ вопросъ о предполагаемомъ переломѣ. Послѣ того литература о Гоголѣ постоянно пополнялась отрывочными свѣдѣніями и воспоминаніями о немъ, сообщаемыми въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ видѣ статей, бѣглыхъ очерковъ и пр. Укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія: „Воспоминанія о Гоголѣ" (по поводу „Опыта" его біографіи) М. Н. Лонгинова, („Совр." 1854 г., № 3, т. 64), „Воспоминанія учителя" Кульжинскаго („Москвит.", 1854 г., № 21, Смѣсь). „Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя" доктора Тарасенкова („Отеч. Запис.", 1856 г., № 12), „Воспоминанія о Гоголѣ" П. В. Анненкова („Библіот. для Чтенія", 1857 г., № 2), и „Н. Я. Прокоповичъ и отношеніе его къ Гоголю" („Соврем.", 1858 г., т. LVII), Воспоминанія Л. Арнольди („Русск. Вѣстн.", 1862 г., № 1), Воспоминаніе о Гоголѣ, Я. К. Грота („Русск. Арх.", 1864 г., ст. 1065—1068), Воспоминанія Погодина („Русск. Арх.", 1865 г., стр. 1270—1278). „Послѣдніе годы Гоголя". Чижова („Вѣстн. Евр.", 1872 г., № 7).

Въ послѣднее десятилѣтіе литература о Гоголѣ начала быстро разростаться; появилось много матеріаловъ, статей, воспоминаній. Особенно богатый вкладъ представляетъ недавно напечатанная „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ" С. Т. Аксакова („Рус. Арх.", 1890, VIII), вызвавшая дѣльную и любопытную статью: „Аксаковъ о Гоголѣ" г. А. В—на („Вѣстникъ Европы", 1890, IX). Кромѣ того въ промежутокъ отъ 1881 до 1890 г. напечатаны о Гоголѣ слѣдующія наиболѣе любопытныя статьи: во-первыхъ, живая и весьма дѣльная статья г-жи Некрасовой: „Гоголь и Ивановъ" („Вѣстникъ Европы", 1883, XII); той же г-жѣ Некрасовой принадлежитъ и очеркъ отношеній Н. В. Гоголя къ графу А. П. Толстому и графинѣ А. Е. Толстой („Сборникъ въ память С. А. Юрьева". Москва. 1891). Проф. Лавровскій, написавшій еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, прекрасную статью:

„Гимназія Высшихъ Наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, основанную на оффиціальныхъ документахъ, въ началѣ восьмидесятыхъ произнесъ рѣчь о Гоголѣ по случаю открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ, напечатанную въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института“ за 1881. Проф. Кояловичъ помѣстилъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ (1887 г.) біографическій очеркъ о Гоголѣ, подъ заглавіемъ: „Дѣтство и юность Гоголя“. Академикъ М. И. Сухомлиновъ составилъ прекрасную статью: „Появленіе въ печати сочиненій Гоголя“. Но особенно слѣдуетъ указать капитальное между прочимъ и въ отношеніи біографическихъ данныхъ послѣднее (десятое) изданіе сочиненій Гоголя, съ обстоятельными примѣчаніями редактора, академика Н. С. Тихонравова и его же образцовыя статьи и рѣчи, напр., „Гоголь и Щепкинъ“ („Артистъ“, 1890, I) и другія; статью проф. Алексѣя Н. Веселовскаго: „Мертвыя Души“. „Изъ этюда о Гоголѣ“ („Вѣстн. Европы“, 1891, III) и труды кіевскаго профессора Владимірова: „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“. Кіевъ. 1890 и „Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя“. Кіевъ. 1891.

Кромѣ того назовемъ еще слѣдующія статьи и воспоминанія: „Воспоминанія о Гоголѣ кн. В. Н. Репниной“ („Русск. Архивъ“, 1890, X), „Etudes et Souvenirs“ О. Н. Смирновой („Nouvelle Revue“, 1885, XI—XII) „М. И. Гоголь“, біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской и ея же другія замѣтки и статьи, такъ или иначе касающіяся Гоголя („Русск. Стар.“), а равно и вызванныя ими возраженія племянника Гоголя, Н. В. Быкова („Новое Время“, „Русская Старина“), возраженіе г. Трахимовскаго („М. И. Гоголь“ въ „Русской Старинѣ“, 1888, VII); далѣе „Гоголь и его отношенія къ Погодину“ („Русск. Жизнь“, 1891), „Поэтъ пошлости“ А. Д. Градовскаго („Вѣстникъ Европы“, 1890, I), „Историческое значеніе сочиненій Гоголя“ и „Иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ“, Н. Я. Аристова; далѣе слѣдуетъ назвать любопытныя свѣдѣнія о Гоголѣ въ воспоминаніяхъ проф. А. В. Никитенко, Іордана, Калмыкова и пр. („Русская Старина“), въ запискахъ В. А. Соллогуба, С. В. Скалонъ, А. Я. Головачевой („Истор. Вѣстникъ“); въ „Моихъ Воспоминаніяхъ“ Ѳ. И. Буслаева („Вѣстникъ Европы“, 1891, VII); въ замѣткахъ и статьяхъ о Гоголѣ покойнаго Г. П. Данилевскаго, въ біографіи Максимовича, составленной Поно-

маревымъ („Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1871, X), въ статьѣ г. Павлова: „Гоголь и славянофилы“ („Русск. Арх.“, 1890, I) и въ статьяхъ г-жи Черницкой: „Отношенія Гоголя къ матери“ („Историч. Вѣстникъ“, 1889, VII) и „Отношенія Гоголя къ Смирновой“ („Сѣв. Вѣстникъ“, 1890, I).

Продолжалось также, и въ очень большихъ размѣрахъ, печатаніе вновь отысканныхъ писемъ. Въ этомъ отношеніи наибольшую услугу оказали въ разное время историческіе журналы и даже такія изданія, какъ „Библіографическія Записки“. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ сравнительно недавнее время въ „Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института“ (за 1882 г.) помѣщены составленныя г. Пономаревымъ, по случаю торжественнаго открытія въ Нѣжинѣ памятника Гоголю, подробныя библіографическія указанія всего, что было написано о Гоголѣ. Трудъ выполненъ съ образцовою добросовѣстностью и уваженіемъ къ памяти писателя. Въ немъ авторъ по возможности старается дать полный перечень когда-либо вышедшихъ статей и замѣтокъ о Гоголѣ и его писемъ. Здѣсь не упущены изъ виду даже такія вещи, которыя нерѣдко состоятъ изъ какой-нибудь полустранички или нѣсколькихъ газетныхъ столбцовъ. Наконецъ въ 1883 г., въ приложеніи къ журналу „Русская Мысль“, напечатанъ „Библіографическій указатель о Н. В. Гоголѣ отъ 1829 г. по 1882 г.“ Я. Горожанскаго. Тщательное выполненіе задачи и въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, много облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей жизни Гоголя.

Главнымъ результатомъ разработки фактическихъ данныхъ является пока убѣжденіе въ строгой послѣдовательности личнаго развитія Гоголя, не представлявшаго рѣзкихъ поворотовъ и особенно замѣтныхъ колебаній. Заключеніе это, впервые доказательно выраженное въ августовской книжкѣ „Соврем.“ за 1857 г., принимается и подтверждается А. Н. Пыпинымъ въ его „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ 20 годовъ до 50-хъ“ и профессоромъ Лавровскимъ въ его рѣчи по поводу открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ. Оно при томъ совершенно согласно со словами самого Гоголя: „Съ двѣнадцатилѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда въ мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое“ и пр. (письмо къ С. Т. Аксакову, соч.

Гог., изданіе Кулиша, т. VI, стр. 73). То же самое свидѣтельствуетъ и близко знавшій Гоголя С. Т. Аксаковъ въ статьѣ „Моск. Вѣд.“ 1853 г., № 35: „Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ съ юношескихъ лѣтъ онъ остался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже и суровѣе и въ этомъ только смыслѣ Гоголь измѣнялся“. Итакъ задача біографіи въ настоящее время прослѣдить это постепенное и послѣдовательное развитіе Гоголя, разумѣется, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ. О важномъ значеніи писемъ Гоголя говоритъ С. Т. Аксаковъ въ той же статьѣ „Москов. Вѣд.“: „Гоголь выражается совершенно въ письмахъ; въ этомъ отношеніи они гораздо важнѣе его сочиненій“. Таково-же и недавно высказанное мнѣніе проф. Лавровскаго. „Самую интересную и самую производительную часть матеріаловъ“, говоритъ онъ въ упомянутой выше рѣчи, — „безъ сомнѣнія, составляютъ письма Гоголя особенно къ лицамъ наиболѣе близкимъ къ нему, которымъ онъ открываетъ свою душу. Въ этихъ письмахъ каждая черта, каждое слово, повидимому незначительныя, имѣютъ величайшую цѣну. То, что̀ кажется незначительнымъ для одного, другого можетъ повести къ весьма важнымъ соображеніямъ и заключеніямъ“ [1]). Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные источники для знакомства съ личностью Гоголя, какъ напр., воспоминанія разныхъ близкихъ къ нему лицъ, даже при возможной полнотѣ, не могутъ дать такого удовлетворительнаго средства слѣдить за постепеннымъ ходомъ этого развитія, такъ какъ всегда оставалось бы много субъективнаго въ самомъ выборѣ и даже передачѣ подробностей, которые могутъ зависѣть не только отъ произвола и личнаго взгляда разсказчика, но и отъ разныхъ случайныхъ причинъ, напр., отъ того, что̀ случайно лучше сохранилось въ его памяти, что̀ ему пріятно или непріятно было передавать; — помимо всего этого такія данныя во всякомъ случаѣ не имѣютъ полной убѣдительности несомнѣнныхъ фактовъ, какая неотъемлемо принадлежитъ письмамъ. Однимъ словомъ, если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъ-

[1]) „Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ“, т. VI, 1881 г., неоффиціальный отдѣлъ, стр. 2.

ясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, конечно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія. Это соображеніе получаетъ особенное значеніе, если имѣть въ виду постоянное появленіе новаго, и уже довольно богатаго матеріала въ нашихъ литературныхъ и историческихъ изданіяхъ. На пополненіе въ будущемъ существующихъ пробѣловъ въ письмахъ, казалось бы, также можно было бы надѣяться, особенно потому, что, по сознанію самого издателя, многія изъ нихъ не могли быть въ свое время опубликованы по разнымъ причинамъ, большею частью по самому характеру отношеній автора къ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ лицъ были живы во время выхода въ свѣтъ предпринятаго г. Кулишомъ изданія. Многихъ пропусковъ, по словамъ издателя, требовала часто самая скромность корреспондентовъ Гоголя, „не позволявшая обнаруживать передъ свѣтомъ душевныхъ достоинствъ, которыми онъ восхищался, и разныхъ семейныхъ отношеній, въ которыя онъ вникалъ, по своему всестороннему сочувствію“ [1]). Наконецъ, нѣкоторыя письма могли быть не напечатаны вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, какъ предполагаетъ А. Н. Пыпинъ. Но, къ сожалѣнію, не слѣдуетъ забывать, что если такимъ образомъ г. Кулишъ поддерживаетъ въ предисловіи къ своему изданію писемъ надежду на открытіе и обнародованіе въ будущемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя или не были у него подъ руками, но могли сохраниться у другихъ лицъ, или даже находились въ его распоряженіи, но не были своевременно напечатаны, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многое съ тѣхъ поръ могло быть утрачено безвозвратно даже изъ его далеко неполной коллекціи [2]). „Кто знаетъ“, говоритъ г. Лавровскій, „цѣлы ли теперь тѣ письма, изъ которыхъ издателемъ были сдѣланы извлеченія, и сколько успѣло уже

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 1.

2) Такъ М. П. Погодинъ заявилъ однажды печатно, что число писемъ къ нему Гоголя доходило до двухъ тысячъ, тогда какъ напечатано изъ нихъ только около пятидесяти (см. „Русск. Жизнь“, 1891, № 39).

сойти съ житейской сцены лицъ, которыя могли бы своевременно сообщить много интересныхъ свѣдѣній по личнымъ сношеніямъ съ авторомъ“ [1]). Проф. Лавровскій находитъ возможнымъ даже отчасти упрекать самого автора „Записокъ о жизни Гоголя“ за сдѣланные имъ выпуски и сокращенія. Но кромѣ собственнаго сознанія г. Кулиша въ неполнотѣ его изданія, о степени пробѣловъ въ немъ, по крайней мѣрѣ относительно юношеской, ученической переписки Гоголя, можно до нѣкоторой степени судить по довольно частымъ, хотя и отрывочнымъ указаніямъ въ письмахъ на содержаніе утраченныхъ предшествовавшихъ писемъ. А между тѣмъ эти указанія совершенно случайны, слѣдовательно, могли пропасть и такія письма, о существованіи которыхъ мы вовсе ничего не можемъ знать; впрочемъ, такихъ, вѣроятно, было не очень много. Укажемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ слѣдующіе факты. Въ неполнотѣ собранія мы могли бы убѣдиться уже на первыхъ страницахъ изданія г. Кулиша по письму Гоголя къ бабушкѣ, единственному во всемъ изданіи, хотя въ немъ Гоголь проситъ у нея извиненія за долгое молчаніе, что̀ можетъ служить явнымъ доказательствомъ, что и съ бабушкой Гоголь велъ, хотя и небольшую и непродолжительную, дѣтскую переписку, до насъ совершенно не дошедшую. Въ письмѣ къ родителямъ, написанномъ въ августѣ 1821 г., Гоголь говоритъ о своей тоскѣ послѣ разлуки съ ними и о томъ, что если онъ писалъ до наступленія каникулъ, что ему хорошо въ новомъ для него заведеніи, то теперь онъ чувствовалъ себя въ немъ совершенно иначе; опять предшествующее письмо, о которомъ здѣсь упоминается, не сохранилось. Отъ второго года пребыванія въ Нѣжинѣ сохранилось всего три письма, изъ которыхъ къ первой половинѣ года относится лишь одно отъ 7 января, а затѣмъ слѣдуетъ длинный промежутокъ до 10 октября,—больше девяти мѣсяцевъ. Въ письмѣ отъ 3 октября 1823 г. Гоголь напоминаетъ родителямъ просьбу прислать ему журналъ „Вѣстникъ Евр.“ съ обѣщаніемъ вскорѣ возвратить его („Покорнѣйше прошу не позабыть мнѣ прислать „Вѣстникъ Европы“, о которомъ я васъ просилъ въ предыдущемъ письмѣ“ [2]). Это опять новое ясное указаніе на

[1]) „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института“, 1881, стр. 3.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 10.

недостающее письмо, можетъ быть затерянное въ дорогѣ и не дошедшее по назначенію. Въ письмѣ отъ 22 января 1824 г. Гоголь извиняется передъ родителями въ томъ, что не посылаетъ обѣщанныхъ картинъ, и тутъ-же объясняетъ, что родители его не совсѣмъ поняли, что картины, нарисованныя пастельнымъ карандашемъ, не могутъ двухъ дней пробыть, чтобы не потереться, если онѣ не вставлены въ рамки. Между тѣмъ на рождественскіе праздники Гоголь въ этомъ году домой не ѣздилъ (хотя, какъ видно изъ писемъ, поѣздка и предполагалась [1]) и, слѣдовательно, не могъ иначе обѣщать прислать картину, какъ въ письмѣ; но такого письма, гдѣ бы было это обѣщаніе, мы у Кулиша опять не находимъ. Въ томъ же году въ письмѣ отъ 13 іюня Гоголь говоритъ: „Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предприменъ, о радостномъ нашемъ удовольствіи, о свиданіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочной предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій" [2]). Какъ ни мало серьезнаго значенія, по всей вѣроятности, заключается въ этихъ, почти еще дѣтскихъ строкахъ, но для наиболѣе полнаго знакомства съ исторіей внутренняго развитія нашего писателя было бы, можетъ быть, не безъинтересно знать, на что онъ здѣсь намекаетъ, если только рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не объ одной лишь поѣздкѣ домой и свиданіи съ родными. Нельзя, конечно, и тутъ не пожалѣть, что предыдущее письмо затеряно. Далѣе. Въ письмѣ, не имѣющемъ помѣты, но несомнѣнно относящемся къ половинѣ 1824 г., гдѣ оно и помѣщено въ изданіи Кулиша, читаемъ: „Извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать пріѣздъ мой сюда" [3]). Дѣло, очевидно, идетъ, о возвращеніи въ Нѣжинъ послѣ непродолжительнаго отпуска домой на лѣтнюю вакацію. Опять упоминаемаго и здѣсь письма

---

[1]) Въ слѣдующемъ году передъ Рождествомъ Гоголь писалъ: „Вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ не былъ дома" (т. V, стр. 16).

[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 13.

[3]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 9. Письмо это относимъ къ 1824 г. (см. „Указ. къ письмамъ Гоголя", I изд., стр. 50).

въ изданіи Кулиша не находимъ. Довольно, кажется, этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ притомъ лишь изъ перваго десятка страницъ, чтобы убѣдиться, что намъ неизвѣстны довольно многія письма Гоголя. Прибавимъ къ сдѣланному обзору только то, что многія письма могли пропасть на почтѣ, чрезвычайно неисправной въ то время, на что приходилось не разъ жаловаться Гоголю въ письмахъ къ матери изъ Нѣжина и послѣ; наконецъ,—что нѣкоторыя письма, доставляемыя помимо почты съ такъ называемой оказіей, весьма легко могли не доходить по назначенію, особенно когда довѣрялись такимъ аккуратнымъ исполнителямъ порученій, какъ нѣкто г. Тишевскій, о которомъ Гоголь пишетъ: „Досадно мнѣ было, что не получалъ такъ долго денегъ; большую нужду терпѣлъ въ нихъ; но теперь дѣло объяснилось: вы поручили письмо Тишевскому, такъ оно и теперь лежитъ въ Полтавѣ". (Письмо отъ 16 ноября 1826 года) [1]). Не отразились-ли подобныя впечатлѣнія и воспоминанія на той сценѣ „Ревизора", въ которой Растаковскій разсказываетъ Хлестакову, что слишкомъ долго не получалъ резолюціи по дѣлу о прибавочномъ пенсіонѣ. „Я послалъ черезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ, статься можетъ, что просьбу отнесъ не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, ужъ немного и ждать осталось: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро рѣшится" [2]). Тишевскій былъ также, какъ видно по тону письма, не то что недобросовѣстнымъ, а скорѣе неисправнымъ по своей безпечности коммиссіонеромъ. Таковы бывали и собственные повѣренные Гоголя. Посылались письма также черезъ другихъ знакомыхъ, Баженова, Черныша, черезъ какого-то Егора Ильича Баранова и черезъ людей его, черезъ товарища Гоголя, Данилевскаго, наконецъ черезъ собственныхъ крѣпостныхъ людей. Что подобныхъ случаевъ потери писемъ по милости чужой неаккуратности могло быть не мало, можно видѣть изъ того, что въ маѣ 1825 г. Гоголь говоритъ: „Я писалъ вамъ письмо черезъ людей господина Баранова, и не знаю, получили-ли вы его". Не ясно-ли, что случай, разсказанный Растаковскимъ, опирается на личныя

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 42.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 294.

воспоминанія Гоголя [1]). Почти черезъ годъ онъ удивляется (въ письмѣ отъ 14 мая 1826 г., стр. 32), что его письмо слишкомъ долго пробыло въ дорогѣ, и при томъ замѣчаетъ, что исправность почты вообще похвалить нельзя. Наконецъ въ письмѣ отъ 16 мая 1826 г. Гоголь говоритъ, что онъ въ первый разъ имѣлъ случай подивиться исправности полтавской почты. Такъ же неисправно получались, конечно, Гоголемъ и отвѣтныя письма. Наконецъ сколько писемъ могло быть затеряно или уничтожено самими лицами, ихъ получившими!... При всемъ томъ, повторяемъ, самымъ важнымъ изъ указанныхъ источниковъ слѣдуетъ считать все-таки переписку поэта, не преувеличивая, однако, слишкомъ ея значенія и помня слова самого Гоголя, что „письмо никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней также нельзя еще видѣть полнаго отраженія хода духовнагс развитія Гоголя, для уясненія котораго во многихъ отношеніяхъ даютъ много матеріала его литературныя произведенія. Такъ, напримѣръ, напрасно стали бы мы искать здѣсь болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія характеристическихъ признаковъ, отличавшихъ впослѣдствіи талантъ Гоголя; въ этихъ письмахъ ему долго почти не представлялось случая обнаруживать свою необыкновенную наблюдательность, природное остроуміе и веселость, которыми онъ, несомнѣнно, отличался еще въ дѣтствѣ. Для пополненія пробѣла должны, очевидно, служить другіе источники, и П. А. Кулишъ и Н. С. Тихонравовъ показали прекрасный примѣръ, какъ ими пользоваться.

Настоятельная потребность разобраться въ накопившемся матеріалѣ, обѣщающемъ еще многое впереди для разработки біографическихъ данныхъ, и обязанность основательно изучить его не можетъ въ настоящее время подлежать никакому сомнѣнію. Едва-ли оно противорѣчитъ уже и завѣщанію Гоголя „не спѣшить ни похвалою, ни осужденіемъ". Не задаваясь, разумѣется, самоувѣреннымъ притязаніемъ привести

[1]) „Соч. и письма Гог.", т. V, стр. 22. Впослѣдствіи также повторялись подобные случаи. См. письмо отъ 8 декабря 1831 г.: „Вы не получили моего письма, посланнаго отъ 13 октября, при которомъ слѣдовала вамъ на девяносто рублей посылка. Это наводитъ на меня новое недоумѣніе. Вы никакъ не упускайте этого изъ виду, сдѣлайте полтавскому почтмейстеру строгій допросъ". („Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 141).

въ исполненіе намѣченную нами очень и очень нелегкую задачу, мы беремъ на себя смѣлость предложить общественному вниманію только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ. При этомъ мы просимъ заранѣе извиненія въ мелочномъ характерѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, недостаточной, можетъ быть, доказательности другихъ, съ которыми мы рѣшаемся однако выступить, въ увѣренности, что если не общая группировка, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя отдѣльныя сопоставленія могутъ хотя нѣсколько пригодиться впослѣдствіи для чьей-нибудь другой, болѣе искусной и умѣлой разработки. Наша цѣль также по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и, такъ сказать, погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ, и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя, наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно - панегирическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлью ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святынею для каждаго образованнаго человѣка. Поставивши себѣ такую цѣль, мы сочли необходимымъ въ интересахъ точности и для облегченія удобной провѣрки каждымъ желающимъ нашихъ заключеній и выводовъ и опасаясь въ то же время подозрѣнія въ произвольности или невѣрности нѣкоторыхъ предположеній, для которыхъ мы, однако, имѣли свои основанія, сопровождать изложеніе частыми выписками и цитатами.

Мы сочли бы себя вполнѣ счастливыми, если бы намъ удалось въ извѣстной степени способствовать своей работой дальнѣйшему возрастанію интереса къ жизни и перепискѣ нашего великаго писателя, интереса, значительно уже возвысившагося теперь въ сравненіи съ недавнимъ временемъ,

когда изученіе одного изъ геніальнѣйшихъ представителей русской литературы находилось въ какомъ-то непонятномъ пренебреженіи [1]).

[1]) Одна изъ газетъ («Новое Время») почему-то недовольная появленіемъ въ печати обильныхъ матеріаловъ о Гоголѣ, съ досадой приписала уже мнѣ незаслуженную и преувеличенную честь возбужденія интереса къ изученію нашего великаго поэта, говоря, что оно началось съ моей «легкой руки». Но газетѣ дѣло представляется, очевидно, въ «упрощенномъ видѣ», тогда какъ можно было бы считать величайшей честью, если бы такой отзывъ былъ справедливъ на самомъ дѣлѣ и исходилъ изъ устъ болѣе компетентныхъ. Въ дѣйствительности же было не совсѣмъ такъ, что ясно видно между прочимъ изъ того, что въ числѣ недавно появившихся трудовъ о Гоголѣ были также весьма почтенныя иностранныя сочиненія, напр., Вогюе, Цабеля и другія, а также критическія статьи самого же г. Буренина и г. Ю. Николаева, не названныя мною въ предшествующемъ перечнѣ собственно потому, что они не относятся *непосредственно* къ источникамъ біографіи и имѣютъ совершенно иной характеръ.

ПРЕДКИ И РОДИТЕЛИ ГОГОЛЯ.

I.

ПРЕДКИ Н. В. ГОГОЛЯ. ЛИЧНОСТЬ И ВЛІЯНІЕ МАТЕРИ.

Въ одномъ изъ раннихъ произведеній Гоголя въ слѣдующихъ вдохновенныхъ строкахъ выразилось живое сочувствіе юнаго писателя родной украинской старинѣ и своимъ малороссійскимъ предкамъ. „Эхъ, старина, старина! Что̀ за радость, что̀ за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что̀ давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, или дѣдъ, или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни“ [1])... То же пламенное увлеченіе національными преданіями внушило Гоголю впослѣдствіи цѣлую поэму, въ которой яркая художественная картина блестящей эпохи казачества была согрѣта огнемъ задушевнаго чувства, жившаго глубоко въ душѣ автора.

Этими восторженно-поэтическими симпатіями къ предкамъ, однако, и ограничивалось отношеніе къ нимъ Гоголя и, насколько извѣстно, онъ никогда не интересовался, подобно Пушкину, своей генеалогіей. Въ числѣ „родичей“ его, правда, немного и нашлось бы людей не только выдающихся, но и вообще заслуживающихъ вниманія, хотя одинъ изъ нихъ былъ несомнѣнно замѣтнымъ дѣятелемъ своего времени и принималъ оживленное участіе въ политическихъ событіяхъ эпохи. Гоголь, конечно, увлекался больше общимъ поэтическимъ ко-

[1]) Соч. Гог., изд. X. т. I. стр. 81.

лоритомъ родной старины, не удѣляя особаго вниманія отдѣльнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о національномъ характерѣ и симпатіяхъ геніальнаго писателя, а также и объ отношеніяхъ его къ Украйнѣ и къ предкамъ не можетъ не представляться интереснымъ и существеннымъ при его изученіи.

Украйна была исконнымъ мѣстомъ жительства рода Гоголей, на что указываетъ находившееся въ ней, неподалеку отъ Кіева, село *Гоголевъ*, не разъ упоминаемое въ историческихъ документахъ, относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка. Около этого времени въ малороссійскихъ лѣтописяхъ встрѣчается и имя владѣльца этого села, Евстафія или Остапа Гоголя, сначала подольскаго полковника, позднѣе могилевскаго. Личность Остапа, не смотря на отсутствіе вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій, несомнѣнно можетъ быть признана недюжинной по своей энергіи и дарованіямъ. Послѣднее обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ виду факта, отмѣченнаго почтеннымъ историкомъ, изучившимъ эпоху Хмельницкаго, по словамъ котораго, „чѣмъ меньше въ это время власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ, или радой, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ болѣе усиливалось ихъ вліяніе на общественныя дѣла". Въ монографіи Н. И. Костомарова, „Иванъ Выговскій", не разъ упоминается имя полковника Гоголя; о немъ и ближайшихъ его сподвижникахъ покойный историкъ отзывается, какъ о людяхъ, получившихъ извѣстное образованіе. Но краснорѣчивѣе всего говоритъ въ пользу Остапа расположеніе и близость къ нему знаменитаго гетмана, довѣрившаго ему управленіе полкомъ [1]).

Дѣятельность Остапа, какъ лица подвластнаго и вынужденнаго соображаться съ обстоятельствами и волей сильныхъ, носила характеръ не вполнѣ самостоятельный въ силу внѣшнихъ условій; мы видимъ его то на сторонѣ Польши, то Москвы;

---

1) Имя Остапа упоминается въ первый разъ подъ 1655 г. въ краткой исторіи Малороссіи,—обыкновенно прилагаемой къ извѣстной малороссійской лѣтописи Самовидца и потому несправедливо считавшейся ея продолженіемъ,—гдѣ отмѣчено, что въ этомъ году татары съ поляками облегли въ Умани христіанскіе полки, и въ томъ числѣ полкъ Гоголя, а потомъ двинулись противъ Хмельницкаго на Ставищи и осадили его въ полѣ, которое послѣ прозвано Дрижиполемъ.

онъ постоянно готовъ былъ измѣнить ей, и если не тяготѣлъ преимущественно къ Рѣчи Посполитой, то, быть можетъ, просто дѣйствовалъ, сообразуясь съ обстоятельствами и оправдывая собой извѣстную невыгодную характеристику казаковъ его времени: „Черкасы—воровскіе люди".

По смерти знаменитаго его покровителя судьба Остапа была связана съ именами Выговскаго и особенно Дорошенка [1]).

Такимъ образомъ предки Николая Васильевича принадлежали къ старинному малороссійскому роду, получившему нѣкоторую извѣстность во времена Богдана Хмельницкаго.

Позднѣе родъ этотъ, подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ числѣ двухъ своихъ представителей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украйнѣ. Временное уклоненіе въ католицизмъ, очевидно, было вызвано щедрымъ королевскимъ даромъ Остапу, которымъ предоставлялось ему право наслѣдственнаго владѣнія надъ помѣстьемъ Ольховцами съ женой и сыномъ. Этимъ случайнымъ и эпизодическимъ обстоятельствомъ объясняется странное, повидимому, свидѣтельство дѣда нашего писателя, который, доказывая свое дворянское происхожденіе, выразился въ оффиціальномъ донесеніи, что „его предки, фамиліей Гоголи, польской націи". Онъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ, очевидно, только ближайшихъ представителей рода, такъ какъ указаніе на ихъ права болѣе соотвѣтствовало его цѣлямъ. Это былъ тотъ именно дѣдъ Гоголя, который, по мнѣнію біографа нашего писателя, былъ изображенъ въ Аѳанасіи Ивановичѣ Товстогубѣ [2]), и который въ дѣйствительности носилъ имя

---

[1]) Когда послѣ Хмельницкаго между казаками вспыхнула распря, обнаружившая затаенныя стремленія двухъ противоположныхъ партій, притихшихъ и на время успокоившихся при жизни славнаго гетмана, — между такъ называемыми *„значными"* казаками скоро обнаружились сторонники союза съ Польшей на новыхъ, федеративныхъ, основаніяхъ, которыя гарантировали бы для Малороссіи сохраненіе относительной политической свободы. Къ этой-то партіи и примкнулъ Остапъ, который, вѣроятно, сочувствовалъ воодушевлявшей ея идеѣ еще при жизни Хмельницкаго, долго колебавшагося въ выборѣ между примиреніемъ Малороссіи съ Польшей и присоединеніемъ къ Московскому государству. Впослѣдствіи Остапъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощниковъ Данилы Выговскаго (брата гетмана) при нападеніяхъ его на Кіевъ,

[2]) По другимъ свѣдѣніямъ прототипомъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны были старички Зарудные, сосѣди Гоголей.

Аѳанасія Демьяновича. Онъ былъ уже настоящій малороссъ и, конечно, не имѣлъ въ своемъ характерѣ ровно ничего польскаго.

Еще отецъ Аѳанасія Демьяновича былъ православный; онъ даже постригся, по окончаніи курса въ кіевской духовной семинаріи, въ священники въ родномъ селѣ Кононовкѣ (Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи), куда переселился изъ своихъ польскихъ помѣстій, „вышедши въ Россійскую сторону“, родитель его, Янъ Гоголь, воспитанникъ той же академіи. Въ честь послѣдняго потомка его стали называться Гоголи - Яновскіе. Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи этой фамильной прибавки, Гоголь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее „поляки выдумали“ [1]).

Вотъ почти все, что̀ извѣстно о предкахъ Гоголя. Такъ же скудны свѣдѣнія и объ отцѣ его, Василіи Аѳанасьевичѣ, о которомъ мы знаемъ почти только то, что онъ отличался веселымъ, добродушнымъ характеромъ и обладалъ отчасти сценическимъ талантомъ. Произведенія его цѣнилъ его геніальный сынъ уже въ возрастѣ юноши, въ бытность свою въ Петербургѣ, а въ дѣтствѣ, при жизни отца, ему нерѣдко случалось во время хлопотъ о театрѣ обращаться къ нему за совѣтами, какъ любителю и знатоку, опытному какъ въ игрѣ, такъ особенно въ постановкѣ пьесъ [2]).

когда Иванъ Выговскій, не оставляя своей уклончивой и лицемѣрной политики, прикрывался личиной преданности Москвѣ, замышляя въ то же время воспользоваться враждебнымъ настроеніемъ Украйны противъ москалей, чтобы произвести возстаніе. Однажды московскій воевода Шереметевъ доносилъ, что подольскій полковникъ вмѣстѣ съ другими пытались незамѣтно для москалей подступить къ Кіеву, но когда съѣхались съ московскими холопами, то не пошли далѣе и остановились за рѣчкой Лыбедью въ трехъ верстахъ отъ Кіева. Наконецъ, когда, послѣ пораженія своей партіи, Данила Выговскій принужденъ былъ удалиться въ лодкѣ за Днѣпръ, то бѣжавшіе драгуны укрылись отъ преслѣдованій *въ селѣ Гоголевѣ*. При избраніи же въ Переяславлѣ на гетманство Юрія Хмельниченка Гоголь явно выказалъ свое недовольство, усмотрѣвъ въ переяславскихъ статьяхъ что-то „новопридапное“, небывалое. Послѣднія лѣтописныя извѣстія объ Остапѣ представляютъ его уже энергическимъ сообщникомъ Дорошенка, который пользовался имъ въ переговорахъ съ Крымомъ и Царьградомъ. Въ заключеніе своей карьеры онъ получилъ отъ польскаго короля помѣстье Ольховцы въ награду за услуги, оказанныя Рѣчи Посполитой.

[1]) См. „Русскій Архивъ“, 1875, 1, 439.

[2]) Вмѣстѣ съ просьбой о присылкѣ полотна для театра Гоголь высказываетъ

Какъ авторъ нѣсколькихъ комедій изъ малороссійскаго быта, разыгранныхъ на домашней сценѣ его родственника Трощинскаго, онъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ развитію въ мальчикѣ эстетическаго вкуса и наклонности къ юмору, но во всякомъ случаѣ онъ умеръ слишкомъ рано, чтобы имѣть серьезное вліяніе на сына, которое поэтому едва ли могло оставить болѣе или менѣе глубокіе слѣды. Участіе его въ развитіи ребенка, кромѣ наслѣдственности, могло имѣть значеніе не столько самостоятельное и рѣзко выдающееся, сколько какъ отдѣльное звено въ общей совокупности условій, согласно дѣйствовавшихъ въ смыслѣ образованія личности.

Но если нельзя допустить болѣе дѣйствительнаго вліянія на Гоголя со стороны его отца, то любовь его къ послѣднему видна какъ изъ писемъ, при жизни его, такъ съ особенною яркостью проявляется въ нѣкоторыхъ письмахъ къ матери вскорѣ послѣ его смерти. Въ одномъ изъ нихъ Гоголь съ грустью говоритъ напр. о томъ, что онъ хотѣлъ послать свое сочиненіе и нѣсколько картинокъ папенькѣ, но «видно ему не угодно было ихъ видѣть" [1]). Въ другомъ письмѣ, проникнутомъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, рядомъ съ изліяніемъ самыхъ пылкихъ мечтаній о будущемъ, онъ вдругъ вспоминаетъ съ чувствомъ объ отцѣ, образъ котораго, по его словамъ, „одушевляетъ его въ трудномъ пути жизни и въ минуты горя разсвѣтляетъ сгустившіяся думы" [2]).

Не меньшею любовью Гоголя пользовалась и мать его, Марья Ивановна.

По нашему мнѣнію, отношенія Гоголя къ матери должны быть опредѣлены со всею точностью; они заслуживаютъ самаго тщательнаго и полнаго изученія, какъ по степени ихъ значенія, такъ и по мѣсту, занимаемому ими въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ еще возможно на основаніи существующихъ источниковъ. Много было говорено въ біографиче-

однажды надежду, что отецъ не откажется помочь ему въ приготовленіи костюмовъ.—О литературной дѣятельности Гоголя—отца см. въ „Русской Сценѣ" 1865, № 6 и 7. „Гоголь—отецъ". „Очерки украинской драматич. литературы" статья Маруси К. и въ „Основѣ", 1862, № 2, „Гоголь — отецъ, его комедія „Простакъ".

[1]) „Соч. и письма Гоголя", V, 21 стр.

[2]) Тамъ же, стр. 50.

скихъ статьяхъ о Гоголѣ о вліяніи на его развитіе всей родственной среды, особенно отца и дѣда, наконецъ самой домашней обстановки, воспитавшей въ немъ любовь къ Малороссіи и сообщившей его творчеству нѣкоторыя черты національнаго юмора. Но при этомъ постоянно упускалось изъ виду, что подобнымъ вліяніемъ до нѣкоторой степени онъ могъ быть обязанъ въ раннемъ возрастѣ и матери, напр. она также отличалась, по словамъ Гоголя (въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ писемъ), въ довольно почтенной степени знакомствомъ съ малороссійскимъ бытомъ [1]). Въ образованіи *нравственной личности Гоголя* изъ всѣхъ близкихъ къ нему людей едва ли не ей принадлежитъ главное мѣсто, о чемъ можно предполагать уже по продолжительности этого вліянія, сохранявшаго свою силу въ самый важный періодъ образованія характера сына. Во время его юности она являлась, какъ видно изъ писемъ, наиболѣе интимною его собесѣдницей, такъ какъ ей онъ повѣрялъ занимавшія его мысли и томившія заботы. Ее онъ называетъ въ письмѣ къ Косяровскому ангеломъ-хранителемъ своимъ, рѣдкою матерью, также великодушною, достойнѣйшею изъ всѣхъ матерей [2]).

Важнѣйшія данныя для опредѣленія степени и характера вліянія на Гоголя его матери даетъ намъ одно изъ петербургскихъ его писемъ, когда онъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, оглядываясь на прошедшее, дѣлаетъ довольно обстоятельную оцѣнку первоначальнаго своего воспитанія. Искренній и свободный отъ какихъ бы то ни было панегирикъ тонъ письма дѣлаетъ его особенно интереснымъ. Озабоченный будущностью одной изъ меньшихъ сестеръ и раздѣляя о ней попеченія матери, Гоголь даетъ послѣдней практическіе совѣты, то рекомендуя пользоваться уже испытанными на себѣ педагогическими пріемами, то напротивъ предостерегая отъ повторенія сдѣланныхъ уже однажды ошибокъ. Въ ряду мнѣній, высказанныхъ имъ по этому поводу, особенное вниманіе обращаетъ на себя между прочимъ, вѣроятно, не лишенный основанія упрекъ въ неумѣломъ обращеніи съ нимъ,—упрекъ, объясняющій многое въ сложившемся у него характерѣ. Изъ собственнаго со-

---

1) „Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ. Вы много знаете нравы и обычаи Малороссіянъ нашихъ“. (V т., стр. 81).

2) „Русск. Стар.“, 1875, I, 43—44.

знанія Гоголя можно убѣдиться, что позднѣйшее его самомнѣніе было до нѣкоторой степени естественнымъ и весьма обычнымъ плодомъ неумѣреннаго обожанія и излишней нѣжности, которыми часто окружаютъ своихъ первенцевъ неопытныя матери. „Я помню“, говоритъ онъ, „я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство“ [1]). При подобномъ воспитаніи подъ вліяніемъ различныхъ условій и неодинаковыхъ природныхъ задатковъ, какъ извѣстно, люди выходятъ или крайними эгоистами, или по крайней мѣрѣ чрезмѣрно самонадѣянными, если они не лишены души и сердца. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ, можетъ быть, отнести Гоголя. Въ общемъ сдѣланная имъ оцѣнка собственнаго воспитанія оказалась очень сочувственная и, конечно, не безъ основанія. Не стѣсняясь серьезно и искренно указывать нѣкоторые недостатки въ своемъ воспитаніи, онъ даетъ о немъ отзывъ, полный любви и благодарности, и съ увлеченіемъ восклицаетъ: „Я очень помню, какъ вы меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня“. Особенное одобреніе и сочувствіе возбуждаютъ въ немъ воспоминанія разсказовъ матери о страшномъ судѣ, которые въ немъ „потрясли и разбудили всю чувствительность, заронили впослѣдствіи самыя высокія мысли“.

Основа религіознаго чувства, имѣвшаго столь важное значеніе въ жизни Гоголя и наложившаго яркій отпечатокъ на всѣ его взгляды и убѣжденія, была заложена, слѣдовательно, по его собственному сознанію, еще въ раннемъ дѣтствѣ все тою же заботливою и любящею матерью. При несомнѣнно искреннемъ благочестіи она, естественно, не могла не обратить особеннаго вниманія на эту важнѣйшую задачу воспитанія. Впрочемъ путь и пріемы, которыми она стремилась возбудить въ ребенкѣ религіозное чувство, не были вполнѣ одобрены Гоголемъ, находившимъ, что родители рѣдко бываютъ вполнѣ хорошими воспитателями своихъ дѣтей, и что мать его не составляла исключенія изъ общаго правила. Высказывая эту мысль, Гоголь имѣлъ въ виду, кромѣ упомянутаго недостатка

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 186.

въ обращеніи съ нимъ, способствовавшаго, какъ мы видѣли, развитію самонадѣянности, также неправильное развитіе религіознаго чувства; онъ возражаетъ противъ излишняго формализма, выразившагося въ заботахъ пріучить ребенка прежде всего къ неуклонному почитанію обрядовой стороны, при невниманіи къ надлежащему объясненію непонятной для дитяти сущности религіи. „На все глядѣлъ я безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня, но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся“...

Такимъ образомъ въ разобранномъ письмѣ указаны до нѣкоторой степени свѣтлыя и темныя стороны первоначальнаго воспитанія нашего писателя матерью *). Но если для

*) О нравственной атмосферѣ, окружавшей Гоголя въ семьѣ, мы можемъ съ полной достовѣрностью утверждать, что это была атмосфера весьма скромная и вполнѣ хорошая, здоровая и чистая, такъ какъ единственнымъ неблагопріятнымъ условіемъ въ ней для моральнаго развитія Гоголя было лишь то, что, какъ мы сказали, онъ былъ балованнымъ ребенкомъ, для котораго дѣлалось все возможное, котораго любили и, какъ говорится, носили на рукахъ... По письмамъ Гоголя къ матери нѣкоторые догадываются, что въ семейной деревенской обстановкѣ его родителей былъ *еще одинъ нежелательный и вредный элементъ*, присутствіе котораго въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ онъ считалъ впослѣдствіи положительно вопіющимъ. Вѣроятно, недаромъ онъ предостерегалъ потомъ свою мать отъ вреднаго вліянія на младшихъ дѣтей со стороны дѣвичьей. Онъ энергически настаивалъ, чтобы сестру его Ольгу „отдалили отъ дѣвичьей“, „чтобы она туда *никогда не заходила*“ [1]). Когда ту же сестру его отдали въ пансіонъ, то Гоголь снова энергично настаиваетъ на высказанной имъ уже раньше мысли: „хорошо, что вы не даете съ нею дѣвки. Это совершенно не нужно. Особенно подтвердите мадамѣ, чтобы она держала ее при себѣ или съ другими дѣтьми, но чтобы отнюдь не обращалась она съ дѣвками“ [2]). Эти сопоставленія, ускользнувшія отъ нашего вниманія при первомъ изданіи книги, мы нашли въ статьѣ неизвѣстнаго намъ автора статьи: „Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ Погодину“ („Русская Жизнь“, 1891, № 53).—Недоумѣваемъ, какъ могъ авторъ статьи рѣшиться рядомъ съ этими сопоставленіями прибавить, что *недаромъ* писалъ Гоголь матери въ 1829 г. изъ Петербурга: „нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома“ [3]). Этотъ и дальнѣйшіе намеки касаются столь щекотливыхъ подробностей юношеской жизни, что выдвигать ихъ едва-ли полезно и нужно, какъ и нѣкоторыя игривыя недомолвки Гоголя въ интимныхъ пись-

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 185 и 187.

2) Тамъ же, стр. 190.

3) Тамъ же, стр. 96.

нас не можетъ не представлять извѣстнаго интереса этотъ искренній отзывъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что случайная характеристика безъ другихъ свѣдѣній въ высшей степени недостаточна. Поэтому считаемъ умѣстнымъ остановиться подробнѣе на ознакомленіи съ личностями обоихъ родителей Гоголя и привести нѣкоторыя данныя для знакомства съ образомъ жизни Марьи Ивановны Гоголь и ея отношеніями къ сыну на основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи неизданныхъ писемъ ея къ одному изъ наиболѣе близкихъ и любимыхъ ея родственниковъ, къ ея двоюродному брату, Петру Петровичу Косяровскому. По своему содержанію письма эти представляютъ почти исключительно фамильный интересъ, но они могутъ имѣть значеніе по нѣкоторымъ заключающимся въ нихъ даннымъ, имѣющимъ цѣну въ качествѣ біографическаго матеріала [1]). Въ этихъ письмахъ передъ читателемъ живо рисуется простая, но въ то же время умная и симпатичная личность Марьи Ивановны и отчасти та патріархальная среда, въ которой росъ и воспитывался будущій нашъ первоклассный писатель.

махъ къ товарищамъ,—тѣмъ болѣе, что все это могло быть сказано въ шутку и многое нуждалось бы въ подтвержденіи, если бы того заслуживало. Мы съ своей стороны не беремъ на себя останавливаться на этомъ, а равно и въ дальнѣйшемъ изложеніи — на нѣкоторыхъ двусмысленныхъ подробностяхъ гимназической распущенности въ Нѣжинѣ, въ которой, какъ признается и авторъ статьи, Гоголь едва ли былъ повиненъ, „будучи увлеченъ вовсе не въ ту сторону“.

[1]) Въ нихъ, напримѣръ, находимъ любопытное свѣдѣніе объ одной изъ причинъ, побудившихъ Гоголя поспѣшно вернуться изъ перваго заграничнаго путешествія. См. мой „Указатель къ письмамъ Гоголя,“, изд. I, стр. 75.

II.

СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ И БЫТѢ РОДИТЕЛЕЙ ГОГОЛЯ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ при разработкѣ матеріаловъ для біографіи какой-либо исторической личности справедливо считается разъясненіе тѣхъ разнообразныхъ вліяній, которымъ она подвергалась съ самаго появленія своего на свѣтъ. Все это представляется не только самою важною, но и самою трудною стороною при изученіи, нуждающеюся въ особенно тщательномъ и серьезномъ къ ней отношеніи и въ строгомъ выборѣ матеріала, такъ какъ преждевременные выводы и обобщенія могутъ иногда не только не принести пользы, но и причинить существенный вредъ. Вотъ та точка зрѣнія, руководствуясь которою, мы рѣшаемся, на основаніи новыхъ, еще не бывшихъ въ печати источниковъ, подвергнуть пересмотру и дополнить разрозненныя свѣдѣнія о родителяхъ Гоголя, отмѣчая при случаѣ тѣ черты ихъ характеровъ, которыя могъ унаслѣдовать ихъ геніальный сынъ. Само собою разумѣется, что въ предлагаемомъ очеркѣ нельзя ожидать не только полнаго освѣщенія всѣхъ сторонъ ихъ жизни, но и желательной равномѣрности въ отношеніи подробностей изложенія, такъ какъ на характерѣ и размѣрахъ его неизбѣжно отражается отрывочность и случайность матеріала, бывшаго въ нашихъ рукахъ.

I.

Скудныя свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать объ отцѣ Гоголя, сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что это былъ человѣкъ выросшій и проведшій всю жизнь въ скромной деревенской обстановкѣ, преданный всей душой семьѣ и роднымъ и не чуждый того мечтательнаго романтизма, который въ старину нерѣдко находилъ себѣ пріютъ въ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества. Природа щедро одарила его,

какъ бы предназначивъ для широкаго поприща и серьезной умственной дѣятельности, но судьба и обстоятельства жизни не допустили замѣтно выдѣлиться изъ толпы обыкновенныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Ему, повидимому, не приходило и на мысль мечтать о литературной извѣстности; ни личный характеръ, чрезвычайно скромный и удовлетворяющійся немногимъ, ни весь складъ жизни не представляли данныхъ для честолюбія этого рода. Совершенно случайное обстоятельство вызвало творчество Василія Аѳанасьевича, но даже и при этихъ условіяхъ историки украинской литературы отводятъ ему почетное мѣсто въ своихъ трудахъ, и смѣло можно утверждать, что мимо, такъ сказать, рекомендаціи со стороны знаменитаго сына, однѣми комедіями-шутками его имя было бы спасено отъ забвенія.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь родился въ 1780 г. въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ Купчинскомъ, близъ рѣки Голтвы, въ сотнѣ Шишацкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ былъ по его имени названъ Васильевкой, а по прибавочной фамиліи— Яновщиной. Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, касающихся ранняго его дѣтства; извѣстно только, что онъ былъ сынъ войскового писаря и воспитаніе получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, какъ въ единственномъ тогда заведеніи родного города. „Мужъ мой“,—говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ жена его, Марья Ивановна, - „учился въ Полтавѣ, гдѣ еще не было, кромѣ семинаріи, ничего“. При такомъ отзывѣ Марьи Ивановны, мнѣніе которой могло быть отголоскомъ мнѣнія мужа, можно думать, что развитіемъ своихъ способностей Василій Аѳанасьевичъ былъ обязанъ почти только личной любознательности и живому, наблюдательному уму. Въ этомъ отношеніи судьба его чрезвычайно походитъ на судьбу его знаменитаго сына. Послѣдній, впрочемъ, благодаря исключительному положенію школы, въ которой воспитывался, встрѣтилъ въ ней довольно развитое товарищество, тогда какъ Василій Аѳанасьевичъ, конечно, не могъ особенно похвалиться и въ этомъ отношеніи... Къ счастью, онъ имѣлъ умнаго, хорошо образованнаго отца. Аѳанасій Демьяновичъ, хотя и не принадлежалъ уже къ духовному званію, подобно двумъ ближайшимъ своимъ предкамъ, изъ которыхъ одинъ, какъ мы видѣли, былъ даже служителемъ алтаря, но также, какъ названные предки, прошелъ

черезъ семинарію и завершилъ свое образованіе въ Кіевской духовной академіи. Сохранились воспоминанія, указывающія на то, что Аѳанасій Гоголь получилъ въ академіи настолько основательное для своего времени образованіе, что считался знатокомъ языковъ, особенно латинскаго и нѣмецкаго, которые преподавалъ дѣтямъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. О самой женитьбѣ его разсказываютъ анекдотъ, что онъ похитилъ изъ родительскаго дома любимую свою ученицу, Татьяну Семеновну Лизогубъ, дочь бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, по матери изъ фамиліи Танскихъ. Онъ предварительно объяснился ей въ любви, скрывъ записку въ скорлупѣ грецкаго орѣха, и, удостовѣрившись во взаимности, обвѣнчался съ нею безъ вѣдома родителей. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ единственный извѣстный случай изъ жизни дѣда нашего безсмертнаго писателя, изображенный послѣднимъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ [1]). Для насъ особенно важно, что родъ Гоголей-Яновскихъ отличался интеллигентностью и любовью къ умственнымъ занятіямъ. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, какъ сынъ помѣщика, уже гораздо меньше заботился о своемъ образованіи. Не предназначая себя по окончаніи курса въ семинаріи къ духовному званію, онъ не пошелъ по примѣру отца и дѣда въ академію [2]) и считалъ свое образованіе законченнымъ. Старинная рутина помѣщичьяго благодушія и скудный выборъ дорогъ при опредѣленіи карьеры побуждали въ тѣ времена большинство молодыхъ людей, не задумываясь о призваніи, идти по слѣдамъ окружающихъ; почти всѣ они посвящали себя сельскому хозяйству и спокойно оставались на всю жизнь въ имѣніяхъ. На девятомъ году отъ роду молодой Гоголь былъ зачисленъ (номинально) въ военную службу корнетомъ, но позднѣе былъ переименованъ гражданскимъ чиномъ и перешелъ на службу въ малороссійскій почтамтъ [3]). По выходѣ въ отставку

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что Аѳанасій Демьяновичъ и жена его послужили исключительно прототипами для Аѳанасья Ивановича и Пульхеріи Ивановны, большое сходство съ которыми представляли также, какъ было сказано, старички Зарудные и многіе другіе.

[2]) Ниже мы встрѣтимъ противорѣчащее этому показаніе; но трудно теперь установить истину. Мы основываемся въ данномъ случаѣ на запискахъ М. И. Гоголь.

[3]) Свѣдѣніе это заимствуемъ изъ статьи Лазаревскаго: „Очерки малороссійскихъ фамилій“ („Русск. Архивъ“, 1875 г., 4, 452). Непонятнымъ можетъ по-

до самой женитьбы онъ долженъ былъ помогать родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ заботахъ и большую часть времени употреблялъ на исполненіе разныхъ мелкихъ порученій. Часто приходилось ему ѣздить въ сосѣднія деревни, особенно Сорочинцы, а когда родители уѣзжали изъ Яновщины, на обязанности молодого человѣка лежало занимать гостей. Вообще онъ игралъ въ домѣ второстепенную роль панычa, которою совершенно удовлетворялся. Самымъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни Василія Аѳанасьевича была, конечно, его женитьба на Марьѣ Ивановнѣ Косяровской. Здѣсь особенно высказала себя его романтическая натура. Уцѣлѣвшая небольшая переписка съ невѣстой, а потомъ женой, знакомитъ непосредственно съ его личностью и отчасти со степенью его литературнаго образованія. Чтеніе распространенныхъ тогда сентиментальныхъ романовъ должно было оставить замѣтные слѣды въ его душѣ, если въ минуты страстныхъ изліяній у него вырываются выраженія, отзывающіяся складомъ литературныхъ произведеній его времени. Такія выраженія, какъ „наша дружба основана на священныхъ правилахъ честности", или „я долженъ прикрывать видомъ веселости сильную печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній", даже выборомъ словъ напоминаютъ стиль карамзинскихъ повѣстей и писемъ... Съ будущей своей женой Василій Аѳанасьевичъ былъ знакомъ еще въ дѣтствѣ; какъ сосѣди, они часто видали другъ друга; но когда красивая дочь помѣщика Косяровскаго, получившая впослѣдствіи отъ тетки своей Трощинской за нѣжный цвѣтъ лица прозваніе бѣлянки, стала подростать,— она произвела сильное впечатлѣніе на своего романтика-сосѣда. Въ сердцѣ Василія Аѳанасьевича вспыхнула страсть, увѣнчавшаяся счастливымъ брачнымъ союзомъ, не омраченнымъ ничѣмъ въ продолженіе почти двадцатилѣтней супружеской жизни и оставившимъ въ пережившей мужа подругѣ жизни навсегда самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія. Марья Ивановна втайнѣ отвѣчала на пылкое увлеченіе жениха, но при всемъ томъ не рѣшалась даже читать его письма, которыя она почтительно передавала нераспечатанными отцу или теткѣ. Приводимъ здѣсь

казаться, какимъ образомъ служба Гоголя отнесена къ 1788 г. (ему было тогда всего 8 лѣтъ); разъясненія см. въ приложеніяхъ въ концѣ книги.

вполнѣ эти записки В. А. Гоголя къ невѣстѣ, писанныя на обрывкахъ простой синей бумаги.

1. „Единственный другъ! Итакъ я, полагаясь на ваши увѣренія, осмѣливаюсь назвать васъ другомъ, а болѣе чувствую удовольствіе, что вы, свято почитая добродѣтель, чувствуете цѣну таковой дружбы, основанной единственно на священныхъ правилахъ честности. Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ скукѣ — только къ вамъ писать, а видѣться съ вами нескоро буду. Мои родители ѣдутъ къ вамъ, а я остаюсь дома съ гостьми, а потомъ всюду съ унылымъ сердцемъ по дѣламъ изъ дому. Одно мнѣ осталось облегченіе — видѣть хоть въ одной строкѣ дѣйствіе души вашей. Не лишите меня сего счастія увѣдомить о вашемъ здоровьѣ: оно составляетъ мою жизнь и благополучіе. Прощайте, вашъ вѣчно вѣрный другъ Василій“.

2. „Къ великой моей горести я не могу съ вами ничего поговорить, долженъ холодно обходиться и прикрывать видомъ веселости сильную любовь и печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній! Ахъ, можетъ, вы меня не любите! можетъ, вы перемѣнили ужъ свое намѣреніе, но я ничего не знаю, и отчаяніе ежеминутно терзаетъ мое сердце. Я сегодня долженъ ѣхать, не говоря съ вами! О, какъ несносна для меня сія разлука, тѣмъ болѣе, что я не увѣренъ въ вашей любви. Увѣрьте меня хоть однимъ словомъ, пожалѣйте несчастнаго! Прощайте, вашъ вѣчно усердный Василій“.

3. „Вы мнѣ не отвѣчали на мою записку! вы меня не жалѣете! Ахъ, когда бы вы знали, какая горесть снѣдаетъ меня! Я не могу уже скрыть своей печали. О, несчастнѣйшій, что̀ я сдѣлалъ! Я васъ огорчилъ! Вы меня не простили! Какъ я могу отсюда [1]) удалиться, покуда вы меня не простите! Пожалѣйте! простите! Удостойте меня одной строчки—и я благополученъ. Болѣе не могу писать: перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ....“

4. „Единственный другъ! Нѣкоторая надобность заставляетъ меня пробыть здѣсь [2]) до обѣда. Но я сказалъ вчера тетушкѣ, что рано поѣду и что у васъ не буду. Ахъ, какъ бы я же-

[1]) Изъ Яресокъ.

[2]) Въ селѣ Яресках, гдѣ жила тетка Марьи Ивановны; писано съ квартиры.

лалъ еще васъ увидѣть! Но совѣстно перемѣнять уже то, что̀ сказалъ. Однакожъ тетушка хотѣла писать матушкѣ. Можетъ, вы будете писать; я посылаю нарочнаго человѣка. О, когда бы мнѣ приказали придти за письмомъ! Прощайте, я не могу выразить, что̀ со мною дѣлается. О Боже, какъ я отсюда выѣду! Прошу васъ, пожалѣйте несчастнаго! Не забудьте вашего вѣчно вѣрнаго друга Василія".

5. „Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастія сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій въ свѣтѣ другъ! Прошу васъ быть здоровой и не безпокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никто въ свѣтѣ не можетъ столь сильно любить, сколько любитъ васъ и почитаетъ вашъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ несчастный Василій. Я завтра ѣду въ Сорочинцы и всячески буду поспѣшать, чтобы скорѣе увидѣться съ вами"

Приписка сбоку:

„Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу".

Но что за личность была невѣста, эта вдохновительница нашего пламеннаго романтика? Съ нею и съ отношеніями ея къ жениху мы знакомимся изъ отрывочныхъ воспоминаній, набросанныхъ ею въ старости, по просьбѣ извѣстнаго біографа ея сына, П. А. Кулиша.

„Дѣтства своего",—разсказываетъ она въ этихъ запискахъ, „я почти не помню. Отецъ мой былъ женатъ на Марьѣ Ильиничнѣ Шостакъ, служилъ въ военной службѣ, простудился и потерялъ одинъ глазъ, что̀ заставило его выйти въ отставку. Потомъ отецъ мой служилъ въ Орлѣ и оставилъ меня полуторамѣсячной у тетки Анны Матвѣевны Трощинской (сестры отца моего, Ивана Матвѣевича Косяровскаго; у него былъ еще братъ Петръ Матвѣевичъ [1]). У нея былъ сынъ, который служилъ въ Петербургѣ; онъ очень любилъ меня. Тетка сама учила меня, какъ могла. Когда отецъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ за мной, я мало знала родителей и мнѣ очень не хотѣлось оставлять тетку; я много плакала. Дома въ хуторѣ (въ семи верстахъ отъ Васильевки) я увидѣла сестру и брата; но очень грустила за теткой (ма-

[1]) Отецъ Павла и Петра Петровичей Косяровскихъ, о которыхъ см. ниже.

лороссіанизмъ вмѣсто—по теткѣ), которая опять взяла меня и я у нея оставалась до двѣнадцати лѣтъ. Потомъ отецъ получилъ мѣсто почтмейстера въ Харьковѣ и взялъ меня отъ тетки, гдѣ я начала учиться съ братомъ, но скоро доктора совѣтовали отцу оставить службу, если не хочетъ потерять совершенно зрѣнія, и мы опять пріѣхали въ свой хуторъ. Въ это время сосѣдъ мой по деревнѣ, будущій мужъ мой, пріѣхалъ къ отцу посовѣтоваться о службѣ въ Харьковѣ. Отецъ мой, указывая на насъ, дѣтей, въ разговорѣ сказалъ: „вотъ моя забота!". Онъ же (Василій Аѳанасьевичъ) подумалъ, глядя на меня: „отъ одной-то я скоро избавлю васъ!" Такъ онъ послѣ мнѣ разсказывалъ. Тогда мнѣ было всего тринадцать лѣтъ. Я чувствовала къ нему что-то особенное, но оставалась спокойной и думала только о теткѣ, моей второй матери, которой я много разсказывала о своей жизни въ Харьковѣ. Женихъ мой часто навѣщалъ насъ (у тетки, въ мѣстечкѣ Ярескахъ). Онъ иногда спрашивалъ меня, могу ли я терпѣть его и не скучаю ли съ нимъ. Я отвѣчала, что мнѣ съ нимъ пріятно, и дѣйствительно, онъ былъ всегда очень любезенъ и внимателенъ ко мнѣ съ самаго дѣтства. Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Пслу, то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь въ садахъ. Когда я разсказывала объ этомъ тетушкѣ, она, улыбаясь, говорила: „вотъ кстати ты вышла гулять! Онъ такъ любитъ природу и, пользуясь хорошей погодой, наслаждается музыкой. Но ты больше не ходи гулять такъ далеко отъ дому". Одинъ разъ, не найдя меня дома, онъ пошелъ въ садъ. Увидя его, я задрожала, какъ въ лихорадкѣ, и вернулась домой. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня, люблю ли я его; я отвѣчала, что люблю, какъ всѣхъ людей. Удивляюсь, какъ я могла такъ скрывать свои чувства на четырнадцатомъ году. Когда я ушла, онъ сказалъ теткѣ, что очень желалъ бы жениться на мнѣ, но сомнѣвается, могу ли я любить его. Она отвѣчала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой, что она увѣрена, что я люблю его, потому что скучаю, когда долго его не вижу, а что я такъ отвѣчала потому, что боюсь мужчинъ, наслышавшись отъ нея, какіе они бываютъ лука-

вые. Когда онъ уѣхалъ, тетка позвала меня и передала мнѣ его предложеніе. Я сказала, что боюсь, что подруги будутъ смѣяться надо мной; но она меня урезонила, и насъ сговорили. Родители взяли меня къ себѣ, чтобы приготовить кое-что, и я уже не такъ скучала, потому что женихъ мой часто пріѣзжалъ, а когда не могъ пріѣхать, то писалъ письма, которыя я, не распечатывая, отдавала отцу. Читая ихъ, онъ, улыбаясь, говорилъ: „видно, что начитался романовъ!“ Письма были наполнены нѣжными выраженіями, и отецъ диктовалъ мнѣ отвѣты. Письма жениха я всегда носила съ собой. Свадьба наша назначалась черезъ годъ. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, насъ перевѣнчали въ мѣстечкѣ Яресках; потомъ мужъ мой уѣхалъ, а я осталась у тетки, оттого что еще была слишкомъ молода; потомъ гостила у родителей, гдѣ часто съ нимъ видалась. Но въ началѣ ноября онъ сталъ просить родителей отдать ему меня, говоря, что не можетъ болѣе жить безъ меня. Такъ вмѣсто году я пробыла у нихъ одинъ мѣсяцъ. Они благословили меня и отпустили. Онъ меня привезъ въ деревню Васильевку, гдѣ встрѣтили насъ отецъ и мать. Они приняли меня какъ родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надѣвала на меня свои старинныя вещи. Любовь ко мнѣ мужа была неописанная; я была вполнѣ счастлива. Онъ былъ старѣе меня на тринадцать лѣтъ. Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома».

Такъ просто ведетъ Марья Ивановна задушевную повѣсть о красныхъ дняхъ своей жизни, не вдаваясь въ лишнія подробности и не теряя нити воспоминаній. Свободно и легко изливается на бумагу эта исповѣдь сердца и естественность придаетъ прелесть разсказу. Подобныя отношенія счастливой супружеской четы еще не особенная рѣдкость, но не всегда они выдерживаютъ продолжительный искусъ и не всякая женщина способна такъ занимательно и толково изобразить ихъ. Сравнивая это плавное изложеніе съ пріемами рѣчи Марьи Ивановны въ обыденныхъ письмахъ, невольно дивишься и чистому языку (за исключеніемъ немногихъ провинціализмовъ) и нѣкоторому мастерству разсказа для женщины такого скромнаго образованія. Сила искренняго чувства и правдивость открытой души помогли ей справиться съ непривычкой къ правильному выраженію мыслей, а глубокая привязанность къ покойному мужу, тогда уже полвѣка лежавшему въ мо-

гилѣ, не допустила ее до рисовки и аффектаціи, неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ кроется фальшь.

Замѣчательно, что самый бракъ съ ея „единственнымъ другомъ" представлялся Марьѣ Ивановнѣ освященнымъ свыше. Въ другомъ мѣстѣ она передаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Четырнадцати лѣтъ меня выдали за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, не имѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моего дѣтства". („Записки о жизни Гоголя", т, 1, стр. 17). Такимъ образомъ чувство любви къ мужу имѣло у нея и нѣкоторую мистическую окраску.

Бракосочетаніе совершилось въ 1808 году. Молодые зажили счастливой семейной жизнью и въ ветхомъ деревенскомъ домикѣ Яновщины царствовали миръ и согласіе. Характеры обоихъ супруговъ въ высшей степени благопріятствовали полному ладу между ними. Василій Аѳанасьевичъ въ домашней сферѣ отличался замѣчательной мягкостью и добротой, такъ что никто въ домѣ не чувствовалъ суровой власти господина. Легко представить себѣ, какъ любили его свои, когда и посторонніе находили въ его обществѣ отраду и отдыхъ. Таковъ же онъ былъ въ обхожденіи съ прислугой и крѣпостными; всѣ случайныя ихъ неловкости и проступки онъ обращалъ въ шутку, будучи не охотникомъ до строгихъ взысканій. Не станемъ распространяться о гостепріимствѣ Василія Аѳанасьевича, такъ какъ оно достаточно извѣстно; замѣтимъ только, что, можетъ быть, слишкомъ выдвигаютъ обыкновенно неотразимо обаятельное дѣйствіе, которое его личность производила на окружающихъ. Вѣрное въ своемъ основаніи, такое представленіе грѣшитъ поэтическимъ преувеличеніемъ. Проще и вѣрнѣе характеризуетъ его по воспоминаніямъ извѣстный товарищъ и лучшій другъ Н. В. Гоголя, А. С. Данилевскій, слѣдующими словами: — „онъ былъ человѣкъ въ высшей степени интересный, безподобный разсказчикъ". Эта-то способность его и была, конечно, причиной, что Трощинскій сталъ побуждать его впослѣдствіи сочинять пьесы для сцены.

Несомнѣнно, что, въ свою очередь, и Василій Аѳанасьевичъ нашелъ въ окружающей средѣ много добраго и привлекатель-

наго и это все болѣе и болѣе должно было привязывать его къ домашнему очагу и направлять по той дорогѣ, которую указали ему обстоятельства.

Деревню онъ оставлялъ крайне неохотно для рѣдкихъ поѣздокъ въ Полтаву и Миргородъ, но оставался тамъ недолго и всегда спѣшилъ къ семьѣ. Однажды только рѣшился было онъ оставить Яновщину для службы въ губернскомъ городѣ, но и тогда единственной побудительной причиной было желаніе служить при вліятельномъ родственникѣ. Это было въ 1806 году, когда Д. П. Трощинскій, выйдя въ отставку, переселился изъ Петербурга въ свое помѣстье Кибинцы (Миргородскаго повѣта) и былъ избранъ полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе маршалы, или предводители. Гоголь занялъ при немъ мѣсто секретаря, но скоро соскучился и вышелъ въ отставку. Не будь Трощинскаго, Василію Аѳанасьевичу не пришло бы и въ голову переѣзжать въ городъ и надѣвать чиновничій мундиръ. Не смотря на ограниченность средствъ, въ службѣ онъ не нуждался, и, чуждый по природѣ мелкаго честолюбія, никогда серьезно ея не искалъ. Въ другой разъ подумывалъ Василій Аѳанасьевичъ уже со всѣмъ семействомъ двинуться въ Полтаву и ради воспитанія дѣтей просить должности. Это было въ то время, когда онъ отдавалъ своихъ сыновей въ гимназію. Но здѣсь главную роль играла, конечно, родительская нѣжность; по крайней мѣрѣ, онъ легко отказался отъ своей мысли, когда по смерти одного изъ сыновей ему удалось устроить другого въ Нѣжинѣ, а такъ какъ вскорѣ, благодаря ходатайству всесильнаго Трощинскаго передъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, послѣдній принялъ на себя безплатное обученіе Никоши, то больше для переѣзда въ городъ не представлялось уже ни малѣйшаго повода.

Большое разнообразіе было внесено въ мирную жизнь Гоголей-Яновскихъ переѣздомъ Трощинскаго въ Малороссію. До того времени Василій Аѳанасьевичъ не встрѣчалъ въ окружающей обстановкѣ ровно ничего, что̀ бы могло ему указать на возможность иной жизни, болѣе соотвѣтствующей его природнымъ задаткамъ. Его эстетическая натура проявляла себя и въ крупныхъ, и въ мелкихъ вещахъ, но никому не приходило въ голову серьезно взглянуть на ея указанія, а самъ Василій Аѳанасьевичъ, повидимому, былъ всего менѣе склоненъ прислушиваться къ влеченію своей природы. Онъ какъ

бы не чувствовалъ того могучаго голоса, который съ ранняго дѣтства призывалъ къ великой будущности прославившаго его сына, что̀ вполнѣ объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ окружающей средѣ какого-либо намека на серьезный умственный трудъ. Замѣчательно, напримѣръ, что онъ любилъ при всякомъ удобномъ случаѣ писать стихи; но, упражняясь въ поэзіи, онъ единственно забавлялся способностью, шутя, безъ усилій, сочинять вирши. Мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать заключенія о качествахъ этихъ поэтическихъ упражненій; но отзывъ Марьи Ивановны заставляетъ думать, что мужъ ея вообще легко относился къ своимъ литературнымъ опытамъ, не придавая имъ никакого значенія. „Мужъ мой“, — разсказываетъ Марья Ивановна, — „иногда писалъ стихи, но ничего серьезнаго. Къ знакомымъ онъ писалъ иногда письма въ стихахъ, болѣе комическаго характера. Онъ имѣлъ природный умъ, любилъ природу и поэзію“. Уже эти слова женщины, далекой отъ литературы, сумѣвшей, однако, замѣтить эстетическія наклонности мужа, не лишены интереса. Но есть большое основаніе предполагать, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ Василій Аѳанасьевичъ могъ бы заявить себя чѣмъ-нибудь болѣе крупнымъ сравнительно съ двумя комедіями, случайно имъ сочиненными и случайно, благодаря отчасти громкой извѣстности сына, обратившими на себя вниманіе общества и критики. Прежде всего, живя безвыѣздно въ деревнѣ, онъ, конечно, долго не имѣлъ возможности удовлетворять своей любви къ чтенію. «Книгами мы пользовались изъ библіотеки Трощинскаго“, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Марья Ивановна. Но такой путь для обогащенія ума открылся для Василія Аѳанасьевича уже почти въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, когда строй жизни его давно опредѣлился и когда по воспитанію, образовавшимся привычкамъ и складу характера онъ окончательно сдѣлался мирнымъ сельскимъ жителемъ. Исполняя желаніе Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ удовлетворялъ, конечно, и внутренней потребности творить, но смотрѣлъ на дѣло по обыкновенію легко, низводя свой трудъ на степень простой забавы. Одинъ суровый критикъ драматическихъ пьесъ Гоголя-отца видитъ въ нихъ даже преступленіе противъ народа, полагая, что въ нихъ бары насмѣхались надъ языкомъ, нравами и обычаями того народа,

который кормилъ ихъ. Непонятно, откуда авторъ приведенныхъ мнѣній почерпнулъ свѣдѣнія о насмѣшливомъ и презрительномъ отношеніи къ народу такого любителя родной Малороссіи и ея преданій, какимъ былъ Д. П. Трощинскій. Но любопытно, что и этотъ критикъ признаетъ, что „въ комедіи Гоголя нѣтъ ни фарса, ни вычурныхъ фразъ, ни лишнихъ лицъ и рѣчей; у него все „у себя дома", всѣ на мѣстѣ". Согласно другому отзыву, гораздо болѣе авторитетному, В. А. Гоголь, „будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени,—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ (?) дворянами родномъ быту, и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи".

Но и въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ этихъ полушутливыхъ литературныхъ опытовъ, сближеніе съ Трощинскимъ было полезно Василію Аѳанасьевичу, не говоря уже о томъ, что маленькій его Никоша много выигралъ для своего эстетическаго развитія, имѣя случай близко видѣть интеллигентную среду, окружавшую Трощинскаго. Справедливо и мѣтко называетъ Кулишъ, въ одной изъ своихъ статей, Кибинцы (имѣніе Трощинскаго) „Аѳинами временъ Гоголева отца". Неумолимое время не пощадило никакихъ слѣдовъ былого великолѣпія Кибинцевъ; не уцѣлѣли ни богатая избранная библіотека, ни рѣдкія, дорогія картины, ни прекрасная мебель или коллекціи оружія, монетъ, медалей и даже табакерокъ, ни даже такія вещи, какъ бюро королевы Маріи Антуанеты и принадлежавшіе ей великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники. Все продано, все исчезло! Но кто зналъ Кибинцы въ дни ихъ величія и славы, тѣ не могутъ и теперь безъ увлеченія вспомнить объ этомъ сказочномъ міркѣ. Все здѣсь говорило, что хозяинъ былъ человѣкъ просвѣщенный съ тонкимъ вкусомъ и большой разносторонней любознательностью. Много было приманокъ, привлекавшихъ сюда всѣхъ, кто имѣлъ возможность проникнуть въ кибинцскіе чертоги. Здѣсь былъ вѣчный пиръ въ праздникъ и въ будни. Кто бы и когда ни подъѣзжалъ къ господскому дому въ Кибинцахъ, уже издалека начиналъ различать звуки домашняго деревенскаго оркестра,

казавшіеся сначала какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ и становившіеся по мѣрѣ приближенія все явственнѣе и громогласнѣе, и, наконецъ, передъ путникомъ выросталъ величавый домъ Трощинскаго съ примыкавшими къ нему безчисленными флигелями и службами. Домъ этотъ походилъ больше на обширный клубъ или гостинницу, чѣмъ на обыкновенный домашній очагъ. Все было поставлено въ немъ на широкую ногу, всего было въ изобиліи и вездѣ блистали изящество и красота. Гостей въ Кибинцахъ круглый годъ бывало такъ много, что исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ было почти незамѣтно въ этомъ волнующемся морѣ. Большинство изъ нихъ пользовались особыми помѣщеніями и всевозможнымъ комфортомъ: каждому присылался въ его комнату чай, кофе или десертъ, и лишь къ обѣду всѣ должны были въ строго-опредѣленный часъ собираться по звонку. До какихъ широкихъ размѣровъ доходило хлѣбосольство Трощинскаго, показываетъ слѣдующій примѣръ. По словамъ друга Н. В. Гоголя А. С. Данилевскаго, однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ В***. Онъ попалъ въ Кибинцы случайно передъ именинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три. Впрочемъ, при всемъ гостепріимствѣ Трощинскій былъ нѣсколько натянутъ и не особенно привѣтливъ въ обращеніи. А. С. Данилевскій передаетъ, что много разъ случалось ему бывать въ Кибинцахъ и Ярескахъ вмѣстѣ съ Н. В. Гоголемъ и гостить подолгу, но Трощинскій едва ли промолвилъ съ ними даже слово. Съ гостями онъ вообще бесѣдовалъ мало и любилъ при нихъ раскладывать гранпасьянсъ. Передъ обѣдомъ гости, располагаясь въ разныхъ концахъ столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконецъ, появлялся Дмитрій Прокофьевичъ, всегда въ полномъ парадѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, задумчивый, суровый, съ выраженіемъ скуки или утомленія на умномъ старческомъ лицѣ. Усвоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерывъ со всѣхъ сторонъ знаки подобострастія давали ему видъ козырного короля среди этой массы людей. При всемъ томъ это былъ человѣкъ очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство, кому было возможно...

У этого-то „царька“, какъ называли въ сосѣдствѣ Трощинскаго, Василій Аѳанасьевичъ состоялъ на правахъ родственника, хотя они далеко не были на равной, дружеской ногѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Несмотря на то, что просвѣщенный сановникъ умѣлъ цѣнить способности Гоголя, особенно драматическія, и знаніе горячо любимой Малороссіи, онъ, все-таки, не дѣлалъ для него исключенія въ характерѣ своихъ отношеній къ окружающимъ и всегда держалъ его на извѣстномъ разстояніи. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ, имѣя несомнѣнныя преимущества передъ толпой случайныхъ посѣтителей Кибинцевъ, и самъ не становился съ Трощинскимъ на одну доску, чего не допускала значительная разница между ними и въ возрастѣ, и въ положеніи. Относясь къ Трощинскому, какъ къ покровителю, онъ раздѣлялъ съ другими чувство благоговѣнія передъ нимъ, что̀, конечно, исключало уже всякую возможность панибратства. Но во время пріѣздовъ своихъ въ Кибинцы Василій Аѳанасьевичъ могъ свободно располагаться въ предоставленномъ въ его полное распоряженіе флигелѣ и помѣстить въ немъ всю семью, хотя, какъ человѣкъ деликатный, онъ лишь въ крайности думалъ было однажды воспользоваться этимъ правомъ [1]). Кромѣ того,

[1]) Однажды онъ писалъ женѣ: «Мнѣ очень жаль, что ты не соглашаешься выѣхать изъ дому съ дѣтьми. Анна Матвѣевна Трощинская и старики помѣстили бы васъ, да и въ Кибинцахъ можно бы быть тебѣ безъ всякихъ затрудненій: я весь флигель одинъ занимаю. О, какъ бы мы были счастливы вмѣстѣ!» На это послѣдовалъ, однако, категорическій отказъ со стороны Марьи Ивановны, которая и сама въ каждомъ письмѣ высказывала желаніе поскорѣе увидѣть себя подъ одной кровлей съ любимымъ мужемъ. В. А—чу казалось болѣе удобнымъ предпочесть для своихъ скромное помѣщеніе у женинной тетки; такъ же думала Марья Ивановна: «Какія у тебя, мой другъ, мрачныя мысли. Ты воображаешь себѣ, что у насъ въ деревнѣ повальная болѣзнь, и чтобы мнѣ выѣхать съ такимъ семействомъ къ нашимъ старикамъ или тетенькѣ. Ну какъ можно и въ обоихъ этихъ домахъ помѣстить насъ! и гдѣ? развѣ Кибинцахъ? но и тамъ невыгодно со всѣми дѣтьми: вѣдь это не шутка подняться со всей семьей, и надобно, по крайней мѣрѣ, рублей сто, чтобы обмундировать прилично въ такомъ домѣ кормилицу, а когда Богъ дастъ (новорожденнаго), то и другую, а дома мнѣ ихъ одѣяніе ничего не будетъ стоить. И такъ всѣ говорятъ и думаютъ, что мы богаты, а будто отъ скупости не хотимъ ничего имѣть, а не знаютъ нашей иногда крайней нужды. Но когда бы, Боже сохрани, въ самомъ дѣлѣ какая опасность, тогда бы нечего разсуждать о выгодѣ, но у насъ, благодаря милосердаго Бога, ни одной души больной, кромѣ Агафья *) не выздоро-

*) Агафья или Гапа—няня Н. В. Гоголя.

къ его услугамъ былъ экипажъ, люди для посылокъ, наконецъ, онъ могъ во всякое время пользоваться совѣтами домашнихъ врачей Трощинскаго. Случалось, что и самъ Дмитрій Прокофьевичъ пріѣзжалъ къ нему, а потомъ ко вдовѣ его, со всѣмъ штатомъ, съ челядью и шутами. Въ дѣлахъ практической важности Трощинскій всегда оказывалъ содѣйствіе любимому родственнику и его семьѣ. Итакъ сношенія съ Трощинскимъ вносили, повторяемъ, большое разнообразіе въ жизнь васильевскихъ помѣщиковъ, давая имъ возможность многое видѣть и узнавать.

Въ запискахъ Марьи Ивановны мы находимъ всего нѣсколько строкъ о посѣщеніяхъ ею и мужемъ Кибинцевъ: „Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома. Потомъ мы проживали у Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, который, поселясь въ Малороссіи, рѣдко насъ отпускалъ домой. Тамъ я видѣла все, чего не искала въ свѣтѣ: и балы, и театры, и отличное общество; бывали даже пріѣзжіе изъ обѣихъ столицъ. Но я всегда была рада ѣхать къ себѣ въ деревню".

II.

Не воспитавъ и не обработавъ свой талантъ, Василій Аѳанасьевичъ не сдѣлался также хорошимъ помѣщикомъ, къ чему, впрочемъ, не имѣлъ никакого призванія. По крайней мѣрѣ, онъ не пріобрѣлъ въ этой области выдающейся опытности и познаній, какъ того можно было ожидать отъ человѣка его дарованій, прожившаго весь вѣкъ въ деревнѣ [1]). И какъ деревенскій житель, Василій Аѳанасьевичъ отличался преимущественно эстетическими наклонностями, которыя обнаруживались въ любви къ саду и полямъ, въ упоеніи мелодичнымъ пѣніемъ соловьевъ и въ тонкомъ вкусѣ, проявляемомъ въ вы-

вѣла» и проч. Также стѣснялся и Н. В. Гоголь иногда заѣзжать по дорогѣ изъ Нѣжина въ Кибинцы. «Прошу васъ, дражайшая маменька, распорядиться такъ, чтобы намъ не заѣзжать въ Кибинцы, ибо платья у меня совсѣмъ нѣтъ кромѣ того, которое на мнѣ». Но съ другой стороны онъ не могъ свободно пользоваться книгами изъ библіотеки Трощинскаго: «Сдѣлайте милость, пришлите намъ на дорогу, для разогнанія скуки долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кибинцевъ». (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 13 и 24).

1) «Онъ былъ человѣкъ хорошій, нравственный, правдивый, но особенно практическимъ не былъ». Такъ характеризуетъ Василія Аѳанасьевича по воспоминаніямъ матери, дочь его, Анна Васильевна Гоголь.

борѣ и покупкѣ вещей для дома, наконецъ, въ планахъ, составляемыхъ относительно дома, усадьбы. Въ саду онъ любилъ устраивать изящные гротики, красивыя бесѣдки. Въ немъ онъ проводилъ цѣлые дни, не замѣчая времени за работами, или, любуясь посаженными имъ подрастающими деревьями, изъ которыхъ многія донынѣ сохранились въ обширномъ саду Васильевки [1]).

Каждая дорожка, каждая аллея носила у него особыя названія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ его сентиментальные вкусы, какъ, напр., „долина спокойствія", находившаяся въ сосѣднемъ съ Васильевкой лѣску Яворивщинѣ (отъ слова яворъ), излюбленномъ мѣстѣ прогулокъ какъ Василія Аѳанасьевича, такъ и Николая Васильевича [2]). Къ сожалѣнію, протекшее полустолѣтіе наложило свою желѣзную руку на многое и въ этой усадьбѣ (въ томъ числѣ и на „долину спокойствія", да и самый лѣсокъ вырубленъ на продажу лѣтъ пятнадцать тому назадъ [3]).

Возвращаясь къ разсказу Марьи Ивановны, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что ея записка почти исключительно посвящена разсказу о мужѣ, такъ что этимъ оттѣснены на второй планъ даже воспоминанія объ обожаемомъ

---

[1]) Любопытно, что, будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ, онъ настоятельно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада.

[2]) Не можемъ не упомянуть, что Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ отца эту страсть, при чемъ даже въ предпочтеніи однихъ деревьевъ другимъ вкусы сына поразительно совпадали съ вкусами отца (любимыми деревьями обоихъ были дубы и клены). Въ памяти писателя дорогой образъ отца живо возстаетъ именно въ связи съ представленіемъ о садѣ и весеннихъ работахъ въ немъ. «Весна приближается—время самое веселое, когда весело можемъ провести его. Это-то время обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бывало, съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанной дорожкой... Признаюсь, какъ бы я желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ прежде, жаркій охотникъ въ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Несмотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки, моего друга, благодѣтеля, утѣшителя». („Соч. и письма Гог.", т. V, стр. 49—50).

[3]) Многое и теперь напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, въ Васильевкѣ, ея незабвенныхъ хозяевъ. Въ серединѣ сада тянется длинная тѣнистая аллея, представляющая эффектную перспективу съ обоихъ концовъ; неподалеку отъ нея проходитъ дорожка, по обѣимъ сторонамъ которой почти всѣ деревья посажены рукою Николая Васильевича, а нѣкоторыя и Василія Аѳанасьевича.

сынѣ, о которомъ она говоритъ только вскользь. Какъ видно, дорогая ей память о счастливыхъ годахъ замужества заслоняла для нея всю послѣдующую жизнь. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ она съ особенной любовью и обстоятельностью передаетъ только о другомъ важнѣйшемъ событіи своей жизни — о построеніи храма въ Васильевкѣ.

„Церкви еще у насъ не было и люди оттого терпѣли много неудобствъ, особенно въ дурную погоду и при переѣздахъ черезъ рѣку Голтву. Я начала просить мужа строить церковь. Онъ удивился и сказалъ: „Помилуй! какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня нѣтъ и 500 рублей!“ а я отвѣчала, что Богъ поможетъ. Въ это время пріѣхала маменька [1]) и начала также уговаривать. И видно, что на это было Божье соизволеніе, потому что все начало устраиваться какъ бы само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ италіанецъ, жившій у Дм. П. Трощинскаго. Онъ охотно сдѣлалъ планъ маленькой церкви для своей деревни (двѣсти душъ) и кстати явился каменщикъ, искавшій работы. Когда ему показали планъ и спросили, что̀ онъ возьметъ за то, чтобы надѣлать кирпичъ съ нашими рабочими, онъ потребовалъ пять тысячъ и приступилъ къ работѣ. Онъ бралъ деньги по частямъ, но требовалъ прибавки, сожалѣя, что дешево запросилъ. Мы ему прибавили еще тысячу рублей. Итакъ, съ Божіей помощью, церковь была окончена вчернѣ въ теченіе двухъ лѣтъ [2]). Потомъ мы поѣхали въ Ромны на Ильинскую [3]) ярмарку и перемѣнили старинное серебро на церковныя вещи. И чрезъ три года послѣ постройки началось служеніе“.

Впослѣдствіи, по смерти мужа, Марья Ивановна много заботилась объ изготовленіи плащаницы для церкви и въ продолженіе почти цѣлаго года, какъ увидимъ ниже, въ каждомъ письмѣ къ одному изъ родственниковъ, жившему въ Одессѣ и слѣдившему за исполненіемъ работы, освѣдомлялась о ходѣ дѣла.

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу. Хотя годы супружества Маріи Ивановны были несомнѣнно золотымъ вре-

---

[1]) Марья Алексѣевна Шостакъ.

[2]) Говорятъ, что обѣтъ построить церковь въ Васильевкѣ былъ данъ Марьей Ивановной передъ рожденіемъ Н. В. Гоголя послѣ двухъ неудачныхъ родовъ.

[3]) Впослѣдствіи эта ярмарка была перенесена въ Полтаву.

менемъ ея жизни, но и она перенесла не мало невзгодъ. Вотъ какъ она разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „Жизнь моя была самая спокойная; характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія; вѣрила снамъ. Сначала меня безпокоила болѣзнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трахимовскій [1]). Потомъ онъ былъ здоровъ, но мнителенъ. У насъ было двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ болѣе половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Изъ шести сыновей остался одинъ, который замѣнилъ намъ всѣхъ. Но и его взялъ у меня Богъ—да будетъ Его святая воля! Потомъ смерть любимой моей дочери разстроила его здоровье. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей. Старшій сынъ и тогда отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей. Дочь Марія была на три года моложе его и потомъ остались только меньшія три дочери“.

Утраты и огорченія неизбѣжны въ самой счастливой жизни. Марья Ивановна это хорошо понимала и пока не сѣтовала на судьбу. Покорность Провидѣнію, о которой она часто говорила, дѣйствительно была не фразой; но справедливость требуетъ сказать, что тихое и кроткое настроеніе у нея наступало уже тогда, когда горе успѣвало нѣсколько улечься. Въ первыя же минуты испытанія она была даже склонна впадать въ отчаяніе, что̀ повторялось впослѣдствіи нерѣдко, такъ какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ людей. Но пока, при жизни мужа, она еще не предавалась тому безпредѣльному отчаянію, которое овладѣвало ею потомъ. „Тяжело было это переносить“,—говоритъ Марія Ивановна,— „но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной“...

Нить счастливой супружеской жизни порвалась быстро и неожиданно. Хотя болѣзнь Василія Аѳанасьевича тянулась нѣсколько лѣтъ, но онъ не обращалъ на нее вниманія и ограничивался совѣтами кибинцскаго врача во время случайныхъ

---

[1]) Послѣ онъ страдалъ грыжей и геморроемъ. —Фамилія Трахимовскій, по мнѣнію А. С. Данилевскаго, происходитъ отъ словъ: трохи(мало) и мовить (говорить).

посѣщеній Трощинскаго, не считая нужнымъ предпринимать систематическое лѣченіе. Неудобства сообщеній и привязанность къ семьѣ были слишкомъ естественными причинами, объясняющими такую безпечность. Когда внезапно обнаружилось замѣтное ухудшеніе въ состояніи его здоровья, онъ собрался на нѣсколько дней отправиться въ Кибинцы, вѣроятно, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Марья Ивановна: „Мужъ мой болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Я была тогда на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и не могла ѣхать съ нимъ. Ему очень не хотѣлось уѣзжать и, прощаясь, онъ сказалъ, что, можетъ быть, безъ меня придется умереть, но потомъ самъ испугался и прибавилъ: „можетъ, долго тамъ пробуду, но постараюсь скорѣе вернуться“. Я получала отъ него часто письма; онъ все безпокоился обо мнѣ. Я не знала, что жизнь его была въ опасности и далека была отъ мысли потерять его“.

Въ дорогѣ приступы болѣзни Василія Аѳанасьевича обозначились яснѣе и заставили подумать о лѣченіи серьезнѣе. Стѣсненія въ груди и геморроидальныя страданія тревожили больного днемъ и ночью, и лишали его сна. Во второмъ письмѣ онъ уже называетъ себя несчастнымъ страдальцемъ и жалуется на боли, но все еще не подозрѣваетъ всей опасности или не хочетъ въ ней сознаться: „мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу“. Отправляясь въ Кибинцы, онъ предполагалъ пробыть тамъ недѣли двѣ; но тотчасъ же оказались разныя неудобства, заставившія перемѣнить планъ. Пришлось рѣшиться на временное устройство на квартирѣ въ Лубнахъ, уѣздномъ городѣ, верстахъ въ 20-ти за Кибинцами. Главная причина такой перемѣны заключалась въ непокойной, стѣснительной обстановкѣ при обычномъ кибинцскомъ многолюдствѣ: что̀ могло быть выиграно для здоровья отъ постояннаго надзора доктора, то̀ парализировалось съ другой стороны неустранимыми мелочными причинами, крайне тягостными для больного. Марья Ивановна, узнавъ, что мужъ рѣшился пользоваться совѣтами уѣзднаго доктора въ Лубнахъ, сильно безпокоилась, чтобы онъ не поѣхалъ на нѣсколько дней въ Кибинцы по случаю приближавшагося праздника св. Пасхи. „Ты пишешь, что до праздника

будешь въ Лубнахъ, а праздникъ гдѣ же ты будешь принимать (встрѣчать)? Когда бы не дома, я бы желала, чтобы въ Лубнахъ, чтобы не прерывать лѣченія для того, чтобы ѣхать въ Кибинцы, а тамъ будутъ бостоны. Ольга Дмитріевна [1]) пишетъ, что будутъ Родзянки на праздники, и ты себя можешь опять разстроить". Этотъ отвѣтъ былъ вызванъ извѣщеніемъ о подробностяхъ новаго рѣшенія. „Выѣхавъ изъ дому, принужденъ я былъ ночевать въ Яресках, а оттуда въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Кибинцы, хотя съ большою нуждою, но благополучно. Здѣсь всѣ здоровы и веселы. Я сейчасъ послалъ о. Емельяна къ Голованеву (доктору въ Лубнахъ) договорить тамъ для себя квартиру, для чего и нужно мнѣ для тамошняго прожитія прислать изъ дому разныхъ припасовъ, а если бы возможно, и повара. О семъ приложу особую записку по возвращеніи о. Емельяна изъ Лубенъ". Далѣе слѣдуютъ распоряженія по хозяйству, чтобы приказчикъ берегъ плотину въ случаѣ наводненія, чтобы была поймана рыба для продажи, если будетъ тепло и позволитъ время. Практическія заботы выступаютъ на первый планъ вслѣдствіе недостатка денегъ для лѣченія и въ виду приближающагося праздника и предстоящей ярмарки. Приходилось позаботиться наскоро о сборѣ подушныхъ, о продажѣ скота за самую дешевую цѣну, чтобы вручить деньги на помѣщеніе и прожитокъ въ Лубнахъ. Рѣчь идетъ почти исключительно о продажѣ кое-какого имущества и предотвращеніи возможныхъ убытковъ. Опасенія супруговъ были направлены особенно на разныя случайныя проволочки и задержки со стороны врачей. Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда мужа, Марья Ивановна писала ему: „Малютки наши, слава Богу, всѣ здоровы и всякій день тебя вспоминаютъ, даже Таня [2]),—такъ что заставляютъ меня думать, что ты скоро пріѣдешь", и тотчасъ за этими строками слѣдуютъ сообщенія о дѣлахъ хозяйства: „и еще одну пару быковъ продали, и проч.". Во время отсутствія Василій Аѳанасьевичъ продолжалъ распоряжаться всѣми дѣлами по имѣнію, и Марья Ивановна лишь неуклонно слѣдовала его инструкціямъ и, акку-

[1]) Трощинская, жена Андрея Андреевича Трощинскаго; см. о ней въ «Русской Старинѣ», 1882, 6, 643, примѣч. и 673 и слѣд., также въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя», изд. I, стр. 57; изд. 2, стр. 24.

[2]) Младшая дочь, которой было тогда около трехъ лѣтъ.

ратно увѣдомляя объ исполненіи ихъ, немедленно передавала всѣ распоряженія приказчику; въ случаяхъ же непредвидѣнныхъ тотчасъ писала мужу и спрашивала его мнѣнія и совѣта.

Съ трогательною заботливостью въ каждомъ письмѣ Василій Аѳанасьевичъ, тосковавшій по женѣ, даетъ ей наставленія относительно ея здоровья.

„Я травку, присланную тобою, пью, но ничего не помогаетъ", —отвѣчаетъ мужу Марья Ивановна... Между тѣмъ, его собственные дни были сочтены, и вскорѣ Марья Ивановна вмѣсто обычнаго письма получила извѣстіе о его смерти.

„Послѣ родовъ", —пишетъ она, „на второй недѣлѣ, я только начала ходить по комнатѣ и ожидала мужа, чтобы крестить дитя, какъ вмѣсто мужа пріѣхала жена доктора, акушерка, чтобы по просьбѣ мужа везти меня къ нему. Я очень встревожилась и подумала, что, вѣрно, ему очень худо, если онъ меня вызываетъ еще больную. Мы только выѣхали со двора, какъ увидѣли верховаго, который подалъ письмо докторшѣ; она, прочтя письмо, вспыхнула и сказала: „вернемся; Василій Аѳанасьевичъ самъ пріѣдетъ!..." Не буду описывать своего отчаянія. Когда привезли его тѣло къ церкви, раздался ударъ колокола... О, Боже! какой это былъ звукъ! Я безъ-слезъ не могу вспомнить!... Только на пятый день могли его хоронить, такъ какъ многое не было готово... Меня не пускали къ нему, пока не внесли въ церковь, а то онъ все былъ въ экипажѣ [1]). Мнѣ послѣ говорили, что я, увидя его, начала громко говорить къ нему и отвѣчать за него. Я просила и для меня оставить мѣсто въ склепѣ. Тетка не оставляла меня до шести недѣль и дѣтей мнѣ не показывала. Старшіе двое учились— сынъ въ Нѣжинѣ, а дочь у m-me Арндтъ, матери извѣстнаго придворнаго медика [2]). Тетка уговорила меня беречь себя для дѣтей и показала мнѣ ихъ въ трaурѣ. Когда я вышла въ первый разъ въ садъ, мнѣ такъ странно казалось, что

[1]) В. А. Гоголь умеръ далеко не старымъ; ему было всего 44 года. Отмѣчаемъ это въ виду не разъ встрѣченнаго нами въ литературѣ ошибочнаго выраженія: «старикъ Гоголь». (См., напр., Петрова «Очерки украинской литературы XIX столѣтія», стр. 78. То же выраженіе употребляетъ Кояловичъ въ статьѣ «Дѣтство и юность Гоголя». См. „Моск. Сборникъ", 1877 г., стр. 209).

[2]) Она была начальницей полтавскаго женскаго института при его основаніи, потомъ жила въ деревнѣ съ дочерью Н. Ф. Старицкой.

все на томъ же мѣстѣ, ничто не измѣнилось: мнѣ казалось, что все должно было погибнуть. Я молила Бога оставить мнѣ остальныхъ дѣтей и единственнаго сына, котораго любила больше всей жизни... При мужѣ я почти ничѣмъ не занималась, теперь все обрушилось на меня! Можетъ, эти заботы и спасли меня. Время начало уносить мое горе, имѣя отраду въ моемъ сынѣ. Мнѣ было 59 лѣтъ, когда я получила извѣстіе о потерѣ моего дорогого сына".

Смерть мужа сильно отразилась на характерѣ Марьи Ивановны, сдѣлавъ его апатичнымъ и мечтательнымъ.... Вставъ довольно поздно, она проводила каждое утро по нѣскольку часовъ за письменнымъ столомъ, читала, писала письма, иногда гуляла. Часто раскладывала гранъпасьянсъ или что-нибудь работала, никуда не спѣша, по своей привычкѣ къ спокойной и не особенно дѣятельной жизни. Въ послѣдніе годы, когда въ ней стала все больше обнаруживаться странная наклонность къ мечтательности, она готова была проводить цѣлые дни, давая полную волю своимъ мыслямъ. Послѣ завтрака она собиралась обыкновенно въ гости, или куда-нибудь по хозяйству. Запрягались дрожки или сани, и она выѣзжала. Впрочемъ, эти выѣзды имѣли значеніе прогулокъ, а не серьезной ревизіи. Крѣпостные люди нисколько не боялись добродушной своей госпожи. Случались иногда воровства, потравы—и тогда, конечно, Марьѣ Ивановнѣ приходилось волноваться и изыскивать мѣры для пресѣченія зла...

Марья Ивановна была очень подвижна (когда не предавалась мечтамъ) и сохранила бодрость и свѣжесть до самой смерти. Ей ничего не стоило собраться къ сосѣдямъ или въ городъ; рѣшеніе являлось вдругъ и тотчасъ же осуществлялось безъ откладыванія и отсрочекъ. Но эта подвижность представляла особенно рѣзкую противоположность съ однообразіемъ ея позы, когда она, не сходя съ мѣста, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ. Въ такія минуты самое выраженіе лица ея измѣнялось: изъ добраго и привѣтливаго оно становилось какимъ-то безжизненнымъ; видно было, что мысли ея блуждаютъ далеко...

Съ мужемъ она очень сходилась во мнительности: по самому ничтожному поводу ей представлялись нерѣдко большіе страхи и безпокойства. Отъ этой же причины она отличалась крайней подозрительностью, и если что̀ ей запа-

дало въ голову, то разубѣдить ее не было никакой возможности [1]).

Другое сходство въ ихъ характерахъ было въ томъ, что оба они любили всякія изящныя вещи и имѣли хорошій вкусъ. Но непрактичность Марьи Ивановны въ дѣлахъ житейскихъ была необычайная и безъ сравненія превосходила непрактичность мужа. Послѣдній не родился хозяиномъ, скопидомомъ, но не отличался и дѣтской наивностью въ жизни, тогда какъ Марья Ивановна въ этомъ отношеніи была настоящее дитя. Ничего не стоило какому-нибудь торгашу-разносчику убѣдить ее набрать, часто въ долгъ, какихъ угодно бездѣлушекъ, особенно сколько-нибудь красивыхъ, и дочери должны были зорко смотрѣть, чтобы она не поддалась обману со стороны какого-нибудь проходимца. Случалось, что Марья Ивановна въ отсутствіи дочерей накупала такъ много всякихъ мелочей, что дочери должны были, если еще не было поздно, пóсылать въ догонку за продавцомъ и возвращать ему накупленное [2])...

[1]) Мнительность въ самомъ широкомъ смыслѣ и особенно въ отношеніи здоровья перешла отъ отца и матери также и къ сыну. Замѣчательно, что передъ смертью какъ Гоголю-отцу, такъ и сыну, слышались какіе-то голоса, которые они считали предвѣстіемъ близкаго конца. На Н. В. Гоголя подѣйствовали потрясающимъ образомъ, напримѣръ, сказанныя ему въ видѣ привѣтствія, случайно встрѣтившимся на самый Новый годъ (въ 1852 г.) италіанцемъ слова: «une année éternelle!» и смерть уважаемой имъ жены Хомякова. Въ одномъ письмѣ къ Языкову Н. В. Гоголь сравниваетъ себя относительно здоровья съ отцомъ: «Ходъ моей болѣзни естественный: она есть истощеніе силъ. Вѣкъ мой не могъ ни въ какомъ случаѣ быть долгимъ. Отецъ мой былъ также сложенія слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ, а не нападеніемъ какой-нибудь болѣзни» и проч. (Кул., VI — 191). Но особенно слѣдуетъ считать семейной чертой склонность преувеличивать несчастія. Достаточно было Марьѣ Ивановнѣ написать о болѣзни одной крестьянки, чтобы ея мужу представилась эпидемія съ ея ужасами.

[2]) Однажды Гоголь сдѣлалъ на это намекъ въ письмѣ, къ матери. („Соч. и письма Гоголя", т. VI, стр. 388. См. также „Русск. Стар., 1887, VII, 31).— Вообще мы особенно рекомендовали бы для болѣе обстоятельнаго знакомства съ личностью М. И. Гоголь статью М. А. Трахимовскаго („Русск. Стар.", 1888, VII, 25—48); также статьи г-жъ Бѣлозерской и Черницкой, о которыхъ ниже скажемъ нѣсколько словъ.

УЧЕНИЧЕСКІЕ ГОДЫ ГОГОЛЯ

(1809—1828).

I.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О ДѢТСТВѢ ГОГОЛЯ ДО ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ ШКОЛУ И О ДОМАШНЕЙ СРЕДѢ ЕГО ВЪ ШКОЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ.

Н. В. Гоголь родился 19 марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Случайное обстоятельство было причиной пріѣзда матери Гоголя передъ родами въ Сорочинцы: ее привело туда опасеніе, послѣ двухъ неудачныхъ родовъ, за жизнь будущаго ребенка и надежда на помощь и искусство мѣстнаго врача (Трахимовскаго). Вслѣдствіе той же боязни ею былъ данъ обѣтъ, если родится сынъ, назвать его Николаемъ въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Свѣдѣнія эти сообщены Г. П. Данилевскимъ на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, тогда какъ прежде родиной Николая Васильевича ошибочно считали Васильевку, родовое имѣніе его отца (см. статью Кулиша, „Отеч. Зап." 1852, 4 [1]). Въ статьѣ Данилевскаго есть также нѣкоторыя свѣдѣнія и о раннихъ годахъ дѣтства Гоголя, которыя могли бы быть драгоцѣнны при отсутствіи иныхъ данныхъ, если бы они не были до нѣкоторой степени разсчитаны на эффектъ разсказа,—о томъ, напр., что Гоголь, „*трехъ лѣтъ* отъ роду (!), не учась грамотѣ у учителя, уже бѣгло читалъ и писалъ

[1]) Въ свѣдѣніяхъ о времени рожденія Гоголя есть также разногласія и неточности. Годомъ рожденія сначала былъ указанъ въ статьѣ Кулиша 1808. Свѣдѣніе это могло быть заимствовано изъ предисловія къ французскому переводу повѣстей Луи Віардо, который составилъ предисловіе со словъ И. С. Тургенева.

слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ"; что онъ рано началъ писать стихи и что однажды извѣстный поэтъ-сатирикъ Капнистъ, навѣщавшій по-сосѣдству семейство Гоголей, захотѣлъ увидѣть эти стихотворческіе опыты и сталъ настаивать, чтобы Гоголь прочелъ ему что-нибудь; послѣ нѣкоторыхъ колебаній малютка-Гоголь будто бы съ важностью исполнилъ его просьбу, и Капнистъ призналъ въ немъ зародыши дарованія... Интереснѣе и правдоподобнѣе сообщеніе о томъ, что отецъ Гоголя во время прогулокъ заставлялъ своихъ дѣтей что-нибудь импровизировать, при чемъ всегда торжествовалъ Николай Васильевичъ, уже обнаружившій большую находчивость...

Около десяти лѣтъ отъ роду Гоголь былъ отвезенъ въ Полтаву и отданъ вмѣстѣ съ братомъ для приготовленія въ мѣстную гимназію къ одному изъ служившихъ въ ней учителей. Сношенія съ родной семьей, какъ письменныя, такъ и личныя, какъ видно изъ писемъ, были очень часты, что происходило отчасти потому, что состояніе здоровья ребенка было ненадежно и самое ученье шло не совсѣмъ успѣшно, такъ что вскорѣ потребовались усиленныя занятія съ особенно приглашеннымъ для этой цѣли учителемъ.

Дальнѣйшихъ подробностей о жизни Гоголя въ это время мы не имѣемъ никакихъ, но съ *этой поры* является уже возможность для нашихъ цѣлей пользоваться его письмами [1]).

Переходимъ теперь, для знакомства съ домашнимъ бытомъ Гоголя въ школьные годы, къ извлеченію данныхъ изъ писемъ его матери къ двоюродному брату ея П. П. Косяровскому.

Согласно личнымъ воспоминаніямъ людей, знавшихъ близко Марью Ивановну, и эти письма показываютъ въ ней женщину чрезвычайно добрую, всей душой преданную тѣсному

[1]) Въ трудѣ Кулиша мы находимъ одно и то очень краткое извѣстіе о первоначальномъ воспитаніи Гоголя. („Зап. о жизни Гоголя", 1 т., стр. 16). Тамъ сказано, что „Гоголь получилъ его сначала дома отъ наемнаго семинариста, а потомъ готовился къ поступленію въ гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя гимназіи вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли на каникулы и младшій братъ умеръ (9 лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (онъ былъ старше брата однимъ годомъ) оставался нѣкоторое время дома, пока не отданъ былъ въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ наукъ въ маѣ 1821 г." Слѣдовательно, братъ Гоголя скончался въ 1820 г. лѣтомъ, а Н. В., не возвращавшійся больше въ Полтаву послѣ каникулъ, большую часть слѣдующаго учебнаго года провелъ дома. Но уже въ февралѣ было подано проше-

кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ, съ характеромъ открытымъ и любящимъ. Это типъ скромной помѣщицы прежняго времени, интересы которой сосредоточивались на семейныхъ и хозяйственныхъ хлопотахъ съ одной стороны и на заботахъ о дѣлахъ благочестія съ другой. Свиданія съ родными, требовавшія частыхъ поѣздокъ въ сосѣднія деревни, пріемъ гостей у себя въ Васильевкѣ, встрѣчи и проводы старшихъ дѣтей, пріѣзжавшихъ домой на каникулы, уходъ за меньшими и заботы о нихъ, распоряженія по дому и хозяйству — все это совершенно наполняло время Марьи Ивановны и вмѣстѣ съ тѣмъ давало содержаніе и окраску ея интимной жизни. Тонъ писемъ, вездѣ одинаковый и ровный, даетъ возможность при однообразіи содержанія по нѣсколькимъ выдержкамъ вполнѣ охарактеризовать эту симпатичную личность и ея повседневныя заботы.

Вотъ какъ она сама изображаетъ въ одномъ письмѣ свой домашній бытъ: „Мало, что ѣзжу по хозяйственнымъ дѣламъ, и дрожки никогда не откладываются, а только перемѣняютъ лошадей: надобно еще смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими смотрѣть и о большихъ думать, и сверхъ того безпрестанно должна писать о разныхъ предметахъ и отвѣчать добрымъ пріятельницамъ, которыя закидываютъ меня письмами; еще я должна, хотя въ полгода одинъ разъ, сдѣлать визиты добрымъ сосѣдямъ моимъ, которыхъ, благодаря Бога, у меня много; у родителей моихъ каждую недѣлю бываю“ [1]) и проч.

При чтеніи писемъ нельзя не удивиться энергической и подвижной натурѣ Марьи Ивановны; при всей любви своей къ спокойной жизни въ Васильевкѣ, которую она особенно

ніе о принятіи Гоголя въ нѣжинскую гимназію и въ маѣ онъ былъ ея ученикомъ. По свѣдѣніямъ же Справочнаго Энциклопедическаго словаря (т. III 1854 года) Гоголь пробылъ два года въ полтавской гимназіи. Въ сборникѣ «Русскіе Люди» (изд. Вольфа Спб. 1866 г.) мы читаемъ также: «Гоголь первоначальное воспитаніе получилъ въ полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи котораго учился два года въ первомъ классѣ полтавской гимназіи». Для насъ это противорѣчіе неважно, потому что словарь былъ составленъ въ 1854 году. раньше появленія книги Кулиша и, вѣроятно, черпалъ свои свѣдѣнія изъ его же прежнихъ замѣтокъ или статей, а изданіе «Русскіе Люди», очевидно, повторяетъ свѣдѣнія прежняго какого-нибудь источника. Такимъ образомъ нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости приведенныхъ словъ Кулиша, которыя мы находимъ въ его трудѣ, изданномъ уже въ 1856 г.

[1]) „Русск. Стар.“, 1887, III, 677—678.

неохотно покидала послѣ смерти мужа, она постоянно предпринимала по разнымъ дѣламъ поѣздки то къ знакомымъ въ сосѣднія деревни (Обуховку, Ярески, Грунь, Псёловку), то въ ближайшіе города, напр. въ Харьковъ, Полтаву, Миргородъ. Среди этихъ мелочныхъ и разнообразныхъ хлопотъ обыденной жизни, какъ видно изъ переписки съ родными, Марья Ивановна посвящала особое вниманіе предметамъ религіознымъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ находимъ ея разспросы и наставленія Косяровскому о приготовленіи плащаницы, предназначавшейся, вѣроятно, для сельской церкви въ Васильевкѣ. Косяровскому, какъ близкому родственнику и другу, было поручено приготовленіе плащаницы въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ въ то время; онъ слѣдилъ за исполненіемъ работы. Дѣло было, очевидно, весьма дорогое и близкое сердцу заказчицы, которая не переставала постоянно освѣдомляться о немъ въ продолженіе почти цѣлаго года.

Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

„Плащаницу, мнѣ кажется, лучше сдѣлать по послѣднему описанію вашему, чтобы Спаситель нашъ нарисованъ былъ на гроденаплѣ, а слова бы были въ рамахъ, бархата же можно пришить и голубого — хорошаго цвѣту; впрочемъ я отдаюсь совершенно на изящный вкусъ той особы, которая будетъ трудиться надъ приведеніемъ въ порядокъ сего богоугоднаго дѣла и, вѣрно, я буду восхищена плащаницей, когда ее увижу“ (письмо отъ 26 іюня 1826 г.). Почти черезъ годъ (16 мая 1827 г.), она пишетъ въ послѣдній разъ о плащаницѣ по поводу окончанія дѣла: „Усерднѣйше благодарю васъ, милѣйшій братецъ, за попеченіе о плащаницѣ. Да вознаградитъ васъ Богъ! Мнѣ все въ ней нравится“.

Постройка церкви въ хуторѣ имѣла, несомнѣнно, чрезвычайно важное значеніе не только для обитателей Васильевки, но отчасти и для ближайшихъ сосѣдей, такъ какъ въ то время еще мало было храмовъ въ окрестныхъ деревняхъ, а дороги были невыносимо плохи и грязны, такъ что предпринимать далекія странствованія по оврагамъ и балкамъ было крайне затруднительно и неудобно. Марья Ивановна имѣла полное основаніе гордиться сооруженіемъ храма, для котораго не жалѣла ни тратъ, ни хлопотъ, совершая это дѣло съ глубокимъ сознаніемъ важности принятой на себя священной обязанности. При своей сообщительности, несмотря на обычную

скромность, она любила вспомнить и поразсказать, какъ строилась церковь и какъ, какъ бы по благословенію свыше, неожиданно и легко устранялись всѣ препятствія, и дѣло устраивалось само собой [1])...

Но построеніе храма было лишь важнѣйшимъ, а не единственнымъ благодѣяніемъ, оказаннымъ цѣлой округѣ васильевскими помѣщиками. Весьма полезною оказалась учрежденная въ деревнѣ ярмарка, собирающаяся донынѣ по четыре раза въ годъ въ сроки чрезвычайно удачно выбранные и установленные Василіемъ Аѳанасьевичемъ [2]). Вообще можно сказать, что всегдашняя готовность дѣлать добро и неизмѣнныя привѣтливость и радушіе были одинаково свойственны обоимъ супругамъ и служили для нихъ залогомъ прочнаго нравственнаго союза.

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ любящая натура матери нашего писателя сказывается такъ или иначе въ каждомъ незначительномъ письмѣ, — то въ сочувствіи ихъ заботамъ и горю, то въ одобреніи и совѣтахъ, часто наивныхъ, и если способныхъ подѣйствовать успокоительно, то, конечно, только тѣмъ неподдѣльно ласковымъ, совершенно женскимъ участіемъ, которымъ вѣетъ отъ каждой строки и которое бываетъ дорого именно своей неоцѣненной искренностью и теплотой. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія самый простодушно-дружескій тонъ писемъ. „Душевно обрадована была пріятнѣйшимъ письмомъ вашимъ, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ. Читая письмо ваше, я вообразила на минуту, что нахожусь вмѣстѣ съ вами. Какъ бы хорошо сдѣлали вы, милые друзья мои, когда бы пріѣхали къ намъ; но какъ на сіе нужны финансы, то не могу васъ и упрашивать. О, когда бы у меня было ихъ столько, чтобы мнѣ дѣлиться съ вами! какъ бы я была рада! Для меня единственная отрада быть

[1]) Любопытно, что Н. В. Гоголю случалось также въ письмахъ къ матери выставлять для ея успокоенія необыкновенную удачу въ своихъ предпріятіяхъ, которыя могли быть почему-нибудь ею не одобрены. Такъ передъ первой своей заграничной поѣздкой онъ писалъ: «Я рѣшился, но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за-границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много! Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была, наконецъ, за деньгами. Здѣсь я было совсѣмъ отчаялся; но вдругъ получаю слѣдуемыя въ Опекунскій Совѣтъ». („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 86).

[2]) Эти сроки не измѣнились до сихъ поръ,—въ продолженіе болѣе 60-ти л.

съ родными вмѣстѣ!"... Иногда случается ей дѣлиться въ письмахъ болѣе выдающимися впечатлѣніями. „Сейчасъ возвратились мы изъ церкви; слушали страданія Спасителя нашего и со свѣчами шли домой. Чрезвычайная ночь!"

Преданность волѣ Божіей и покорность Провидѣнію выражаются у Марьи Ивановны нерѣдко въ наивной и непосредственной формѣ, но показывающей явно, что благочестивое настроеніе исходило изъ души ея и имѣло довольно существенное вліяніе на ея жизненныя правила и убѣжденія. На чистой глубокой вѣрѣ основывался ея свѣтлый оптимистическій взглядъ на жизнь, несмотря на всѣ испытанія,—взглядъ, весьма часто высказываемый въ письмахъ. Не имѣя возможности помочь близкимъ болѣе существеннымъ образомъ, она не скупится на добрыя пожеланія, стараясь поддерживать въ нихъ бодрость въ житейскихъ испытаніяхъ и превратностяхъ. Она постоянно рекомендуетъ держаться излюбленной ею Панглоссовой системы, заключающейся въ положеніи: „все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ". Такъ, успокоивая Косяровскаго, долго не находившаго службы, она пишетъ: „О службѣ вы не безпокойтесь; лѣта ваши еще не ушли. Вамъ можно и въ штатскую; да еще лучше и безопаснѣе; и опредѣлиться тамъ же въ Одессѣ, когда сей городъ такъ нравится и, избравши себѣ по сердцу супругу, прелестную женщину душою и тѣломъ, — какое бы это было счастье для васъ! — пріѣхать въ Малороссію!" Такіе совѣты, часто даже противорѣчивые, не были, конечно, выраженіемъ опредѣленныхъ взглядовъ и взвѣшенныхъ соображеній. Въ одномъ письмѣ, напр., она сокрушается о губительномъ дѣйствіи климата Грузіи на здоровье своего родственника и совѣтуетъ ему, оставивъ военную службу, пріѣхать въ Малороссію; въ слѣдующемъ письмѣ, напротивъ, желаетъ тому же лицу всякихъ успѣховъ въ той же странѣ на поприщѣ военной службы. „Жалѣю душевно о безпрерывныхъ преградахъ вступить вамъ въ службу, но вы не безпокойтесь о семъ ни мало; держитесь Панглоссовой системы, что все, что̀ ни дѣлается, все къ лучшему. Я и сама въ томъ совершенно увѣрена. Когда бы вы опредѣлились прежде, то, Богъ знаетъ, были ли бы вы уже на свѣтѣ о сю пору". Къ собственному горю Марья Ивановна относилась совершенно такъ же: „Машенька моя жестоко была больна; можно сказать, что изъ мертвыхъ воскресла,

и вы можете себѣ представить, что̀ я тогда чувствовала, но Богъ все устраиваетъ къ лучшему, иногда для того, чтобы больше чувствовать милосердіе Его“.

Вотъ еще примѣръ подобныхъ утѣшеній:

„Обстоятельства ваши поправятся и вы будете покойны; идите прямой дорогой и будьте всегда одинаково добры, и вы въ самомъ себѣ найдете большое утѣшеніе во всякое время... Я слышала, что Павлу Петровичу отказываютъ въ просьбѣ; когда это такъ, то ему остается жениться; видно̀, не судьба ему служить. Держитесь все Панглоссовой системы: вы пишете, что много больныхъ и раненыхъ; можетъ быть, и вамъ бы не миновать такой же участи; но лучше сидѣть въ скукѣ, нежели въ болѣзни. Вспомните, что Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ, и я совершенно увѣрена, что Онъ меня выведетъ изъ нужды, терпимой мною, и рано или поздно успокоитъ, или же такъ быть должно, чтобы я здѣсь не была спокойна, но зато въ будущемъ вознаградитъ меня. Съ этимъ счастьемъ что̀ можетъ сравниться!“

Въ заключеніе характеристики быта Марьи Ивановны послѣ смерти ея мужа остановимся на отношеніяхъ къ родственнику ея, вельможѣ и бывшему министру, Трощинскому.

Какъ богатый и знатный человѣкъ, жившій широко и обставленный совершенно по-барски, какъ помѣщикъ, содержавшій при себѣ цѣлое народонаселеніе, начиная отъ домашнихъ докторовъ и кончая шутами и многочисленной челядью, Трощинскій, естественно, былъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія для всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Легко себѣ представить, что его должны были окружать со всѣхъ сторонъ подобострастіе и зависть, тогда какъ за спиной у него происходили интриги, отъ которыхъ подчасъ жутко приходилось именно людямъ, пользовавшимся наибо̀льшимъ расположеніемъ хлѣбосольнаго хозяина. Знакомые и родственники во множествѣ стекались въ домъ своего патрона въ торжественные дни для заявленія чувствъ преданности и расположенія, и гордились его вниманіемъ, если, въ свою очередь, онъ удостоивалъ ихъ своего посѣщенія. Въ послѣднемъ случаѣ изо всѣхъ силъ старались оправдать оказываемую честь пріемомъ, достойнымъ столь почетнаго гостя. Въ такихъ именно отношеніяхъ находилась къ Трощинскому Марья Ивановна. Обыкновенно въ ожиданіи пріѣзда именитаго родственника, кото-

раго привыкли даже за глаза величать не иначе, какъ превосходительствомъ и благодѣтелемъ, въ домѣ поднимались суетливыя хлопоты и приготовленія, далеко не ограничивавшіяся обычной въ подобныхъ случаяхъ уборкой комнатъ. При многочисленности свиты, съ которой разъѣзжалъ Трощинскій, заботы о размѣщеніи ея заставляли нерѣдко Марью Ивановну отказывать себѣ въ привычномъ покоѣ и даже переселяться на время къ сосѣдямъ, а сына посылать за покупками и припасами изъ Васильевки въ Полтаву, Кременчугъ и дальше. Иногда приходилось приносить немаловажныя жертвы: такъ однажды она должна была отказать себѣ въ удовольствіи оказать помощь одному изъ наиболѣе любимыхъ родственниковъ, находившемуся въ бѣдственномъ положеніи, и сдѣлать много тратъ въ ожиданіи не состоявшагося пріѣзда Трощинскаго, при чемъ приходилось располагать собой, своимъ временемъ и помѣщеніемъ, примѣняясь къ вкусамъ и привычкамъ высокаго гостя. „Къ Петру и Павлу ожидаемъ Дмитрія Прокофьевича со всѣмъ его семействомъ. Къ тому дню и мы должны ѣхать съ Варенькой [1]) въ Яресски. Она здорова; только скучаетъ, воображая, что пріѣдутъ сюда кибинцскіе, и надобно будетъ больше съ ними жить въ продолженіе лѣта“. Особенно тяжело было Марьѣ Ивановнѣ переламывать себя и жить среди веселаго общества въ Ярескахъ, тогда какъ послѣ смерти мужа ей было вовсе не до того. „Мнѣ очень мучительно“, пишетъ она, „имѣя горесть въ сердцѣ, быть въ веселой компаніи, но я стараюсь какъ можно рѣже тамъ бывать и оставаться больше въ уединенной и спокойной моей Васильевкѣ“.

Вотъ еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ отношенія Марьи Ивановны къ Д. П. Трощинскому.

„Я вамъ писала, что жду Дмитрія Прокофьевича; онъ у насъ былъ и чрезвычайно былъ доволенъ угощеніемъ, княжна [2]) не была по причинѣ пріѣзда къ ней отца ея, котораго Дмитрій Прокофьевичъ просилъ и они оставались въ Ярескахъ. Выпроводя ихъ, ѣздила я съ Варенькой къ Катенькѣ [3]), а тамъ

[1]) Варварой Петровной Косяровской.

[2]) Сакенъ. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 69; 2 изд., стр. 27.

[3]) Е. И. Ходаревской, родной сестрѣ М. И. Гоголь. См. „Указатель“, 1 изд. стр. 47, внизу; 2 изд., стр. 19.

должна была ѣхать на именины къ благодѣтелю моему (тѣмъ болѣе, что онъ былъ у меня), гдѣ провела время очень скучно" и проч.

„О Дмитріи Прокофьевичѣ я, кажется, писала вамъ, какъ онъ у насъ былъ, и старалась доставить ему всѣ тѣ удовольствія, которыя онъ любитъ".

„Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты. Теперь пріѣхали Шамшевы, Софья Алексѣевна и Ростиславъ; Иванъ Ефимовичъ возвратился изъ Кибинецъ. Я вообразила, что тогда еще будутъ въ Кибинцахъ, и Родзянки пріѣхали, и мнѣ никакъ невозможно ихъ помѣстить всѣхъ, и, признаюсь, я и рада сему случаю; жаль только, что употреблено много денегъ: лучше бы послала вамъ". „Въ Кибинцахъ мы провели время и пріятно и грустно, — пріятно потому, что я имѣла особую комнатку, гдѣ могла свободно предаваться своимъ мыслямъ и обдумывать свои планы (я просила, чтобы мнѣ дали въ гостиномъ флигелѣ особую комнатку вмѣстѣ съ моей Машей, для того, что съ Ольгой Дмитріевной мнѣ надобно было помѣщаться съ Капнистами и съ другими женщинами и поздно слишкомъ ложиться, потому что послѣ ужина всѣ молодые люди всегда во флигелѣ собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы отъ ужина тотчасъ уходили въ свою квартиру). Одинъ Андрей Андреевичъ [1]), истинно какъ родной братъ, со мной обходился, а больше никто. Мнѣ казалось, что ужаснѣйшая зависть меня окружаетъ, а впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь,—Богъ знаетъ!.. Кажется, совсѣмъ нечего мнѣ завидовать: я ожидаю единственной и самой большой помощи отъ благодѣтеля моего Дмитрія Прокофьевича—рекомендательныхъ писемъ для моего сына къ тѣмъ особамъ, которыя ему будутъ нужны, а болѣе никакой помощи я не надѣюсь, потому что слишкомъ ужъ стараются отдалять его отъ моего сердца [2]). О люди! Я теперь только ихъ узнаю; прежде мнѣ и въ голову

[1]) Трощинскій, родственникъ Дмитрія Прокофьевича и двоюродный братъ Марьи Ивановны Гоголь, мужъ упомянутой Ольги Дмитріевны. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя", изд. I, стр. 27; 2 изд., стр. 11.

[2]) Это относится уже ко времени сборовъ Н. В. Гоголя въ Петербургъ.

не приходило, чтобы можно было говорить и писать не такъ, какъ чувствуешь".

„Ангелъ мой, благодѣтель Дмитрій Прокофьевичъ, платилъ за меня въ казну и рѣдко отъ меня принималъ и, видно, для памяти писалъ у себя, сколько я ему должна, и вышло 4,060 р., и сія записка нашлась; и мнѣ платить сіи деньги; но такъ какъ никакого средства ихъ нѣтъ мнѣ уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу принять Ясрековское мое имѣніе, состоящее изъ десяти десятинъ. Онъ согласился, но только не даетъ по 30 р. десятину, и выходитъ, что имѣнія лишусь и долгу не уплачу; но да будетъ воля Божія: мы располагаемъ, а Богъ опредѣляетъ".

Наконецъ вотъ извѣстіе о смерти Трощинскаго:

„Изъ Кибинецъ я возвратилась съ разбитымъ горестью сердцемъ, поклонилась гробу благодѣтеля моего, который такъ поставленъ, что можно туда ходить и видѣть гробъ"...

Оканчивая здѣсь рѣчь о Д. П. Трощинскомъ, чтобы характеристика его не представлялась у насъ одностороннею и пристрастною, а вмѣстѣ и для болѣе яснаго пониманія совершившейся впослѣдствіи въ юномъ Гоголѣ перемѣны въ отношеніяхъ его къ Трощинскому, упомянемъ и объ отрицательныхъ сторонахъ быта послѣдняго. Мы говорили о томъ, какъ ожидалось съ трепетомъ его появленіе къ гостямъ. Какъ ни привычно было большинство гостей къ этимъ торжественнымъ выходамъ, едва ли многіе изъ нихъ не ощущали нѣкоторой робости въ минуты такихъ появленій. Но вотъ кто-нибудь изъ гостей,—конечно изъ тѣхъ, которые, съ одной стороны, уже пользуются извѣстной свободой и прерогативами, а съ другой, не прочь подслужиться и угодить вельможѣ, — находитъ, что наступаетъ время развлечь Дмитрія Прокофьевича. На сцену вызывается кто-нибудь изъ шутовъ и начинаетъ занимать общество своими выходками. Но трудно шуту даже при невзыскательности присутствующихъ къ увеселеніямъ подобнаго рода быть постоянно, такъ сказать, на высотѣ своей задачи: шутки или повторяются, или становятся черезчуръ избитыми и не достигаютъ цѣли. Приходится изобрѣсть что-нибудь новое, не успѣвшее наскучить. Къ стыду нашихъ дѣдовъ, нельзя не сознаться, что нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ скудоуміе шутовъ не только не уравновѣшива-

лось находчивостью гостей, но даже давало поводъ къ проявленію со стороны послѣднихъ возмутительной пошлости. У Трощинскаго въ случаѣ нужды оживить общество на выручку являлись особые *шутодразнители,* т. е. люди, не гнушавшіеся жестокимъ и тупоумнымъ глумленіемъ надъ несчастными, забитыми идіотами, или полупомѣшанными скоморохами, — для того чтобы и хозяину угодить, и на моментъ выдвинуться изъ толпы и удовлетворить чувству мелкаго самолюбія, сдѣлавшись, подобно Добчинскому или Бобчинскому, героями минуты. Въ такихъ шутодразнителяхъ не было недостатка при разнородномъ составѣ гостей Трощинскаго. Что̀ они выдѣлывали и изобрѣтали въ угоду знатному вельможѣ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Среди шутовъ, кромѣ извѣстнаго Романа Ивановича [1]), обращалъ на себя вниманіе жалкій, отставленный вслѣдствіе умопомѣшательства заштатный священникъ, отецъ Варѳоломей. Онъ былъ главной мишенью для насмѣшекъ и издѣвательства, а иногда и побоевъ со стороны не знавшей удержу толпы, не считавшей для себя обязательнымъ даже уваженіе къ прежнему сану помѣшаннаго. Этого мало: была изобрѣтена особая, часто повторявшаяся жестокая потѣха, состоявшая, въ томъ, что бороду несчастнаго шута припечатывали сургучемъ къ столу и заставляли его, дѣлая разныя движенія, выдергивать ее по волоску. И это могло быть на глазахъ умнаго и добраго по природѣ, а главное—[2]), просвѣщеннаго вельможи!... Шутъ этотъ былъ не столько забавенъ даже, сколько отвратителенъ и грязенъ въ буквальномъ смыслѣ слова: неопрятность его доходила до такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, что смотрѣть на него во время обѣда было противно и непристойно и его принуждены бывали отдѣлять отъ остального общества особыми ширмочками, чтобы не оскорблять по крайней мѣрѣ зрѣнія сосѣдей, тогда какъ слухъ ихъ ежеминутно оскорблялся его безобразнымъ чавканьемъ. Несмотря на такія отвратительныя привычки и наружность отца Варѳоломея, съ нимъ послѣ стола ежедневно продѣлывали одну и ту же шутку. Глумясь надъ жадностью его къ деньгамъ, между нимъ и Трощинскимъ, садив-

[1]) См. о немъ въ письмахъ Гоголя („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 65 и 67).

[2]) Впрочемъ, по словамъ А. С. Данилевскаго, эти шутки мало забавляли Трощинскаго: онъ смотрѣлъ на нихъ угрюмо, развѣ изрѣдка бывало улыбнется.

шимся нарочно возлѣ шута, потихоньку подвигали ассигнацію и наблюдали, какъ, не будучи въ состояніи устоять противъ соблазна, шутъ наконецъ ее схватывалъ и собирался уже ею завладѣть, какъ вдругъ, остановленный въ своемъ намѣреніи безцеремоннымъ толчкомъ и браннымъ словомъ Трощинскаго, невозмутимо повторялъ двусмысленное: „а нехай се вамъ!...“ Однажды во время пріѣзда архіерея шутодразнители вложили отцу Вареоломею мысль обратиться къ его преосвященству съ привѣтственною рѣчью. Рѣчь была дѣйствительно приготовлена и, къ крайнему соблазну однихъ и лукавой радости другихъ, торжественно начата. Архіерей слушаетъ и недоумѣваетъ. Наконецъ, когда не осталось уже сомнѣнія, въ чемъ дѣло, находя неприличнымъ и скучнымъ слушать такой вздоръ, прервалъ автора словами: „хорошо, очень хорошо! остальное досказывай чушкамъ“...

Въ обычныхъ шуткахъ надъ отцомъ Вареоломеемъ принимали участіе рѣшительно всѣ. Казалось нелѣпымъ и неестественнымъ относиться къ нему иначе, а совершенно игнорировать его при описанномъ выше общемъ настроеніи не представлялось возможнымъ. Наконецъ, и самъ отецъ Вареоломей, свыкшись съ своимъ положеніемъ и исполняя свои обязанности, вѣроятно силился, чѣмъ могъ, обращать на себя вниманіе и возбуждать смѣхъ....

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!...“

II.

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ. СТРАСТЬ КЪ ЖИВОПИСИ И КЪ ТЕАТРУ.

Съ мая 1821 г. по іюнь 1828 Гоголь былъ ученикомъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Къ сожалѣнію, школьная жизнь его почти совсѣмъ не отражается въ письмахъ къ родителямъ. Составить удовлетворительное представленіе о ней всего больше мѣшаетъ самый возрастъ автора, еще не привыкшаго давать себѣ отчетъ въ переживаемыхъ впечатлѣніяхъ и не чувствовавшаго потребности въ письменной бесѣдѣ, хотя бы съ самыми близкими людьми, о вопросахъ, не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ практическимъ нуждамъ. Не усердно занимаясь преподаваемыми предметами, находясь на счету ученика лѣниваго и посредственнаго по успѣхамъ, дерзкаго и „неряшливаго" по поведенію, Гоголь не любилъ воспитавшую его школу [1]) и, мало ею интересуясь, не находилъ удовольствія и говорить о ней. Вообще Гоголь нерѣдко вспоминалъ о ней лишь впослѣдствіи. *Только* въ послѣдніе годы жизни въ Нѣжинѣ, когда онъ уже значительно развился и созрѣлъ, мы находимъ въ письмахъ попытки подвести итоги вынесенному изъ школы, но и эти, крайне враждебные, отзывы были сдѣланы мимоходомъ, подъ вліяніемъ раздраженія, и вызывались необходимостью отвѣчать на

[1]) Уже гораздо позднѣе отношенія Гоголя къ Лицею измѣнились; такъ Гоголь былъ сильно огорченъ и встревоженъ однажды несправедливыми слухами о пожарѣ въ нѣжинскомъ Лицеѣ (письмо къ П. А. Бѣлозерскому, соч. Гог., изд. Кулиша, V т., стр. 251).

упреки матери за потерянные годы. Къ тому же они не даютъ ни малѣйшаго представленія о разнородныхъ впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ въ стѣнахъ заведенія за все школьное время. Исключеніе представляютъ только немногія строки, касающіяся ученическаго театра; кое-что мы узнаемъ также изъ трехъ писемъ его къ товарищу Высоцкому.

Такимъ образомъ кромѣ писемъ къ матери при изученіи школьнаго періода жизни Гоголя мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, напр. отзывамъ о Гоголѣ-отрокѣ его школьныхъ товарищей и наставниковъ и нѣкоторымъ оффиціальнымъ даннымъ.

Въ ряду источниковъ подобнаго рода первымъ по времени документомъ является прошеніе отца Гоголя о принятіи сына въ число воспитанниковъ нѣжинской гимназіи — въ письмѣ, адресованномъ къ директору Кукольнику (отцу извѣстнаго писателя). Письмо это не достигло цѣли: оно было получено уже по смерти Кукольника и отцу Гоголя пришлось вторично обратиться къ начальству гимназіи съ тою же просьбой, на которую уже послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Гоголь былъ помѣщенъ въ число своекоштныхъ пансіонеровъ, а черезъ годъ устроенъ на казенный счетъ, такъ какъ родители были не въ силахъ платить ежегодно тысячу рублей за его образованіе. Поступленіе его въ самомъ концѣ учебнаго года не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что нѣжинская гимназія въ то время только начала свое существованіе и еще не получила правильной организаціи. Созданная наскоро и открытая лишь за полгода до поступленія Гоголя, она нуждалась даже въ учебномъ персоналѣ и была не богата воспитанниками; ей предстояло еще устройство почти всѣхъ частей школьнаго обихода [1]). Въ это-то время черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ, въ качествѣ хорошаго знакомаго, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи и совѣтовалъ ему отдать сына въ находящійся при ней пансіонъ. Подготовка мальчика оказалась крайне не блестящая: на пріемномъ испытаніи онъ обнаружилъ удовлетворительныя познанія единственно въ Законѣ Божіемъ. По-

[1]) Даже къ концу года въ ней было всего 52 ученика, которые всѣ учились въ одномъ классѣ. (См. „Извѣстія Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ“, т. III, 1879, неоффиц. отд., стр. 128).

ступленіе его при такихъ условіяхъ объясняется, конечно, только исключительнымъ положеніемъ только-что возникавшаго учебнаго заведенія, хотя Гоголь и попалъ даже въ среднее отдѣленіе изъ трехъ, на которыя были раздѣлены по познаніямъ вновь принятые воспитанники.

За первый годъ жизни Гоголя въ Нѣжинѣ письма его становятся нѣсколько больше по объему, но остаются по прежнему однообразными и дѣтскими по содержанію [1]). Въ нихъ мы все еще не находимъ пока почти ничего, кромѣ сообщеній о состояніи своего здоровья и о своихъ нуждахъ. Существенную разницу съ письмами предшествующей поры можно видѣть только въ томъ, что съ болѣе зрѣлымъ сравнительно возрастомъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ Гоголю приходится испытывать и больше заботъ и затрудненій, нежели въ Полтавѣ. Въ новой обстановкѣ Гоголю было уже не такъ привольно, какъ прежде: въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ, очевидно только-что по возвращеніи послѣ вакаціи, онъ уже жалуется на тоску о родителяхъ и проситъ, чтобы они побывали у него въ томъ же мѣсяцѣ; говоритъ о боляхъ въ груди. Разлука съ родителями на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, и съ меньшею надеждою на близкое свиданіе, послѣ полугодовой жизни въ семьѣ, бо́льшая отдаленность отъ нея, отсутствіе людей, кромѣ отпущеннаго съ нимъ дядьки (сближеніе съ другими названными ниже лицами могло произойти только по прошествіи нѣкотораго времени), наконецъ, еще не успокоившееся, не улегшееся чувство нѣкоторой осиротѣлости, одиночества по смерти любимаго брата, раздѣлявшаго съ нимъ въ Полтавѣ тоску разлуки съ домашними, — все это должно было производить самое тяжелое, удручающее дѣйствіе на мальчика. Онъ не спитъ, неутѣшно плачетъ, находя нѣкоторое облегченіе въ своемъ горѣ только въ участіи преданнаго дядьки, просиживающаго надъ его постелью цѣлыя ночи, наконецъ онъ, что̀ такъ естественно въ его возрастѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства разлуки и одиночества въ совершенно новой и чуждой пока сферѣ, преувеличиваетъ значеніе ощущаемой имъ физической боли. Все это представляетъ явленія

---

[1]) Мы сравниваемъ ихъ здѣсь съ дошедшими до насъ тремя письмами изъ Полтавы. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 3 и 4).

очень обыкновенныя въ дѣтскомъ возрастѣ при подобныхъ случаяхъ, какъ и то, что настроеніе Гоголя, какъ и всякаго ребенка его лѣтъ, обыкновенно перемѣнялось слишкомъ быстро. Сравнимъ для подтвержденія сказаннаго письма его отъ 13 и 14 августа 1821 г.: въ первомъ высказывается радость и спокойное, свѣтлое состояніе духа, второе проникнуто уже наивнымъ дѣтскимъ отчаяніемъ. Дѣло было въ томъ, что, получивъ отъ родителей обѣщаніе пріѣхать къ нему только въ октябрѣ, между тѣмъ какъ онъ прежде разсчитывалъ на болѣе скорое свиданіе, Гоголь еще сильнѣе поддался охватившей было его по возвращеніи изъ дому грусти, и теперь она совершенно вытѣсняетъ на короткое время свойственную дѣтскому возрасту безпечность и способность легко забывать непріятныя впечатлѣнія, и вотъ результатомъ такого тяжелаго настроенія является жалобное письмо, повидимому, очень напугавшее родителей. Было въ самомъ дѣлѣ чѣмъ встревожиться; свое состояніе Гоголь описываетъ въ яркихъ краскахъ: „Весьма опечалился я, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибы вы пріѣхали какъ можно поскорѣе и узнали бы *объ участи* своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь — напротивъ того. О еслибы, дражайшіе родители, вы пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день *слезы рѣкой льются*, и самъ не знаю, отчего, и особливо, когда вспомню объ васъ, *то градомъ такъ и льются.* И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать“ [1]). Слѣдующее письмо, заключавшее въ себѣ извиненія и оправданія Гоголя, даетъ основаніе предположить, что на свои жалобы онъ получилъ въ отвѣтъ увѣщанія и усовѣщиванія. Здѣсь онъ старается загладить свой необдуманный поступокъ, утверждая, что у него дѣйствительно очень болѣла грудь съ другого же дня по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, но что теперь (т. е. когда онъ писалъ) онъ совершенно здоровъ и веселъ. Между тѣмъ накануне тревожнаго письма онъ говорилъ, что былъ здоровъ;

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр 5.

онъ писалъ въ первый разъ не въ день пріѣзда въ Нѣжинъ, а уже по полученіи извѣстій изъ дому („освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ...") [1]) Все это отзывается еще ребячествомъ, какъ и приписка къ письму 14 августа въ постскриптумѣ о томъ, что учениковъ еще не собралось и половины, заключающая въ себѣ какъ бы намекъ на то, что онъ слишкомъ рано привезенъ, что можно было бы побыть еще нѣсколько времени дома.

Но мало-по-малу Гоголь привыкъ, конечно, къ своему новому мѣсту воспитанія и достаточно освоился съ жизнью въ немъ: по крайней мѣрѣ, жалобы его прекращаются, и въ самой перепискѣ замѣчается довольно продолжительный, именно мѣсячный перерывъ,—вѣрный признакъ нѣкотораго успокоенія.

Уже вскорѣ по вступленіи въ школу Гоголь могъ чувствовать себя въ ней не совсѣмъ одинокимъ: въ числѣ товарищей онъ встрѣтилъ дѣтей короткихъ знакомыхъ отца, впослѣдствіи своихъ постоянныхъ спутниковъ въ поѣздкахъ домой на каникулы. (Это были Барановъ и А. С. Данилевскій, оставшійся другомъ Гоголя въ продолженіе всей жизни). Сверхъ того при мальчикѣ находился еще дядька, котораго отецъ Гоголя получилъ позволеніе держать при пансіонѣ въ качествѣ служителя безплатно [2]). Постоянная близость любимаго и преданнаго дядьки была большимъ утѣшеніемъ для ребенка въ разлукѣ его съ родителями, особенно на первое время [3]). Заботливые родители, безкорыстно предлагая услуги своего двороваго человѣка, должны были имѣть въ виду именно этотъ уходъ за сыномъ и возможное облегченіе для ребенка времени первоначальнаго ознакомленія и постепеннаго освоенія съ неизвѣстнымъ ему школьнымъ міромъ [4]).

Вскорѣ и въ числѣ воспитателей Гоголя нашлись также люди.

[1]) Тамъ же „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 5.

[2]) Это былъ Симонъ, о которомъ Гоголь упоминаетъ въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ.

[3]) „Не забудьте добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ не плакать о васъ, дражайшіе родители, и не просиживалъ цѣлой ночи надо мной". („Соч. и письма Гоголя", V т., стр. 5).

[4]) Въ случаяхъ денежныхъ затрудненій тотъ же Симонъ является опекуномъ Гоголя уже года три спустя. („Соч. и письма Гоголя", V т., стр. 25).

расположенные къ нему и отчасти бывшіе въ короткихъ отношеніяхъ съ его родителями. Самъ глава заведенія, Иванъ Семеновичъ Орлай, познакомился и сошелся съ семействомъ отца Гоголя въ Кибинцахъ у Трощинскаго, еще до назначенія своего въ Нѣжинъ [1]). Степень близости отношеній Орлая къ Гоголю можетъ быть опредѣлена по характеру упоминаній о немъ въ письмахъ (изъ которыхъ ясно, что онъ считался хорошимъ знакомымъ дома), и, главнымъ образомъ, по той заботливости и особенному участію, которое онъ принималъ въ частныхъ дѣлахъ своего питомца, приказывая ему, напр., чаще писать къ матери и проч. [2]).

Такова была внѣшняя обстановка Гоголя въ заведеніи.

Обычное однообразіе школьной жизни прерывалось только театромъ въ стѣнахъ заведенія и поѣздками домой на каникулы.

Заботы Гоголя о гимназическомъ театрѣ и постановкѣ на сцену новыхъ пьесъ начались уже на второй годъ пребыванія его въ Нѣжинѣ [3]). Ему, безспорно, принадлежала ини-

[1]) Изъ другихъ наставниковъ Гоголя съ его родителями уже во время пребыванія его въ школѣ познакомился профессоръ физики и химіи Шапалинскій, для котораго Гоголь просилъ однажды выслать болѣе помѣстительный экипажъ, нежели обыкновенно, такъ какъ въ немъ нужно было помѣстить кромѣ обычныхъ спутниковъ—товарищей уже упомянутаго профессора.

[2]) Изъ переписки видно, что въ случаѣ нужды въ деньгахъ Гоголь могъ также свободно обращаться къ нему. („Соч. и письма Гог.“, V т., стр. 4, 6, 10). Здѣсь во всякомъ случаѣ дѣло идетъ не объ Иванѣ Семеновичѣ Данилевскомъ, о которомъ въ это время нигдѣ не упоминается въ письмахъ и съ которымъ Гоголь тогда еще почти не былъ знакомъ.

Приведемъ слова товарища Гоголя Н. В. Кукольника о школьныхъ отношеніяхъ Орлая къ Гоголю: «Иванъ Семеновичъ не жаловалъ, если ученики, во время лекцій, оставляли классы и прогуливались по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, и потому немудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды сухъ и всегда одною и тою же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шелъ прямо къ нему навстрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать Вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все очень хорошо. (Имѣніе Орлая, при которомъ было всего шесть душъ, находилось по сосѣдству съ деревней матери Гоголя)...—«Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться ей отъ меня, и поблагодарить...» Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безпрепятственно продолжалъ свою прогулку по коридорамъ». («Лицей князя Безбородко», 1859 г. и вновь перепечатано подъ названіемъ: «Гимназія Высшихъ Наукъ». С.-Петерб. 1881 г.).

[3]) Театръ возникъ собственно только въ началѣ 1827 года (См. „Извѣстія

ціатива дѣла, съ которымъ изъ его товарищей врядъ ли кто и былъ знакомъ. Театръ, какъ видно, поглощалъ все вниманіе Гоголя: онъ заботится о немъ и съ радостью сообщаетъ объ удачахъ, при чемъ сила увлеченія видна уже изъ умѣнія организовать дѣло и изъ самой инициативы въ такомъ раннемъ возрастѣ. И дома Гоголь также хочетъ непремѣнно играть. „Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я хорошо ее сыграю“. [1]) Со словъ одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя, г. Пашковъ, въ своихъ замѣткахъ („Гоголь въ Нѣжинѣ“, „Берегъ“, 1880 г., № 268, дек. 18) свидѣтельствуетъ, что любовью къ театру и ко всему изящному Гоголь отличался въ школѣ и выдавался въ этомъ отношеніи между товарищами. Очевидно, что это была страсть, а не мгновенная вспышка обыкновеннаго ребенка [2]).

Историко-Филолог. Инст. въ Нѣжинѣ“, 1872, неоффиціальный отдѣлъ, стр. 152), но ученическія представленія существовали и раньше (см. „Соч. и письма Гог.., V т., стр. 14).

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 14.

[2]) Законность и польза существованія театра признавалась далеко не всѣми воспитателями или, вѣрнѣе, на этомъ вопросѣ всего ярче и съ наибольшимъ ожесточеніемъ отразились тѣ препирательства, которыми изобиловала въ то время жизнь нѣжинской педагогической корпораціи.

Интрига не замедлила примѣшаться и къ этому учрежденію, которое, казалось бы, должно было сблизить юношей и ихъ наставниковъ и при разумномъ руководствѣ оживить училищную жизнь. Вмѣсто того, ему суждено было внести разладъ и возбудить страсти самихъ учащихся и сдѣлать ихъ также причастными тому ожесточенію къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ, которое сначала было, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ послѣднихъ; а такъ какъ въ профессорскихъ интригахъ для учениковъ было мало назидательнаго, то понятно отсюда общее паденіе профессорскаго авторитета, доходившее иногда въ воспитанникахъ до презрѣнія къ инымъ преподавателямъ, и усиленіе той распущенности, на которую они еще прежде жаловались въ своихъ донесеніяхъ конференціи. Въ числѣ недоброжелателей новой затѣи оказался прежде всего проф. Билевичъ, который во избѣжаніе отвѣтственности за допущеніе имъ, какъ членомъ конференціи, учрежденія театра, счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія окружного и почетнаго попечителей съ занесеніемъ своего мнѣнія въ журналъ конференціи. Проф. словесности, Никольскій, вѣроятно обиженный тѣмъ, что театръ возникъ, если не безъ вѣдома его, то помимо его участія и руководства, въ особомъ рапортѣ, представленномъ въ конференцію, энергически настаивалъ, въ свою очередь, на разъясненіи вопроса о томъ, кѣмъ именно были разрѣшены театральныя зрѣлища и кто, слѣдовательно, долженъ за нихъ отвѣчать, также происходилъ ли выборъ піесъ для представленій, и если происходилъ, то подъ чьимъ именно контролемъ. „Ежели сіе кому-либо частно

Любовь къ изящному, развившаяся въ ребенкѣ въ періодъ жизни въ домашнемъ кругу, вообще замѣтно проявилась во время его пребыванія въ школѣ. Не слишкомъ прилежный ученикъ, мало оказывавшій успѣховъ въ обязательныхъ предметахъ обученія, Гоголь съ явной охотой принимается за необязательные, т. е. искусства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія учиться музыкѣ и танцамъ, повторяетъ о своемъ желаніи въ нѣсколькихъ письмахъ сряду, проситъ прислать скрипку и смычекъ и т. п., высказываетъ охоту учиться танцовать, и самъ спѣшитъ записаться въ число занимающихся этими искусствами, еще не будучи окончательно увѣренъ въ со-

одному предоставлено, то для чего конференціи за извѣстіе о томъ знать не дано; если же выборъ піесъ предоставленъ вообще всей конференціи, то для чего и кѣмъ, безъ вѣдома оной, назначаемы были театральныя піесы, кои уже шесть лѣтъ разыгрывались, какъ слышно, съ какими-то собственными, только неизвѣстно чьими дополненіями и прибавленіями". (Пустивъ въ ходъ такимъ образомъ какой-то, вѣроятно многимъ понятный тогда намекъ, авторъ рапорта притворяется невѣдущимъ о томъ, что по настоянію кого-нибудь изъ начальства, по всей вѣроятности самого директора Орлая, ученикамъ указывались и рекомендовались для ихъ театральнаго репертуара піесы, написанныя на французскомъ языкѣ). Наконецъ онъ высказываетъ догадку свою о стремленіи начальства расположить публику къ гимназіи и привлечь ее къ помѣщенію дѣтей въ находящійся при гимназіи пансіонъ, какъ о главной причинѣ возникновенія и поощренія театральныхъ зрѣлищъ, и выражаетъ свое убѣжденіе о возможности выбора для этой почтенной цѣли другихъ болѣе благородныхъ или благовидныхъ мѣръ. Послѣдніе намеки особенно заставляютъ,—если не будетъ слишкомъ смѣло строить предположенія на недостаточно еще разъясненныхъ фактахъ,—заподозрѣть въ Никольскомъ стремленіе набросить тѣнь на начальство, допускавшее, по мнѣнію составителя доклада, излишнія поблажки своимъ питомцамъ и оказывавшееся нерадивымъ или несостоятельнымъ въ надлежащемъ выполненіи прямыхъ своихъ обязанностей. Никольскій, подобно Билевичу, кончаетъ свой рапортъ также просьбой довести его соображенія до свѣдѣнія господъ попечителей. Конференція, однако, отклонила оба ходатайства и тѣмъ еще болѣе распалила злобу въ противникахъ театра, такъ что вскорѣ обострившееся раздраженіе двухъ партій повело за собой цѣлую исторію ссоръ, доносовъ и препирательствъ, кончившихся трагически для иныхъ преподавателей, и что̀ всего прискорбнѣе, вовлекшую въ принадлежность къ одной, хотя и лучшей (инспекторской) партіи противъ нѣкоторыхъ, хотя и менѣе достойныхъ профессоровъ, вооружавшихся противъ театра,—многихъ старшихъ воспитанниковъ, и прежде всего, конечно, такихъ горячихъ сторонниковъ театра, какимъ былъ Гоголь.—Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этой темной исторіей, отсылаемъ къ обстоятельной статьѣ проф. Лавровскаго („Извѣстія Историко-Филологич. Института въ Нѣжинѣ", т. III, 1879 г., неоффиц. отдѣлъ, стран. 102—258; послѣ эта статья вышла также особой брошюрой).

гласіи на то родителей. „Я уже подписался хотѣвшимъ (т. е. желающимъ) учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно“ [1]). Не получивъ отвѣта изъ дому, онъ уже рѣшается, несмотря на внѣшнюю робкую почтительность, заблаговременно заявить свое желаніе, очевидно, въ полномъ разсчетѣ на разрѣшеніе. Вѣроятнѣе всего, что и родители относились поощрительно къ такому проявленію въ мальчикѣ эстетическихъ наклонностей: при несомнѣнной все-таки ограниченности ихъ средствъ, такъ явно обнаружившейся въ перепискѣ, особенно еще въ самыхъ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Нѣжина, въ которыхъ ему приходилось по нѣскольку разъ сряду просить у родителей объ одномъ и томъ же, о присылкѣ денегъ или о покупкѣ нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ, — они не отказывали ему въ концѣ концовъ въ просьбахъ и находили возможнымъ уплатить прибавочную сумму (около 100 р. въ годъ) за обученіе сына искусствамъ.

Но кромѣ страсти къ изящному и отчасти безсознательнаго накопленія матеріала для будущихъ произведеній изъ разсказовъ отца или дѣда и видѣнныхъ въ дѣтствѣ малороссійскихъ комедій, для будущей творческой дѣятельности Гоголя необходимъ былъ и иной запасъ, данный самой жизнью и доставившій впослѣдствіи обильную пищу его фантазіи, уже получившей побужденіе работать въ извѣстномъ направленіи, и эту пищу онъ нашелъ, при необыкновенной врожденной наблюдательности, между прочимъ и въ путевыхъ впечатлѣніяхъ во время своихъ поѣздокъ въ Нѣжинъ и обратно въ Васильевку [2]). Искреннія, въ высшей степени прочувствованныя воспоминанія Гоголя о дѣтствѣ въ началѣ VI главы „Мертвыхъ Душъ“ и особенно о поѣздкахъ и о дорогѣ имѣютъ, несомнѣнно, весьма важное автобіографическое значеніе. Всего важнѣе въ этомъ смыслѣ слѣдующія слова его послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ его вниманіе: „Я уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ“ [3]). Изъ нихъ мы можемъ убѣдиться, что зародыши его ве-

---

1) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 7, также 8, 10, 11 и слѣдд.

2) Также по порученію матери въ Кременчугъ и Полтаву; см. выше.

3) Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (V т., стр. 438) Гоголь также съ увлеченіемъ говоритъ о благотворномъ вліяніи на него дороги уже въ зрѣлыхъ годахъ: „Дорога, дорога! Я надѣюсь на дорогу: она теперь будетъ для меня вдвойнѣ

ликаго искусства проникать въ тайны внутренняго міра человѣка, дающія ему права на званіе поэта-мыслителя, его глубокое сочувствіе людскимъ несчастіямъ и склонность „смѣяться сквозь слезы“ имѣли свое начало еще въ дѣтской воспріимчивости и наблюдательности и воспитали въ немъ гуманное отношеніе къ ничтожному и падшему человѣку. Если припомнимъ, что въ другомъ мѣстѣ того же произведенія онъ говоритъ о дорогѣ: „сколько родилось въ ней чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!“ [1]), то мы должны будемъ признать, что по крайней мѣрѣ извѣстная доля этихъ впечатлѣній накопилась въ чуткомъ дѣтскомъ возрастѣ, и несомнѣнно тогда развилась воспріимчивость къ нимъ, а равно и страстное сочувствіе впечатлѣніямъ длинной дороги зародилось навѣрно еще очень рано [2])

прекрасна“. Сравни въ VI т., стр. 247: „Дорога всегда мнѣ помогала“; также см. VI т., стр. 165, 183, 213, 214, 243, 244, 502 и проч.

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 107.

[2]) Тамъ же, стр. 222.

III.

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОГОЛЯ ВЪ ХАРАКТЕРИСТИКАХЪ Г. КУЛИША И КОЯЛОВИЧА.

Въ виду крайней скудости данныхъ о школьномъ бытѣ Гоголя позволимъ себѣ дополнить предыдущій очеркъ разсказомъ г. Кулиша (котораго благодаримъ за любезное разрѣшеніе воспользоваться нѣсколькими страницами его труда) и другими слѣдующими ниже замѣтками и воспоминаніями объ этой порѣ жизни нашего писателя.

Г. Кулишъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя: „Гоголь представляется намъ красивымъ бѣлокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской гимназіи, у водъ поросшей камышемъ рѣчки, надъ которою взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грезы о родинѣ. Онъ—любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ выбираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое со-

стязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищей вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ: „О, моя юность! о, моя свѣжесть!“ что даже школьные враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни объ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждаго интересовала его въ высшей степени.

Впрочемъ товарищи составляли только отраду его въ разлукѣ съ роднымъ семействомъ, но не могли замѣнять для него первыхъ сердечныхъ привязанностей. Побывавъ дома на каникулахъ 1821 года, онъ до такой степени вновь сжился съ отцомъ и матерью, что разлука съ ними довела его до болѣзненнаго раздраженія чувствъ.

„Ахъ, какъ бы я желалъ“ (писалъ онъ къ нимъ), „еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали-бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь напротивъ того. О, еслибы, дражайшіе родители, пріѣхали (вы) въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ! тогда бы вы услышали, что̀ со мною дѣлается!“ [1])

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и „добронравнаго“; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетинился жесткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ-нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что̀ называется, „смирною овечкою“. Маленькія злыя ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что̀ онъ разсказываетъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ о *гусарѣ*, списано имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этихъ „Записокъ“; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи о гусарѣ; картина же это живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернскаго города N, по случаю стран-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 5.

ныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, „умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту“ (продолжаетъ онъ) „было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣжившеюся рѣчкою, тамъ и сямъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ“ [1]).

Эти „блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ“ живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность нѣжинскаго лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащій тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаюсь на соучениковъ Гоголя, не помнятъ ли они при этомъ „косвенномъ лучѣ солнца“ золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью „всѣхъ наслажденій бытія“, набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣятельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечно оно въ Гоголевой картинѣ.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень

[1]) „Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 188—189.

слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ [1]). Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи долго еще питалъ комическое отвращеніе [2]). Онъ шутя говаривалъ, что онъ „не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ-нибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ“.—Вспомните слова его: „по-англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ

[1]) Аттестатъ, полученный Гоголемъ при выпускѣ изъ гимназіи, противорѣчитъ этому преданію его товарищей. Въ немъ сказано, что Гоголь окончилъ курсъ ученія съ *очень хорошими* успѣхами во французскомъ и съ *превосходными* въ нѣмецкомъ языкѣ. Но надобно знать, каково было тогда состояніе языкознанія въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко. Этой части гимназическаго курса придавалось такъ мало важности, что рѣшительное незнаніе иностранныхъ языковъ не мѣшало воспитанникамъ переходить въ высшіе классы. По свидѣтельству знакомыхъ со мной лично соучениковъ Гоголя, онъ, находясь въ одномъ съ нимъ классѣ по наукамъ, отставалъ отъ нихъ постоянно двумя классами по языкамъ, и *превосходилъ* развѣ только тѣхъ, которые знали еще меньше его, то есть почти не умѣли читать нѣмецкой печати, при окончаніи курса, какъ это можно было встрѣтить въ малороссійскихъ гимназіяхъ и гораздо позже Гоголева времени. — Я видѣлъ книги Гоголя, по которымъ онъ обрабатывалъ свои лекціи, будучи адъюнктомъ въ С.-петербургскомъ университетѣ. Всѣ онѣ на русскомъ и на французскомъ языкахъ; на нѣмецкомъ—ни одной. Гоголь любилъ читать Шекспира, но, не зная англійскаго языка (которому началъ учиться подъ конецъ жизни), не могъ пользоваться превосходнымъ переводомъ Шлегеля и читалъ обыкновенно по-французски. Не мое дѣло догадываться, почему профессоръ нѣмецкой словесности аттестовалъ такъ высоко успѣхи Гоголя въ нѣмецкомъ языкѣ. Я только укажу на его же отмѣтку, сдѣланную въ общемъ выводѣ за 1828-й г. Не говоря уже о томъ, что Гоголь въ этомъ году пребыванія своего въ гимназіи высшихъ наукъ находился по языкамъ не въ шестомъ, высшемъ отдѣленіи, а въ четвертомъ отдѣленіи, онъ не могъ получить отмѣтки полныхъ баловъ 4, а получилъ только 2. Гдѣ же тутъ *превосходные* успѣхи? — Гоголь принялся за основательное изученіе языковъ только въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни и прибавилъ къ французскому знаніе языковъ итальянскаго, польскаго, нѣмецкаго, англійскаго, латинскаго, греческаго (и испанскаго). Въ его бумагахъ сохранились слѣды занятій этими языками, и кажется, что онъ читалъ книги на каждомъ изъ нихъ.

[2]) Впослѣдствіи, во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по-итальянски. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленія. Подъ конецъ жизни онъ учился и, можетъ быть, зналъ по-англійски; а въ его бумагахъ найдено много тетрадей, исписанныхъ упражненіями въ греческомъ языкѣ.

тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи" [1]). Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

Зато въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ гимназіи было тогда, и до сихъ поръ (въ лицеѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, историческаго стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованія, человѣка необыкновенно преданнаго своему искусству [2]), и будучи приготовленъ къ этому практически, Гоголь уже въ школѣ получилъ основныя понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно, такъ пламенно писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ и уже съ того времени предметы стали обрисовываться для его глаза такъ опредѣлительно, какъ видятъ ихъ только люди знакомые съ живописью [3]).

Что̀ касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы Н. В. Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій* [4]). О первыхъ мы молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже

---

1) „Мертвыя Души". (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 163).

2) Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго я многое узналъ о Гоголѣ.

3) „Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи", говоритъ Гоголь въ статьѣ о Пушкинѣ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 210—211). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго затѣмъ недосказаннаго объясненія: „Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди". Эту картину показывали мнѣ въ Васильевскѣ. Она писана клеевыми красками на загрунтованномъ краснымъ грунтомъ холстѣ, длиною въ 1½ а шириною въ 1 арш. Представляетъ она бесѣдку надъ прудомъ посреди высокихъ деревъ, между которыми одно—съ засохшими вѣтвями. Деревья, какъ видно, скопированы съ чего-нибудь, а бесѣдка сочинена вся или отчасти самимъ художникомъ. Замѣчательны въ ней рѣшетчатыя остроконечныя окна, подобныя тѣмъ, какія были въ старомъ домикѣ, нарисованномъ Гоголемъ. Подобныя окна есть и теперь въ Васильевкѣ въ небольшомъ флигелькѣ, въ саду.

4) Впослѣдствіи онъ рѣшительно отрекся отъ второй половины своей двойной фамиліи и не позволялъ называть себя Яновскимъ. „Зачѣмъ называете вы меня Яновскимъ? (говорилъ онъ). Моя фамилія *Гоголь*, а *Яновскій*—только такъ, прибавка; ее поляки выдумали. (Мих. Лонгиновъ: „Воспоминаніе о Гоголѣ", въ 3-й кн. „Современника" 1854).

нѣкоторою опытностью, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературныя занятія были его страстію. Слово въ эту эпоху вообще было какою-то новостію, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выраженію понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительною забавою [1]). Это было время появленія первыхъ главъ „Евгенія Онѣгина", время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и блистательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцвѣтными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Интересенъ разсказъ о Гоголѣ-гимназистѣ, напечатанный однимъ изъ его наставниковъ, г. Кулжинскимъ въ 21 № „Москвитянина" 1854 года.

„Онъ учился у меня" (говоритъ г. Кулжинскій) „три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: „Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram" (за что и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами „Universus mundus"). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую-нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, не узнанный школою и, ежели правду сказать, нехотѣвшій или неумѣвшій признаться школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ. Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться

---

[1]) Я думаю, что еще въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально вглядѣлся въ неосязаемую механику слова, какъ это послѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 212). „Въ каждомъ словѣ—говоритъ онъ—бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ".

русскому правописанію. Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть, и къ лучшему".

По разсказу Г. И. Высоцкаго, соученика Гоголя и друга первой его юности, охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападокъ на товарища Бороздина, котораго онъ преслѣдовалъ насмѣшками за низкую стрижку волосъ и прозвалъ Разстригою Спиридономъ. Вечеромъ, въ день именинъ Бороздина, 12-го декабря [1]), Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и съ слѣдующимъ акростихомъ:

„Се образъ жизни нечестивой.
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
Инокъ монастыря,
Разстрига, сотворившій грѣхъ,
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье.
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй".

Вскорѣ затѣмъ (разсказываетъ г. Высоцкій) Гоголь написалъ сатиру на жителей города Нѣжина, подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ Законъ не писанъ", и изобразилъ въ ней типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: 1) „Освященіе Церкви на Греческомъ Кладбищѣ"; 2) „Выборъ въ Греческій Магистратъ"; 3) „Всеѣдная Ярмарка"; 4) Обѣдъ у Предводителя (Дворянства) Н***"; 5) „Роспускъ и Съѣздъ Студентовъ". Г. И. Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга, подъ предлогомъ, будто бы потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ.

Другой соученикъ и другъ дѣтства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокоповичъ, сохранилъ воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь, бывши еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ гимназіи, читалъ ему наизусть свою стихотворную балладу.

[1]) Въ день святого Спиридона; но это была шутка, и именины Бороздина (его звали Николаемъ) приходились въ другой день. В. Ш.

подъ заглавіемъ: „Двѣ Рыбки“. Въ ней, подъ двумя рыбками онъ изобразилъ судьбу свою и своего брата — очень трогательно, сколько припомнитъ г. Прокоповичъ тогдашнее свое впечатлѣніе.

Наконецъ сохранилось преданіе еще объ одномъ ученическомъ произведеніи Гоголя—о трагедіи „Разбойники“, написанной пятистопными ямбами“.

Возвратимся къ устнымъ преданіямъ соучениковъ Гоголя.

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что̀ всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала: „Звѣзда“. Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ „Звѣздѣ“, между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: „Братья Твердиславичи“ (подраженіе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ „высокимъ“ слогомъ, изъ-за котораго бились и всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта, — словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе „альманаха“ и издалъ подъ заглавіемъ: „Парнасскій Навозъ“. Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьезному подражанію журналамъ и работалъ надъ обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Еще мы знаемъ автора „Мертвыхъ Душъ“ въ роли хранителя книгъ, которыя выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги

нетрудно было и при малыхъ средствахъ пріобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли „Сѣверные Цвѣты“, издававшіеся барономъ Дельвигомъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Пушкина и Жуковскаго, далѣе—нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало; библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоцѣнность, и особенно любилъ миніатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ „Математическую Энциклопедію“ Перевощикова, на собственныя свои деньги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ, но первое изданіе „Вечеровъ на Хуторѣ“ еще отзывается ею“.

Въ приведенномъ разсказѣ г. Кулиша мы не находимъ свѣдѣній о товарищеской средѣ, окружавшей Гоголя въ школѣ, и объ отношеніи юнаго поэта къ товарищамъ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ воспользоваться другими источниками, напримѣръ воспоминаніями нѣкоторыхъ друзей дѣтства нашего писателя и непосредственно слѣдующимъ очеркомъ покойнаго Кояловича.

„Не останавливаясь на подробной характеристикѣ этой товарищеской среды Гоголя“ (говоритъ Кояловичъ) [1]), „такъ какъ это—по важности и интересу своему могло-бы послужить предметомъ цѣлаго отдѣльнаго изслѣдованія,—упомянемъ только имена этихъ товарищей и напомнимъ вкратцѣ, какими интересами жила въ гимназіи эта талантливая молодежь.

Всѣмъ извѣстный П. Г. Рѣдкинъ (онъ былъ старше Гоголя на одинъ курсъ), очень скоро по своемъ вступленіи въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, задумалъ грандіозное дѣло: составить изъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ писателей полный курсъ всеобщей исторіи по самой подробной программѣ [2]). Къ нему присоединились его однокурсники:

[1]) „Московск. Сборникъ“, 1887, стр. 213—214.

[2]) Гербель,—„Лицей князя Безбородко“, стр. 329 и 113.

В. И. Любичъ-Романовичъ, извѣстный переводчикъ, и В. В. Тарновскій, бывшій впослѣдствіи, во время крестьянской реформы, послѣдовательно: членомъ отъ правительства въ черниговскомъ по улучшенію крестьянскаго быта комитетѣ, членомъ редакціонныхъ коммиссій и членомъ отъ правительства въ полтавскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи,—чѣмъ и записалъ свое имя въ исторію [1]). Къ этимъ тремъ вскорѣ присоединились и другіе товарищи Гоголя. К. М. Базили, не безъизвѣстный впослѣдствіи дѣятель въ области литературы и политики, который самою своей судьбой, приведшей его въ нѣжинскую гимназію, могъ оказать особаго рода вліяніе на будущаго творца „Тараса Бульбы". Свидѣтель ужасовъ константинопольской рѣзни грековъ въ 1821 г., Базили привезъ своимъ товарищамъ разсказы о всемъ, что̀ такъ жестоко поразило его въ самый нѣжный возрастъ, и воспоминанія о чемъ, конечно, не могли не сопутствовать ему и въ этой новой жизни, которая началась для него съ переѣздомъ въ Россію. Къ нимъ же скоро присоединился и Н. В. Кукольникъ, будущій авторъ драмы „Рука Всевышняго отечество спасла", который поражалъ своей начитанностью и знаніями не только товарищей, но и учителей. Къ той-же группѣ надо причислить и въ высшей степени симпатичнаго и кроткаго, талантливаго Гребенку [2]), дарованія котораго, согрѣтыя лучами великолѣпнаго генія его земляка и товарища, распустились впослѣдствіи въ прекрасный цвѣтокъ и дали современному обществу нѣсколько поэтическихъ разсказовъ и повѣстей изъ малороссійской жизни, на которыхъ замѣтно вліяніе Гоголя. Наконецъ, нельзя не вспомнить и Н. Я. Прокоповича, имя котораго навсегда слилось съ именемъ его знаменитаго друга, котораго онъ не долго пережилъ, съ которымъ до конца дѣлилъ всѣ горести и радости его шумной и тревожной славы".

Эта характеристика товарищеской среды Гоголя, сдѣланная Кояловичемъ, вполнѣ подтверждается и нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ дневника одного изъ его школьныхъ пріятелей поэта [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 461.

[2]) Гребенку Гоголь, впрочемъ, почти вовсе не зналъ.

[3]) Дневникъ этотъ не былъ напечатанъ. Мы не получили разрѣшенія назвать имя его автора.—Нѣкоторыя выписки будутъ приведены и ниже.

..."Въ ту пору литература процвѣтала въ нашей гимназіи, и уже проявлялись таланты товарищей моихъ: Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу. Эта эпоха моей жизни и теперь на старости наводитъ мнѣ умилительныя воспоминанія. Жизнь вели мы веселую и дѣятельную, усердно занимались; къ поэзіи особенно пристрастился я...

"Одновременно съ этимъ составился у насъ и другой кружокъ по почину старѣйшаго изъ студентовъ, П. Рѣдкина... Вообще, научное и литературное воспитаніе наше дѣлалось, можно сказать, самоучкою... Профессоръ словесности Никольскій о древнихъ и о западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ; Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными, сознавая, впрочемъ, нѣкоторую гармонію въ его стихахъ. Шалуны товарищи въ 5-мъ и 6-мъ классахъ, обязанные еженедѣльною данью стихотворенія, переписывали бывало изъ журналовъ и альманаховъ мелкія стихотворенія Пушкина, Языкова, кн. Вяземскаго и представляли профессору за свои, хорошо зная, что онъ современною литературою вовсе не занимался. Профессоръ торжественно подвергалъ строгой критикѣ стихотворенія эти, изъявлялъ сожалѣніе, что стихъ былъ гладокъ, а толку мало; „ода не ода", говоритъ онъ, „элегія не элегія, а чортъ знаетъ что"; затѣмъ начиналъ поправлять. Помнится, и „Демонъ" Пушкина былъ переправленъ и передѣланъ на ладъ профессора нашего, къ неописанному веселію всего класса [1])..."

..."До самаго 1826 года изъ всѣхъ нашихъ преподавателей

---

1) Презрѣніе къ новой литературѣ и происходившее отсюда невѣжество въ этой области простиралось у Никольскаго до того, что однажды онъ попалъ въ очень забавный просакъ, подписавъ послѣ многихъ помарокъ, на поданномъ ему ученикомъ V класса, Гребенкою, впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, вмѣсто *своего* стихотвореніе Козлова «Вечерній Звонъ»: «*изрядне.хонько*». Въ другой разъ, подобнымъ же образомъ введенный въ обманъ, онъ одобрилъ описаніе весны изъ «Евгенія Онѣгина», не подозрѣвая, что стихотвореніе было написано глубоко презираемымъ имъ Пушкинымъ. О Никольскомъ, какъ авторѣ поэмы «Умъ и Рокъ», см. въ «Лицеѣ кн. Безбородко», въ его біографіи; о характерѣ вліянія его на нѣкоторыхъ товарищей Гоголя, см. тамъ же, отд. II.

только профессоръ математики Шапалинскій, воспитанникъ бывшаго виленскаго университета, и профессора французской и нѣмецкой литературы, Ландраженъ и Зингеръ, совладали съ своимъ предметомъ. Лѣтомъ бывало Шапалинскій водилъ насъ за городъ, верстъ за пять и за десять, съ инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засѣли въ моей памяти иныя тригонометрическія формулы... Французская и нѣмецкая литература были намъ не по́-сердцу, и тѣ изъ моихъ товарищей, кто прежде не зналъ этихъ языковъ, не выучились даже говорить, хотя по положенію и подъ страхомъ остаться безъ чаю или безъ десерта слѣдовало въ рекреаціонныхъ залахъ и во время гуляній говорить день по-французски и день по-нѣмецки. Зато русская литература процвѣтала"...

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ А. С. ДАНИЛЕВСКАГО О ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

Лѣтъ восемь тому назадъ, начавъ собирать сохранившіяся о Гоголѣ устныя воспоминанія, — въ числѣ другихъ лицъ, къ которымъ я предполагалъ обратиться съ просьбой о сообщеніи ихъ, — я подумалъ прежде всего о Данилевскомъ, этомъ другѣ и товарищѣ Гоголя, хорошо знавшемъ его съ отроческихъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, мнѣ попалось на глаза невѣрное сообщеніе въ изданномъ въ 1884 г.: „Лицеѣ князя Безбородко“ о томъ, что Данилевскій будто бы тогда уже умеръ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, совершенно случайно, къ великой моей радости, узналъ я, что это показаніе несправедливо. Предварительно списавшись и получивъ позволеніе пріѣхать въ село Анненское (Харьковской губ., близъ Сумъ), гдѣ жилъ покойный, я немедленно отправился къ нему и засталъ его еще бодрымъ и свѣжимъ старикомъ, съ прекрасно сохранившимися способностями и особенно—памятью, что̀ было, разумѣется, въ высшей степени благопріятно для моей цѣли. Несмотря на то̀, что послѣ фактовъ, о которыхъ приходилось припоминать ему въ нашей бесѣдѣ, прошло не меньше пятидесяти лѣтъ, было очевидно, что память нисколько не измѣняла ему, и подробности, которыя могли быть провѣрены по печатнымъ источникамъ, оказывались безусловно согласными съ ними, за исключеніемъ немногихъ, неточность которыхъ становилась не подлежащею никакому сомнѣнію по соображеніи съ разсказомъ

Данилевскаго. Не только года и мѣсяцы, но и мельчайшія подробности, касающіяся мѣстъ, были опредѣляемы имъ съ изумительною точностью...

Къ сожалѣнію, мнѣ удалось, однако, лишь въ самой незначительной степени воспользоваться этимъ богатымъ и— скажу безъ преувеличенія—дорогимъ матеріаломъ, такъ какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи ограниченный промежутокъ времени, я долженъ былъ торопиться, предоставляя себѣ вскорѣ вернуться на болѣе продолжительный срокъ. Существенное затрудненіе въ бесѣдѣ съ покойнымъ представлялось въ томъ, что, по самой сущности дѣла, воспоминанія съ трудомъ поддавались искусственному напряженію памяти въ данную минуту, и то, что̀ въ другое время легко возникало въ ней по поводу разныхъ впечатлѣній жизни, осталось теперь по необходимости въ значительной мѣрѣ запамятованнымъ. Кромѣ того, воспоминанія чрезвычайно волновали старика, что̀ дѣлало неизбѣжными довольно частые перерывы въ его разсказахъ. Но домашніе его передавали мнѣ, что нерѣдко, по тому или другому поводу, случалось имъ слышать разрозненныя, но чрезвычайно живыя и интересныя воспоминанія, которыя они, къ сожалѣнію, не записывали, не переставая питать надежду на то, что Александръ Семеновичъ соберется когда-нибудь самъ исполнить свое давнее намѣреніе передать ихъ въ связномъ литературномъ изложеніи, чего онъ не могъ потомъ сдѣлать, вслѣдствіе внезапно постигшей его слѣпоты.

Такимъ образомъ мнѣ удалось во время моего пріѣзда къ нему овладѣть только, такъ сказать, одной канвой его воспоминаній. Покойный обѣщалъ со временемъ провѣрить ихъ въ моей передачѣ, но всему помѣшали его болѣзнь и смерть, такъ что теперь остается ограничиться только тѣмъ, что̀, по первоначальному предположенію, должно было составить исходную точку для работы, основанной на его сообщеніяхъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ пересказу этихъ воспоминаній, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ А. С. Данилевскомъ, какимъ я засталъ его въ мою къ нему поѣздку.

Александръ Семеновичъ производилъ впечатлѣніе одного изъ тѣхъ идеалистовъ-романтиковъ—„послѣднихъ могиканъ“, которые окончательно вымираютъ и будутъ скоро всецѣло

достояніемъ преданія. Судьба, осыпавъ его въ молодости такими дарами счастья, о которыхъ немногимъ можно даже мечтать, съ безпощадной жестокостью оставила ему подъ старость одно изъ самыхъ ужасныхъ бѣдствій. Для человѣка съ сильно возбужденными съ дѣтства умственными интересами потеря зрѣнія была, разумѣется, убійственна. Но замѣчательно, что, несмотря даже на старость и слѣпоту, онъ сохранилъ до самой предсмертной болѣзни живой интересъ къ текущей литературѣ (преимущественно русской, отчасти и иностранной), и при помощи чтеца или кого-нибудь изъ домашнихъ неутомимо слѣдилъ за періодическими изданіями. Печально доживалъ онъ послѣдніе дни своей когда-то далеко не безцвѣтной жизни, казавшейся теперь промелькнувшею съ обидной быстротой. Въ разсказѣ его по временамъ слышалась глубоко-трагическая нота... Чѣмъ искреннѣе и задушевнѣе становилось его воодушевленіе, съ которымъ онъ передавалъ свои воспоминанія о счастливыхъ временахъ минувшей юности, о ея надеждахъ и молодомъ упоеніи жизнью (въ благородномъ значеніи этого слова), тѣмъ замѣтнѣе примѣшивалось къ нимъ щемящее чувство сосредоточенной грусти отъ ужаснаго сознанія, что почти все, что̀ когда-то было ему дорого и красило его жизнь, давно и безвозвратно погибло. Теперь это былъ несчастный старикъ, находившій нѣкоторую печальную отраду въ томъ, что въ послѣдній разъ оживлялъ въ своей памяти прошлое, —

У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо...

И, конечно, больше всего его волновали жгучія воспоминанія о Гоголѣ, особенно о жизни съ нимъ въ Италіи, которую оба они любили до обожанія и называли своей второй родиной. Разсказывая о самыхъ незначительныхъ происшествіяхъ, случавшихся въ Римѣ, Данилевскій положительно оживалъ. Въ частности, съ большимъ воодушевленіемъ припоминалъ онъ о своей жизни съ Гоголемъ на Piazza di Spagna.

Но, повторяю, при крайне возбужденномъ состояніи, въ которое приводили Александра Семеновича воспоминанія, трудно было овладѣть ими въ короткое время...

I.

Въ числѣ друзей Гоголя А. С. Данилевскому, по многимъ причинамъ, должно быть отведено первенствующее мѣсто. Онъ пользовался особенно сильной и прочной привязанностью нашего писателя, называвшаго его своимъ „ближайшимъ". Тѣсная дружба ихъ продолжалась отъ колыбели до могилы Гоголя. Въ письмахъ послѣдняго едва ли къ кому-нибудь выразилось столько искренней, задушевной любви, какъ къ Данилевскому. „Ты мнѣ роднѣе родного брата", — писалъ однажды ему Гоголь, — и дѣйствительно есть не мало доказательствъ того, что онъ чувствовалъ такъ, какъ говорилъ. Еще съ дѣтства Гоголь усвоилъ себѣ привычку давать въ шутку родственныя имена тѣмъ людямъ, къ которымъ былъ особенно расположенъ. Такъ, ребенкомъ, вздумалось ему однажды прозвать „сестрицей" одну изъ знакомыхъ сосѣдокъ (А. Ѳ. Тимченко), долго жившую въ домѣ его матери [1]). Данилевскаго онъ также съ раннихъ лѣтъ еще имѣлъ обыкновеніе называть то братомъ, то почему-то даже племянникомъ, а впослѣдствіи онъ прямо выдавалъ его за самаго близкаго родственника своимъ московскимъ друзьямъ. Сестрамъ, Елизаветѣ и Аннѣ Васильевнамъ, онъ писалъ однажды изъ-за границы: „Напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писалъ къ вамъ черезъ Данилевскаго, Александра Семеновича, *вашего кузена*" (Соч. Гог., изд. Кул., V, 340). Самому Данилевскому онъ пишетъ: „Хотя бы вовсе не слѣдовало писать изъ Ліона, этого, неизвѣстно почему, неприличнаго мѣста, но, покорный произнесенному слову въ минуту разставанья нашего, *о, мой добрый братъ и племянникъ*, пишу" [2]). Наконецъ, однажды одному изъ своихъ друзей онъ рекомен-

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 38, 131; но въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ ее знакомой (тамъ же, стр. 51).—Объ этой Александрѣ Ѳедоровнѣ Данилевскій разсказывалъ намъ, что Гоголь особенно любилъ ее за то, что она умѣла художественно изображать жида, когда онъ протягивается пробовать водку. Она наряжалась въ жидовскій костюмъ и говорила даже голосомъ жида, сохраняя всѣ типическіе жидовскіе пріемы и ухватки... Александра Ѳедоровна и сестра ея жили въ верстѣ отъ Васильевки; онѣ такъ любили Марью Ивановну, что увольняли крестьянъ отъ повинностей, когда она пріѣзжала къ нимъ. Но въ 1848 г. Гоголь обошелся при встрѣчѣ съ нею сухо и непривѣтливо.

[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 293.

довалъ Данилевскаго такъ: „Прими моего двоюроднаго брата, какъ самого меня“ [1]).

Дружба Гоголя къ Данилевскому не всю жизнь, правда, продолжалась въ одинаковой степени: между ними была однажды даже непродолжительная размолвка; но тѣмъ живѣе и естественнѣе предстаютъ передъ нами ихъ вполнѣ искреннія отношенія. Эта единственная размолвка (если справедливо употребить такое сильное выраженіе) нисколько не мѣшаетъ утверждать, что они всегда были истинными друзьями. Правда, въ послѣдніе годы, углубившись въ созданный имъ внутренній міръ и сблизившись съ людьми, болѣе склонными сочувствовать овладѣвшему имъ новому настроенію, Гоголь какъ будто нѣсколько отдалился отъ неразлучнаго, со временъ дѣтства, друга, но никогда, въ сущности, въ немъ не умирало чувство самаго горячаго расположенія къ нему. Для него Данилевскій былъ не только другомъ и товарищемъ молодости, свидѣтелемъ его первыхъ литературныхъ и свѣтскихъ успѣховъ, но и спутникомъ въ заграничныхъ странствованіяхъ, участникомъ въ лучшихъ наслажденіяхъ жизни, въ благородныхъ увлеченіяхъ роскошью южной природы и великими произведеніями искусства, — однимъ словомъ, это былъ человѣкъ, связанный съ нимъ сердцемъ и всѣми наиболѣе дорогими впечатлѣніями юности, человѣкъ, съ которымъ, по собственному выраженію Гоголя, онъ шелъ въ жизни „рука объ руку“. Задушевная привязанность его къ Данилевскому ярко проявлялась въ томъ, что каждый разъ неожиданный пріѣздъ послѣдняго въ ихъ деревню производилъ чудо: угрюмый въ послѣдніе годы своей жизни писатель мгновенно оживлялся, къ нему возвращался веселый юморъ молодости, и во всемъ домѣ наступалъ настоящій праздникъ. Ничье появленіе не имѣло на него такого волшебнаго дѣйствія, никому не удавалось возбуждать въ Го-

[1]) Другимъ, наиболѣе любимымъ школьнымъ товарищемъ Гоголя былъ Н. Я. Прокоповичъ. Ему Гоголь писалъ однажды изъ Рима: „Не совѣстно ли тебѣ, мой милый, не писать ко мнѣ, позабыть меня! Не совѣстно ли тебѣ лѣниться! А я о тебѣ думаю часто, всегда. И ни роскошь этихъ странъ, гдѣ я живу теперь, ни югъ, ни чудныя небеса, ничто не въ силахъ помѣшать мнѣ думать о тебѣ, съ кѣмъ начался союзъ нашъ подъ аллеями липъ нѣжинскаго сада, во второмъ музеѣ, на маленькой сценѣ нашего домашняго театра, и крѣпился, стянутый стужею петербургскаго климата, черезъ всѣ дни нашего пребыванія вмѣстѣ“. („Русское Слово“, 1859, I, 109).

голѣ такое отрадное настроеніе. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто привѣтливый лучъ весенняго солнца заигралъ веселымъ блескомъ въ пасмурной обстановкѣ скромнаго деревенскаго дома... Даже въ послѣднее посѣщеніе Данилевскимъ Гоголя въ Васильевкѣ, уже не болѣе, какъ за полгода до смерти послѣдняго, по поводу поданныхъ на столъ любимыхъ Гоголемъ малороссійскихъ вареников, пріятели затѣяли шумный споръ о томъ, отъ чего было бы тяжелѣе отказаться на всю жизнь — отъ вареников или отъ наслажденія пѣніемъ соловьевъ?...

Благодаря этой веселости Гоголя въ присутствіи Данилевскаго, послѣдній меньше всѣхъ остальныхъ друзей его былъ знакомъ, по непосредственнымъ впечатлѣніямъ (*не по письмамъ*), съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ настроеніемъ Гоголя въ послѣдніе годы.

II.

Знакомство Гоголя съ Данилевскимъ началось съ дѣтства обоихъ. Отцы ихъ были товарищами въ школѣ и, будучи близкими сосѣдями, не прерывали своихъ отношеній, хотя и не были связаны той тѣсной дружбой, которая завязалась впослѣдствіи между ихъ сыновьями.

Семереньки, помѣстье Данилевскихъ, отстояло отъ Васильевки на 30 верстъ. Однажды, когда маленькій Данилевскій сталъ немного подростать, отецъ вздумалъ его повезти съ собой къ сосѣдямъ Яновскимъ. Такъ произошло первое свиданіе будущихъ друзей, хотя они тогда почти вовсе не познакомились другъ съ другомъ. Гоголь былъ боленъ и лежалъ въ постели, такъ что новый знакомый его долженъ былъ все время играть съ его младшимъ братомъ. Но раннія впечатлѣнія иногда неизгладимо врѣзываются на всю жизнь; такъ было и на этотъ разъ: въ дѣтскую память Гоголя запала незначительная подробность угощенія гостя клюквой. Не разъ случалось ему припоминать потомъ серьезно объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ, а однажды онъ замѣтилъ даже въ письмѣ: „Не помни ничего того, какъ я надоѣдалъ тебѣ, и помни только, какъ я люблю тебя, моего спутника, шедшаго о плечо мое всю дорогу жизни, отъ тѣхъ поръ, какъ ты ѣлъ въ первый разъ клюкву въ нашемъ домѣ“ [1]).

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 302.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ судьба связала ихъ; она какъ будто заботилась о томъ, чтобы сблизить ихъ и сдѣлать друзьями на всю жизнь. Къ тому же они были и ровесники: А. С. Данилевскій родился въ Семеренькахъ 28-го августа 1809 года. Вскорѣ отецъ его умеръ, а мать, Татьяна Ивановна, тогда же вышла вторымъ бракомъ за одного изъ сосѣдей по имѣнію, Василія Ивановича Черныша, помѣстье котораго, То́лстое, было всего въ шести верстахъ отъ Васильевки. Если эта перемѣна могла отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ семействъ, то во всякомъ случаѣ не иначе, какъ еще тѣснѣе скрѣпляя узы существовавшей пріязни. Мать Данилевскаго была и прежде дружна съ Марьей Ивановной Гоголь, но со временемъ обстоятельства и привычка все болѣе способствовали упроченію ихъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Чернышъ былъ также общительный, хорошій человѣкъ, простой въ обхожденіи и пользовавшійся общимъ уваженіемъ знакомыхъ. Жену онъ любилъ и съ ея дѣтьми обращался какъ съ своими собственными.

—

Вотъ какъ разсказывалъ мнѣ А. С. Данилевскій о своихъ дѣтскихъ отношеніяхъ къ Гоголю. Разсказъ его передаю съ буквальною точностью, за исключеніемъ небольшихъ перестановокъ въ тѣхъ мѣстахъ, когда увлекавшія его воспоминанія заставляли дѣлать отступленія и забѣгать впередъ:

„Я съ нимъ познакомился въ дѣтствѣ. Мнѣ было семь лѣтъ. Наши родители вмѣстѣ воспитывались въ кіевской духовной академіи. Мы пріѣхали съ отцомъ къ нимъ въ деревню. Мы жили отъ нихъ верстахъ въ тридцати, въ Семереонькахъ. Это было около Рождества. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ маленькаго Никошу [1]). Онъ былъ нездоровъ и лежалъ въ постели. Мы играли съ его младшимъ братомъ Иваномъ. Пробыли мы нѣсколько дней. Я возвратился съ отцомъ домой, и въ этотъ довольно значительный промежутокъ времени мы не видались. Я лишился отца; моя мать вышла замужъ за Василія Ивановича Черныша (его имѣніе, То́лстое, находилось верстахъ въ 6 отъ Васильевки). Я жилъ дома и въ Зеньковѣ [2]) у моего домашняго учителя, который

[1]) Такъ всѣ называли Н. В. Гоголя въ семьѣ.

[2]) Зеньковъ и Пирятинъ—уѣздные города Полтавской губерніи.

былъ потомъ назначенъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Въ 1818 году я поступилъ въ полтавскую гимназію. Тутъ послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ мы вспомнили другъ друга. Вмѣстѣ съ нимъ мы пробыли года два. Онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ у учителя Спасскаго. Я поступилъ въ Нѣжинъ въ 1822 г., гдѣ опять засталъ уже Гоголя, поступившаго годомъ раньше меня, и съ тѣхъ поръ мы были неразлучны. Мы всегда ѣздили съ нимъ, и съ сыномъ отчима, П. А. Барановымъ [1]), домой на вакаціи.

„Помню одинъ забавный случай съ надзирателемъ Зельднеромъ [2]). Зельднеръ навязался ѣхать съ нами. Коляску прислали четвероместную. Было бы мѣсто для всѣхъ, но къ намъ напросился еще нѣкто Щербакъ (онъ былъ знакомъ съ семействомъ Гоголя); онъ жилъ около Пирятина; это были довольно богатые люди. Зельднеръ еще сохранялъ тогда для насъ авторитетъ; его присутствіе насъ очень стѣсняло. Къ тому же съ нимъ было несчастіе: каждый разъ, когда онъ пускался въ дорогу, съ нимъ случалось разстройство желудка, да и въ деревнѣ жить съ нимъ было не очень пріятно. Онъ ѣхалъ къ намъ обоимъ, но обоимъ не хотѣлось его брать. Когда условились съ нимъ ѣхать, то онъ пошелъ съ нами на черный дворъ, гдѣ была коляска, и хотѣлъ непремѣнно доказать, что можно ѣхать впятеромъ... Наружность его была забавная; ноги циркулемъ... Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Наканунѣ жена Зельднера, Марья Николаевна, напекла намъ на дорогу пирожковъ, и на другой день, чѣмъ свѣтъ, мы должны были тронуться въ путь. Но мы составили заговоръ—уѣхать раньше. На другой день, утромъ, пріѣхавшій за нами человѣкъ Гоголя, Өедоръ, разбудилъ насъ въ музеѣ (такъ назывались отдѣленія, на которыя раздѣлялись воспитанники; ихъ было три: старшее, среднее и младшее). Зельднеръ потомъ насъ долго искалъ и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что мы уѣхали. „А, мерзкая мальчишка!...“ говорилъ онъ.

1) Барановъ былъ потомъ въ военной службѣ.

2) Зельднеръ упоминается въ статьѣ профессора Лавровскаго: „Гимназія высшихъ наукъ“ (См. „Извѣстія Историко-Филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, т. III, 1879 г., неоффиціальный отдѣлъ, стр. 165 и слѣд., и „Воспоминанія о Гоголѣ“ г. Пашкова („Берегъ“, 1880 г., № 268, дек., 18), гдѣ онъ обозначенъ иниціаломъ *З*).

„Дорога была продолжительная; мы ѣхали на своихъ, и на третій день прибыли. Дорогой дурачились, и Гоголь выкидывалъ колѣна. Щербакъ былъ грузный мужчина съ большимъ подбородкомъ. Когда онъ бывало заснетъ, Гоголь намажетъ ему подбородокъ халвой, и мухи облѣпятъ его; ему доставался и „гусаръ“ (гусаръ,—это была бумажка, свернутая въ трубочку). Когда кучеръ запрягалъ лошадей, то мы наводили стекло на крупы. Дорога была веселая. Помню, когда проѣзжали Ярески [1]) (это было въ іюлѣ), мы подбирались къ То́лстому. Съ нами повстрѣчались Василій Аѳанасьевичъ и Василій Ивановичъ [2]). Кажется, это произошло случайно, а не была намѣренная встрѣча... Живо припоминается мнѣ Василій Аѳанасьевичъ; онъ былъ красивѣе сына. На немъ была тогда шляпа лощеная, матросская. Человѣкъ онъ былъ интересный, безподобный разсказчикъ. Я зналъ его; зналъ даже мать Василія Аѳанасьевича, Татьяну Семеновну. У нея въ саду былъ маленькій домикъ... Отецъ Василія Аѳанасьевича былъ домашнимъ учителемъ у Лизогуба и женился на Татьянѣ Семеновнѣ, его дочери. Имѣніе принадлежало Татьянѣ Семеновнѣ. Татьяна Семеновна была сморщенная, какъ губка, вѣчно ходила съ палочкой; молчаливая, добрая, прекрасная...

„Часто мы заѣзжали туда съ Гоголемъ дѣтьми по дорогѣ въ Нѣжинъ къ Трощинскому въ Кибинцы; для подарковъ дѣлались иногда небольшія предварительныя путешествія. Такъ, въ 1828 г., въ послѣдній нашъ проѣздъ черезъ Кибинцы, Гоголь привезъ изъ Кременчуга бутылку великолѣпной мадеры. Мы много разъ бывали въ Кибинцахъ и Яресках и гостили подолгу, но Трощинскій держалъ себя недоступно и едва ли промолвилъ съ нами даже слово. Домъ былъ открытый: кто ни пріѣзжалъ, пользовался хорошимъ пріемомъ. Былъ даже занимательный случай съ однимъ Барановымъ, артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ случайно, совершенно незнакомый, попалъ какъ-то въ Кибинцы какъ разъ передъ именинами Трощинскаго, и въ видѣ сюрприза, устроилъ великолѣпный фейерверкъ. Его обласкали, и онъ остался проживать въ Кибинцахъ, года на три, совершенно позабывъ про службу.

[1]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій жилъ всегда въ Кибинцахъ, но на лѣто переѣзжалъ въ Ярески.

[2]) Отчимъ Данилевскаго.

„Въ школѣ Гоголь мало выдавался, развѣ подъ конецъ, когда онъ былъ нашимъ редакторомъ лицейскаго журнала. Сначала онъ писалъ стихи и думалъ, что поэзія — его призваніе [1]). Мы выписывали съ нимъ и съ Прокоповичемъ журналы, альманахи. Онъ заботился всегда о своевременной высылкѣ денегъ. Мы собирались втроемъ и читали „Онѣгина" Пушкина, который тогда выходилъ по главамъ. Гоголь уже тогда восхищался Пушкинымъ. Это была тогда еще контрабанда; для нашего профессора словесности Никольскаго даже Державинъ былъ новый человѣкъ. Гоголь отлично копировалъ Никольскаго. Вообще Гоголь удивительно воспроизводилъ тѣ черты, которыхъ мы не замѣчали, но которыя были чрезвычайно характерны. Онъ былъ превосходный актеръ. Еслибы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ. Въ Нѣжинѣ товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*. Онъ относился къ товарищамъ саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища. Самъ онъ долго казался заурядным мальчикомъ. Онъ былъ болѣзненный ребенокъ. Лицо его было какое то прозрачное. Онъ сильно страдалъ отъ золотухи; изъ ушей у него текло.... Надъ нимъ много смѣялись, трунили. Но передъ окончаніемъ курса его замѣтилъ и сталъ отличать профессоръ исторіи Бѣлоусовъ, котораго онъ, въ свою очередь, весьма уважалъ и любилъ".

Кромѣ этого, болѣе или менѣе послѣдовательнаго разсказа А. С. Данилевскаго, мы могли вынести слѣдующее изъ отрывочныхъ воспоминаній о жизни его и Гоголя въ Нѣжинѣ.

Жизнь въ пансіонѣ была привольная: дѣти пользовались хорошимъ помѣщеніемъ, большой свободой и могли даже устроивать сообща удовольствія, изъ которыхъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ, конечно, гимназическій театръ. Весною и осенью къ ихъ услугамъ былъ обширный лицейскій садъ, въ которомъ они рѣзвились и проводили большую часть внѣ-класснаго времени. При тогдашнихъ ограниченныхъ требованіяхъ отъ учащихся на долю послѣднихъ выпадало не мало досужихъ часовъ, да и самое приготовленіе къ занятіямъ происходило у нихъ нерѣдко въ саду, подъ оба-

[1]) Въ Нѣжинѣ, по словамъ А. С. Данилевскаго, Гоголь писалъ во вкусѣ Бестужева, и у него встрѣчались пышныя описанія природы, лѣсъ и т. п. Все это помѣщалось въ лицейскомъ изданіи „Звѣзда".

ятельнымъ небомъ Украйны. А. С. Данилевскій живо припоминалъ, какъ иные изъ воспитанниковъ умудрялись даже, забравъ съ собой необходимый письменный матеріалъ, въ видѣ карандашей и бумаги, обдумывать и отчасти набрасывать свои сочиненія, сидя гдѣ-нибудь въ саду на деревѣ. Безпечность и игры устанавливали между школьниками живое общеніе и теплыя товарищескія отношенія, сохранившія для иныхъ значеніе на всю жизнь. Немного, правда, выносили они изъ стѣнъ учебнаго заведенія, но юность ихъ катилась привольно и весело, и у нихъ всегда оставалось достаточно свободнаго времени для чтенія, для собственныхъ любимыхъ занятій и для впечатлѣній жизни. Отсюда вытекаютъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны тогдашняго лицейскаго быта. Въ многолюдной толпѣ почти предоставленныхъ себѣ мальчиковъ, не всегда получившихъ предварительно хорошее домашнее воспитаніе, было, разумѣется, несравненно больше такихъ, которые, пользуясь предоставленнымъ имъ привольемъ, упивались преимущественно прелестями малороссійскаго климата и наслажденіями на лонѣ природы, и изъ такихъ выходили очень часто самые заурядные люди. Вѣчно веселый, кудрявый мальчикъ Гребенка, безцеремонно перелѣзающій черезъ плетень къ своему сосѣду учителю Кулжинскому за альманахами и журналами (см. „Лицей кн. Безбородко", изд. 1884 г., стр. 381), живо переноситъ насъ въ патріархальные нравы лицея Безбородко въ концѣ двадцатыхъ и даже въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ. т.-е. уже нѣсколько позднѣе Гоголя. Но Гребенка, эта „воплощенная юность", по сочувственному отзыву о немъ любившаго его наставника, былъ уже натура богатая, исключительная, тогда какъ преобладающее большинство составляли тѣ „существователи", которые, по словамъ Гоголя, при встрѣчѣ съ первыми затрудненіями готовы были отказаться отъ своихъ идеаловъ и „навострить лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольствоваться ничтожностью почти вѣчною" [1]). Не муча себя честолюбивыми заботами и стремленіями, они, по примѣру отцовъ и дѣдовъ, избирали себѣ невидное мирное поприще, терялись въ глуши и исчезали, по окончаніи курса, изъ виду своихъ болѣе энергичныхъ товарищей, направлявшихся обык-

[1]) „Соч. и письма Гоголя". т. V. стр. 59.

новенно въ Петербургъ. Но, съ другой стороны, не мало было въ ихъ средѣ и такихъ, которымъ, къ чести ихъ, снисходительный надзоръ начальства не помѣшалъ сдѣлаться со временемъ серьезными и дѣльными людьми, а нѣкоторымъ даже получить впослѣдствіи весьма почетную извѣстность. Являвшаяся у болѣе даровитыхъ и развитыхъ юношей страсть къ литературѣ и чтенію должна была, естественно, провести рѣзкую грань между молодыми людьми съ склонностью къ умственному труду—и будущими корнетами и титулярными совѣтниками.

Между воспитанниками уже тогда выдвигались люди серьезнаго труда и мысли, какъ извѣстный впослѣдствіи профессоръ П. Г. Рѣдкинъ, еще въ лицейское время работавшій много и дѣльно. Для Гоголя и Данилевскаго лицейскіе годы были полезны преимущественно той умственной пищей, которую имъ доставляло хорошее чтеніе, постепенно развивая ихъ и воспитывая въ нихъ эстетическое чувство. Для перваго изъ нихъ, впрочемъ, недостатокъ правильнаго систематическаго труда въ школѣ остался роковымъ, сдѣлавъ изъ него человѣка, обязаннаго рѣшительно всѣмъ своимъ богатымъ природнымъ дарованіямъ, а никакъ не ученью. Но съ другой стороны, это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя требуютъ особенно осторожнаго съ ними обращенія и которымъ безпощадная школьная регламентація съ ея нивеллирующимъ давленіемъ, можетъ быть, полезная для обыкновеннаго большинства, могла бы скорѣе причинить вредъ, — потому, во-первыхъ, что въ нихъ мало гибкости, а во-вторыхъ, лучшая учительница такихъ избранныхъ людей все-таки ихъ природа. Данилевскій же хотя не былъ натурой геніальной, но также былъ хорошо одаренъ отъ природы и во всякомъ случаѣ далеко не принадлежалъ къ числу людей дюжинныхъ: его живая воспріимчивость, сохранившаяся до послѣднихъ дней, его тонкое эстетическое чувство и замѣчательный интересъ къ литературѣ достаточно говорятъ за это.

Артистическая жилка въ школьное время не была чужда Данилевскому такъ же, какъ и Гоголю. Въ гимназическомъ театрѣ Данилевскій тоже былъ однимъ изъ дѣятельныхъ актеровъ или, точнѣе, актрисой, потому что чрезвычайно красивая наружность его заставила кружокъ товарищей разъ навсегда отдать ему женскія роли. Такъ, въ „Эдипѣ въ Аѳи-

нахъ" Базили [1]) игралъ Эдипа, Данилевскій — Антигону; въ „Фингалѣ" ему приходилось всегда изображать Моину. Но сценическимъ дарованіемъ, по собственному откровенному сознанію, Данилевскій не отличался вовсе и подвизался на товарищеской сценѣ, больше благодаря охотѣ и счастливой наружности, хотя неизмѣримо уступалъ Кукольнику и Гоголю, настоящимъ мастерамъ дѣла. Такъ, въ „Недорослѣ" Гоголь и Кукольникъ приводили въ восторгъ публику дѣйствительно блестящимъ исполненіемъ: первый отличался въ роли Простаковой, тогда какъ послѣдній превосходно игралъ Митрофана. Въ этихъ роляхъ оба, по единодушному признанію всѣхъ, кто ихъ видѣлъ на сценѣ, были неподражаемы. Кукольникъ же тогда обращалъ на себя вниманіе наклонностью къ драмѣ и трагедіи: когда онъ исполнялъ послѣднюю сцену трагедіи Сумарокова: „Дмитрій Самозванецъ", онъ, послѣ эффектно произнесенныхъ заключительныхъ словъ, падалъ на полъ какъ трупъ, чѣмъ производилъ сильное впечатлѣніе; онъ изумлялъ также публику патетическимъ исполненіемъ заглавной роли въ „Фингалѣ", Озерова.

Театръ съ его волненіями, торжественной обстановкой (конечно, не въ первое время, когда кулисами были классныя доски) и съ его многократными репетиціями вносилъ въ жизнь воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, много необычайнаго, праздничнаго, что̀ еще болѣе способствовало ихъ сближенію. Но и въ обыкновенное время у нихъ не было недостатка въ развлеченіяхъ. Въ обыденномъ домашнемъ быту воспитанники постоянно встрѣчались другъ съ другомъ и забавлялись шалостями, изобрѣтаемыми Гоголемъ и другими рѣзвыми мальчиками. А. С. Данилевскій припоминалъ нѣкоторые эпизоды, какъ, напр., однажды Гоголь, передразнивая учителя физики Шапалинскаго, попался ему на глаза, за что̀ послѣдній, сильно разсердившись, схватилъ его и долго трясъ за плечи, и какъ Севрюгинъ, учитель пѣнія, замѣчая, что Гоголь иногда фальшивилъ и не былъ въ состояніи пѣть въ тактъ съ товарищами, приставлялъ ему скрипку къ самому уху, называя его глухаремъ, что̀, разумѣется, возбуждало

[1]) Базили, Константинъ Михайловичъ, авторъ „Очерковъ Константинополя, Архипелага въ Греціи", „Босфора", изъ школьныхъ товарищей Гоголя, впослѣдствіи консулъ въ Смирнѣ и въ Сиріи.

общее веселье. Гоголь любилъ всѣ искусства вообще, любилъ и пѣть; но между тѣмъ какъ онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ рисованіи, пѣнье не давалось ему, благодаря недостатку музыкальнаго слуха. Но въ хорѣ онъ участвовалъ, когда во время рекреаціи воспитанники пѣли стихи:

„Златые наши дни, теките!
Красуйся ты, нашъ русскій царь“, и проч. [1]).

Совершенно особый міръ представляла больница, служившая для нѣкоторыхъ воспитанниковъ своего рода клубомъ. Въ больницѣ особенно фигурировалъ другъ Гоголя Высоцкій, о которомъ А. С. Данилевскій припоминалъ, что онъ вѣчно находился тамъ, страдая отъ болѣзни глазъ. Онъ сидѣлъ обыкновенно съ зонтикомъ. У него съ Гоголемъ было много общаго, но Высоцкій былъ гораздо авторитетнѣе. Ихъ соединяло другъ съ другомъ въ особенности то, что, по словамъ Гоголя, они „скоро поняли другъ друга“ и ихъ „сроднили глупости людскія“ [2]), надъ которыми они вмѣстѣ потѣшались.

Въ концѣ 1826 года Гоголю предстояло на непродолжительное время разстаться съ Данилевскимъ, оставившимъ по какому-то случаю гимназію высшихъ наукъ и перешедшимъ въ московскій университетскій пансіонъ. Въ письмѣ къ Высоцкому, отъ 17-го января 1827 г., Гоголь сообщалъ между прочимъ: „Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ“ [3]). Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Лукашевичъ поѣхалъ въ Одессу, Данилевскій тоже выбылъ. Не знаю, куда понесетъ его“ („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 45)...[4])

[1]) На вопросъ мой, о любимыхъ играхъ Гоголя въ школѣ А. С. Данилевскій отвѣчалъ, что любимыхъ игръ у него даже и не было, какъ впослѣдствіи не было никакихъ любимыхъ физическихъ упражненій; напр., онъ не любилъ никакого спорта, верховой ѣзды и проч.; до нѣкоторой степени нравившимся ему развлеченіемъ была развѣ игра на бильярдѣ.... Нельзя не пожалѣть, что П. Г. Рѣдкинъ никогда не сообщилъ ничего изъ своихъ лицейскихъ воспоминаній о Нѣжинѣ.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 44.

[3]) Высоцкій былъ двумя курсами старше Гоголя.

[4]) Въ случайно попавшемся намъ спискѣ (или копіи съ него) наказанныхъ въ продолженіе цѣлаго полугодія воспитанниковъ (на большой старинной бу-

Но недолго оставался Данилевскій въ Москвѣ: скоро онъ соскучился по товарищамъ и вернулся снова въ Нѣжинъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ меньше года. 26 іюня 1827 г. Гоголь писалъ Высоцкому: „Данилевскій находится теперь въ Москвѣ—не могу навѣрное сказать—гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ" („Соч. и письма Гог.", V, 51), а въ декабрѣ того же года онъ былъ уже снова въ Нѣжинѣ (тамъ же, V, 70) [1].

Въ іюнѣ 1828 года Гоголь и Данилевскій кончили курсъ въ гимназіи высшихъ наукъ — оба дѣйствительными студентами [2].

магѣ синяго цвѣта), по распоряженію надзирателей: Амана, Зельднера и Капитона Павлова, довольно часто встрѣчается имя Яновскаго, напр.: „оставленъ за то, что занимался игрушками во время класса священника", за „дерзкія слова стоялъ въ углу", или просто: „получилъ достойное наказаніе за худое поведеніе". Можетъ быть, этотъ списокъ относится къ 1827 г.

1) А. С. Данилевскій сообщилъ мнѣ на мой вопросъ о подробностяхъ: „Изъ Нѣжина я вышелъ въ концѣ 1826 года и былъ въ университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ до іюня 1827 года; затѣмъ вновь поступилъ въ нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ въ концѣ того же 1827 года".

2) Отмѣтимъ кстати, что въ оффиціальныхъ данныхъ нѣжинскаго лицея значилось, что при выпускѣ „по окончаніи музыки, пѣнія и танцевъ бились на рапирахъ и сабляхъ пансіонеры, окончившіе курсъ наукъ: Григорьевъ, Данилевскій I (Александръ Семеновичъ) и Миллеръ" (см. статью проф. Лавровскаго: „Гимназія высшихъ наукъ", т. III, 1879, неоффиц. отдѣлъ, стр. 157, примѣчаніе. Тамъ же: „танцовали матлотъ Пузыревскій и Данилевскій I"). Упоминаемъ объ этомъ потому, что, какъ мы слышали и изъ разныхъ другихъ источниковъ, Данилевскій въ молодости выдавался вообще живостью, ловкостью и красотой.

V.

ПЕРЕПИСКА СЪ МАТЕРЬЮ. ОТНОШЕНІЯ КЪ РОДСТВЕННИКАМЪ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ШКОЛѢ. СЛОГЪ ПИСЕМЪ.

Переписка Гоголя въ изданіи Кулиша начинается съ 1820 г., т. е. съ одиннадцати-лѣтняго возраста писателя. Первыя письма его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ еще носятъ на себѣ всѣ слѣды дѣтства и не представляютъ особаго интереса по своему крайнему однообразію и скудному матеріалу, въ нихъ заключающемуся. Это, очевидно, только начальные опыты въ составленіи писемъ ребенка, недавно разставшагося впервые съ родителями. Самый кругъ переписки былъ пока тѣсно ограниченъ письменными сношеніями съ родителями и двумя дядями по матери (Косяровскими) и очень немногими письмами къ другимъ близкимъ людямъ. Впослѣдствіи, въ 1827 г., мы находимъ еще два письма къ пріятелю, бывшему школьному товарищу, Высоцкому.

Въ письмахъ къ матери всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе теплая родственная привязанность почтительнаго сына, остававшаяся довольно долго отличительною чертой Гоголя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть нѣсколько писемъ его къ ней въ разные періоды жизни и сравнить ихъ съ письмами къ другимъ лицамъ.

Съ матерью Гоголь при полной дружеской откровенности и непринужденности обращенія никогда не позволяетъ себѣ ни фамильярности, ни даже шутливаго тона — признакъ въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не только извѣстнаго уваженія, но и особаго характера самыхъ отношеній, неизмѣнно серьезныхъ, хотя и вполнѣ искреннихъ, безъ малѣйшей на-

тянутости или скрытности. Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются правда *немногія* письма уже конца сороковыхъ годовъ, когда подготовлявшійся въ Гоголѣ психическій процессъ не могъ отчасти не отразиться и на семейныхъ его отношеніяхъ. Впрочемъ, если въ эти годы мы встрѣчаемъ у Гоголя въ письмахъ къ матери иногда суровый, мѣстами, пожалуй, раздражительный тонъ, особенно тамъ, гдѣ онъ читаетъ ей поученія въ обличительномъ духѣ или съ досадой упрекаетъ за слабость гордиться его славой [1]), то нигдѣ въ этихъ письмахъ нельзя найти ни малѣйшей тѣни неуваженія, ни малѣйшаго намека на равнодушіе. Но въ то же время мы не находимъ въ нихъ болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія обычнаго его малороссійскаго веселаго юмора, его мѣткаго и живого слога, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ характеристикъ незнакомыхъ матери городовъ, напр. Петербурга, Любека, Травемюнде, между тѣмъ какъ этими чертами изобилуютъ не только первыя его литературныя произведенія, но и нѣкоторыя изъ дѣтскихъ писемъ къ другимъ лицамъ, напр., къ дядѣ Павлу Петровичу Косяровскому. Особенно замѣтна разница тамъ, гдѣ между письмами къ матери вдругъ попадается какое-нибудь шутливое письмецо или приписка къ какому-нибудь другому лицу, отличающіяся совершенно

---

1) «Старайтесь лучше во мнѣ видѣть христіанина и человѣка, нежели литератора». (Соч. Гог., изд. Кул., VI т. стр. 86).

Но впослѣдствіи, въ концѣ тридцатыхъ и особенно въ сороковыхъ годахъ, отношенія поэта къ матери сильно измѣняются: тонъ писемъ становится сдержаннѣе и холоднѣе, а иногда является даже рѣзкимъ и суровымъ, хотя было бы несправедливымъ преувеличеніемъ, какъ это часто дѣлалось, не видѣть за указанной чертой проявленія въ иныхъ случаяхъ также прежней теплой привязанности, напоминающей характеръ сыновнихъ отношеній къ ней въ былые годы. Случайныя вспышки и неровности обращенія, обостряемыя принятымъ на себя строгимъ поучительнымъ тономъ, съ которымъ, впрочемъ, Гоголь относился ко всѣмъ близкимъ людямъ въ послѣдніе годы жизни, отразились въ письмахъ къ матери и своимъ внѣшнимъ противорѣчіемъ съ его прежними письмами легко могли поразить многихъ критиковъ, но несомнѣнно, что здѣсь преимущественно имѣли значеніе его убѣжденія и ложный взглядъ на себя, побуждавшіе его къ суровымъ проповѣдническимъ пріемамъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не вытѣснившія въ немъ сыновнихъ чувствъ любви и уваженія. Справедливо, впрочемъ, что письма къ ней въ это время становятся гораздо рѣже и значительно меньше по объему, по мѣрѣ того, какъ все болѣе расширялся кругъ переписки его съ нѣкоторыми избранными изъ друзей... Но къ этому вопросу мы еще будемъ имѣть случай вернуться позднѣе.

инымъ тономъ, переходящимъ почти въ шалость (таковы письма къ Варварѣ Петровнѣ Косяровской). Очевидно, что съ извѣстной степенью уваженія Гоголь считалъ несогласной развязную шутливость (охотно допускаемую, впрочемъ, въ другихъ случаяхъ), какъ и вообще всякое празднословіе. Указанную черту писемъ къ матери и разницу между ними и письмами къ другимъ лицамъ всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что это были письма наиболѣе интимныя, и въ то же время они обыкновенно не были легкими или незначительными по содержанію. Въ нихъ Гоголь неоднократно говоритъ о своихъ чувствахъ къ матери, и нѣкоторые такіе отрывки проникнуты у него нѣкоторымъ лиризмомъ, при которомъ нѣтъ уже мѣста профанирующей сильное чувство автора шуткѣ. Въ значительномъ большинствѣ другихъ онъ бесѣдуетъ съ нею о предметахъ наиболѣе нужныхъ и важныхъ [1]). Понятно. въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній, почему мы почти вовсе не находимъ въ письмахъ поэта къ матери не только юмора, но и тѣхъ художественныхъ красокъ, которыя мы привыкли встрѣчать у Гоголя (послѣднихъ, конечно, нельзя собственно искать въ перепискѣ, но мѣстами, хотя и очень рѣдко, онѣ являются и въ ней). Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи письма Гоголя къ матери съ письмами къ Павлу Петровичу Косяровскому. Въ послѣднихъ также раскрывается передъ нами личность молодого автора, но уже совершенно съ другой стороны: мы находимъ здѣсь самый развязный и свободный, самый веселый дружескій тонъ, отъ котораго отрадно и легко становится на душѣ, и который дышитъ неподдѣльной, неподражаемой искренностью и теплотой. Но зато сейчасъ же видно по несерьезности содержанія и даже по самому слогу, испещренному простонародными малороссійскими словами или въ шутку употребленными иностранными, передѣланными на русскій ладъ, наконецъ осо-

[1]) Интимная жизнь Гоголя была вообще открыта для матери, хотя онъ и не касается въ бесѣдахъ съ нею того, чего она не могла раздѣлять, напр. недовольства мертвенностью и застоемъ уѣздной жизни въ Нѣжинѣ, или того, что относилось къ его литературнымъ работамъ. «Я никогда не вводилъ ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ ней о подобныхъ дѣлахъ». („Соч. и письма Гог.“, т. VI, стр. 5). «Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ предметѣ разговаривать съ кѣмъ бы то ни было». (V т., 239).

бенно по нѣкоторымъ черезчуръ реальнымъ выраженіямъ, что корреспондентъ принадлежалъ къ числу людей, дорогихъ ему и очень имъ любимыхъ, но, вѣроятно, не такихъ, которымъ онъ сталъ бы повѣрять самыя сокровенныя, наиболѣе важныя для него чувства и мысли.

Письма Гоголя къ матери получаютъ интересъ особенно со времени кончины его отца. Съ этихъ поръ мы и начнемъ болѣе подробный ихъ обзоръ.

Первыя недѣли послѣ смерти отца положеніе Гоголя было чрезвычайно тяжелое: не легко было ему, пораженному страшнымъ извѣстіемъ, не находя мѣста отъ тоски, среди постороннихъ людей, равнодушныхъ къ его горю, не видѣть около себя никого, кто бы могъ принять въ немъ настоящее, сердечное участіе. Между тѣмъ онъ сознавалъ, что долженъ постоянно учиться, работать, а время отдыха и свиданія съ родными, необходимость которыхъ чувствовалась такъ настоятельно, хотя бы только для того, чтобы имѣть возможность и досугъ предаться вполнѣ охватывающимъ его чувствамъ,— время это такъ далеко! Уже изъ первыхъ писемъ матери послѣ рокового событія ему пришлось убѣдиться, что на него возлагается, въ случаѣ разстройства семейныхъ дѣлъ, обязанность заступить для младшихъ членовъ семьи мѣсто отца и сдѣлаться опорой всего дома. Ему представилась серьезная задача подумать объ успокоеніи матери и въ то же время необходимо было впервые серьезно взглянуть на себя и на свое будущее, а на такое сознательное обсужденіе своего нелегкаго положенія онъ уже былъ способенъ тогда по своему возрасту. Къ этому присоединились еще тревоги и заботы вслѣдствіе неполученія извѣстій отъ матери... Все это не могло не отразиться весьма существеннымъ образомъ на его развитіи, о чемъ можно смѣло заключить на основаніи писемъ, становящихся съ этого времени значительно серьезнѣе и зрѣлѣе. Въ нравственномъ мірѣ Гоголя неизбѣжно должна была произойти перемѣна, и отчасти онъ самъ ее вскорѣ замѣчаетъ. „Ежели бы вы меня видѣли", пишетъ онъ матери: „вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился: я теперь самъ не свой; бѣгаю съ мѣста на мѣсто, не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться, считаю каждую минуту, каждое мгновеніе, бѣгаю на почту, спрашиваю хоть малѣйшее

извѣстіе, но вмѣсто отвѣта получаю *нѣтъ!* и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое мнѣ опротивѣло!"... [1]). Въ этихъ словахъ живо обрисовывается тогдашнее безотрадное состояніе Гоголя. Какъ понятно въ немъ, еще почти ребенкѣ, то чувство, подъ вліяніемъ котораго самое „жилище" кажется ему ненавистнымъ! Въ приведенныхъ строкахъ необходимо отмѣтить еще одну черту: мы находимъ здѣсь уже совершенно равныя, дружескія отношенія къ матери въ смыслѣ непринужденной бесѣды съ ней, какъ съ лучшимъ другомъ, а вскорѣ онъ уже рѣшается давать ей совѣты и дѣлаетъ ласковые упреки за то, что она слишкомъ позволяетъ овладѣвать собою горю; напоминаетъ ей объ обязанностяхъ къ дѣтямъ, которыя отнимаютъ у нея право давать полную волю личной скорби. Съ этихъ поръ Гоголь, переставая быть ребенкомъ, все больше и больше принимаетъ живое участіе въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, и, убѣждая мать не отчаиваться, даетъ неоднократно энергическія обѣщанія посвятить ей всю жизнь. Онъ, очевидно, боится за мать; онъ не увѣренъ, будетъ ли она въ силахъ перенести постигшее ее несчастіе, и испытываетъ томительную потребность подѣлиться съ нею чувствами, возбужденными общими душевными ранами. Онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждетъ свиданія съ нею на каникулахъ, высказывая свое желаніе въ каждомъ письмѣ [2]).

Въ это время Гоголь часто пишетъ матери, всячески пытаясь вызвать ее на отвѣтъ, но все было напрасно: ему суждено было мучиться неизвѣстностью въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но и тогда извѣстіе пришло только въ письмѣ къ товарищу его (Баранову), и уже вскорѣ затѣмъ онъ получилъ письмо и самъ. Такое продолжительное молчаніе при мучительномъ настроеніи Гоголя побудило его сказать однажды, что если онъ не получитъ наконецъ вѣсточки, то „прибѣгнетъ къ отчаянію, которое дастъ ему средство избавиться отъ мрачной неизвѣстности" [3]). Между тѣмъ настоящей причиной непонятнаго перерыва въ перепискѣ оказалась просто обычная неисправность почты. Въ одномъ письмѣ Марьи Ива-

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 21.

[2]) „Чего бы я не сдѣлалъ", пишетъ онъ матери, „чтобы быть теперь съ вами, но пространство разлучаетъ насъ" (тамъ же, стр. 20).

[3]) Тамъ же, стр. 22.

новны къ Косяровскому она сообщаетъ: „теперь, благодаря Бога, на счетъ сына спокойна: получила отъ него письмо; видно, что онъ много писалъ ихъ ко мнѣ, но я не получала, такъ же, какъ и онъ моихъ, и даже съ деньгами ни одного не получилъ". Почти до самаго отъѣзда Гоголя въ Нѣжинъ длилось это недоразумѣніе. „Приближается время каникулъ", писалъ онъ уже черезъ два мѣсяца послѣ смерти отца, „и не знаю, буду-ли я счастливѣйшимъ или самымъ несчастнымъ человѣкомъ" [1]). Марья Ивановна, съ своей стороны чутко отзывавшаяся всегда на все, что̀ такъ или иначе касалось нѣжно-любимаго сына, была иногда склонна, по свойственной всѣмъ матерямъ заботливости, преувеличивать важность всякаго сообщенія тревожнаго свойства, и этого также имѣлъ основаніе опасаться Гоголь.

Съ теченіемъ времени семейное горе наконецъ улеглось, и мать Гоголя, прежде столь убитая имъ, начала постепенно находить интересъ въ домашнихъ дѣлахъ и заботахъ и вникать больше въ хозяйство, которое она вела очень безпорядочно, не ограничиваясь небольшими текущими распоряженіями, но дѣлая разныя рискованныя предпріятія, постройки, новыя домашнія заведенія, занимаясь даже винокуреніемъ и проч. Естественно, что между нею и сыномъ возникла и установилась потребность частой бесѣды въ письмахъ о вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ семьи, — потребность, становившаяся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе подвигалось развитіе сына. Гоголя, въ свою очередь, какъ видно изъ писемъ, все это также интересовало чрезвычайно живо: онъ часто прилагаетъ въ нихъ планы для построекъ и рисунки, примѣняя при этомъ на практикѣ успѣхи, сдѣланные имъ въ любимомъ искусствѣ [2]). Такимъ образомъ характеръ переписки нѣсколько расширяется и содержаніе ея становится гораздо разнообразнѣе и шире, сообщая намъ такія свѣдѣнія, которыя совершенно переносятъ насъ въ обстановку и отчасти семейныя отношенія поэта, насколько возможно знакомство съ ними на основаніи отрывочныхъ данныхъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ мы находимъ разспросы Гоголя о разныхъ подробностяхъ хозяйства, просьбы извѣщать его о всѣхъ предположеніяхъ и

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 22.
[2]) Въ рисованіи.

перемѣнахъ въ домашнихъ дѣлахъ и наконецъ собственные совѣты. Просьбы дѣйствительно исполнялись, а также нерѣдко встрѣчали одобреніе и принимались къ свѣдѣнію и мнѣнія Гоголя, что̀, конечно, не могло его не радовать. Мысль юнаго поэта неизмѣнно стремится на родину, къ домашнему очагу, къ нѣжно-любимой матери и къ роднымъ. Онъ живетъ мечтами о свиданіи съ ними, находитъ въ этихъ мечтахъ отраду и освѣженіе отъ однообразной и непривлекательной нѣжинской жизни. Но всегда больше всего обращаетъ на себя вниманіе его искреннее и горячее чувство любви къ матери. По словамъ его, мать для него всего священнѣе, ей онъ готовъ посвятить всю жизнь. Для нея онъ составилъ идеалъ спокойной жизни въ семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, жизнь въ полномъ довольствѣ, хотя и дѣятельную и не лишенную заботъ, но по крайней мѣрѣ свободную отъ заботъ обременительныхъ и нарушающихъ нравственное спокойствіе. Все, касающееся матери, его живо интересуетъ; онъ желалъ бы чаще видѣть ее, говорить съ ней, повѣрять ей свои мысли и планы. Его тяготитъ и терзаетъ мысль о необходимости еще долго обращаться къ матери съ просьбами о матеріальной поддержкѣ, которая стоила ей тяжкихъ заботъ и лишеній. Онъ впадаетъ въ мучительное и безвыходное противорѣчіе съ самимъ собой, будучи неизбѣжно вынуждаемъ причинять ей все новыя тревоги, тогда какъ ему всего болѣе хотѣлось бы снять съ нея бремя заботъ. Такъ представляется дѣло на основаніи словъ Гоголя; вопросъ только въ томъ, на сколько эти слова были искренни.

Проф. Кояловичъ вполнѣ вѣритъ въ юношескую искренность Гоголя, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его:

„Въ его послѣднихъ нѣжинскихъ письмахъ сильно выражено чувство сыновней любви и къ его самолюбивымъ мечтамъ присоединяется забота о матери, сказывается живая благодарность и глубокое сознаніе всѣхъ ея безкорыстныхъ трудовъ и заботъ [1]). Онъ вспоминаетъ свое легкомысліе и беззаботность относительно своей прямой обязанности—ученья, и спѣшитъ увѣдомить мать, что вознаградитъ утраченное время усиленными трудами. Онъ соединяетъ мечты о своемъ

[1]) См. напр. его письма: отъ 16 ноября 1826 г. (Соч. т. V, стр. 42), отъ 1 февр. 1827 г. (ibid. стр. 47), отъ 20 мая 1827 г. (ibid. стр. 53) и др.

счастьѣ съ желаніемъ успокоить ея старость и старается убѣдить ее, что настоящая трата денегъ, которыя она съ такимъ трудомъ достаетъ для него, не что иное, какъ „отдача въ ростъ съ тѣмъ, чтобы послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами“ [1]).

Во всякомъ случаѣ ему приходилось нерѣдко быть невольнымъ виновникомъ многихъ тяжкихъ безпокойствъ матери, которыхъ она не могла отъ него скрыть. Въ концѣ своей школьной жизни Гоголю пришлось позаботиться о пополненіи пробѣловъ и всего за полгода до окончанія курса онъ начинаетъ подумывать, какъ говорится, о „сведеніи концовъ съ концами“, передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ. Тутъ-то вырвались у него слова, что онъ занимался неусердно и что теперь старается вознаградить упущенное, надѣясь въ полгода сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ во все прежнее время ученія [2]). Мать, какъ видно, отнеслась къ такому заявленію далеко не съ той степенью снисходительности и благодушія, какой ожидалъ Гоголь, и выразила даже сожалѣніе, что въ самомъ началѣ ученія никому его не поручила. Широкіе замыслы сына [3]), въ которые она могла быть посвящена только отчасти, должны были казаться ей тѣмъ болѣе сомнительными, что она наталкивалась на поразительныя противорѣчія между словомъ и дѣломъ, между этими замыслами и роскошными обѣщаніями относительно будущаго и неутѣшительными свѣдѣніями о настоящемъ. Гоголь говоритъ о своемъ трудолюбіи и надеждѣ при помощи желѣзнаго тер-

[1]) См. его письма: отъ 15 дек. 1827 г. (Соч. т. V. стр. 68—69) и отъ 1-го марта 1828 г. (ibid—стр. 70—71).

[2]) Въ статьѣ Ореста Өедоровича Миллера: „Гоголь въ своихъ письмахъ“ („Русская Старина“, 1879 г., 9 кн.) сдѣлано наглядное сопоставленіе прежнихъ краткихъ отчетовъ Гоголя успокоительнаго свойства о ходѣ занятій съ неожиданнымъ для матери признаніемъ пробѣловъ; но едва-ли слѣдуетъ въ его дѣтскихъ увѣдомленіяхъ видѣть однѣ неискреннія фразы, какъ намекаетъ выраженіе упомянутой статьи, что „ко времени выпуска должно было оказаться“, что кромѣ „душевныхъ качествъ и обработанныхъ понятій, Гоголь ничѣмъ почти не запасся въ Нѣжинскомъ лицеѣ“. Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти какая-то фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только одной „реторикой въ трагическомъ вкусѣ“. На планы Гоголя и его юношескія стремленія не обращено вниманія, а заподозрѣнное притворство, можетъ быть, слишкомъ подчеркнуто.

[3]) О нихъ будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ.

пѣнія и усиленной энергіи пополнить накопившіеся за время ученія пробѣлы, съ радостью сообщаетъ уже и объ успѣхѣ, увѣряя, что онъ надѣется имъ „положить начало великаго предначертаннаго зданія“, а матери, мало придававшей значенія неубѣдительнымъ для нея обѣщаніямъ, изъ всего этого очевидно лишь то, что школьное время слишкомъ дурно употреблено сыномъ, такъ что почти наканунѣ отчета ему приходится наскоро наверстывать упущенное. Полученный Гоголемъ отвѣтъ сильно задѣлъ за живое его самолюбіе, и слѣдующее письмо его уже носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго затаеннаго недовольства, хотя онъ не позволяетъ себѣ выказать ни малѣйшей тѣни обидчивости. Въ эту пору образованія характера Гоголя мать его вообще нерѣдко высказывала свои взгляды и давала совѣты и наставленія [1]). Она убѣждала его быть бережливымъ въ образѣ жизни, называла его опрометчивымъ и мечтателемъ, предостерегала отъ увлеченій и даже пороковъ, при чемъ многія изъ этихъ наставленій могли быть вызваны упомянутымъ письмомъ передъ окончаніемъ курса. Оправдываясь и отвѣчая на упреки, Гоголь утверждалъ напротивъ, что онъ больше испытывалъ горя и нужды, нежели думала мать, что онъ даже нарочно будто бы показывалъ разсѣянность и своенравіе, когда бывалъ дома, чтобы думали, что онъ мало обтерся, мало былъ прижимаемъ зломъ [2]).

Таковы были отношенія Гоголя къ матери.

Отношенія Гоголя къ другимъ родственникамъ представляются по письмамъ также вполнѣ теплыми, истинно дружескими. Къ нимъ Гоголь питалъ въ дѣтствѣ искреннее расположеніе, о чемъ онъ говоритъ между прочимъ въ одномъ изъ писемъ къ матери въ отвѣтъ на неизвѣстно чѣмъ вызванные упреки въ холодности къ нимъ: „Я всегда любилъ родственниковъ и не

1) Впослѣдствіи, когда Гоголь жилъ уже въ Петербургѣ и находился на службѣ, мать его сообщала о немъ П. П. Косяровскому, что пишетъ ему „въ каждомъ письмѣ по нѣскольку строкъ морали“. „Николенькѣ надобно послать, сколько смогу: онъ еще не опредѣлился о сю пору. Я часто получаю отъ него письма и ему пишу по нѣскольку листовъ морали“. („Указат. къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 77).

2) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 71.—Замѣчательно, что при этомъ Гоголь сознается въ скрытности, въ привычкѣ прикрывать личиной безпечности и показной веселости настоящія свои чувства.

чуждался ихъ, къ какому бы званію они ни принадлежали. Быть можетъ, неумышленное вы приняли за дѣйствительное“ [1]). Догадка Гоголя оказалась потомъ не лишенною основанія: мать пеняла ему за то, что, заспѣшивъ и засуетясь, онъ позабылъ проститься съ родными при отъѣздѣ, о чемъ Гоголь выражаетъ самое искреннее сожалѣніе: „Мнѣ почувствовалось, будто я выѣхалъ изъ дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни съ кѣмъ“ [2]). Гоголь по забывчивости вообще не соблюдалъ иногда нѣкоторыхъ внѣшнихъ формальностей прощанія. Въ другой разъ онъ пишетъ П. П. Косяровскому: „Ахъ, виноватъ, безцѣнный Павелъ Петровичъ! и забылъ передъ выѣздомъ проститься съ вами; впрочемъ не въ пустомъ обрядѣ заключается сила, и вы, я думаю, увѣрены, что мы другъ друга не забудемъ никогда“ [3]).

Страшный ударъ, внезапно разразившійся надъ Гоголемъ. заставилъ его, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сильнѣе почувствовать связь со всей остальной семьей. Тотчасъ же послѣ смерти отца онъ начинаетъ принимать самое горячее, самое живое участіе въ судьбѣ сестеръ, разспрашиваетъ о нихъ, желаетъ ихъ скорѣе видѣть. Особеннымъ его расположеніемъ пользовались замужняя сестра, Марья Васильевна, и любимица Анна, а также вся семья Косяровскихъ [4]).

Сильнымъ и искреннимъ чувствомъ проникнуты особенно письма Гоголя къ Петру Петровичу Косяровскому, котораго онъ цѣнилъ весьма высоко.

Какъ жалуется онъ на то, что дяди его пріѣзжаютъ въ его отсутствіе и, немного прогостивши, уѣзжаютъ опять раньше его пріѣзда!...Онъ часто освѣдомляется въ письмахъ объ ихъ пріѣздѣ; онъ желаетъ знать, долго ли они прогостили въ Васильевкѣ, какъ имъ понравилось новое мѣсто

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 36.

[2]) Тамъ же, стр. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 62. Такіе же примѣры разсѣянности случались и гораздо позднѣе. (См. „Вѣстникъ Европы“, 1889 г., т. XI, стр. 88).

[4]) Родное село, имѣніе и все относящееся къ нему, семейныя и домашнія дѣла также были всегда предметомъ особеннаго участія и нѣжной заботливости Гоголя. „Уже вижу все милое сердцу, вижу милую родину, вижу тихій Пселъ, мерцающій сквозь легкое покрывало“. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 14).

для житья и проч. Пора наиболѣе интимнаго сближенія съ обоими дядями относится къ 1828 и 1829 годамъ. Возвращаясь по обыкновенію на вакаціонное время въ Васильевку, Гоголь два лѣта сряду заставалъ въ ней, — (очутившись снова въ кругу близкихъ родныхъ послѣ годового томленія въ Нѣжинѣ) обоихъ любимыхъ дядей, свиданія съ которыми онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, соединеннымъ съ боязнью, что оно не осуществится вслѣдствіе возможности скораго ихъ отъѣзда изъ Васильевки. Въ ихъ обществѣ Гоголь проводилъ почти весь срокъ совмѣстной жизни и въ короткое время настолько къ нимъ успѣвалъ привязываться, что по возвращеніи въ Нѣжинъ долго вспоминалъ о пріятныхъ дняхъ, проведенныхъ съ ними, чѣмъ разгонялъ не надолго тоску, наводимую однообразіемъ и непривѣтливой жизнью въ стѣнахъ давно наскучившаго заведенія. Одна мысль о дорогихъ родственникахъ способна была, по словамъ Гоголя, развлечь и развеселить его. Вообще короткое пребываніе въ Васильевкѣ и все остальное время, проводимое въ нелюбимомъ Нѣжинѣ, представляли двѣ рѣзкія противоположности. Трудно вполнѣ возстановить по письмамъ картину веселаго задушевнаго времяпровожденія Гоголя въ своей семьѣ въ Васильевкѣ, но въ общихъ чертахъ характеръ его обрисовывается довольно живо. Съ внѣшней стороны оно представляется намъ задушевнымъ общеніемъ людей, связанныхъ взаимною искреннею привязанностью, проводящихъ досуги большею частью въ тѣсномъ кругу семьи, въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ, отдыхающихъ и наслаждающихся привольною жизнью въ дорогомъ по воспоминаніямъ дѣтства и всѣмъ завѣтнымъ симпатіямъ благословенномъ краѣ Малороссіи. Прогулки цѣлымъ обществомъ по полямъ и окрестностямъ Васильевки до утомленія, вознаграждаемаго потомъ вечернимъ чаемъ въ пріятной бесѣдѣ за истребленіемъ множества арбузовъ и дынь, веселыя поѣздки на ярмарку въ село Яреско, дружныя работы въ саду, не всегда пріятное и отчасти стѣснительное житье по временамъ въ Кибинцахъ у Трощинскаго и привольное наслажденіе жизнью дома, самыя отправленія вмѣстѣ на ночлегъ „въ верхнее обиталище"—однимъ словомъ, все до малѣйшихъ подробностей, касавшихся домашнихъ и даже дворовыхъ людей, какое-нибудь извѣстіе объ общихъ знакомыхъ, предметѣ обычныхъ шутокъ и разговоровъ, —

рѣшительно все, что могло напоминать любимыхъ родственниковъ и счастливое время жизни въ Васильевкѣ, было пріятно сердцу юнаго нѣжинскаго школьника. Веселый и искренній тонъ писемъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ свѣтломъ, отрадномъ настроеніи, которое вызывалось въ Гоголѣ возможностью обмѣна мыслей съ дядями въ перепискѣ.

Мы разсмотрѣли письма Гоголя къ матери по содержанію; сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣтокъ объ ихъ слогѣ.

Внимательное изученіе писемъ наводитъ на мысль о томъ, что въ періодъ формированія слога Гоголь не мало заботился уже объ украшеніи рѣчи и, что всего важнѣе, заботы эти были, повидимому, результатомъ не только желанія усвоить себѣ пріемы рѣчи образованнаго человѣка, но даже до нѣкоторой степени щегольнуть краснорѣчіемъ, для чего онъ добивался уже извѣстнаго литературнаго навыка. Послѣднее обнаруживается нерѣдко въ искусственномъ построеніи цѣлыхъ періодовъ, въ употребленіи нѣкоторыхъ реторическихъ фигуръ, напр., часто встрѣчающейся въ его дѣтскихъ письмахъ фигуры единоначалія, въ употребленіи цвѣтистыхъ и изысканныхъ фразъ съ явнымъ притязаніемъ на эффектъ, на красоту выраженія. Еще въ первые годы переписки, при отсутствіи выработаннаго упражненіемъ навыка излагать на письмѣ свои мысли, рядомъ съ какимъ-нибудь выраженіемъ, совершенно дѣтскимъ по построенію фразы и по самой мысли, у Гоголя неожиданно является изящный оборотъ рѣчи, образное выраженіе и пр. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о заботѣ автора относительно рѣчи и наглядно знакомитъ съ постепеннымъ формированіемъ слога нашего писателя.

Очень можетъ быть, что наставленія и примѣръ другихъ лицъ и особенно авторитетное вліяніе журнальной литературы, съ которой, какъ видно изъ писемъ, рано началъ знакомиться Гоголь, наконецъ—школы могли отразиться на сложившихся у него пріемахъ рѣчи. Нѣкоторая наклонность къ реторикѣ могла быть первоначально естественнымъ слѣдствіемъ справедливаго, но неправильно понимаемаго убѣжденія въ необходимости соблюденія приличнаго содержанію тона рѣчи, когда случалось говорить о чемъ-нибудь важномъ или возвышенномъ, вообще о предметахъ, выходившихъ изъ круга обыкновенныхъ [1]).

[1]) Мы знаемъ изъ воспоминаній товарищей Гоголя о томъ, что онъ и сотруд-

Нельзя отрицать, что при всей искренности сыновняго чувства у Гоголя въ выраженіи его въ дѣтскихъ письмахъ иногда замѣчается примѣсь реторики, особенно яркой своей противоположностью съ простымъ и естественнымъ тономъ остального изложенія. Самая форма обращеній къ обоимъ родителямъ въ началѣ первыхъ писемъ, обыкновенно заученная, однообразно-почтительная, повидимому, представляетъ результатъ указаній и примѣра старшихъ. Интересно сравнить поздравительное письмо къ матери отъ 1 октября 1824 г., ко дню ея ангела, съ написаннымъ тогда же письмомъ къ отцу: въ противоположность совершенной простотѣ послѣдняго мы замѣчаемъ въ первомъ изысканность конструкціи и отдѣльныхъ выраженій, множество сравненій, предложенія съ фигурой единоначалія и проч. Причина ясная: письмо къ отцу было обыкновенное, будничное, а къ матери, по причинѣ ея именинъ, торжественное, праздничное.

Извѣстно, что нѣкоторыя письма Гоголя къ матери, особенно первое письмо послѣ полученія имъ извѣстія о смерти отца, многіе находили исполненными реторики. Но такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать недостатокъ сыновней любви Гоголя и напротивъ есть много данныхъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ ее, то самое естественное и правдоподобное объясненіе замѣченнаго факта, по нашему мнѣнію, должно быть такое: резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“, были въ сущности не чужды его натурѣ и отчасти еще очень рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юно-

ники его по изданію въ школѣ рукописнаго журнала бились изо всѣхъ силъ, чтобы писать высокимъ слогомъ („Библіогр. Зап.“, 1859, стр. 492). Профессоръ Никольскій, преподававшій русскую словесность, при своихъ воззрѣніяхъ на предметъ могъ только поощрять и поддерживать съ своей стороны это стремленіе. Самъ онъ писалъ донесенія въ конференцію по всѣмъ правиламъ реторики и, какъ преподаватель, по свидѣтельству своего собрата Кулжинскаго, за хлопотами жизни отсталъ отъ современнаго состоянія литературы и остановился на Херасковѣ и Державинѣ.

шескою впечатлительностью, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь, не заглушили его [1]).

„Обратите вниманіе",—говоритъ Кояловичъ—„какое сознаніе своей личности сквозитъ въ его словахъ: „*Я весьма радъ, я поставилъ для себя первымъ долгомъ, я увѣренъ!*" какъ подобраны здѣсь всѣ нужныя слова для полной убѣдительности просьбы! какъ великолѣпно это *слѣдовательно* которымъ начинается

[1]) Нельзя не пожалѣть о томъ, что не сохранилось почти никакихъ, даже скудныхъ свѣдѣній о первыхъ, еще дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя. Мы знаемъ единственно, что онъ, подобно своимъ товарищамъ, сильно заботился о высокомъ слогѣ; но намъ слишкомъ мало извѣстно о сюжетахъ, которые онъ заимствовалъ для этихъ опытовъ, и наконецъ о томъ, кому и какъ именно онъ подражалъ. Первые опыты почти каждаго дѣятеля, получающаго впослѣдствіи громкую извѣстность на литературномъ поприщѣ, состоятъ обыкновенно въ подражаніи, и иногда довольно рабскомъ, произведеніямъ предшественниковъ. Естественно, что самая любовь къ поэзіи возгорается подъ обаятельнымъ дѣйствіемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія въ годы отрочества или ранней юности, которыя глубоко западаютъ въ молодую душу, и, возбуждаемыя страстнымъ сочувствіемъ красотамъ любимыхъ художественныхъ произведеній, сопровождаются болѣе или менѣе восторженнымъ поклоненіемъ самимъ ихъ авторамъ. Большею частью проходитъ не мало времени, пока начинающему писателю послѣ не одной невѣрной попытки удается наконецъ найти истинный путь, опредѣливъ свое истинное призваніе. Въ отношеніи къ Гоголю у насъ остается нѣкоторый пробѣлъ между самыми первыми его художественными впечатлѣніями, вынесенными впрочемъ не изъ чтенія, а изъ разсказовъ отца и изъ представленій его комедіи, и между «Луизой» Фосса, внушившей Гоголю замыселъ его идилліи: «Гансъ Кюхельгартенъ», уже передъ выпускомъ его изъ школы. Единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Гоголя, дающее намъ возможность составить нѣкоторое представленіе о его школьныхъ опытахъ на основаніи его собственныхъ словъ, а не на сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ недостаточно точныхъ воспоминаніяхъ товарищей, находится въ «Авторской Исповѣди»: «Первые мои опыты»,—говорилъ онъ тамъ—«первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ". (Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 248). Этимъ признаніемъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается неосновательное утвержденіе г. Пащенка, гимназическаго товарища Гоголя, относившаго къ нѣжинскому періоду первые замыслы „Вечеровъ на Хуторѣ", а равно предположеніе другого товарища его, Прокоповича, что „Гансъ Кюхельгартенъ" принадлежитъ будто бы времени переѣзда автора въ Петербургъ.

Приведемъ здѣсь слишкомъ мало извѣстную, относящуюся къ 1826 г. замѣтку Гоголя въ альбомъ его товарища Любича-Романовича: «Свѣтъ скоро хладѣетъ

просьба, и какъ неотразимо для родительскаго сердца это *для моей пользы*, которымъ она кончается! [1]) Нѣтъ, читая это первое дошедшее до насъ письмо Гоголя, мы не ошибемся, сказавъ, что Гоголь его *сочинялъ* и на немъ пробовалъ силу своихъ творческихъ способностей. Было много причинъ, вслѣдствіе которыхъ Гоголю пришлось — хотя и безсознательно сначала,—прибѣгнуть именно въ письмахъ къ услугамъ своихъ творческихъ способностей. Одно уже различіе личныхъ интересовъ сына и родителей вслѣдствіе одной только разницы въ обстановкѣ и условіяхъ жизни и вытекающая отсюда необходимость возбуждать нужное участіе къ своимъ интересамъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, одно уже это вызвало Гоголя на особое вниманіе къ своей перепискѣ съ родными.

Но кромѣ невинной дѣтской хитрости, неизбѣжной въ извѣстный возрастъ, на то же творчество въ письмахъ вызвали и такія чувства, какъ сыновняя любовь, которая въ Гоголѣ несомнѣнно была и глубокая, и искренняя. Усиленное разлукой, это нѣжное чувство естественно искало особенно сильнаго выраженія, не удовлетворяясь обычной фразеологіей, и

въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Несчастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ». („Библіогр. Зап.“, 1859 г., стр. 492, сообщеніе Гербеля). Здѣсь мы видимъ несомнѣнные слѣды реторики.

Впрочемъ, что въ приложенныхъ г. Кулишемъ двухъ небольшихъ классныхъ упражненіяхъ Гоголя мы не замѣчаемъ особенно явныхъ слѣдовъ реторики, причемъ первое изъ нихъ напоминаетъ отчасти своимъ складомъ рѣчи нѣкоторыя позднѣйшія прозаическія статьи Гоголя изъ числа тѣхъ, которыя отличаются сравнительно болѣе естественнымъ изложеніемъ; но одно изъ нихъ касается вопроса объ апелляціяхъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія (по русскому праву) и отличается по этому сухимъ, вполнѣ дѣловымъ тономъ, а другое, хотя и относится къ литературному вопросу о значеніи *критики* и о томъ, что требуется отъ *критики*, но оно очень коротко и притомъ слишкомъ однообразно.

[1]) Кояловичъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующія слова одного изъ писемъ Гоголя къ родителямъ: „Я весьма радъ, что узналъ о благополучномъ здравіи вашемъ. Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего. Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего; слѣдовательно, нужно заняться вакаціями, чтобы поспѣть съ честью во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ. Если вы будете въ Полтавѣ, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы“. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 3).

сама собой являлась потребность въ реторикѣ, въ украшеніяхъ слога, что также не могло обойтись безъ участія творческихъ силъ". („Московскій Сборникъ", 1887, стр. 237).

Въ приведенныхъ строкахъ покойнаго профессора усиленно обращаемъ вниманіе на выразившееся въ нихъ довѣріе къ искренности сыновнихъ чувствъ Гоголя, и еще разъ замѣтимъ, что сомнѣнія, высказываемыя въ этомъ смыслѣ въ нашей печати, представляются и намъ излишне преувеличенными.

VI.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ Г. И. ВЫСОЦКОМУ.

Важнымъ дополненіемъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью при изученіи школьнаго періода слѣдуетъ считать еще три письма къ Высоцкому [1]). Изъ переписки съ матерью мы знакомимся преимущественно съ отношеніями Гоголя къ семейной жизни и ея интересамъ, но Гоголь могъ впрочемъ избѣгать бесѣды о нѣкоторыхъ сторонахъ школьнаго быта. Однимъ изъ стѣснительныхъ и щекотливыхъ пунктовъ было враждебное отношеніе его къ школѣ, въ которомъ ему сочувствовалъ товарищъ, но которое вовсе не расположена была раздѣлять мать. Сверхъ того, ее не могъ не коробить и рѣзкій критическій взглядъ сына на окружающихъ, къ которымъ принадлежали между прочимъ люди почтенные и уважаемые.

Сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ имѣло, несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на образованіе его нравственной личности: оно въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило извѣстный взглядъ на самого себя и на свои силы, наконецъ на задачи будущей своей дѣятельности. Выборъ друга, если вѣрить словамъ самого Гоголя, былъ не случайный: нравственная связь въ данномъ случаѣ основывалась на сходствѣ взглядовъ и отношеній къ окружающему міру. Такъ какъ мы знаемъ изъ собственнаго признанія Гоголя и отзывовъ его друзей о ничтожныхъ результатахъ, вынесенныхъ имъ изъ школы, то, очевидно, слѣ-

[1]) См. подробности въ брошюрѣ проф. Владимірова: „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя". Кіевъ. 1890.

дуетъ допустить важность для его развитія бесѣдъ съ немногими избранными сверстниками, посвященными въ тайны его интимнаго міра. Подъ вліяніемъ Высоцкаго зародились у Гоголя самонадѣянныя мечты о будущемъ и рѣзкое осужденіе настоящаго. Письма къ Высоцкому многое объясняютъ въ развитіи Гоголя: изъ нихъ мы узнаемъ, съ какихъ поръ у него возникло недовольство нѣжинской жизнью и какъ именно могло постепенно совершиться превращеніе его изъ безпечнаго ребенка, занятаго сперва успѣхами въ рисованіи и картинками собственнаго произведенія, и позднѣе поглощеннаго театромъ и чтеніемъ, въ молодого человѣка съ широкими замыслами и явными наклонностями къ критикѣ наблюдаемыхъ явленій.

Мы указали выше общее содержаніе писемъ Гоголя къ матери до обычнаго перерыва, наступившаго по случаю отъѣзда автора въ началѣ лѣтнихъ вакацій. Мы говорили о нетерпѣливомъ и страстномъ ожиданіи имъ писемъ изъ дому въ годъ кончины его отца. Но характеръ и степень оживленности переписки замѣтно измѣняется по возвращеніи Гоголя изъ дому въ школу осенью: насколько прежде живо и настоятельно ощущалась потребность въ обмѣнѣ мыслей и чувствъ, настолько теперь, напротивъ, съ обѣихъ сторонъ переписка становится на нѣкоторое время вялой и обыденной. Если прежде Гоголь скучалъ и томился, не получая долго извѣстій о матери; если онъ такъ живо интересовался тогда всѣмъ, что̀ происходило дома: то теперь онъ живетъ, повидимому замкнутой жизнью, мысль его работаетъ много, но надъ такими вопросами и предметами, о которыхъ онъ не имѣлъ обыкновенія или не находилъ удобнымъ бесѣдовать въ письмахъ. Причину указаннаго факта слѣдуетъ видѣть, конечно, не въ перемѣнѣ отношеній къ матери. Гоголь попрежнему хочетъ видѣть ее, чтобы имѣть возможность лично высказать ей многое, и еще въ началѣ октября заводитъ рѣчь о предстоящемъ свиданіи на Рождествѣ. Мы видимъ напротивъ, что отношенія Гоголя къ воспитавшему его заведенію существенно измѣнились: однажды пробудившаяся въ немъ дѣятельность мысли создала теперь потребность относиться критически ко всему окружающему, стать въ сознательныя отношенія къ внѣшнему міру, не замедлила оказать свое вліяніе на весь духовный складъ даровитаго юноши.

Мы находимъ вскорѣ явные слѣды внутренней работы мысли и, какъ результатъ ея, признаки слагавшагося міросозерцанія, показывающіе, что Гоголь успѣлъ уже переступить за порогъ отрочества. Работа мысли имѣла у него въ это время преимущественно отрицательный характеръ и побудила его жадно искать чего-то лучшаго, стремиться къ перемѣнѣ условій и обстановки. Гоголь начинаетъ третировать все свысока и предъявлять чрезвычайно притязательныя требованія къ жизни.

Почти совершенное отсутствіе точныхъ фактическихъ данныхъ дли разъясненія этой перемѣны въ немъ является невознаградимымъ пробѣломъ, такъ какъ даже въ воспоминаніяхъ лицъ, особенно коротко знавшихъ Гоголя въ дѣтствѣ и помнившихъ его ранніе годы, какъ мы видѣли, объ этомъ отдаленномъ времени сохранилось очень мало цѣнныхъ свѣдѣній. Въ этихъ воспоминаніяхъ болѣе или менѣе отрывочно рисуется личность даровитаго подростка, но большей частью со стороны мелкихъ школьныхъ выходокъ и продѣлокъ, при томъ иногда даже не совсѣмъ приличныхъ и неудобныхъ для пересказа въ печати. Можно только сказать вообще, что въ мальчикѣ совсѣмъ не было развито школьное самолюбіе, что онъ относился безпечно къ класснымъ занятіямъ и совершенно не заботился о томъ, не только, чтобы выдвинуться передъ товарищами пріобрѣтенными познаніями или, наконецъ, хотя бы основательностью и серьезностью развитія, но даже, чтобы занимать хорошія мѣста въ классѣ. Гоголь долго держалъ себя ребенкомъ, при чемъ рѣшительно не обращалъ въ низшихъ классахъ ничьего вниманія; ему даже отводилось не слишкомъ завидное мѣсто въ свободныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, хотя онъ не отставалъ отъ сверстниковъ въ обыкновенныхъ мальчишескихъ проказахъ въ классахъ и дортуарахъ, вслѣдствіе чего, если и пользовался общей любовью школьниковъ, то не внушалъ къ себѣ уваженія. Надъ нимъ часто смѣялись и трунили, толкали его, получая отъ него соотвѣтствующее возмездіе въ видѣ насмѣшливыхъ прозвищъ и кличекъ... Возвращаясь изъ дому послѣ каникулъ, Гоголь встрѣчалъ обыкновенно самый радушный пріемъ и дружескія привѣтствія [1]), но,

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 31: „Я принятъ былъ, какъ самый добрый товарищъ“.

поддерживая внѣшнимъ образомъ добрыя отношенія и чувствуя себя, вѣроятно, и на самомъ дѣлѣ привольно, бодро и весело въ средѣ любимыхъ товарищей, онъ былъ все-таки не прочь пересмѣивать ихъ наединѣ съ своимъ пріятелемъ Высоцкимъ. Въ старшихъ классахъ, когда онъ сталъ думать о книгахъ, о театрѣ, о будущности, его школьная репутація сильно возвысилась, но и тогда въ немъ все-таки не предполагали ничего необыкновеннаго, хотя и находили, пожалуй, чрезвычайно мѣткими его шутки и карикатурное изображеніе имъ старшихъ. Итакъ, что же хотя въ видѣ слабаго намека обѣщало въ Гоголѣ геніальную личность еще въ отрочествѣ? Какъ проникнуть въ любопытную тайну зарожденія и постепеннаго развитія въ его душѣ тѣхъ самоувѣренныхъ надеждъ, которыя составляли главную гордость и богатство его внутренняго міра въ счастливую пору юности? Такъ какъ изъ старшихъ не нашлось никого, кто бы сумѣлъ подсмотрѣть въ немъ зарожденіе еще не опредѣлившихся и притомъ тщательно скрываемыхъ завѣтныхъ помысловъ, то тѣмъ менѣе можно было бы ожидать, чтобы въ его тайну могли проникнуть его сверстники, беззаботные юноши, и тѣмъ болѣе мальчики-школьники, думавшіе объ играхъ въ то время, когда Гоголь уже началъ загадывать о будущемъ. Единственное тогда исключеніе составлялъ Высоцкій, уже давно умершій и не оставившій никакихъ воспоминаній. Такимъ образомъ, въ одномъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ вопросовъ мы остаемся всецѣло въ области гадательныхъ предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не имѣющихъ значенія достовѣрныхъ фактовъ. Такъ, нельзя не признать чрезвычайно остроумными и любопытными, но далеко не несомнѣнными нѣкоторыя догадки и соображенія, высказанныя покойнымъ проф. Кояловичемъ въ его прекрасной статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя". На нихъ-то пока мы и остановимся.

На только-что поставленный нами вопросъ Кояловичъ даетъ такой отвѣтъ:

„Необходимо отмѣтить одну крупную подробность того общаго плана жизни, который сложился у Гоголя наканунѣ его выхода изъ гимназіи. Этотъ планъ былъ разсчитанъ на „просторный кругъ дѣйствія". Припомнивъ указанныя вліянія: примѣръ Трощинскаго, выборъ родителями Гоголя школы

съ широкими университетскими правами, наконецъ, вліяніе старшихъ товарищей, уѣзжавшихъ по окончаніи курса въ Петербургъ, — мы не удивимся тому размаху юношескаго честолюбія Гоголя, который выразился въ его мечтахъ о Петербургѣ" [1]).

Исходной точкой соображеній проф. Кояловича является постоянно наблюдаемый въ обыденной жизни общеизвѣстный фактъ, состоящій въ томъ, что на воспріимчивую душу ребенка нерѣдко оказываютъ замѣтное, а иногда и неизгладимое вліяніе понятія и притязанія окружающей среды, начиная съ родителей. Что̀ признаютъ желательнымъ или необходимымъ для своихъ дѣтей родители, на то именно, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ пріучаются устремлять свои раннія мечты и дѣти. Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, является не безразличнымъ даже столь распространенное въ разговорѣ съ дѣтьми обыкновеніе обращаться къ нимъ съ шутливыми вопросами о будущемъ и съ лестными для пробуждающагося сознанія разсказами о томъ, что̀ ихъ будто бы ожидаетъ въ жизни. Заманчивыя картины будущаго счастья не безслѣдно шевелятъ дѣтское воображеніе, незамѣтно воспитывая въ юныхъ сердцахъ зародыши честолюбія. Подобныя шутки съ дѣтьми всего чаще бываютъ невиннымъ развлеченіемъ и проходятъ навсегда, какъ это изобразилъ Гоголь въ бесѣдѣ Манилова съ дѣтьми за обѣденнымъ столомъ, когда Маниловъ спрашиваетъ у одного изъ нихъ, хочетъ ли онъ быть посланникомъ; но если, напр., въ вопросѣ Манилова сказалась только обычная его комическая слабость къ пустымъ и безплоднымъ фантазіямъ, то бываетъ съ другой стороны и такъ, что ребенку вкладываютъ въ голову болѣе осуществимыя мечты, и тогда онъ постепенно привыкаетъ къ возбужденіямъ честолюбія въ указываемомъ ему направленіи. Это случается особенно тогда, когда шутки сопровождаются искренними пожеланіями и къ нимъ примѣшивается невольный самообманъ самихъ родителей и ихъ задушевныя, горячія мечты. Итакъ, возникаетъ вопросъ: не было ли также *искусственнымъ образомъ* затронуто въ дѣтствѣ честолюбіе Гоголя подъ вліяніемъ родителей и окружающей среды? Не такимъ ли именно способомъ пріучился онъ загля-

[1]) „Московскій Сборникъ", подъ редакціею С. Шарапова, 1887 г., стр. 218.

дывать въ заманчивую даль будущаго и въ ней искать надежды для удовлетворенія рано подстрекаемаго честолюбія? Съ своей стороны мы отвѣтили бы на этотъ вопросъ отрицательно и указали бы скорѣе на внутреннія непостижимыя особенности геніальной натуры, какъ на главную причину рано пробудившихся въ Гоголѣ широкихъ идеаловъ и стремленій, особенно въ виду того, что, какъ уже, вѣроятно, убѣдился читатель изъ предыдущаго очерка личностей и всего склада жизни родителей Гоголя, едва ли возможно допустить, чтобы въ младенческихъ впечатлѣніяхъ нашего писателя могъ участвовать предполагаемый Кояловичемъ элементъ. Родители поэта, безъ сомнѣнія, были люди самые скромные и непритязательные, не задававшіеся никакими обширными планами и весьма далекіе отъ какихъ бы то ни было честолюбивыхъ грезъ. Въ балованномъ ребенкѣ, конечно, легче могло пробудиться честолюбіе, но на подобныхъ шаткихъ основаніяхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Мы знаемъ только, что, какъ всѣ балованныя дѣти, Гоголь иногда не цѣнилъ должнымъ образомъ оказываемыя ему маленькія услуги и крупныя одолженія, но вовсе не по *эгоистической испорченности характера,* а по естественной безпечности возраста. Гоголь впослѣдствіи сильно жалѣлъ напримѣръ о томъ, что во время своего обученія въ Нѣжинѣ онъ позволялъ себѣ „нужды не по своему состоянію", потому что не догадывался, какой цѣной все это доставалось. Но мы ничего не знаемъ о возбужденіи въ Гоголѣ такого именно самолюбія, на какое намекаетъ Кояловичъ. По тѣмъ же соображеніямъ мы не можемъ согласиться и съ другимъ предположеніемъ Кояловича, что будто, отдавая мальчика въ гимназію высшихъ наукъ, отецъ Гоголя задавался болѣе или менѣе опредѣленными планами, именно о будущей его карьерѣ и значеніи въ обществѣ. Дѣло было, какъ мы думаемъ, гораздо проще. Конечно, родители желали доставить сыну по возможности хорошее образованіе, особенно услышавъ лестную рекомендацію для заведенія изъ устъ предводителя дворянства; но приписываемое имъ желаніе „увидѣть сына по окончаніи курса съ правами университета" очень мало соотвѣтствуетъ понятіямъ и требованіямъ тѣхъ патріархальныхъ временъ и самой непритязательности скромной помѣщичьей среды, которую съ столь же рискованнымъ преувеличеніемъ

въ другую сторону иные хотятъ сравнивать во всѣхъ подробностяхъ съ средой старосвѣтскихъ помѣщиковъ, заходя въ этомъ направленіи иногда слишкомъ далеко. Самое приведенное нами выраженіе Кояловича отзывается, повидимому, заботами людей современнаго намъ общества....

Но въ высшей степени мѣтко и основательно, по нашему мнѣнію, указалъ Кояловичъ на вѣроятное дѣйствіе на отроческую душу Гоголя примѣра поразительной яркости въ почти баснословномъ возвышеніи Д. Пр. Трощинскаго изъ простыхъ казачьихъ мальчиковъ на высшій постъ въ государствѣ. На глазахъ ребенка-Гоголя Д. П. Трощинскій со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ величайшимъ благоговѣніемъ; его боготворили, признавая благодѣтелемъ цѣлаго края; ему всюду расточали искреннія похвалы и подобострастную лесть въ глаза и заочно. Да и не въ одномъ только мнѣніи не знающаго жизни отрока, но и въ общемъ убѣжденіи Трощинскій являлся выдающейся личностью въ цѣлой Украйнѣ. Слова, сказанныя Гоголемъ-юношей одной изъ знакомыхъ С. В. Скалонъ [1]), передъ отъѣздомъ въ Петербургъ по окончаніи курса въ Нѣжинѣ, что она или ничего о немъ не услышитъ, или узнаетъ что-нибудь очень хорошее, — эти слова ясно доказываютъ, что въ его воображеніи давно носилось восторженное представленіе объ ожидающемъ его впереди выдающемся значеніи и славѣ; а если представленіе это было между прочимъ внушено какимъ-нибудь живымъ примѣромъ, то, конечно, такимъ образцомъ въ мечтахъ его ранняго дѣтства могъ быть только Д. П. Трощинскій, котораго одно имя произносилось многими какъ святыня. И въ самомъ дѣлѣ, въ дѣтскихъ письмахъ Гоголя есть несомнѣнныя подтвержденія того, что общее безграничное благоговѣніе къ Трощинскому въ первые годы своей школьной жизни раздѣлялъ и нашъ поэтъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что золотыя грезы юности были если не навѣяны, то, по крайней мѣрѣ, подогрѣты упомянутымъ всеобщимъ глубокимъ преклоненіемъ предъ личностью высокопоставленнаго родственника и друга дома родителей Гоголя, заслужившаго личными дарованіями и честнымъ трудомъ завидный всеобщій почетъ. „Примѣръ живой и поразительный“ — справедливо замѣчаетъ Кояловичъ, „по-

1) „Историч. Вѣстникъ“. 1891. V. 363.

разительный для мальчика, одареннаго воображеніемъ и честолюбіемъ Гоголя. Быть можетъ, родители его и не дерзали указывать на своего знаменитаго родственника, какъ на примѣръ для ихъ сына; но едва ли будетъ ошибочно предположить, что этотъ примѣръ сталъ занимать мысли Гоголя еще въ очень раннюю эпоху его развитія" [1]).

Прибавлю еще, что преувеличеннымъ представляется мнѣ также домыслъ названной статьи,—что на отроческую душу Гоголя имѣли сильное вліяніе слышанныя имъ преданія казацкой старины, въ которыхъ небольшая роль досталась на долю его ближайшихъ предковъ. Правда, какъ мы видѣли, украинскія лѣтописи сохранили извѣстія объ Остапѣ Гоголѣ, но семейныя преданія едва ли восходили далѣе дѣда великаго писателя, судя по тому, что нынѣ здравствующія сестры его вполнѣ равнодушны къ загадочной и мало извѣстной личности Остапа, да и не убѣждены даже въ своемъ происхожденіи отъ него...

Но возвращаемся къ прерванному разсказу.

Чѣмъ притязательнѣе становились замыслы Гоголя, тѣмъ на бо́льшее число лицъ распространялось его критическое отношеніе. Случалось даже, что искреннее и глубокое уваженіе Гоголя-ребенка замѣнялось насмѣшками и презрѣніемъ Гоголя-юноши. Въ большинствѣ лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться Гоголю въ Нѣжинѣ, онъ начиналъ видѣть людей ничтожныхъ, ограниченныхъ, мѣтко названныхъ въ письмѣ къ Высоцкому, „существователями": очевидно, зоркій глазъ подростка научился уже замѣчать въ старшихъ многое, чего не замѣчали сверстники. О самомъ Нѣжинѣ Гоголь отзывается бо́льшею частью холодно: „я оспротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ", пишетъ онъ: „я иностранецъ, забредшій въ чужбину искать того, что̀ находится только въ одной родинѣ" [2]) и проч.

Мы не знаемъ, какія причины могли заставить Гоголя совершенно перемѣнить свое мнѣніе и характеръ отношеній къ Орлаю, о которомъ онъ прежде отзывался всегда дружелюбно; но перемѣна эта была такъ рѣзка, что издатель пи-

[1]) „Московскій Сборникъ", изд. Шарапова, 1887, стр. 212.

[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, ст. 55; ср. такой же отзывъ на стр. 35, также на стр. 59.

семъ Гоголя рѣшился даже скрыть имя Орлая во многихъ мѣстахъ подъ условной французской литерой (SS. [1])—Въ первый разъ проявляется у Гоголя чувство досады на Орлая по по-

[1]) Мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ нѣсколько запутаннымъ и важнымъ для установленія взгляда на личность самого Орлая, имѣвшаго большое вліяніе на внутреннюю жизнь гимназіи высшихъ наукъ. „Докторъ Орлай былъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный, дѣльный и высокообразованный, искренно заботившійся о благѣ заведенія и умѣвшій вести дѣло". Такъ характеризуетъ его проф. Лавровскій въ своей статьѣ, основанной на изученіи документовъ, такимъ выставляютъ его всѣ лица, помнящія его дѣятельность, при чемъ особенный интересъ представляетъ отзывъ о немъ Кукольника въ біографіи, составленной для изданія Кушелева-Безбородко, подъ названіемъ „Лицей князя Безбородко". Между тѣмъ, съ другой стороны и слова Гоголя о ненормальномъ состояніи пансіона при Орлаѣ подтверждаются несомнѣнными данными, указанными въ той же нѣсколько разъ названной статьѣ г. Лавровскаго. Мало того, распущенность пансіона, должно быть, была въ самомъ дѣлѣ невообразимая, если принять во вниманіе, что она больше всего и послужила причиной послѣдовавшаго черезъ нѣсколько лѣтъ закрытія или, правильнѣе, преобразованія гимназіи высшихъ наукъ. Какъ согласить эти противорѣчія? Справедливость требуетъ сказать, что этотъ вопросъ не съ достаточной ясностью и убѣдительностью разработанъ г. Лавровскимъ. Принимая съ ограниченіями хвалебные отзывы Кукольника, справедливо называя ихъ гиперболическими, г. Лавровскій принимаетъ, однако, за подтвержденіе ихъ въ сущности такое обстоятельство, которое скорѣе могло бы возбудить подозрѣніе въ томъ, что, при всемъ своемъ тактѣ и преданности дѣлу, Орлай, все же, не только не добился образцоваго порядка въ заведеніи, но не могъ даже прочно установить сколько-нибудь нормальной школьной дисциплины, такъ что, тотчасъ же по его выходѣ, въ пансіонѣ обнаружилась страшная распущенность, которую онъ, вѣроятно, только умѣлъ своимъ авторитетомъ сдерживать въ приличныхъ границахъ, чего не удалось послѣ сдѣлать менѣе опытнымъ и, весьма вѣроятно, менѣе способнымъ его преемникамъ. Да и при немъ дѣло доходило до того, что неблагопріятные слухи и отзывы о поведеніи вольноприходящихъ учениковъ сильно озабочивали почетнаго попечителя и окружное начальство, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство, мнѣніемъ котораго гимназія должна была дорожить, такъ какъ это мнѣніе могло отразиться на количествѣ пансіонеровъ, не было въ состояніи отдѣлять пансіонеровъ отъ вольноприходящихъ. Наконецъ audiatur et altera pars: проф. Никольскій имѣлъ какое-нибудь основаніе задѣвать бывшаго директора, рѣшаясь бросать свои ядовитые намеки. Проф. Бѣлоусовъ, принимая должность инспектора, говоритъ, что онъ долго отказывался отъ нея, предвидя, сколько непріятностей и труда предстоитъ ему перенести при такомъ состояніи пансіона, когда воспитанники бродили толпами по трактирамъ и по подозрительнымъ мѣстамъ. Главными распространителями безпорядковъ, по словамъ г. Лавровскаго, были вольноприходящіе ученики еще до пріѣзда Орлая, но при немъ не оказывалось большихъ безпорядковъ между вольноприходящими. Какъ бы то ни было, въ нѣсколько лѣтъ своего директорства Орлаю удавалось только прикрывать и сдерживать безпорядки, но не устранить совсѣмъ. И онъ, имѣя въ виду спасе-

воду отсрочки экзамена. „У насъ, гдѣ ничего нѣтъ постояннаго“, пишетъ онъ, „вздумалось *господину директору* отложить

ніе школы, даже долженъ былъ просить Бѣлоусова со слезами на глазахъ принять на себя бремя управленія ею. Наконецъ вѣскимъ подтвержденіемъ нашего предположенія о недостаточности умѣнія Орлая вести дѣло можетъ служить именно то, что поведеніе пансіонеровъ видимо начинаетъ измѣняться къ худшему вслѣдъ за отъѣздомъ Орлая изъ Нѣжина (лѣтомъ 1826 г.), когда въ пансіонѣ возникаетъ какое-то тревожное настроеніе, жалобы пансіонеровъ поднимаются одна за другой и пр. „Можно даже допустить, что предоставленная прежде пансіонерамъ свобода“,—говоритъ г. Лавровскій.—„не вполнѣ соотвѣтствовала ихъ возрасту, что бывали случаи злоупотребленія этой свободой, что совокупность этихъ случаевъ бросала тѣнь на порядки, заведенные въ гимназіи; но не подлежитъ сомнѣнію то, что общее состояніе пансіона при Орлаѣ было вполнѣ благонадежно; что авторитетъ Орлая, уваженіе и расположеніе къ нему и учащихъ и учащихся устраняли тотъ вредъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы произойти отъ частыхъ послабленій, отъ излишней иногда снисходительности директора“ (стр. 146). Г. Лавровскій предполагаетъ далѣе, что обвиненія противъ Орлая начались особенно чрезъ два года послѣ его выхода, во время возгорѣвшейся борьбы между двумя враждебными партіями профессоровъ. Но изъ писемъ Гоголя мы видимъ обратное и притомъ размѣры распущенности, указанные людьми, обвинявшими Орлая, даже въ случаѣ сильныхъ преувеличеній, должны же были имѣть какое-нибудь основаніе и быть до извѣстной степени правдоподобными, иначе вѣдь они были бы просто не мыслимы. Но особенно, какъ согласить съ похвалами Орлаю непріязненные отзывы о немъ Гоголя тотчасъ по оставленіи Орлаемъ школы?. Если взглядъ Гоголя былъ не одиночнымъ явленіемъ,—(а почему бы Гоголю, всегда относившемуся прежде съ любовью къ своему начальнику, вдругъ одному и безъ всякихъ причинъ перемѣниться къ Орлаю, тогда какъ съ нимъ-то Орлай обходился особенно дружески: тутъ всего вѣроятнѣе вліяніе установившагося общаго мнѣнія товарищей), — то вѣдь уже въ этомъ можно видѣть нѣкоторое противорѣчіе словамъ Кукольника и затѣмъ повторяющаго эти слова г. Лавровскаго. Все это остается неяснымъ, и если справедливо то, что „Орлай былъ человѣкъ весьма дѣльный и образцовый педагогъ, вполнѣ преданный дѣлу“, наконецъ человѣкъ съ большимъ тактомъ, то все-таки онъ могъ быть далеко не безукоризненнымъ администраторомъ; можетъ-быть, въ его управленіи были и недостатки: иначе не могла бы вдругъ явиться распущенность пансіона по его выходѣ въ такой степени, въ какой ее представляли въ своихъ заявленіяхъ нѣкоторые члены конференціи; вѣдь порочность не можетъ въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца отъ немногихъ вольноприходящихъ охватить всю массу воспитанниковъ, да еще въ добавокъ во время мѣсяцевъ лѣтнихъ, вакаціонныхъ, когда большинство изъ нихъ разъѣхалось по домамъ, — и наконецъ откуда же все-таки неблагопріятный отзывъ Гоголя? Неудовлетворительность нравственнаго уровня воспитанниковъ признаетъ и Орлай въ письмѣ къ Бѣлоусову, къ которому Гоголь отнесся съ такимъ сочувствіемъ, какъ въ приведенныхъ выше строкахъ, такъ въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ. Орлай, напр., самъ былъ недоволенъ поведеніемъ вольноприходящихъ, содержимыхъ на частныхъ квартирахъ и пользовавшихся чрезмѣрной свободой при отсутствіи разумнаго руководства и надлежащаго нравственнаго вліянія.

экзаменъ и сегодня насъ объ этомъ увѣдомили“ [1]). По отъѣздѣ Орлая директоромъ въ Одессу въ Ришельевскій музей, Гоголь отзывается о немъ еще враждебнѣе: „Директоръ нашъ отправился въ Одессу! Теперь мы одни; однакожъ теперь все приняло другой порядокъ: пансіонъ сталъ улучшаться“ [2]) и проч.

Интересна также перемѣна отношеній Гоголя къ Трощинскому. При первыхъ попыткахъ отнестись критически къ людямъ Гоголь долженъ былъ, конечно, составить какія-нибудь представленія положительнаго характера о немногихъ лицахъ, которыя были въ его глазахъ образцами. Къ такимъ людямъ, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ нѣкоторое время относить Трощинскаго, который представлялся ему человѣкомъ, принесшимъ въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ пользу обществу, имѣвшимъ высокія и достойныя разумнаго существа стремленія и цѣли въ жизни. Недаромъ онъ называлъ его не иначе, какъ благодѣтелемъ Малороссіи, раздѣляя такое мнѣніе съ цѣлымъ краемъ, гдѣ Трощинскаго единодушно признавали даровитымъ и полезнымъ государственнымъ человѣкомъ.

Для Гоголя дружескія отношенія Трощинскаго къ его семейству долго были предметомъ гордости. Но и въ примѣненіи къ этому, боготворимому прежде, человѣку едва ли не произошло въ немъ подобное же охлажденіе, какъ и къ Орлаю. Правда, перемѣна во взглядахъ на него не была такою рѣзкою и при бѣгломъ чтеніи переписки можетъ остаться незамѣченною, но она окажется ясною при сопоставленіи нѣскольких отрывковъ изъ писемъ, раздѣленныхъ не особенно значительнымъ промежуткомъ времени. Какъ далеки въ письмахъ къ Косяровскимъ (см. V т. соч. Гог., изд. Кулиша и „Русскую Старину“ 1876, 1) подтруниванія и насмѣшливые отзывы надъ кибинцскими обитателями и надъ самой жизнью въ Кибинцахъ отъ бывалаго восторженнаго преклоненія передъ Трощинскимъ, котораго еще годъ назадъ Гоголь называлъ заочно не иначе, какъ великимъ человѣкомъ и его превосходительствомъ. „Въ часы тоски и радости буду вспоминать то время“, пишетъ онъ Петру Пе-

1) „Соч. и письма Гоголя“. т. V, стр. 34.

2) Тамъ же, стр. 37.

тровичу Косяровскому, когда мы составляли дружное семейство и собирались къ домашнему незатѣйливому обѣду гораздо веселѣе и съ бо̀льшимъ аппетитомъ, нежели въ Кибинцахъ къ тамошнему разноблюдному“ [1]). Если это мѣсто можетъ показаться недостаточно подтверждающимъ нашу мысль, хотя въ тонѣ его уже проскользнула легкая насмѣшка, то еще замѣтнѣе проявляется она въ письмѣ слѣдующихъ строкахъ къ Павлу Петровичу Косяровскому: „Ну, а тѣмъ“ (пропущено нѣсколько неудобныхъ для печати словъ) „кибинцскимъ чего тамъ выть на насъ? вѣдь мы же сказали имъ, что скоро будемъ“ [2]) и проч., и дальше: „располагаете ли быть въ Кибинцахъ, хотя, думаю, нескоро васъ туда залучатъ!“ Интересъ къ Кибинцамъ еще сохранился (Гоголь неоднократно спрашиваетъ послѣ о томъ, что̀ дѣлается въ Кибинцахъ), но куда дѣвалось прежнее безусловное благоговѣніе къ Дмитрію Прокофьевичу, выражавшееся бывало въ застѣнчивомъ желаніи „преподнести его превосходительству не эфемерную мелочь, а сочиненіе, достойное просвѣщеннаго вниманія вельможи, благодѣтеля Малороссіи“ [3]). Мы не знаемъ, что̀ было причиной слегка непріязненной насмѣшливости къ кибинцскимъ обитателямъ въ дядяхъ Гоголя, которые своимъ примѣромъ могли подавать поводъ къ подобнымъ же выходкамъ со стороны юнаго племянника; но для насъ важна уже самая возможность со стороны послѣдняго до нѣкоторой степени отрицательнаго отношенія къ лицу, возбуждавшему въ немъ прежде безграничное благоговѣніе... Послѣ перемѣны къ Орлаю и Трощинскому неудивительно, что большинство людей, съ которыми приходилось встрѣчаться Гоголю, не говоря уже о товарищахъ-ученикахъ, стали казаться ему достойными одного презрѣнія. Происходившая вслѣдствіе этого необщительность со многими и вызываемое ею недовольство были, вѣроятно, причиною нѣкоторыхъ невыгодныхъ и даже враждебныхъ отзывовъ о Гоголѣ наставниковъ и бывшихъ товарищей. Такъ г. Артыновъ утверждаетъ даже,

1) „Русск. Стар.“, 1876, I, 40. – Вѣроятнѣе всего можно предположить, что Гоголя оскорбило невниманіе Трощинскаго къ его матери, когда къ его пріѣзду дѣлались большія приготовленія, а между тѣмъ „его высокопревосходительство“ не благоволилъ пріѣхать (тамъ же, стр. 43).

2) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 65 и 66.

3) Тамъ же, стр. 66.

что Гоголь казался въ школѣ просто посредственностью („Русск. Арх.", 1877, стр. 191). Очевидно, большинству товарищей задушевныя думы его оставались неизвѣстными (о наставникахъ здѣсь по различію возраста и многолюдства школы не можетъ быть и рѣчи), между тѣмъ какъ они были открыты лишь немногимъ избраннымъ. Наконецъ, можно допустить и то, что развитіе Гоголя было позднее, хотя и быстрое[1])...

Задатки будущаго блестящаго дарованія Гоголя проявлялись еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, но преимущественно въ рѣдкой наблюдательности и еще развѣ въ наклонности къ юмору, выражавшемуся въ искусствѣ мастерски подражать голосу и манерѣ, самому способу и характеру выраженій знакомыхъ. Но эта способность, доходившая у него до замѣчательнаго мастерства, направленная пока только на забаву,— даже большинству товарищей могла казаться совсѣмъ не важнымъ преимуществомъ, а наставникамъ, вѣроятно, и казалась именно однимъ изъ проявленій того „шутовства", въ которомъ Гоголь былъ ими замѣчаемъ неоднократно. Наблюдательность его также могъ замѣтить и оцѣнить далеко не всякій, да она и значеніе-то въ настоящемъ смыслѣ получила уже въ то время, когда Гоголь сталъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ пріобрѣтеннымъ при помощи ея богатымъ матеріаломъ, а для послѣднихъ уже, безъ сомнѣнія, очень пригодился даже запасъ свѣжихъ впечатлѣній дѣтства, не только юности. Совокупность всѣхъ указанныхъ соображеній, кажется, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что для обыкновеннаго, непроницательнаго взгляда Гоголь долженъ былъ казаться сначала зауряднымъ ребенкомъ. Въ душѣ его было, конечно, много задатковъ, свойственныхъ геніальной личности, но пока они дремали и не были вызваны къ жизни, они оставались тайной для людей непроницательныхъ... Изъ всѣхъ лицъ, которыя оставили воспоминанія о дѣтствѣ (соб. школьномъ возрастѣ) Гоголя, одинъ г. Пашковъ, въ небольшой газетной статьѣ въ „Берегѣ", утверждаетъ, что способности его проявлялись въ немъ тогда очень замѣтно и въ особенности онъ

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, мы долго не находимъ въ отроческихъ письмахъ яркихъ проблесковъ геніальности Гоголя, которыя свидѣтельствовали бы о раннемъ развитіи его душевныхъ силъ, подобно тому, какъ, напр., мы имѣемъ много данныхъ, чтобы убѣдиться въ замѣчательно раннемъ развитіи Лермонтова.

отличался юморомъ. Но сообщенныя имъ свѣдѣнія слишкомъ мелочны и, очевидно, не имѣютъ серьезнаго значенія, да и самъ авторъ, передающій ихъ съ чужихъ словъ (одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя), сознается, что недостаточно быть только лично знакомымъ съ писателемъ или быть его школьнымъ товарищемъ, чтобы вѣрно охарактеризовать его, и справедливо прибавляетъ, что *знать* человѣка и *узнать*—большая разница. Г. Пашковъ сообщаетъ преимущественно незначительныя подробности о школьныхъ продѣлкахъ Гоголя, о томъ, какъ онъ умѣлъ хорошо притворяться, неподражаемо разыграть какую-угодно роль, какъ онъ иногда руководилъ шалостями. Такъ, будто Гоголь умѣлъ организовать систематически-шутливое преслѣдованіе искусно скрываемыми шалостями противъ нелюбимаго нѣмца-надзирателя (Зельднера), любилъ устроивать разныя продѣлки надъ товарищами, особенно во вкусѣ извѣстнаго всѣмъ по „Мертвымъ Душамъ" *гусара*. Случалось однако, что подобныя шутки принимали болѣе или менѣе непріятный характеръ по своимъ послѣдствіямъ: иногда дѣло доходило до лазарета, и тутъ-то Гоголь своими оригинальными выдумками ставилъ въ затруднительное и смѣшное положеніе Орлая, какъ доктора. Довѣрчивый, хотя и ученый, эскулапъ совершенно поддавался обману, и Гоголь торжествовалъ. Такъ, когда Гоголь вздумалъ одного изъ соучениковъ, надъ которымъ подсмѣивался, увѣрить, что у него бычачьи глаза, то ему удалось будто бы довести бѣднаго ребенка до состоянія легкаго и непродолжительнаго помѣшательства, такъ что его принуждены были даже лѣчить. Иногда также Гоголь, желая будто бы выиграть немного времени отъ учебныхъ занятій для своихъ литературныхъ упражненій, умѣлъ искусно провести своихъ наставниковъ, а однажды такъ искусно притворился бѣшенымъ, что вполнѣ сумѣлъ на нѣсколько дней убѣдить Орлая въ своемъ мнимомъ безуміи. Совершенно невѣроятно, однако, мнѣніе г. Пашкова, что Гоголь могъ уже въ то время обдумывать свои дивные „Вечера на Хуторѣ". Всѣ извѣстныя данныя свидѣтельствуютъ о наклонности его во время школьной жизни къ стихотвореніямъ или къ напыщенной прозѣ, къ высокому слогу, да и матеріалъ, необходимый для этихъ произведеній, Гоголь, какъ извѣстно изъ фактовъ, собиралъ уже впослѣдствіи въ Петербургѣ. На заявленіе упомянутаго товарища

Гоголя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на догадку, лишенную всякихъ основаній и сдѣланную наобумъ, тѣмъ болѣе, что другой товарищъ нашего писателя по заведенію, Кукольникъ, разсказываетъ объ этомъ гораздо правдоподобнѣе: по его словамъ, цѣль Гоголя была избѣгнуть за какой-то проступокъ наказанія розгами („Лицей, кн. Безбородко", I отдѣлъ, стр. 77). Какъ бы то ни было, продѣлка Гоголя причинила большія хлопоты и испугъ начальству и доктору, а самому Гоголю извѣстное развлеченіе.—Приведенные факты и соображенія, кажется, ясно показываютъ, насколько имѣютъ цѣны показанія г. Пашкова. Мы съ своей стороны считаемъ, какъ было уже замѣчено выше, проявленіемъ даровитости Гоголя въ раннемъ дѣтствѣ единственно умѣнье своею страстью къ театру завлечь и товарищей; это могло быть не всѣми достаточно оцѣнено, но это было въ высшей степени важно...

Въ чемъ же заключались, однако, положительные идеалы Гоголя? чего онъ искалъ и къ чему стремился въ своемъ недовольствѣ окружающими людьми и настоящимъ положеніемъ? Мы узнаемъ изъ писемъ, что цѣлью его стремленій становится въ концѣ школьной жизни полезная общественная дѣятельность въ Петербургѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что и эти стремленія въ столицу зародились у него подъ вліяніемъ того же Высоцкаго, какъ старшаго и уважаемаго товарища, котораго сама жизнь должна была по его возрасту раньше натолкнуть на планы и предположенія о будущемъ. „Половина нашихъ думъ уже сбылась", пишетъ ему Гоголь въ Петербургъ: „ты уже на мѣстѣ, ты ужъ имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ" [1]), читаемъ мы въ письмѣ отъ 17 января 1827 г. Такимъ образомъ чуть не одно появленіе въ Петербургѣ казалось Гоголю до нѣкоторой степени достиженіемъ цѣли: такъ много на него возлагалось надеждъ. Причину этого, кромѣ безотчетнаго юношескаго увлеченія, можно видѣть и въ привлекательности столицы для юнаго школьника, привыкшаго слышать о ней восторженные отзывы провинціаловъ. Напр., мать его „всегда интересовалась знать Петербургъ и *заочно* восхищалась имъ" [2]).

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 44.
[2]) См. „Соч. и письма Гог.", т. V, стр. 79.

При извѣстномъ намъ настроеніи Гоголя переселеніе его друга въ столицу, въ Петербургъ, центръ умственной жизни Россіи, къ которому тогда были устремлены пламенные мечты и замыслы Гоголя, должно было, очевидно, дать новый толчокъ уже ясно обозначавшемуся направленію его мыслей. Съ этихъ поръ Петербургъ надолго, до самаго времени непосредственнаго знакомства съ нимъ, становится для юноши обѣтованной землей, съ которой было связано осуществленіе его плановъ и надеждъ. Если Нѣжинъ казался ему мертвымъ и пустымъ, то Петербургъ привлекалъ не только блестящей карьерой и заманчивой будущностью, но и полной чашей наслажденій, приготовленныхъ для него, какъ онъ думалъ, судьбой: вмѣстѣ съ осуществленіемъ идеаловъ Петербургъ долженъ былъ, казалось юному мечтателю, дать также удовлетвореніе естественному влеченію юноши пользоваться молодостью. „Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ“ [1]) и далѣе: „Какъ-то будете веселиться на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь—всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?...“ [2]) Убѣжденіе въ несомнѣнности блаженства предстоящей петербургской жизни доходило у Гоголя до того, что, говоря объ отдаленности срока переѣзда въ столицу, онъ съ воплемъ восклицаетъ: „Зачѣмъ намъ такъ хочется увидѣть наше счастье? Зачѣмъ намъ такъ даво нетерпѣніе“ [3]). Мы не утверждаемъ однако, что Гоголь предавался исключительно радужнымъ мечтамъ, забывая объ ожидающихъ его заботахъ и возможныхъ неудачахъ, хотя и такое увлеченіе было бы слишкомъ естественно въ его годы, но нельзя не отмѣтить, что юношеская мысль его любила останавливаться преимущественно на свѣтлыхъ сторонахъ будущаго.

Съ другой стороны, въ то же самое время, когда мечты Гоголя съ надеждой останавливались на Петербургѣ, тѣ же смутные идеалы увлекали его въ другую сторону, заставляя

1) Тамъ же, стр. 44—45.
2) Стр. 45.
3) Тамъ же, стр. 44.

по - временамъ переносить энтузіазмъ на проектируемую жизнь за-границей. Такая неустойчивость въ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ составляемаго плана на будущее должна была отразиться на всемъ остальномъ. Уже по одному факту ея существованія можно смѣло утверждать, что, кромѣ одного, такъ сказать, общаго фона широкихъ замысловъ, для Гоголя еще ничего не опредѣлилось пока въ будущности, (а настоящаго своего призванія, по словамъ „Авторской Исповѣди", онъ и не подозрѣвалъ въ эти годы). Такое колебаніе было весьма естественно при совершенномъ незнакомствѣ съ идеализируемымъ міромъ и съ предполагаемой ареной дѣятельности, и самымъ нагляднымъ образомъ характеризуетъ какъ степень умственной зависимости Гоголя отъ Высоцкаго, такъ и совершенную еще незрѣлость обоихъ. „Куда ты; туда и я" [1]), говоритъ въ одномъ письмѣ Гоголь своему другу, дѣлавшему за него смѣлые планы и предположенія, въ то время, когда его руководитель, только - что водворившійся въ Петербургѣ, но уже начинавшій, повидимому, разочаровываться въ немъ, успѣлъ составить съ своими новыми, петербургскими, товарищами проектъ заграничнаго путешествія, въ который не забылъ включить и своего нѣжинскаго пріятеля, будучи заранѣе увѣренъ въ возможности ввести его въ новый товарищескій кружокъ на правахъ самой тѣсной дружбы. Въ этой заочной рекомендаціи, въ поспѣшной готовности обѣихъ сторонъ на основаніи увѣреній посредника взаимно сблизиться и заключить братскій союзъ, наконецъ, въ быстро составленномъ широкомъ планѣ, по крайней мѣрѣ за два года до ближайшаго срока его исполненія, чрезвычайно много юношескаго, о чемъ всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ изумленіе самого Гоголя, конечно, еще не успѣвшаго, подобно своему другу, охладѣть къ еще неизвѣстному Петербургу. „Ты уже успѣлъ за меня и слово дать о моемъ согласіи на ваше намѣреніе (ѣхать) за-границу. Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: „не ищи того за моремъ, что̀ сыщешь ближе" [2]). Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ возникаютъ у Гоголя наравнѣ съ стре-

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 56.
[2]) Тамъ же.

мленіемъ въ Петербургъ такія же неопредѣленныя порыванія заграницу, и мысль о чужихъ краяхъ все чаще представляется разгоряченному воображенію юноши по мѣрѣ приближенія его къ окончанію курса. Сначала, какъ мы видѣли, Гоголь встрѣтилъ далеко не съ безусловнымъ увлеченіемъ фантазію своего друга, такъ какъ Петербургъ еще сохранялъ для него весь свой престижъ и, вѣроятно, онъ даже не противорѣчилъ тогда другу лишь потому, что боялся его огорчить отказомъ, да и дѣло шло не о близкомъ будущемъ (во всякомъ случаѣ обаяніе первой мечты было еще во всей силѣ). «Такъ ужъ и быть", пишетъ Высоцкому Гоголь,—„ты далъ слово—нужно спустить твоей опрометчивости. Только когда еще это все будетъ! Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, вѣроятно, безъ тебя не останусь въ немъ" [1]) и проч. Впослѣдствіи однако, Гоголь сталъ придавать этой мечтѣ бо́льшее значеніе. Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому (отъ 3 октября 1827 г.), открывая дядѣ свои планы, онъ выражается такъ: „Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ быть, судьба загонитъ меня въ Петербургъ, откуда наврядъ ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да, можетъ быть, цѣлый вѣкъ достанется жить въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ такую цѣль я начерталъ уже издавна" [2]). Но въ письмѣ къ нему же отъ 8 сент. 1828 г. онъ говоритъ между прочимъ: „можетъ быть, попаду въ чужіе края" [3]). Такимъ образомъ мечта, зародившаяся въ головѣ Высоцкаго, хотя и бывшая плодомъ мимолетнаго увлеченія, едва ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки за-границу. Заранѣе составленное представленіе Гоголя о Петербургѣ не измѣнилось и послѣ охлаждающаго письма Высоцкаго, который, видя преждевременное ослѣпленіе своего друга и, вѣроятно, уже убѣдившись въ неосновательности его увлеченія, не счелъ нужнымъ скрывать отъ Гоголя непривлекательныхъ сторонъ петербургской жизни. Онъ, вѣроятно, указалъ на нихъ со всею правдивостью, судя по впечатлѣнію, произведенному письмомъ на читавшихъ его товарищей Гоголя.

1) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 56.
2) „Русск. Стар.", 1876 г., т. I, стр. 41.
3) Тамъ же, стр. 43.

Но Гоголя это письмо нисколько не поколебало: напротивъ, онъ съ презрѣніемъ отзывается о напуганныхъ товарищахъ. Онъ снова пишетъ Высоцкому: „Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, хотя ты ужаснулъ меня чудовищами всякихъ препятствій. Но они безсильны: или странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе“ [1]). Замѣчательно однако, что, какимъ эдемомъ ни представлялся Гоголю Петербургъ, перспектива разлуки съ Малороссіей ему казалось прискорбною, но въ то же время и необходимою вслѣдствіе отвращенія его къ безцѣльному, прозябательному существованію въ провинціи, и страха, что ему, доведется, быть можетъ, погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ. „Быть въ мірѣ“, говоритъ онъ, „и не означить своего существованія — это для меня ужасно!“ [2]) Вмѣстѣ съ этими пламенными мечтами принесенія всей жизни на пользу общества и родины, у Гоголя подъ вліяніемъ тѣхъ же благородныхъ побужденій и твердой увѣренности въ своихъ силахъ, возникаютъ заботы объ устройствѣ ближайшихъ родныхъ, является безкорыстное отреченіе въ ихъ пользу отъ собственныхъ правъ на наслѣдство. Подъ какими вліяніями могъ развиться такой благородный взглядъ на задачи своей жизни и что̀ могло вызвать этотъ великодушный порывъ? — вотъ вопросъ, на который трудно дать иной отвѣтъ, кромѣ предположенія о высокомъ воспитательномъ значеніи семьи, глава которой была проникнута истиннымъ религіознымъ чувствомъ и готовностью самопожертвованія для блага близкихъ...

„Но исполнить желаніе и переѣхать въ Петербургъ“—говоритъ Кояловичъ,—„было не такъ легко, какъ это казалось въ минуты интимной товарищеской бесѣды: наканунѣ самаго выполненія этого плана вспомнились пылкому юношѣ и его обязанности къ матери и недостатокъ матеріальныхъ средствъ, вслѣдствіе котораго приходилось разсчитывать больше на свои собственныя силы, нежели на помощь изъ дома, однимъ словомъ, явились затрудненія, которыя нелегко было устранить“.

---

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 55.
2) „Русск. Стар.“, 1876 г., т. I, стр. 41.

Но „при всѣхъ этихъ грандіозныхъ замыслахъ, обнаруживавшихъ будущаго геніальнаго дѣятеля“, замѣчаетъ авторъ извѣстной намъ статьи въ „Русской Жизни“, „юность брала свое, и въ томъ же, цитированномъ уже нами, письмѣ Гоголя къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 г., Гоголь обращается къ своему другу съ просьбой заказать для него въ Петербургѣ портному „самому лучшему“ фракъ „по послѣдней модѣ“ и сообщить, какія въ Петербургѣ модныя матеріи на жилеты и панталоны и что̀ они стоятъ.

„Мы уже указывали“—продолжаетъ авторъ,—на эту наклонность Гоголя-юноши къ щегольству („Рус. Жизнь“, 1891, № 65). „По всей вѣроятности, она была довольно сильна въ немъ, если онъ, несмотря на глубоко сознанную уже имъ затруднительность своего матерьяльнаго положенія, не только не могъ ее ограничить, но даже, очевидно, поддавался ей и на удовлетвореніе ея тратилъ не малыя, по своему состоянію, суммы. Изъ не разъ цитированнаго письма его къ Высоцкому мы узнаемъ, что у него такъ много было черныхъ фраковъ, что они ему надоѣли и онъ не хотѣлъ на нихъ смотрѣть. Кромѣ указаній въ письмахъ самого Гоголя, объ этой-же наклонности его узнаемъ и отъ лицъ, знавшихъ Гоголя-юношу. Одинъ изъ наставниковъ его, Кулжинскій, сообщаетъ, что, по окончаніи курса, „Гоголь прежде всѣхъ своихъ товарищей, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его въ свѣтло-коричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка считалась тогда nec plus ultra молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто не нарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку“ („Москвитянинъ“, 1854, № 21). Лица, знавшія Гоголя въ первые годы по выпускѣ его изъ гимназіи, тоже подмѣтили въ немъ эту черту. По словамъ Лонгинова, познакомившагося съ Гоголемъ въ 1831 г., костюмъ послѣдняго представлялъ рѣзкую противоположность щегольства и неряшества („Современ.“, 1854, XLIV, № 3, стр. 86). С. Т. Аксаковъ, разсказывая о первомъ визитѣ къ нимъ Гоголя въ 1832 г., тоже замѣчаетъ, что „въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство“ („Рус. Арх.“, 1890, VIII, 6).

VII.

ОКОНЧАНІЕ ГОГОЛЕМЪ КУРСА ВЪ НѢЖИНѢ И ПЕРЕѢЗДЪ ЕГО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1827 года Гоголь дѣятельно принимается за приготовленія къ предстоящему выпускному экзамену, представлявшемуся ему въ то же время и бременемъ необходимаго, но тягостнаго, отчета за годы, проведенные въ школѣ, и послѣднимъ желаннымъ разсчетомъ со школой, за стѣнами которой передъ нимъ открывалась заманчивая перспектива свободной и полезной жизни, безпрепятственнаго стремленія къ осуществленію давно лелѣемыхъ мечтаній и идеаловъ, возможности труда для пользы общей въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какіе ему начертало пылкое юношеское воображеніе и высокое мнѣніе о своихъ силахъ. Теперь онъ долженъ на время подавить въ себѣ все, что привлекало его вниманіе, и, отложивъ мечты о будущемъ, углубиться въ запоздалыя занятія элементарными учебными курсами,—и онъ работаетъ упорно, не позволяя себѣ ни отдыха, ни развлеченій. Конечно, въ этой сосредоточенной по-неволѣ работѣ нельзя еще видѣть ничего особенно важнаго, но это была въ жизни юноши едва ли не первая напряженная дѣятельность, продолжавшаяся почти безъ перерывовъ цѣлые мѣсяцы; это была уже серьезная проба его силъ и энергіи.

Нѣжинскія письма Гоголя оканчиваются въ исходѣ мая 1828 года; послѣднее письмо помѣчено 30 числомъ этого мѣсяца. Въ коротенькой записочкѣ Гоголь вторично съ досадой извѣщаетъ объ отсрочкѣ экзамена, послѣ котораго онъ проситъ выслать за собой лошадей, назначая срокомъ для

ихъ прибытія 25 іюня, что совершенно совпадаетъ со свѣдѣніями о времени окончанія учебнаго года, заключающимися въ оффиціальныхъ документахъ гимназіи высшихъ наукъ. Наступившій затѣмъ перерывъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью продолжается болѣе полугода, до самаго отъѣзда его въ Петербургъ. Изъ двухъ, трехъ писемъ къ Петру Петровичу Косяровскому, единственныхъ, которыя относятся къ этому времени, мы узнаемъ, что, кромѣ приготовленія и сборовъ въ Петербургъ, мысли Гоголя были тогда также поглощены заботами объ обезпеченіи матери и объ устраненіи отъ нея, насколько возможно, тяжелаго гнета незавидной матеріальной обстановки и вѣчныхъ мелочныхъ невзгодъ, которыхъ, конечно, не мало выпадало на ея долю, при незначительныхъ средствахъ довольно многолюдной семьи. Тутъ, какъ и прежде, Гоголь является преданнымъ и нѣжно-заботливымъ сыномъ старающимся, чѣмъ возможно, облегчить положеніе матери и внутренно упрекающимъ себя за невольныя безпокойства, которыя ему нерѣдко приходилось причинять ей. Особенно интересно въ указанномъ отношеніи письмо отъ 8 сентября 1828 года [1]), почти исключительно посвященное заботамъ о матери, такъ что даже предположенія юноши о собственномъ будущемъ отступаютъ здѣсь на второй планъ. Это письмо въ то же время можетъ дать намъ извѣстную основу для сужденія объ интересахъ, привлекавшихъ тогда его вниманіе, и служитъ для ближайшаго ознакомленія съ отношеніями его къ любимому дядѣ. Серьезный тонъ и содержаніе письма ясно заставляютъ насъ предполагать, что именно этого дядю уважалъ Гоголь больше другихъ несомнѣнно любимыхъ имъ родственниковъ; именно этому дядѣ Гоголь иногда рѣшался повѣрять свои планы и мечты, именно съ нимъ онъ бесѣдовалъ о вещахъ, имѣвшихъ для него особенное значеніе. Неожиданно узнавъ о предположеніи Петра Петровича оставить Малороссію, племянникъ съ любовью упрекаетъ его за то, что тотъ имѣлъ намѣреніе покинуть родныхъ, которые его такъ любили, которыхъ онъ привязалъ къ себѣ, какъ будто только для того, чтобы потомъ разлука съ нимъ причинила послѣднимъ тяжкую печаль; умоляетъ его отмѣнить „грозное рѣшеніе“ и пріѣхать опять въ Васильевку,

[1]) „Русск. Стар.“, 1876, I, 43—45.

чтобы по отъѣздѣ Гоголя въ Петербургъ быть матери его „ангеломъ-утѣшителемъ“ [1]). Не для того только, чтобы высказаться подъ вліяніемъ потребности излить накипѣвшія чувства, не съ просьбой о совѣтѣ обращается къ дорогому дядѣ этотъ *скрытный* человѣкъ, *открывая* ему на этотъ разъ то, что̀ было на душѣ: нѣтъ, онъ хочетъ, напротивъ, какъ бы выбрать дядю только сотрудникомъ въ исполненіи задуманнаго предположенія. Здѣсь уже сказывается извѣстная самостоятельность характера, привычка свободно, на собственный страхъ, распоряжаться своими дѣйствіями и даже привлекать старшихъ къ осуществленію своихъ плановъ; мы, очевидно, застаемъ Гоголя на той степени развитія, когда онъ былъ уже далеко не тѣмъ неопытнымъ юношей, почти ребенкомъ въ отношеніи жизненнаго опыта, какимъ онъ можетъ показаться намъ, если мы односторонне обратимъ вниманіе лишь на заглазное преждевременное увлеченіе его неизвѣданною и потому еще болѣе заманчивой петербургской жизнью. Не менѣе важно обратить вниманіе здѣсь и на ту раннюю практичность Гоголя, хотя и имѣвшую источникомъ своимъ искреннюю любовь и заботы о матери, которыя выразились въ его планѣ относительно собственныхъ дѣйствій для обезпеченія послѣдней. Собираясь оставить, можетъ быть навсегда, Малороссію для Петербурга и замышляемой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ поѣздки за-границу, а, можетъ быть, даже жизни тамъ, которая, какъ казалось молодому мечтателю, могла продолжаться нѣсколько лѣтъ, такъ что о немъ, можетъ быть, долго „не будетъ ни слуху, ни духу“ [2]),— выраженіе это два раза повторено въ разсматриваемомъ письмѣ,—Николай Васильевичъ отказывается въ пользу матери отъ своей доли наслѣдства и даже принимаетъ мѣры, чтобы его наслѣдники, подъ которыми онъ подразумѣваетъ здѣсь между прочимъ любимыхъ сестеръ, не лишили ея мѣста, гдѣ она могла бы преклонить голову. „Почемъ знать, каковы

[1]) Любопытно, что Гоголь опасался особенно корыстныхъ притязаній на часть имѣнія его матери со стороны какого-то священника о. Меркурія. По словамъ Анны Васильевны Гоголь, фамилія священника была Яповскій. На стр. 141 V-го тома „Сочиненій и писемъ Гоголя“ упоминается сынъ его, Степанъ Меркурьевичъ.

[2]) „Русск. Стар.“, 1876, I, стр. 43 и 44.

еще будутъ мои сестры!“[1])—вотъ какое восклицаніе вырывается изъ его любящей души подъ вліяніемъ заботъ о матери. Нѣжность къ ней доходитъ у него наконецъ до того, что, по собственному сознанію, „его не беретъ охота возвращаться изъ Петербурга“ (Гоголь говоритъ о предположеніяхъ своихъ на счетъ будущаго) „когда-либо домой, особенно бывши нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ эта необыкновенная мать бьется, мучится, иногда даже о какой-нибудь копѣйкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье“ [2]). Это обстоятельство, слѣдовательно, служило еще лишней причиной стремленія его вонъ изъ дома, вонъ изъ Малороссіи [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 44.

[2]) Стр. 43.

[3]) Догадываясь о содержаніи этого письма Гоголя къ его дядѣ, Марья Ивановна писала въ то же самое время тому же Петру Петровичу Косяровскому о великодушныхъ намѣреніяхъ сына слѣдующее:

«Я не читала Николино письмо къ вамъ; онъ принесъ его ко мнѣ уже запечатаннымъ, и даже некогда было мнѣ спросить, что̀ онъ писалъ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ добръ и при томъ здоровъ и счастливъ. Онъ очень благоразумно ведетъ себя въ его лѣта... Не знаю, что̀ Богу будетъ угодно устроить дальше; повинуюсь во всемъ Его святой волѣ. Я догадываюсь, не писалъ ли мой Никоша къ вамъ на счетъ имѣнія. Онъ говоритъ, — не помнитъ, что́ писалъ. Назадъ тому мѣсяца два онъ меня удивилъ, убѣждая позволить записать мнѣ свою часть имѣнія, увѣряя притомъ, что это будетъ полезно и даже необходимо для спокойной моей жизни, на случай, если я не буду имѣть добрыхъ зятей, а онъ, можетъ быть, будетъ слишкомъ далеко отъ меня, и симъ поступкомъ тронулъ меня до слезъ... Какъ пріятны были тогда слезы! Дай Богъ, чтобы всѣ добрые въ такихъ только обстоятельствахъ проливали ихъ».

Вотъ еще интересные отрывки изъ писемъ Марьи Ивановны Косяровскому о сынѣ:

«Никоша мой имѣетъ чинокъ въ рангѣ университетскихъ студентовъ 14 класса. Съ нимъ несправедливо поступили, такъ же, какъ и съ другими, въ его отдѣленіи бывшими, по причинѣ партій ихъ наставниковъ. Ему слѣдовало получить 12 классъ, но онъ нимало не въ претензіи, тѣмъ болѣе, что обѣ партіи сказали, что онъ достоинъ былъ получить даже 10 классъ, когда бы былъ плохъ онъ въ томъ училищѣ, а 12 по всѣмъ правамъ должно было ему дать (?!) Главное, что надобно было болѣе ласкаться къ нимъ, а онъ никакъ не могъ сего сдѣлать»....

Передъ самымъ отъѣздомъ Гоголь писалъ П. П. Косяровскому:

«Отъѣзжая уже въ свою дорогу, почитаю обязанностью и долгомъ проститься съ вами, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, и благодарить васъ за вашу пріязнь, за ваше дружеское расположеніе, за вашу помощь всѣмъ намъ, которую всегда готово было оказывать ваше рѣдкое сердце, наконецъ, пожелать вамъ возможнаго счастья и достойнѣйшей награды за добродѣтель. Неугасимо

Впрочемъ, по мнѣнію покойнаго Кояловича, „успокоивая и обезпечивая дядю насчетъ „своей участи", Гоголь, въ сущности, успокоивалъ и обезпечивалъ самого себя". — „Собираясь въ длинную дорогу, самая цѣль которой и туманна и опасна, человѣкъ невольно внимательнѣе и глубже всматривается въ себя и изслѣдуетъ тѣ средства, которыми будетъ располагать въ критическую минуту. И только этой невольной думой слѣдуетъ объяснять мысль Гоголя о возможности обезпечить свое существованіе „алфресскою живописью" или „поваренньмъ искусствомъ" [1]).

Замѣчаніе глубоко справедливое: Гоголь является передъ нами въ разсматриваемую пору еще личностью неустановившеюся, то почти ребенкомъ, то уже съ нѣкоторой житейской опытностью, отчасти почтительнымъ и преданнымъ сыномъ, отчасти нѣсколько эгоистомъ...[2]).

во мнѣ пылаетъ благодарность, и дай Богъ, чтобы она выразилась со временемъ не въ пустыхъ словахъ, а до того, будьте увѣрены, почтеннѣйшій и любезнѣйшій дяденька, что никогда не изглажу изъ сердца того должнаго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть вѣчно признательнымъ

Николай Гоголь-Яновскій.

Изъ Петербурга буду писать къ вамъ; теперь я приготовляюсь и укладываюсь».

Гоголю долго не удавалось выѣхать изъ дому; еще за три мѣсяца мать писала о немъ:

«Никоша мой хочетъ непремѣнно черезъ 4 дня выѣхать, хотя и не все ему готово, но никакъ ужъ не могу удержать: надобно опредѣлиться ему до новаго года».

1) «Московскій Сборникъ». 1887, стр. 223.

2) Въ письмѣ къ Косяровскому Гоголь упоминаетъ также и о знаніи имъ ремеслъ. Слова его подтверждаются разсказомъ Анненкова о его страсти къ рукодѣліямъ и воспоминаніями его сестры Быковой о томъ, какъ онъ раскрашивалъ бордюрами и арабесками комнаты въ деревнѣ. (См. «Русь», 1885, 26 и «Воспом. и крит. оч. Анненкова», т. I, стр. 213). С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ не разъ говоритъ также о кулинарномъ искусствѣ Гоголя («Русск. Арх.», 1890, VIII).

ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(1829—1830).

I.

ПРІѢЗДЪ ГОГОЛЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И ПЕРВЫЯ ЕГО ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ.

По окончаніи курса въ Нѣжинѣ, два друга рѣшили вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ: Данилевскій для поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Гоголь—на государственную службу. Данилевскій, какъ всегда, явился руководителемъ Гоголя въ отношеніи путевыхъ издержекъ, трудностей и хлопотъ. Было условлено, что онъ заѣдетъ за Гоголемъ изъ Толстаго въ Васильевку, откуда они должны были вмѣстѣ двинуться въ дальній путь. Дѣло было въ декабрѣ 1828 г. Для дороги былъ приготовленъ помѣстительный экипажъ, и послѣ продолжительныхъ проводовъ и напутствій Марьи Ивановны Гоголь кибитка двинулась.

Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ нее, чтобы не испортить впечатлѣнія первой торжественной минуты въѣзда въ Петербургъ. Поэтому они поѣхали по бѣлорусской дорогѣ, на Нѣжинъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ и т. д. [1]). Въ Нѣжинѣ прожили нѣсколько дней, повидались съ нѣкоторыми товарищами и, между прочимъ, съ неуспѣвшимъ выѣхать въ Петербургъ же Прокоповичемъ. Во время пути не произошло ничего особенно

[1]) Такимъ образомъ предположительныя соображенія Кояловича о проѣздѣ Гоголя черезъ Москву совершенно опровергаются (см. „Московск. Сборникъ", 1887, стр. 261—262).

замѣчательнаго, но по мѣрѣ приближенія къ Петербургу нетерпѣніе и любопытство юныхъ путниковъ возрастало съ каждымъ часомъ. Наконецъ издали показались безчисленные огни, возвѣщавшіе о приближеніи къ столицѣ. Дѣло было вечеромъ. Обоими молодыми людьми овладѣлъ невыразимый восторгъ: они позабыли о морозѣ и, какъ дѣти, то-и-дѣло высовывались изъ экипажа и приподнимались на цыпочки, чтобы получше разсмотрѣть невиданную ими столицу. Наконецъ, ихъ жаднымъ взорамъ открылось вожделѣнное зрѣлище, хотя, въ сущности, они приближались только къ окраинамъ города. Гоголь совершенно не могъ придти въ себя; онъ страшно волновался и за свое пылкое увлеченіе поплатился самымъ прозаическимъ образомъ, схвативъ насморкъ и легкую простуду, но особенно обидная непріятность была для него въ томъ, что онъ, отморозивъ носъ, вынужденъ былъ первые дни просидѣть дома. Онъ чуть не слегъ въ постель, и Данилевскій перепугался было за него, опасаясь, чтобы онъ не разболѣлся серьезно. Отъ всего этого восторгъ быстро смѣнился совершенно противоположнымъ настроеніемъ, особенно когда ихъ стали безпокоить страшныя петербургскія цѣны и разныя мелочныя дрязги: съ облаковъ пришлось спуститься на землю.

На послѣдней станціи передъ Петербургомъ наши путники прочли объявленіе, гдѣ можно остановиться, и выбрали домъ Трута у Кокушкина моста, гдѣ и пришлось Гоголю проскучать нѣсколько дней въ одиночествѣ, пока Данилевскій, не будучи въ состояніи устоять противъ соблазна и оставивъ его одного, пустился странствовать по стогнамъ Сѣверной Пальмиры. Неудивительно, что первыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ знакомства съ Петербургомъ, были несравненно отраднѣе, нежели у Гоголя [1]).

[1]) Этими данными оканчиваются записанныя и выслушанныя мною отъ Данилевскаго воспоминанія о ихъ школьной жизни и совмѣстныхъ поѣздкахъ до переѣзда въ Петербургъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще небольшую записку Гоголя Данилевскому по поводу одной изъ прежнихъ поѣздокъ, вѣроятно, въ Нѣжинъ:

„Не забудь меня увѣдомить въ случаѣ какого-нибудь измѣненія по части нашего выѣзда, то-есть если онъ подвинется подальше воскресенья (пославши верхового изъ Сорóчинецъ въ пятницу или субботу). Если же все по-старому, то мы всѣ будемъ въ Сорóчинцахъ въ воскресенье на обѣдъ, никакъ не позже

Вскорѣ Данилевскій выдержалъ экзаменъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Во все время пребыванія въ школѣ, пользуясь отпусками въ воскресные и праздничные дни, онъ постоянно проводилъ ихъ у Гоголя, тѣмъ болѣе, что другихъ знакомыхъ у него не было. Въ Петербургѣ наши пріѣзжіе застали, впрочемъ, многихъ однокашниковъ-нѣжинцевъ. Всѣ они въ опредѣленные дни сходились другъ у друга и составляли тѣсно сплотившуюся товарищескую компанію. Случалось, конечно, и Гоголю принимать у себя товарищей, и это обстоятельство подало поводъ одному благопріятелю наговорить Марьѣ Ивановнѣ, что у Гоголя будто бы „пировало“ множество гостей на его счетъ, и что онъ одинъ занималъ квартиру, состоявшую изъ трехъ комнатъ, чего никогда въ дѣйствительности не было.

Въ кружкѣ нѣжинцевъ Гоголю особенно были близки два брата Прокоповича (пріятель его Николай, прозванный за румяный цвѣтъ лица Красненькимъ, и Василій, обыкновенно называемый Гоголемъ — Васька), Иванъ Григорьевичъ Пащенко и художникъ Мокрицкій. Вечера проходили оживленно и шумно, и кружокъ постепенно расширялся отъ присоединенія къ нему новыхъ лицъ. Такъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1834 году, въ немъ часто бывалъ извѣстный впослѣдствіи писатель П. В. Анненковъ, получившій въ кружкѣ прозваніе Жюль-Жаненъ.

двухъ часовъ, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше выѣхать послѣ обѣда въ то же воскресенье“.

Подпись: „твой Н. Г.“ (буквы эти слиты на подобіе вензеля). Даты на письмѣ никакой нѣтъ.

II.

ИДИЛЛІЯ „ГАНЦЪ КЮХЕЛЬГАРТЕНЪ".

Итакъ въ послѣднихъ числахъ 1828 года Гоголь былъ уже въ Петербургѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ его жизни, имѣющій особый интересъ при изученіи его личнаго развитія. Это былъ въ началѣ періодъ броженія, неопредѣленныхъ порывовъ, постоянныхъ надеждъ и частыхъ разочарованій, стремленія къ широкой и полезной дѣятельности, отыскиванія себѣ высокой цѣли жизни и достойнаго призванія, на которомъ могли бы найти примѣненіе его замѣчательныя дарованія, и въ то же время это были годы тяжелыхъ испытаній, годы пріобрѣтенія въ настоящемъ смыслѣ жизненнаго опыта, наконецъ, временемъ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя и что ему онъ въ большей степени былъ обязанъ своей будущностью, такъ какъ въ немъ и благодаря ему силы юноши развились и не заглохли безъ примѣненія, какъ легко могло бы случиться въ провинціальной глуши.

Перемѣна условій жизни и окружающей обстановки большею частью кладетъ замѣтный отпечатокъ на судьбу человѣка, рѣзко измѣняя внѣшнюю сферу его дѣятельности и до нѣкоторой степени реагируя даже на самую его нравственную личность, неизбѣжно поставленную въ необходимость найти себѣ иное опредѣленіе и провѣрить свои взгляды и

наклонности среди новыхъ, созданныхъ измѣнившимся положеніемъ, обстоятельствъ. При этомъ, чѣмъ рѣзче бываетъ перемѣна, тѣмъ, естественно, ярче выступаютъ грани, раздѣляющія жизнь на отдѣльные періоды, которые кажутся на первый взглядъ иногда совершенно несходными. Въ дѣйствительности, однако, едва ли можно признать въ большинствѣ случаевъ существованіе такихъ рѣшительныхъ переворотовъ, и потому внимательное изученіе біографическаго матеріала обыкновенно приводитъ къ убѣжденію въ невѣрности заранѣе составившихся рельефныхъ, но неточныхъ обобщеній, и вызываетъ необходимость болѣе естественнаго и вѣрнаго освѣщенія уже извѣстныхъ фактическихъ данныхъ. Слѣдя за послѣдовательнымъ развитіемъ геніальной личности и ея судьбою, вниманіе изслѣдователя невольно останавливается прежде всего именно на замѣчаемыхъ въ ней рѣзкихъ перемѣнахъ, но затѣмъ, отмѣтивъ послѣднія, оно не должно забывать и другой стороны дѣла — отысканія и уясненія сходныхъ сторонъ, несомнѣнно существующихъ въ разное время въ жизни одного и того же человѣка; въ противномъ случаѣ внѣшнія обстоятельства легко могутъ заслонить собою существенныя черты внутренняго развитія. Это должно быть справедливо и въ примѣненіи къ Гоголю. Поэтому слова г. Кулиша, что „съ переселеніемъ Гоголя съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, рѣзко отличный отъ предшествовавшаго“, дѣйствительно справедливы, насколько они касаются внѣшней стороны дѣла, и особенно въ связи съ последующимъ сравненіемъ [1]), но, по нашему мнѣнію, они нѣсколько грѣшатъ односторонностью, такъ какъ именно представляютъ не совсѣмъ точное обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ. Велика была, безъ сомнѣнія, разница между жизнью Гоголя въ школѣ, когда онъ былъ юношей не очень прилежнымъ, но страстно отдававшимся возможнымъ и доступнымъ для него художественнымъ наслажденіямъ, юношей, еще только мечтавшимъ о предстоящей самостоятельной жизни, и съ другой стороны,

[1]) „Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ“. („Зап. о жизни Гоголя“, 1, стр. 59).

хотя бы первыми невѣрными шагами его на поприщѣ послѣдней въ Петербургѣ, когда для него настало время уже *дѣятельной провѣрки* заранѣе составленныхъ идеаловъ и приспособленія къ условіямъ окружающей обстановки (не говоря уже о дальнѣйшей жизни въ столицѣ); но, повторяемъ, *главный* интересъ изслѣдованія долженъ заключаться скорѣе въ отысканіи нити, связывающей оба отмѣченныхъ періода, нежели въ констатированіи и безъ того рѣзко бросающагося въ глаза различія. Если не пришло еще, быть можетъ, время „слить разныя мелочи въ одну стройную картину“ [1]), то не худо во всякомъ случаѣ поискать между ними связи и по возможности разобраться въ нихъ. Припомнимъ, что, совершенно параллельно съ рѣзкой перемѣной въ жизни Гоголя со времени переѣзда его въ Петербургъ, можно было бы, пожалуй, съ такимъ же правомъ отмѣтить и перемѣну въ характерѣ его творчества;—достаточно назвать „Ганца Кюхельгартена“ и „Вечера на Хуторѣ“;—пришлось бы предположить, что въ Петербургѣ Гоголь сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, что между его школьными годами и первыми шагами на жизненномъ поприщѣ лежитъ цѣлая бездна. Но такъ какъ подобнаго перерожденія, конечно, допустить невозможно, то наша задача найти между этими двумя, повидимому, столь „рѣзко отличными періодами“, извѣстныя точки соприкосновенія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что духовный складъ личности Гоголя оставался во все разсматриваемое время въ сущности одинъ и тотъ же, такъ какъ онъ долженъ былъ въ значительной степени опредѣлиться въ годы ранней юности писателя,—и это имѣетъ въ настоящемъ случаѣ существенное значеніе въ виду чрезвычайно послѣдовательнаго и вѣрнаго себѣ характера его развитія,—мы дѣйствительно можемъ въ оба указанные періода, особенно сближая ихъ болѣе смежные пункты, отмѣтить разительное сходство во взглядахъ Гоголя на вопросы, наиболѣе интересовавшіе его и казавшіеся ему особенно важными. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, результатомъ пережитого воспріимчиваго возраста, оказывающаго всегда такое рѣшительное вліяніе на образованіе личности человѣка, и съ тонко развитою наблюдательностью, для которой, по

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 57.

собственному признанію автора, съ приближеніемъ зрѣлыхъ лѣтъ наступаетъ менѣе благопріятная пора, и наконецъ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составлявшимъ, каково бы ни было его дѣйствительное достоинство, внутреннее содержаніе юноши,—могъ ли Гоголь тотчасъ совершенно измѣниться и порвать съ своимъ прошлымъ? Если бы это было такъ, то неизбѣжно послѣдовало бы заключеніе, что стремленія его были не только не глубоки, смутны и туманны, чего дѣйствительно нельзя отрицать, но и неискренни, что они наконецъ были всецѣло навѣяны со стороны и не могли назваться въ настоящемъ смыслѣ его достояніемъ. Но кромѣ многихъ мѣстъ въ его перепискѣ, относящихся къ первымъ годамъ его петербургской жизни и представляющихъ несомнѣнное сходство съ прежними, нѣжинскими, взглядами, мы имѣемъ еще не мало вѣскихъ соображеній въ пользу противоположнаго мнѣнія. Точно то же не безъ основанія можно было утверждать и относительно его поэтической дѣятельности, съ тою только разницей, что дѣйствіе измѣнившихся обстоятельствъ въ этой сферѣ сказалось рѣзче и рѣшительнѣе, преимущественно въ смыслѣ ихъ вліянія на способъ, характеръ и самый выборъ предметовъ для творчества; но и здѣсь преемственная связь можетъ быть усмотрѣна и констатирована въ довольно обширномъ запасѣ готовыхъ художественныхъ образовъ, рано сложившихся въ фантазіи Гоголя на почвѣ впечатлѣній чуткой отроческой души и впослѣдствіи въ значительной степени лишь мастерски выработанныхъ и обогащенныхъ новыми красотами при болѣе или менѣе разнообразномъ ихъ выраженіи въ первыхъ его произведеніяхъ.

Чрезвычайно интересно для разъясненія занимающаго насъ вопроса обратиться къ самому раннему изъ извѣстныхъ произведеній юношеской фантазіи нашего писателя. Мы говоримъ о рѣдко вспоминаемомъ и едва ли не мало извѣстномъ у насъ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ". Далеко не отличаясь яркими художественными достоинствами, которыя мы привыкли находить даже въ самыхъ незрѣлыхъ и несовершенныхъ произведеніяхъ Гоголя, сурово принятая современной критикой и почти вслѣдъ затѣмъ уничтоженная рукою самого автора, наконецъ исключенная изъ цѣлаго ряда изданій полныхъ собраній

его сочиненій [1]),—эта приторно-сентиментальная идиллія никогда особенно и не обращала на себя вниманія, хотя г. Кулишъ справедливо указалъ на присутствіе въ ней рядомъ съ многими очень и очень слабыми такихъ картинъ, которыя уже обнаруживаютъ проблески будущаго таланта Гоголя. Г. Кулишъ указываетъ преимущественно на небольшіе отрывки описательнаго характера, напр. на изображеніе дома мызника Вильгельма Бауха, картину моря и на нѣсколько другихъ картинъ, въ которыхъ мысль автора съ любовью переносится въ страны классическаго міра; можно было бы прибавить еще описаніе утра и домика пастора въ самомъ началѣ первой картины, описаніе жаркаго дня и вообще весь конецъ той же картины, и большую часть шестой картины.

Идиллія все-таки на нашъ взглядъ заслуживаетъ изученія со стороны біографическаго матеріала, который, хотя и въ очень незначительныхъ дозахъ, могъ бы быть извлеченъ также и изъ нея. Для насъ важно въ данномъ случаѣ то, что здѣсь мы находимъ однако явные слѣды тѣхъ юношескихъ мечтаній Гоголя, о которыхъ мы говорили раньше, а съ другой — подтвержденіе собственныхъ позднѣйшихъ признаній его о годахъ юности. Сверхъ того, если не ошибаемся, внимательный разборъ идилліи могъ бы показать съ наглядной очевидностью, что въ ней нашелъ себѣ выраженіе упомянутый запасъ сложившихся готовыхъ художественныхъ образовъ, отчасти отразившійся, но уже въ истинно-художественной формѣ, потомъ въ другихъ, сравнительно болѣе зрѣлыхъ, преимущественно ближайшихъ по времени, произведеніяхъ, особенно въ „Вечерахъ на Хуторѣ". Попытаемся привести нѣкоторыя соображенія въ пользу обоихъ нашихъ предположеній, для чего прибѣгнемъ къ сличеніямъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ „Ганца" съ другими произведеніями и съ письмами Гоголя.

Первымъ вопросомъ при изученіи „Ганца Кюхельгартена" является точное опредѣленіе года его написанія: съ только-что указанной біографической точки зрѣнія этотъ вопросъ получаетъ весьма существенное значеніе. Самъ поэтъ, какъ извѣстно, обозначилъ на рукописи 1827 г., но затѣмъ, согласно извѣстному мнѣнію Прокоповича, приведенному въ „Запискахъ о жизни Гоголя", это показаніе, казалось бы, не можетъ

[1]) Кромѣ Тихонравовскаго, во всѣхъ отношеніяхъ капитальнаго.

считаться достовѣрнымъ и должно уступить предположенію о томъ, что Гоголь писалъ идиллію въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ, „когда онъ проживалъ въ немъ безъ дѣла". Едва ли, однако, это справедливо; намъ кажется, что на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній можно скорѣе признать справедливою помѣтку самого писателя, которому, притомъ, конечно, не было причины никого мистифицировать, какъ склоненъ былъ предполагать покойный его школьный товарищъ. Достойно вниманія, что въ идилліи мы замѣчаемъ явные слѣды тѣхъ мыслей, которыя занимали Гоголя подъ конецъ его нѣжинской жизни и притомъ преимущественно въ 1827 г. [1]) Въ „Ганцѣ" мы находимъ то же неопредѣленное, не совсѣмъ выяснившееся стремленіе героя въ далекія и чуждыя страны, манящія его предполагаемымъ просторомъ для дѣятельнаго служенія добру, ожидаемымъ богатствомъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя можно тамъ найти; далѣе, размышленіе Ганца о будущей своей судьбѣ и желаніе разгадать „незнаемый удѣлъ», наконецъ такое же точно, какъ у самого Гоголя, опасеніе за возможность осуществленія своихъ высокихъ стремленій и боязнь ничтожества общаго жребія съ большинствомъ такъ называемыхъ дюжинныхъ людей и проч. Особенно поразительно совпаденіе въ VIII картинѣ идилліи (въ пѣснѣ Ганца) и нѣкоторыхъ письмахъ 1827 году,—совпаденіе, доходящее до мелочей, до буквальнаго почти сходства, простирающагося на отдѣльныя выраженія: это послѣднее обстоятельство едва ли кто рѣшится назвать случайностью. Сдѣлаемъ сличеніе:

„Все рѣшено. Теперь ужели Мнѣ здѣсь душою погибать? И не узнать иной мнѣ цѣли?	*„Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое!* Ты знаешь всѣхъ

1) Идиллію „Ганцъ Кюхельгартенъ" мы относили къ 1827 г. еще въ первомъ изданіи (см. книгу „Ученическіе годы Гоголя", стр. 78). Къ тому же убѣжденію пришелъ и Н. С. Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему, 10-му. изданію сочиненій Гоголя (т. V, стр. 543 и 545) и Кояловичъ въ статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя", въ „Московскомъ Сборникѣ", 1887, стр. 246.—Но покойный другъ Гоголя, А. С. Данилевскій, выражалъ мнѣ нѣкоторое сомнѣніе, чтобы идиллія эта могла быть написана въ Нѣжинѣ: тогда бы о ней было извѣстно товарищамъ,— соображеніе, которымъ, вѣроятно, руководился и Прокоповичъ. Въ такомъ случаѣ можно бы еще допустить, что она была написана во время полугодовой жизни Гоголя въ деревнѣ въ 1828 г., но *во всякомъ случаѣ* до переѣзда его въ Петербургъ.

И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславно въ жертву,
При жизни быть для міра мертву!"
(„Ганцъ Кюхельгартенъ", VIII картина, пѣснь Ганца. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольства высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться" („Соч. и письма Гог.", изд. Кулиша, т. V, стр. 56). „Исполнятся ли мои высокія предначертанія? *или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей?*" (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому, „Русская Старина", 1876 г., 1 кн., стр. 42).

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, или неумолимое веретено судьбы *зашвырнетъ меня съ толпой самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ*" („Соч. и письма Гог.", т. V, стр. 58, письмо Высоцкому).

„Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой ли, къ счастью не остывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?"
(Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожная мысль, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести хоть малѣйшую пользу, бросала меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, *не означивъ своего имени* ни однимъ прекраснымъ дѣломъ — *быть въ мірѣ и не означить своего существованія* была для меня мысль ужасная". (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 3 октября 1827 года, „Русская Старина", 1876 г., I т., стр. 41).

Остальныя строфы той же пѣсни Ганца въ равной мѣрѣ могли бы быть примѣнены къ характеристикѣ душевнаго со-

стоянія и взглядовъ Гоголя именно за 1827 г.; укажемъ лишь слѣдующіе стихи:

„Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?“

Также: „И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый“...

Или: „Я вашъ! я вашъ! изъ сей пустыни
Вийду я въ райскія мѣста“... (Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 22).

(рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ чужіе края; замѣтимъ, что Гоголь называлъ райскимъ мѣстомъ въ письмѣ къ Высоцкому Петербургъ, пользуясь совершенно тождественнымъ выраженіемъ съ приведеннымъ).

Въ общемъ настроеніи выписанной строфы и выраженныхъ въ ней мысляхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію сходство съ нѣкоторыми мѣстами писемъ къ Высоцкому. Такимъ образомъ можно считать доказаннымъ, что именно тѣ же самыя мысли и стремленія волновали Гоголя въ 1827 году, которыя выражены въ приведенной пѣснѣ Ганца, при чемъ не случайно и то, что указанное совпаденіе обнаруживается какъ разъ въ самыхъ задушевныхъ мечтахъ автора и героя его перваго произведенія. Позднѣе, въ Петербургѣ, взгляды Гоголя во многомъ значительно измѣнились или, по меньшей мѣрѣ, приняли иное направленіе, и уже по отношенію къ петербургскому времени, конечно, никакъ не возможно было бы допустить такого поразительнаго сходства, доходящаго почти до полнаго совпаденія въ приведенныхъ цитатахъ. Было бы весьма интересно сравнить для бо́льшаго подтвержденія сказаннаго разбираемую идиллію съ „Луизой“ Фосса, въ переводѣ Теряева, такъ какъ эта пьеса служила въ настоящемъ случаѣ образцомъ для Гоголя, но намъ, къ сожалѣнію, не удалось достать этой книги, сдѣлавшейся въ настоящее время библіографической рѣдкостью...

Считая первое наше предположеніе достаточно обоснованнымъ, переходимъ ко второму. Здѣсь также удобнѣе всего можно подтвердить вышесказанное наглядными сопоставле-

ніями поражающихъ своимъ сходствомъ отрывковъ, хотя на этотъ разъ ихъ можно привести лишь немного. Вотъ примѣры:

„Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плѣнительно оборотилось все
Внизъ головой въ серебряной водѣ:
Заборъ, и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ:
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ,
И лѣсъ живой — вотъ только не шумитъ".

(Начальные стихи Ганца Кюхельгартена; соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. I, стр. 234 и изд. X, т. V, стр. 5).

„Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, воза съ горшками, мельницы — все *опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну*". (Изд. Кулиша, т. I, стр. 14, „Сорочинская Ярмарка"; изд. X, т. I, стр. 11—12).

„Съ изумленіемъ глядѣлъ Левко въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, *опрокинувшись внизъ*, виденъ былъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи" и проч.

(Изд. Кулиша, т. I, стр. 79, „Майская ночь" или „Утопленница"; изд. X, т. I, стр. 74).

„Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ". (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58).

„Какъ безсильный старецъ, держалъ прудъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди темнаго ночного воздуха" и проч. („Утопленница"). (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 55).

„Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и знов, *и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!*" (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 9).

„Величественно сыплется громъ украинскаго соловья". („Утопленница"). („Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58).

„Блистательно всю рощу оглашаетъ
Царь соловей. Звукъ тихо разнесенъ."
(Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 29).

„Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья". (Тамъ же, стр. 74).

„На небѣ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни ле-

„Какой же день! Веселые вились
И пѣли жаворонки; ходили волны
Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба;
Сгустились вотъ надъ ними дерева;

тятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи... *Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости.* Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ"... (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 9).

Сравни сходную картину въ „Страшной Мести" въ описаніи Днѣпра. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 169).

На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Несясь моря душистыхъ ароматовъ"
и проч. („Ганцъ Кюхельгартенъ"). „Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю". („Вечеръ накапунѣ Ив. Куп."). „Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями"... („Утопленница"). (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 58). „Рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ". („Сорóч. Ярм."; Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11).

Подобныя черты сходства отмѣтимъ кстати въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ ранних произведеній Гоголя, — сходство едва ли случайное.

„Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ лѣтъ уже весь родъ человѣческій".(Соч. Гог., изд. X, I ч, стр. 10; „Сорóч. Ярм.").

„Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою время съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною". (Соч. Гог., изд. X, т. V, „Учитель", стр. 52).

Ниже мы не разъ будемъ имѣть случай показывать, какъ Гоголь любилъ при переработкѣ художественныхъ образовъ вначалѣ обращаться къ готовымъ уже наброскамъ. Чѣмъ внимательнѣе будутъ изучаться черновыя его рукописи, тѣмъ больше мы будемъ находить доказательствъ этому. Такъ совершенно тотъ же (съ небольшими перемѣнами) указанный нами готовый образъ, встрѣчающійся въ „Учителѣ", въ

„Сорочинской Ярмаркѣ“ и въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ пера Гоголя, повторенъ имъ во второй половинѣ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ при описаніи усадьбы Плюшкина: „Дворъ былъ обнесенъ довольно крѣпкой оградой, которая, можетъ, когда-нибудь была выкрашена краской, но такъ какъ хозяинъ не думалъ вовсе объ ея поновленіи, то *прислужился другой неугомонный живописецъ, который расписываетъ весь родъ человѣческій, и что ни есть на свѣтѣ, и въ томъ числѣ мужскія и женскія лица, ни мало не заботясь о томъ, нужно ли это или нѣтъ, и довольны ли его кистью или недовольны. Хозяинъ этотъ былъ время*“. („Русск. Стар.“, 1885, XII, 570). Въ исправленной редакціи все это мѣсто отсутствуетъ и замѣнено другимъ: сколько же, слѣдовательно, могло быть такихъ же черновыхъ набросковъ уничтожено авторомъ, тогда какъ, напротивъ, они легко могли, въ видѣ предварительныхъ эскизовъ, являться изъ-подъ пера его въ его первоначальныхъ работахъ.

Далѣе. Уже въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя мы встрѣчаемъ нерѣдко любимые и опредѣленно сложившіеся, выношенные художественные образы и пріемы. Припомнимъ художественныя изображенія граціозной позы то предающейся безпечной радости, то погруженной въ глубокую думу красивой молодой женщины, отчаянно-веселой пляски иногда уже стараго казака, охваченнаго беззавѣтнымъ увлеченіемъ, захватывающимъ душу и возвышающимся до степени заразительнаго обаянія, противъ котораго не могутъ устоять всѣ тѣ, которымъ приходилось быть зрителями этой картины, наконецъ смѣну обаянія чувствомъ тихой и глубокой грусти и вообще склонность къ переходамъ отъ задушевнаго веселья къ столь же задушевной скорби.—Въ изображеніи природы укажемъ еще картины очаровательно-ясныхъ ночей съ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, покрытыхъ мракомъ садовъ и лѣса и т. п.

Изъ установившихся пріемовъ слѣдуетъ отмѣтить неожиданно-юмористическія сопоставленія серьезнаго съ комическимъ, восклицательную форму рѣчи [1]).

1) „Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!“ (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 10—11).

Приведемъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ:

„Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы“ и проч. (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 33).

„На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи“. („Тарасъ Бульба)“. (Тамъ же, стр. 305).

Сходныя изображенія можно указать въ „Ночи передъ Рождествомъ“ *(Оксана)* и въ „Майской Ночи“.

„Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, онѣ покачивали охмѣлѣвшими головами. Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо“.

„*Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему!*“ („Сороч. Ярм.“; Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 35).

„Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула падающіе на очи длинные волосы свои и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ

„Вездѣ, гдѣ-бы то ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути

по густой чащѣ приводнаго тростника: — зашелестятъ, зазвучатъ и *понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука проѣзжающейтелѣги*". („Тарасъ Бульба", конецъ VI главы; изд. X., т. I, стр. 303 и 304).

человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, вдругъ, неожиданно, пронесется среди бѣдной деревушки, не видѣвшей ничего кромѣ сельской телѣги: *и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами*". (Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 88—89)

Для сравненія съ приведенными выдержками напомнимъ еще самыя размышленія Чичикова послѣ встрѣчи съ губернаторской дочкой, описаніе чувствъ юноши, пораженнаго подобною же предполагаемою встрѣчей. („Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры, и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ!"). Наконецъ послѣднія заключительныя слова „Сорочинской Ярмарки" можно сопоставить съ задушевнымъ, исполненнымъ глубокой грусти восклицаніемъ, оканчивающимъ собою веселую повѣсть „о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ« („Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!"). Не заключается ли уже въ этомъ трагическомъ ceterum censeo проявленіе въ зародышѣ той особенности таланта Гоголя, которую онъ называлъ „смѣхомъ сквозь слезы", а отчасти и предрасположеніе къ аскетическому, отрицательному взгляду на радости жизни?

Напомнимъ наконецъ, что сходство въ поэтическихъ пріемахъ иногда, въ немногихъ единичныхъ случаяхъ, объясняется подражаніями одному и тому же источнику. Такъ, въ началѣ своей литературной карьеры Гоголю не разъ случалось пользоваться одинаковыми сюжетами, несомнѣнно заимствованными и потомъ переработанными изъ комедій его отца, произведеній Нарѣжнаго, наконецъ особенно изъ малороссійскихъ

пѣсенъ и народныхъ преданій. Таковы пріемъ Хиврей поповича Аѳанасія Ивановича въ VI главѣ „Сорочинской ярмарки“ и пріемъ Солохой дьячка Осипа Никифоровича въ „Ночи передъ Рождествомъ“ (передѣлка сценъ изъ пьесы отца Гоголя: „Романъ и Параска“); изображеніе ограниченныхъ интересовъ мелкой помѣщичьей среды въ „Учителѣ“ и впослѣдствіи въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“. Но все это разсмотримъ полнѣе въ слѣдующихъ главахъ; теперь же въ примѣръ вліянія на Гоголя народныхъ пѣсенъ приведемъ два сходные отрывка изъ „Вечеръ накануне Ивана Купалы“: „И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!“ (слова Пидорки). „Будетъ и у меня свадьба! только дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ: воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надъ моею могилою; гладкое поле будетъ моя хата“... (слова Петруся).—Не станемъ уже послѣ цѣлаго ряда сдѣланныхъ указаній приводить, можетъ быть, рискованныхъ сближеній между „Ночными Видѣніями“ Ганца Кюхельгартена и сходными описаніями, хотя и безконечно болѣе художественными и опредѣленными въ „Майской Ночи“, и многихъ другихъ.

Другія заимствованія изъ народной поэзіи можно видѣть въ изображеніи прощанія казачки съ сыномъ, отправляющимся на битву (въ „Страшной Мести“, въ описаніи Днѣпра и въ концѣ первой главы „Тараса Бульбы“). Заимствованіе въ картинѣ ночи на Днѣпрѣ образовъ изъ „Голубиной книги“ слишкомъ извѣстно.

Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ обращенія Тараса къ казакамъ съ вопросами: „А что̀, паны, есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли казацкая сила? Не погнулись ли казаки?“ и отрицательные отвѣты на нихъ представляютъ подражаніе извѣстнымъ стихамъ въ былинѣ о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси:

„Не намахалися наши могутныя плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!“

Слѣды вліянія произведеній народной поэзіи въ сильно измѣненномъ видѣ, въ отдаленной переработкѣ нѣсколько разъ отраженнаго въ фантазіи художественнаго образа, можно замѣтить у Гоголя и иногда даже въ его письмахъ послѣдняго десятилѣтія. Приведемъ примѣры: „Содрогаясь отъ ужаса за людей, и подвигнувшись небеснымъ ангельскимъ состраданіемъ, любовь Божія къ человѣку уже не поражаетъ его, а молитъ, какъ братъ умоляетъ брата или *какъ несчастная и безотрадная мать умоляетъ сына, идущаго на вѣрную гибель, умоляетъ его такими воплями и стонами, отъ которыхъ безчувственный камень содрогнется*“ („Соч. и письма Гог.“, т. VI, стр. 160—161). Тѣмъ болѣе такихъ слѣдовъ можно, конечно, видѣть въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гоголя, начиная съ исправленной редакціи „Тараса Бульбы“. „Много уже значитъ сказать утѣшительное слово, и если съ подобнымъ искреннимъ желаніемъ сердца придетъ и глуповатый къ страждущему, то ему стòитъ только разинуть ротъ, а потомъ уже помогаетъ Богъ и превращаетъ тутъ же слово безсильное въ сильное“. (Ср. объ утѣшительномъ словѣ Кукубенка въ VII гл. „Тараса Бульбы“; соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 306—307); также ср. о душеспасительномъ и успокоительномъ словѣ въ письмѣ къ Языкову („Соч. и письма Гог.“, т. VI, стр. 179) и въ извѣстномъ мѣстѣ главы о Плюшкинѣ, о внезапномъ могучемъ обращеніи русскаго человѣка отъ порока къ „трезвости души“ („Соч. и письма Гог.“, т. VI, 163) и въ рѣчи Тараса къ войску (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 329—330) [1].—Но все это мы здѣсь только слегка намѣтили съ цѣлью показать, какъ важно стараться подсмотрѣть зарожденіе въ поэтической душѣ Гоголя какъ художественныхъ образовъ, такъ и отвлеченныхъ убѣжденій и взглядовъ на жизнь; подробнѣе же говорить обо всѣхъ этихъ вопросахъ предоставляемъ себѣ на протяженіи всего нашего изслѣдованія.

[1]) Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ вообще замѣчается въ его позднѣйшей, исправленной редакціи какъ болѣе сильный подъемъ патріотическаго чувства, такъ и больше слѣдовъ изученія народной поэзіи. Такъ напр., вышесказаннаго обращенія Бульбы къ казакамъ мы не находимъ въ первоначальной редакціи, а равно и такихъ несомнѣнно возникшихъ подъ вліяніемъ былинъ подражаній народному эпосу, какъ напр.:

„Гдѣ прошли незамайковцы —такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили —такъ ужъ тамъ и переулокъ“ (см. соч Гог., изд. X, т. I, стр. 332—334).

III.

НЕДОВОЛЬСТВО ГОГОЛЯ ПЕТЕРБУРГОМЪ И ТОСКА ПО РОДНОЙ УКРАЙНѢ.

Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1828 года. По свидѣтельству Г. П. Данилевскаго, онъ былъ привезенъ туда его однофамильцемъ...—Съ этихъ поръ началась для Гоголя новая жизнь, во многомъ отличающаяся отъ прежней, школьной, но въ сущности представляющая столько очевидныхъ чертъ сходства, что она является скорѣе послѣдовательнымъ продолженіемъ развитія, начавшагося въ предъидущемъ періодѣ, нежели какимъ-нибудь рѣшительнымъ и рѣзкимъ поворотомъ въ иномъ направленіи. Правда, развитіе это подъ вліяніемъ цѣлой совокупности обстоятельствъ, которыхъ не ожидалъ Гоголь и на которыя не могъ разсчитывать во время своихъ мечтаній въ Нѣжинѣ, но которыя, однако, не замедлили тотчасъ же самымъ настоятельнымъ образомъ заявить о себѣ по пріѣздѣ его въ столицу,—было значительно иначе направлено жизнью, нежели какъ ему представлялось заранѣе, но отнюдь не мѣняло своего существеннаго характера, такъ что первые годы жизни Гоголя въ Петербургѣ mutatis mutandis относились къ годамъ его ранней юности, какъ попытки привести въ исполненіе задуманный и постепенно измѣненный планъ къ первоначальному его замыслу, и въ этомъ-то отношеніи дѣйствительно справедливы приведенныя раньше слова Кулиша. („Съ переселеніемъ съ юга на сѣверъ для Гоголя начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко от-

личный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнія въ родномъ гнѣздѣ") [1]. Конечно, не тотчасъ стало возможно Гоголю твердо и увѣренно испытать свои силы въ томъ направленіи, которое зависѣло отъ сложившагося міросозерцанія его и нажитыхъ убѣжденій; должно было пройти не мало времени, пока онъ примѣнился къ требованіямъ извѣстной доли внѣшнихъ условій петербургской жизни, именно тѣхъ, которыя были не добровольно избраны имъ, а, такъ сказать, навязаны судьбою, независимо отъ его воли. Въ Петербургѣ Гоголя поразили всевозможныя неудачи съ разныхъ сторонъ. Въ причинахъ для разочарованія не было недостатка на самыхъ первыхъ порахъ: неудачи обрушивались на него одна тяжелѣе другой, и общее впечатлѣніе было самое невыгодное и безотрадное. Рѣзкимъ показался ему переходъ отъ привольной домашней жизни къ стѣсненіямъ столицы. Какъ-бы въ насмѣшку надъ преждевременными увлеченіями, жизненныя невзгоды и трудности первоначальнаго устройства тотчасъ же дали себя знать столь чувствительнымъ образомъ, что при одномъ воспоминаніи о нихъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга у Гоголя вырываются рѣзкія несдержанныя выраженія. Матеріальныя затрудненія, какъ видно изъ этого письма, сказались во всѣхъ подробностяхъ житейскаго обихода, начиная отъ найма квартиры и кончая условіями съ мелкими коммиссіонерами, къ услугамъ которыхъ приходилось обратиться для доставки привезенныхъ изъ дому писемъ къ разнымъ „покровителямъ". Въ нѣсколькихъ письмахъ Гоголь подробно исчисляетъ всѣ неизбѣжныя издержки на дорогу и на обзаведеніе, отчасти въ видѣ отчета о своихъ дѣлахъ, отчасти въ видѣ жалобы на совокупность обрушившихся на него неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ была даже потеря по курсу, понесенная имъ при отправленіи изъ родины тотчасъ по выѣздѣ изъ Чернигова. Первое письмо проникнуто сильнымъ раздраженіемъ и почти все наполнено извѣстіями практически-житейскаго характера, которыя повторяются отчасти и въ слѣдующихъ письмахъ, но уже не занимаютъ тамъ главнаго мѣста, уступая мѣсто мыслямъ и впечатлѣніямъ иного рода.

[1]) „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 59.

Неудачи были такъ неожиданны, и въ то же время такъ жестоки по своимъ размѣрамъ, что онѣ не могли не произвести на Гоголя самаго подавляющаго дѣйствія. Онѣ повергли его на нѣкоторое время въ состояніе тяжелой апатіи, близкой къ отчаянію, изъ которой онъ, однако, скоро нашелъ выходъ благодаря своей дѣятельной и самоувѣренной натурѣ. Степень его подавленности видна изъ собственнаго сознанія его тотчасъ по пріѣздѣ, когда онъ жалуется на хандру, помѣшавшую ему не только заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ, но даже писать письма. Какъ видно, онъ совершенно опустилъ руки сначала, но не надолго [1]).

Словомъ, это было первое столкновеніе юношескихъ мечтаній съ дѣйствительностью, на этотъ разъ оказавшейся по истинѣ суровой. Но если, вступивши въ чуждую для себя сферу совершеннымъ новичкомъ, Гоголь позволяетъ овладѣть собою разочарованію, то потомъ душевная боль остраго характера постепенно смягчается и, послѣ продолжительной энергической борьбы съ неудачами, ему удается, наконецъ, умѣривши энтузіазмъ и вооружившись терпѣніемъ, овладѣть обстоятельствами и подчинить ихъ теченіе преслѣдованію цѣлей, составлявшихъ для него главную задачу существованія. Не легко было ему убѣдиться въ неосновательности своихъ иллюзій относительно Петербурга, послѣ того какъ онъ привыкъ соединять съ самымъ представленіемъ о немъ всѣ лучшія свои надежды, но тѣмъ больше чести его энергіи, чѣмъ рѣшительнѣе и неожиданнѣе былъ выдержанный имъ ударъ [2]). „Что за бѣда,— посидѣть какую нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненной дорогѣ?“ [3]) Это уже не фразы незнакомаго съ жизнью школьника, а сознательныя слова человѣка, приготовляющагося къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, переставшаго воображать, что на его долю достанутся одни трофеи и лавры. Если первыя петербургскія письма продолжаютъ, повидимому, носить на себѣ отпечатокъ такой же не-

[1]) Не отразилось ли его тогдашнее душевное состояніе, эта смѣна восторга глубокою печалью, въ приведенныхъ заключительныхъ строкахъ перваго его петербургскаго произведенія „Сорочинская Ярмарка“?

[2]) Ср. въ нѣжинскомъ письмѣ къ матери: „Развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать?“. (Соч. Гог. изд. Кул.. V т., стр. 68).

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 78.

удовлетворенности и тревожнаго состоянія духа, той же досады на всякаго рода неудачи и препятствія, какими были проникнуты послѣднія письма изъ Нѣжина, то съ другой стороны мы замѣчаемъ въ то же время въ перепискѣ явные слѣды благотворнаго вліянія бо́льшей степени самостоятельности, которою пользовался Гоголь теперь впервые въ своей жизни: при болѣе внимательномъ сравненіи легко убѣдиться, что вмѣсто нетерпѣливаго и безотрадно удрученнаго настроенія послѣднихъ лѣтъ школьной жизни подъ тяжкимъ гнетомъ не поддающихся никакимъ перемѣнамъ условій, онъ получалъ теперь полный просторъ для попытокъ къ осуществленію своихъ плановъ на дѣлѣ, въ самой жизни, въ чемъ, естественно, должна была заключаться для его энергической натуры нѣкоторая прелесть и во всякомъ случаѣ обильный источникъ надеждъ и утѣшеній. Испытанія казались ему только неизбѣжнымъ временнымъ зломъ, своего рода школой, преддверіемъ къ настоящей жизни, освѣщенной достойнаго разумнаго существа цѣлью. Такимъ образомъ первыя впечатлѣнія Гоголя въ Петербургѣ и его быстрое разочарованіе въ немъ не только интересны, какъ фактъ, но имѣютъ и несравненно важнѣйшее значеніе для біографіи, показывая намъ юношу въ рѣшительную минуту испытанія, когда должна была выясниться степень прочности и глубины убѣжденій, уже не разъ имъ прежде высказанныхъ въ интимныхъ бесѣдахъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, съ разными наиболѣе близкими людьми. Теперь ему самому представлялся случай провѣрить ихъ достоинства, испытать свои силы и состоятельность составленныхъ плановъ и выработаннаго идеала. Таковы были первыя впечатлѣнія Гоголя въ столицѣ.

Два обстоятельства особенно обращаютъ на себя вниманіе въ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Петербурга. Во-первыхъ сразу обнаружилось, до какой невѣроятной степени доходило незнакомство домашняго круга Гоголя и его самого съ отдаленной столицей и наивное представленіе о ея фантастическомъ блескѣ, великолѣпіи и удобствахъ жизни [1]), и во вторыхъ, послѣ быстраго разочарованія Петербургомъ въ Гоголѣ пробуждается страстная потребность предаться воспо-

[1]) „Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ". (Письмо отъ 30 апр. 1829, V т., стр. 79).

минаніямъ прошлаго, оцѣнить только-что покинутую родину и все то, что онъ готовъ былъ недавно считать какою-то мрачной могилой, возбуждавшей въ немъ только желчь и отвращеніе. Описанія Петербурга, заключающіяся въ этихъ письмахъ, поражаютъ въ то же время и наблюдательностью автора и самымъ характеромъ сообщаемыхъ о немъ свѣдѣній, показывающихъ, что авторъ предполагалъ въ своей корреспонденткѣ-матери, несмотря на большой интересъ къ Петербургу, полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго представленія объ этомъ городѣ [1]). Благодаря этой провинціальной наивности, къ безпощаднымъ ударамъ общихъ условій столичной жизни не замедлили присоединиться во множествѣ и мелкія непріятныя случайности. Все вмѣстѣ такъ подѣйствовало на Гоголя, что даже внѣшнимъ видомъ Петербурга онъ не остался доволенъ, говоря, что „воображалъ его гораздо красивѣе и великолѣпнѣе“, и рѣшилъ, что всѣ слухи, которые о немъ распускали, были лживы... Но такое недовольство настоящимъ и разочарованіе въ боготворимой прежде столицѣ заставили Гоголя оглянуться назадъ: въ немъ снова вспыхнуло чувство горячей любви къ родной Малороссіи со всею непосредственностью горячаго молодого увлеченія. Примкнувъ въ Петербургѣ къ малороссійскому кружку, состоявшему отчасти изъ бывшихъ школьныхъ товарищей, и поощряемый встрѣченной въ петербургскомъ обществѣ симпатіей и интересомъ къ малороссійской жизни и быту, Гоголь скоро почувствовалъ сильную потребность оживить въ своей памяти просящіеся наружу образы и, какъ человѣкъ практическій, вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не понять, какъ кстати было воспользоваться такимъ настроеніемъ и, удовлетворяя своимъ художественнымъ стремленіямъ, въ то же время извлечь матеріальныя выгоды, столь важныя для него при тогдашнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, объ этомъ своемъ предположеніи го-

[1]) Еще удивительнѣе, что даже давно поселившійся въ Петербургѣ дядя Гоголя, Иванъ Косяровскій, оказался совершенно незнакомымъ съ жизнью въ столицѣ, такъ что практическій племянникъ съ неудовольствіемъ отозвался о немъ, что „онъ знаетъ въ петербургскомъ житьѣ столько же толку, сколько всякій провинціалъ“. — „Не понимаю, какъ они живутъ здѣсь, ничего не видя и не слыша“, продолжаетъ онъ изливать свою досаду на дядю. („Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 77).

воритъ Гоголь въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ второго письма: „Въ Петербургѣ менѣе 120 р. никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился... Когда наши въ полѣ — не робѣютъ. Но какъ много еще и отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, то въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ объ удачахъ или неудачахъ“ [1]. Правда, мы читаемъ затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ, въ самомъ его началѣ, какъ бы обѣщанное извѣщеніе объ исходѣ блеснувшихъ надеждъ, въ которомъ Гоголь говоритъ о предполагавшейся и едва не осуществившейся даже поѣздкѣ за-границу, но едва ли эта поѣздка могла имѣть какое-либо отношеніе къ пріобрѣтенію денегъ и къ ней въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, конечно, не могла быть примѣнена приведенная Гоголемъ пословица [2]. Между тѣмъ въ томъ же письмѣ, хотя и въ другой части его, гораздо ниже, Гоголь уже обращается къ матери съ извѣстной просьбой о доставленіи ему подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи, для чего между прочимъ проситъ ее имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ своего повѣта. Особенно

---

[1] „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 79.

[2] Быстрое и неожиданное возвращеніе Гоголя изъ-за границы, считавшееся прежде загадочнымъ, объясняется отчасти и приказаніемъ матери, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма ея къ П. П. Косяровскому: „Николай мой много занималъ меня своими письмами изъ Германіи, описывая все, что достойно было его примѣчанія, очень занимательно, но, несмотря на то, я ему велѣла возвратиться въ Петербургъ и вступить въ службу“ и проч. (См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, изд. 1-е, стр. 75).—Но болѣе полное разъясненіе читатель найдетъ ниже.

Замѣтимъ только, что до-нельзя рискованныя догадки г-жи Черницкой о горячей страсти нѣжнаго и пылкаго юноши-„однолюба“ къ обольстительному и коварному демону въ образѣ красивой фрейлины А. О. Россетъ (впослѣдствіи Смирновой), кажутся намъ совершенно лишенными вѣроятности, хотя г-жа Черницкая съ величавымъ самоуслажденіемъ и безпредѣльной вѣрой въ свое открытіе щеголяетъ удивительно мѣткимъ и необыкновенно проницательнымъ заявленіемъ о томъ, что Гоголь былъ именно поэтъ-„однолюбъ“ (См. „Сѣверн. Вѣстн.“, 1890, I, 193 — 221). Она же между прочимъ наивно заявляетъ, что, вслѣдствіе скрытности Гоголя, объ этой страсти его никогда ничего не узнала сама Смирнова, предметъ романтическаго обожанія: любопытно знать, кѣмъ же въ эту тайну могла быть посвящена г-жа Черницкая?! Болѣе невѣроятныхъ догадокъ, признаемся, мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчали..

подтверждаютъ нашу догадку слова слѣдующаго письма: „Я думаю, вы не забудете моей просьбы извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ Малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу“ [1]). Наконецъ въ томъ же письмѣ отъ 30 апрѣля Гоголь высказываетъ весьма опредѣленно занимавшія его въ то время мысли и предположенія: „Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: „Овца-Собака“ и „Романъ и Параска“. Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а, по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему—и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью“ [2]). Такъ преимущественно съ практической точки зрѣнія смотрѣлъ сначала Гоголь на свои литературные опыты, на малороссійскія повѣсти, не придавая имъ, можетъ быть, того значенія, какое онъ придавалъ прежде „Ганцу Кюхельгартену“, и не предвидя еще своего будущаго призванія. Тѣмъ не менѣе результатомъ обращенія къ воспоминаніямъ о родинѣ и о впечатлѣніяхъ отрочества являются чудныя страницы въ „Сорочинской Ярмаркѣ“. Замѣчательно художественныя описанія природы, описанія родныхъ мѣстъ, связанныхъ съ воспоминаніями юности (Пселъ, самыя Сорочинцы), картина ярмарки—все это было, безъ всякаго сомнѣнія, воспроизведеніемъ наиболѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній, таившихся въ его душѣ. Эту повѣсть, несмотря на вліяніе комедій отца, откуда взяты многіе эпиграфы и цѣлая комическая сцена, слѣдуетъ, однако, считать гораздо болѣе самостоятельною, нежели слѣдующую, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“. „Сорочинская Ярмарка“ была написана во второй половинѣ 1829 г., судя по тому, что Гоголь, сочиняя ее, уже имѣлъ подъ руками комедіи своего отца, которыя онъ проситъ прислать ему въ письмѣ отъ 30 апрѣля этого года. На-

1) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 83.
2) Тамъ же, стр. 82.

противъ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы", написанный гораздо позднѣе, на основаніи уже доставленныхъ изъ дому источниковъ, за которые въ первый разъ благодаритъ Гоголь свою мать въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г., повидимому, представляетъ трудъ компилятивный, мозаичный, составленный наскоро на основаніи нѣсколькихъ источниковъ, едва ли не предпринятый, главнымъ образомъ, изъ соображеній экономическаго характера и потому блѣдный въ сравненіи съ первымъ опытомъ, какъ представлявшимъ переработку собственныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, во второмъ письмѣ изъ Петербурга Гоголь довольно подробно намѣчаетъ ту программу, которой должны придерживаться его мать и другіе собиратели необходимыхъ для него свѣдѣній и уже, очевидно, имѣетъ въ виду опредѣленный сюжетъ, для котораго подыскиваетъ матеріалъ, но когда желаніе его было исполнено, то оказалось, что почти все содержаніе повѣсти составилось изъ разныхъ отрывковъ, слѣды сшивки которыхъ могутъ быть легко замѣчены при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи. Гоголь проситъ, напр., въ письмѣ прислать описаніе костюма и указать точное и вѣрное названіе платья временъ до-гетманскихъ, особенно костюма дьячка, далѣе самое подробное описаніе свадьбы и наконецъ разсказы о повѣріяхъ, духахъ и домовыхъ, при чемъ прямо и прежде всего указываетъ кромѣ коляды на обряды объ Иванѣ Купалѣ. Въ повѣсти мы также находимъ описанія костюмовъ въ двухъ мѣстахъ: краткое въ началѣ и подробное при описаніи свадьбы, далѣе подробно разсказаны повѣрія объ Иванѣ Купалѣ и наконецъ въ серединѣ повѣсти мы находимъ цѣлый эпизодъ, заключающій въ себѣ описаніе свадьбы со всѣми подробностями,—эпизодъ довольно мало и притомъ искусственно связанный съ остальнымъ изложеніемъ, такъ что онъ, по нашему мнѣнію, даже нарушаетъ отчасти единство и цѣлость всей повѣсти. Но въ слѣдующихъ повѣстяхъ Гоголя мы опять замѣчаемъ несомнѣнно больше самостоятельности и таланта.

Этимъ вопросамъ мы посвятимъ ниже нѣсколько особыхъ главъ.

Въ то же время жажда разумной дѣятельности, не мѣшавшая Гоголю иногда легко и свысока относиться къ нѣкоторымъ принятымъ на себя скромнымъ обязанностямъ, ис-

кала для себя удовлетворенія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и должна была поставить его сначала въ высшей степени тягостное и неопредѣленное положеніе какого-то безпрерывнаго блужданія, до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени для него не разъяснился понемногу вопросъ о направленіи своей будущей дѣятельности и способѣ примѣненія силъ для осуществленія своего идеала. Поэтому мы должны строго различать въ его петербургской жизни прежде всего этотъ періодъ мучительныхъ колебаній и постепеннаго уясненія неопредѣленныхъ стремленій, періодъ, ярко характеризуемый постоянными порываніями и невѣрными шагами, вѣроятно самый тяжелый въ его жизни, кромѣ послѣдняго десятилѣтія,— періодъ, представляющій непрерывную борьбу съ самимъ собой и внѣшними обстоятельствами, при чемъ каждый шагъ на пути превращенія первоначальныхъ фантастическихъ мечтаній въ сколько-нибудь реальные образы заключалъ въ себѣ серьезное пріобрѣтеніе, взятое съ бою.

Семилѣтняя жизнь Гоголя въ Петербургѣ, обнимающая все время первой его молодости, по отношенію ко внутреннему развитію писателя, представляетъ послѣдовательно сперва столкновеніе извѣстныхъ намъ неопредѣленно - гуманныхъ стремленій его юности съ дѣйствительностью и непродолжительное разочарованіе, затѣмъ подъ вліяніемъ встрѣтившихся обстоятельствъ постепенную переработку и видоизмѣненіе этихъ мечтаній, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и уклоненій въ разныя стороны и особенно временныхъ увлеченій исторіей, представлявшейся Гоголю одно время настоящимъ его призваніемъ, его спеціальностью, опредѣленіе имъ уже истиннаго своего призванія и потомъ окончательное поглощеніе мечтаній дѣйствительностью. Самыя отношенія Гоголя къ негостепріимной столицѣ, съ которою въ значительной степени были связаны эти мечтанія, въ разсматриваемый промежутокъ времени также неодинаковы: прежнее убѣжденіе въ ничѣмъ незамѣнимой важности Петербурга для людей, желающихъ посвятить свои силы высокому общественному служенію, оставаясь незыблемымъ въ своемъ основаніи, теряетъ, однако, подъ конецъ значительную долю приписываемаго ей исключительнаго значенія. По крайней мѣрѣ, какъ безотчетное увлеченіе Петербургомъ, такъ и сознательное предпочте-

нiе его родному югу (см. письма къ Данилевскому) [1]), и даже пламенно-любимой Малороссiи, не надолго омраченное на первыхъ порахъ легкимъ разочарованiемъ, лишь нескоро уступаетъ мѣсто обратному стремленiю изъ него въ любимый край, и то вовсе не вслѣдствiе недовольства самой столицей, а только невозможнымъ ея климатомъ. Такимъ образомъ и подъ влiянiемъ горячей любви къ родинѣ, не особенно продолжительное пребыванiе Гоголя въ Петербургѣ составляетъ цѣлый перiодъ его жизни, который можетъ быть раздѣленъ, въ свою очередь, на нѣсколько небольшихъ, поддающихся болѣе или менѣе естественному и отчетливому разграниченiю отдѣловъ. При изученiи этого перiода необходимо установить для болѣе удовлетворительнаго уясненiя послѣдующаго изложенiя исходную точку отправленiя, затѣмъ отмѣтить извѣстныя грани, и, наконецъ остановившись на нихъ подробнѣе, прослѣдить въ общихъ чертахъ развитiе Гоголя со времени самаго прiѣзда его въ Петербургъ.

1) Жалобы на дурную весну мы находимъ уже въ самый годъ прiѣзда Гоголя въ Петербургъ („приходъ весны въ нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляетъ меня съ сожалѣнiемъ вспоминать о нашей малороссiйской веснѣ“); впослѣдствiи онѣ повторялись все чаще, чѣмъ нестерпимѣе становился для Гоголя „водяной городъ“. Въ письмѣ отъ 30 марта 1832 г. (Соч. Гог., V т., 150 стр.) читаемъ: „Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно не нюхалъ этого кушанья“, а черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ прямо говоритъ: „здѣшнiй проклятый климатъ убiйственъ“ и въ письмѣ къ матери: „здѣшнiй климатъ не Малороссiя“. Съ этихъ поръ Гоголя все болѣе начинаетъ тянуть вонъ изъ Петербурга и мысль его охотно останавливается не только на мечтахъ о жизни въ Кiевѣ, но даже въ Москвѣ.

IV.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА ГОГОЛЯ ЗА-ГРАНИЦУ.

Первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ было употреблено Гоголемъ на всевозможныя хлопоты объ устройствѣ. Впрочемъ по крайней безпечности у него безъ пользы пролежали въ карманѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Вначалѣ у него еще были кое-какія небольшія деньги, но ихъ было мало, и приходилось въ первый разъ въ жизни серьезно позаботиться о своей судьбѣ. Только-что оправился онъ отъ простуды, какъ немедленно пошелъ къ Логгину Ивановичу Кутузову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Д. П. Трощинскаго. По словамъ А. С. Данилевскаго, Кутузовъ принялъ его очень хорошо, обласкалъ, сразу перешелъ съ нимъ на *ты* и пригласилъ его часто бывать у себя запросто, хотя этимъ почти все и ограничилось.

Но цѣлый рядъ разочарованій и неудачъ произвелъ вскорѣ на Гоголя настолько удручающее впечатлѣніе, что онъ, какъ извѣстно, задумалъ оставить Петербургъ и пуститься за-границу. Въ самомъ началѣ столичной жизни онъ было отдался съ жадностью наблюденіямъ надъ новымъ, незнакомымъ ему міромъ, осмотрѣлъ и изучилъ городъ и его окрестности (Екатерингофъ и проч.), но вскорѣ имъ овладѣли попеременно— сперва безотчетная, но сильная тоска по родинѣ, а потомъ еще болѣе сильное и болѣе неясное ему самому стремленіе куда-то въ даль, въ чужіе края. Очевидно, Гоголь не нашелъ въ Петербургѣ того, что̀ искалъ и на что̀ страстно надѣялся

(Данилевскій зналъ объ этомъ, но мало тогда ему сочувствовалъ и не могъ раздѣлять его фантастическихъ стремленій).

Подобно тому, какъ въ Нѣжинѣ Гоголь не могъ примириться съ низменными стремленіями „существователей", такъ и о петербургской жизни онъ отзывался вскорѣ съ презрѣніемъ: „Тишина въ Петербургѣ необыкновенная; никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погрязло въ низменныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ"... Между тѣмъ Гоголя манило что-то необыкновенное; его юношескій пылъ требовалъ идеаловъ, и онъ все еще не терялъ надежды найти что-то необходимое ему на чужбинѣ. Онъ еще не догадывался или не хотѣлъ знать, что обыденная жизнь вездѣ одинакова, что никуда нельзя уйти отъ житейской прозы. Въ душѣ его былъ запросъ на что-то призрачно-грандіозное, на что̀ дѣйствительность не могла дать отвѣта. Его тянуло въ какую-то фантастическую страну счастья и разумнаго, производительнаго труда. По словамъ покойнаго Данилевскаго, такой страной представлялась ему Америка. Не тамъ ли, мечталъ онъ, „передѣлать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности", какъ онъ писалъ своей матери? Но онъ былъ еще въ полномъ смыслѣ „зеленый" юноша, и никто даже изъ товарищей не вѣрилъ, чтобы постоянно мѣнявшіяся мечты его могли быть близки къ осуществленію, да и денегъ на большую поѣздку у него недостало бы. Его словамъ и не придавали особеннаго значенія— одни, думая, что онъ по странной привычкѣ, замѣчавшейся въ немъ чуть не съ дѣтства, забавляется мистификаціей и не желаетъ открыть имъ свое настоящее намѣреніе; другіе— нисколько не сомнѣваясь, что если фантазія его и искренняя, то изъ нея ничего не выйдетъ. А между тѣмъ вотъ какая перспектива рисовалась его пылкому воображенію: „Пресмыкаться—другое дѣло *тамъ*, гдѣ каждая минута—богатый запасъ опытовъ и знаній; но изжить вѣкъ, гдѣ не представляется впереди совершенно ничего, гдѣ всѣ лѣта, проведенныя въ ничтожныхъ занятіяхъ, будутъ тяжкимъ упрекомъ звучать душѣ,—это убійственно!" Едва ли всѣ эти планы Гоголя не могутъ быть объяснены преимущественно неудовлетворенностью настоящимъ, потому что они мигомъ исчезли, когда

онъ вошелъ въ кругъ Плетнева и Пушкина и могъ считать свою жизнь достаточно наполненною.

Но какъ было объяснить эти планы матери, смотрѣвшей на вещи съ обычной точки зрѣнія большинства пожилыхъ провинціаловъ, согласно которой Петербургъ представляется благодарнымъ, если не блестящимъ поприщемъ чиновничьей карьеры. Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы сынъ безостановочно шагалъ по служебной лѣстницѣ, что̀ казалось материнскому пристрастію не только естественнымъ, но и законнымъ. Слѣдующія строки одного изъ отвѣтныхъ писемъ Гоголя отчасти знакомятъ насъ съ тѣми широкими надеждами, которыя Марья Ивановна возлагала на будущую карьеру сына: „Вы говорите, почтеннѣйшая маменька, что многіе, пріѣхавъ въ Петербургъ и сначала не имѣвшіе ничего, жившіе однимъ жалованьемъ, пріобрѣли себѣ впослѣдствіи довольно значительное состояніе единственно стараніями и прилежаніемъ по службѣ и приводите въ примѣръ Гежилинскаго. Я вамъ сотню самъ приведу примѣровъ такихъ людей, которые, точно, не имѣя ни гроша, пріобрѣли впослѣдствіи многое; но вспомните, къ какому времени это относится, когда протекало ихъ поприще службы? Зачѣмъ вы не приведете въ примѣръ хотя одного такого, который бы въ нынѣшнее время, т.-е. въ послѣднюю половину царствованія Александра (I) и въ продолженіе царствованія Николая пріобрѣлъ богатство по службѣ? Въ этомъ-то и дѣло, что не тѣ времена. Это вамъ скажетъ всякій, служащій въ столицѣ“... Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ прямо высказывается самое вѣроятное предположеніе, что подобнаго рода быстрое обогащеніе происходило благодаря взяткамъ. Простодушная Марья Ивановна, не выѣзжавшая дальше Кіева и живя почти безвыѣздно въ деревнѣ, не имѣвшая случая близко присмотрѣться къ ходу служебныхъ дѣлъ, была совершенно проникнута убѣжденіемъ, подкрѣпляемымъ примѣромъ, что достаточно усердно служить въ столицѣ, и можно составить и карьеру, и приличное состояніе. По дѣтской неопытности въ жизни она не повѣрила бы, что ея добрые знакомые, можетъ быть, подобно другимъ, пользовались тѣмъ самымъ простымъ и позорнымъ способомъ обогащенія, который одинъ только и давалъ средства осуществлять подобныя стремленія. Какъ было Гоголю согласить съ такимъ взглядомъ свое отвращеніе къ тому, чтобы „за цѣну,

едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, продать свое здоровье и драгоцѣнное время; имѣть въ день свободнаго времени не больше какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ!“.

Безъ сомнѣнія, Марья Ивановна была убѣждена, что сыну ея предстоитъ блистательное поприще, что его ожидаютъ тріумфы и почести, такъ что и ей должно было казаться возмутительнымъ подобное употребленіе времени. Но этого было все-таки мало; пришлось прибѣгнуть къ хитрости — изобрѣсть такой поводъ для предполагаемой поѣздки, который долженъ былъ бы имѣть вполнѣ убѣдительное значеніе въ глазахъ Марьи Ивановны. Ссылаясь на пламенную страсть къ какой-то неизвѣстной особѣ, какъ на причину своей странной поѣздки, Гоголь, по всей вѣроятности, лукавилъ: ни Данилевскій, ни другіе товарищи не видѣли въ немъ никакихъ слѣдовъ романтическихъ увлеченій и вообще никакой нравственной перемѣны. Никогда и впослѣдствіи никому не обмолвился Гоголь ни словомъ объ этой страсти, существовавшей въ его воображеніи. Едва ли не правъ былъ и Кулишъ, выразившійся однажды, что мать Гоголя была единственною его страстью (см. „Русск. Стар.“, 1887, № 3, ст. г-жи Бѣлозерской: „М. И. Гоголь“). Правда, Гоголь былъ весьма скрытенъ по природѣ; но сколько ни припоминалъ А. С. Данилевскій,—все его душевное состояніе и самое поведеніе въ то время нисколько не подтверждали это невѣроятное сообщеніе. Въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Данилевскому есть какъ будто намеки на какую-то прежнюю страсть, но слишкомъ неясные. Трудно даже рѣшить, заключается ли въ нихъ что-то похожее на признаніе въ быломъ увлеченіи, или, можетъ быть, напротивъ, сожалѣніе о томъ, что никогда не удалось его испытать. Весьма загадочны, напр., слѣдующія строки, написанныя въ отвѣтъ Данилевскому на изображеніе его пламенной любви къ одной особѣ: „Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя *самому, благодаря судьбу, не удалось испытать*. Я потому говорю: *благодаря* [1]), что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденья; я силился бы пре-

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

вратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенью моему, у меня есть твердая воля, *два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть.* Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ—любовь, а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ" (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 165). Если въ этихъ словахъ видѣть намекъ на прежнюю страсть, то оправдается увѣреніе Гоголя, что за-границу „онъ бѣжалъ отъ самого себя" (V, 89) и что онъ „увидѣлъ, что нужно бѣжать отъ самого себя, чтобы сохранить жизнь, водворить тѣнь покоя въ истерзанную душу" (V, 89). Но тогда почему же тому же Данилевскому онъ писалъ впослѣдствіи: „Ты спрашиваешь, зачѣмъ я въ Ниццѣ, и выводишь догадки насчетъ сердечныхъ моихъ слабостей. Это, вѣрно, сказано тобой въ шутку, потому что *ты знаешь меня довольно* съ этой стороны" (VI, 66).

Достаточно внимательно прочитать нѣсколько писемъ Гоголя сряду въ разсматриваемую пору и сопоставить ихъ со словами Данилевскаго, чтобы довѣріе къ искренности словъ Гоголя о любви его къ неизвѣстной особѣ поколебалось. Въ письмѣ отъ 22 мая 1829 года Гоголь явно заботится подготовить Марью Ивановну къ убійственному для нея извѣстію о предстоящей продолжительной разлукѣ. Необходимость взять деньги изъ опекунскаго совѣта также могла не мало смущать Гоголя. Наконецъ, онъ просилъ и Данилевскаго съ своей стороны, насколько возможно, помочь ему подѣйствовать на мать. Замѣтивъ въ одномъ письмѣ, въ довольно загадочной формѣ, что „многое еще отъ него закрыто завѣсою", и что онъ „съ нетерпѣніемъ желаетъ вздернуть таинственный покровъ", онъ обѣщалъ извѣстить въ слѣдующій разъ „объ удачахъ или неудачахъ"... „Нынѣшнія извѣстія моего письма не будутъ слишкомъ утѣшительны. Мои надежды не выполнились" (начинаетъ онъ слѣдующее письмо, какъ будто возвращаясь къ обѣщанному сообщенію; по своему обыкновенію онъ подходитъ къ дѣлу издалека). „Все состояло въ томъ, что мои небольшія способности были призрѣны, и мнѣ представлялся прекрасный случай ѣхать въ чужіе края. Это путешествіе, сопряженное обыкновенно съ величайшими издержками, мнѣ ничего не стоило; все бы за меня было заплачено, и малѣйшія мои нужды во время пути долженствовали быть удовле-

творены". Послѣ этого слѣдуетъ сообщеніе, что „великодушный другъ скоропостижно умеръ" [1]). Но кто бы могъ быть такимъ великодушнымъ другомъ Гоголя въ совершенно чуждомъ городѣ? А. С. Данилевскій не слыхалъ отъ него ни о чемъ подобномъ. Въ пріемахъ, которыми Гоголь думалъ дѣйствовать на мать, есть что - то отроческое; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, кажется, зная хорошо натуру Марьи Ивановны, мало заботился о послѣдовательности въ своей тактикѣ, но старался больше о томъ, чтобы затронуть чувствительную струну ея материнскаго честолюбія. Разсчитывая этимъ способомъ убѣдить Марью Ивановну, онъ долженъ былъ перенестись на ея точку зрѣнія и заговорить понятнымъ ей языкомъ. Ей ли, которая жила всегда мечтой о томъ, что любимый сынъ прославится, сдѣлается знаменитостью и будетъ извѣстенъ лично государю, могло не польстить, что такъ скоро представился ему случай зарекомендовать себя, и что за достоинства его хотѣли взять заграницу!... Но разсказавъ о своей мнимой неудачѣ и словно переходя уже совершенно къ другому, Гоголь закидываетъ снова словечко о созрѣвавшемъ у него намѣреніи: „Итакъ, я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая рѣшенія еще нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ". Правда, онъ говоритъ, между прочимъ, что „ожидаетъ мѣста повыгоднѣе и поблагороднѣе"; но и здѣсь надежда на почетное и хлѣбное мѣсто была скорѣе во вкусѣ матери, державшейся обычныхъ тогда воззрѣній на службу, нежели уносившагося въ тридесятое государство мечтателя - сына. Но опять тотчасъ же дѣлается знаменательная оговорка: „ежели мнѣ и тамъ" (т.-е. на новомъ, выгодномъ мѣстѣ) „не повезетъ, если нужно будетъ употреблять много времени на глупыя занятія, то я слуга покорный" [2]). Прося у матери денегъ, онъ высказываетъ какъ будто надежду на лучшее устройство въ Петербургѣ („Дайте мнѣ еще нѣсколько времени укорениться здѣсь; тогда надѣюсь какъ-нибудь зажить состояніемъ"); но это показываетъ скорѣе неустойчивость въ его планахъ, нежели преднамѣренную хитрость, и потому онъ могъ немного позднѣе написать: „несмотря на свои неудачи, я рѣшился—въ угодность вамъ больше—служить здѣсь во что бы то ни стало" [3]).

[1]) „Соч. и письма Гоголя". т. V, стр. 83.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 85.

Онъ ли внушилъ Марьѣ Ивановнѣ богатыя надежды на Петербургъ передъ отправленіемъ туда изъ Васильевки, или тутъ дѣйствовали примѣры Гежилинскаго и другихъ—сказать трудно; но вѣроятно обѣ эти причины совпадали и притомъ были согласны съ обычнымъ идеализированіемъ провинціалами далекой, неизвѣстной столицы.

Всѣ указанные маневры имѣли, безъ сомнѣнія, значеніе только подготовительное. Наконецъ, наступило время поднять таинственную завѣсу. Но тутъ никакъ нельзя было обойтись безъ хитрости: сказать прямо, въ чемъ дѣло, значило бы убить мать. Здѣсь на помощь является реторика: „дрожащее въ рукахъ перо и мысли, налегающія тучами одна на другую“ [1]). Наконецъ, обходя прямое объясненіе причины своего рѣшенія, Гоголь ссылается на волю Всевышняго. Какъ у поэта, фантазія у него, быть можетъ, незамѣтно сливается здѣсь съ искреннимъ чувствомъ и вѣрованіемъ. Онъ говоритъ о „вѣчно неумолкаемыхъ желаніяхъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ него, претворивъ его въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта“ [2]). Въ послѣднихъ словахъ, несмотря на нѣкоторую искусственность слога, высказано то искреннее стремленіе къ высокой облагороженной цѣли въ жизни, которое въ сходномъ тонѣ и выраженіяхъ проявилось раньше въ письмахъ къ П. П. Косяровскому („Русск. Старина“, 1876, № 1). Наконецъ, онъ говоритъ прямо и, безъ сомнѣнія, искренно: „Богъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“ [3]). Здѣсь опять звучитъ та же нота, что и въ письмахъ къ дядѣ и къ товарищу Высоцкому.

Разсказавъ о страданіяхъ безнадежной любви, Гоголь не безъ натяжки усматриваетъ въ нихъ дѣйствіе „пекущейся о немъ невидимой десницы“ и прибавляетъ, что Богъ „благословилъ такъ давно назначаемый путь“ [4]). Зная любопытство

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, Стр. 84.
[2]) Стр. 85.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V. стр. 85.
[4]) Тамъ же, стр. 86.

своей матери и желая отклонить его напередъ, Гоголь умоляетъ ее: „ради Бога, не спрашивайте *ея* имени“ [1]). Между тѣмъ по возвращеніи изъ-за границы онъ позабылъ самъ о представленномъ прежде предлогѣ поѣздки и въ оправданіе придумалъ какую-то болѣзнь, отъ которой будто бы онъ долженъ былъ лѣчиться: „Я, кажется, и забылъ объявить главную причину, заставившую меня ѣхать именно въ Любекъ. Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ; теперь хоть и здоровъ, но у меня по всему лицу и рукамъ высыпала большая сыпь“ [2]). Эти его слова уже не на шутку перепугали Марью Ивановну и заставили ее сдѣлать невыгодное предположеніе; но, по словамъ А. С. Данилевскаго, никакой подобной болѣзни никогда и не было, да это и безъ того очевидно: цѣлью путешествія Гоголя былъ вовсе не Любекъ и даже никакъ не Гамбургъ; это были только первыя станціи на его предполагавшемся пути.

Но достаточно было очутиться Гоголю на морѣ, среди чуждыхъ людей, почувствовать тоску одиночества и жестокіе приступы морской болѣзни и испытать затрудненія отъ незнанія языковъ, какъ въ рѣшительную минуту, еще до отъѣзда, его охватилъ такой ужасъ, который тутъ же чуть не заставилъ его отказаться отъ путешествія. Представивъ себѣ возможность вѣчной разлуки съ матерью и любимыми товарищами, онъ содрогнулся (см. „Авторскую Исповѣдь“). Въ письмѣ къ матери съ дороги онъ уже сознался: „Теперь только, когда я, находясь одинъ посреди необозримыхъ волнъ, узналъ, что́ значитъ разлука съ вами, неоцѣненная маменька, въ эти торжественные, ужасные часы жизни, когда я бѣжалъ отъ самого себя и старался забыть все окружающее меня, мысль: *что́ я вамъ причиняю симъ*, тяжелымъ камнемъ налегла на душу, и напрасно старался я увѣрить самого себя, что я принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше!“

Когда дѣло было уже кончено и не нужно было измышлять мнимыя объясненія, Гоголь далъ матери еще третье и повидимому уже правдивое объясненіе своей фантастической поѣздки: „Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые по-

[1]) Тамъ же, стр. 86.
[2]) Тамъ же, стр. 90.

мыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко" (см. письмо отъ 24 сент. 1829 г. [1]). Это объясненіе согласно и съ „Авторскою Исповѣдью", въ которой нѣтъ ни слова ни о пылкой страсти, ни о болѣзни.

Извѣстенъ разсказъ Прокоповича о томъ, какъ онъ былъ изумленъ, неожиданно увидѣвъ въ своей квартирѣ возвратившагося изъ-за границы Гоголя съ лицомъ, закрытымъ руками. Не менѣе удивленъ былъ и А. С. Данилевскій, когда онъ, входя къ Прокоповичу, услышалъ звуки хорошо знакомаго голоса. Хотя, по собственнымъ словамъ его, онъ совершенно не вѣрилъ въ серьезность плана, составленнаго Гоголемъ, и предвидѣлъ его скорое возвращеніе, но все-таки никакъ не ожидалъ, что это случится такъ быстро.

„Фактическая сторона въ этомъ разсказѣ"—говоритъ авторъ статьи въ „Русской Жизни"—отличается неточностію, о причинахъ которой мы скажемъ сейчасъ нѣсколько словъ; но за то изъ него мы узнаемъ основную, психологическую (т. е. независѣвшую отъ текущихъ обстоятельствъ) причину его неожиданной поѣздки.

„Мнѣ всегда казалось", говоритъ Гоголь, „что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе, и что именно для службы моей отчизнѣ я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея.

„Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумался объ этомъ, но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ; картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Можетъ быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе", которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

„Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченье было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по

1) Тамъ же, стр. 95.

прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны.

„Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней внѣ ея. Едва только очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно; мнѣ сдѣлалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я всегда любилъ, что прежде, чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дня только я пробылъ въ чужихъ краяхъ и, не смотря на то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться“.

Такимъ образомъ, основнымъ психологическимъ мотивомъ поѣздки Гоголя было невольное поэтическое влеченье, созрѣвшее на почвѣ его поэтическаго воображенія и только поддержанное всѣми тѣми обстоятельствами, о которыхъ мы говорили въ предъидущей статьѣ (см. „Рус. Жизнь“, № 138). Что же касается до фактическихъ неточностей этого мѣста въ „Автор. Испов.“ Гоголя, то онѣ объясняются, по нашему мнѣнію, довольно просто. Гоголь говоритъ, что онъ уѣхалъ за-границу черезъ пять мѣсяцевъ по прибытіи въ Петербургъ, а въ дѣйствительности поѣздка эта произошла черезъ семь мѣсяцевъ. Очевидно, онъ не могъ точно вспомнить или того, въ какомъ мѣсяцѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, или того, въ какомъ мѣсяцѣ уѣхалъ за-границу. Помнилъ только, что пріѣхалъ въ Петербургъ зимою, а уѣхалъ за-границу лѣтомъ; поэтому и опредѣлилъ промежутокъ времени между этими двумя событіями приблизительно въ полгода. Что эта неточность произошла отъ простой и совершенно естественной забывчивости, доказывается тѣмъ, что Гоголь нѣсколько разъ мѣнялъ свое указаніе: сначала написалъ: „пріѣхавши въ Петербургъ“, потомъ поправилъ: „не прошло мѣсяца“ и уже наконецъ написалъ: „не прошло пяти мѣсяцевъ“ (Соч., Изд. 10, IV, 557). Такимъ образомъ, эта неточность объясняется довольно легко и не представляетъ особенной важности.

Гораздо интереснѣе, въ психологическомъ отношеніи, его показаніе, что онъ пробылъ за-границей только три дня, тогда какъ въ дѣйствительности онъ пробылъ тамъ (выключая время, проведенное имъ въ дорогѣ) приблизительно съ 13 авг. по 16 сент., т. е. съ небольшимъ мѣсяцъ (см. письма его къ матери 13 авг. и 24 сент., Кулишъ, V, 89 и 96). Очевидно, поѣздка эта оставила въ немъ впечатлѣніе чего-то быстраго, тревожнаго, промелькнувшаго въ его жизни въ одинъ моментъ.—А это прямо свидѣтельствуетъ о сильной, всего его поглотившей душевной тревогѣ, побуждавшей его ловить внѣшнія впечатлѣнія только для того, чтобы чѣмъ-нибудь занять себя и отвлечь свое вниманіе отъ мучительнаго душевнаго волненія, которое въ такихъ сильныхъ натурахъ, какъ Гоголь, можетъ заходить до невѣроятной степени напряженія".

V.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ПИСЕМЪ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ 1829—1830 ГОДА.

Переписка Гоголя съ матерью отъ 1829 года до 1831 г. все еще далеко не можетъ быть названа ни разнообразной по содержанію, ни богатой интересными для біографіи фактами. Въ этомъ отношеніи она пока представляетъ замѣтную противоположность съ послѣдующими годами его петербургской жизни, когда, сдѣлавшись человѣкомъ уже извѣстнымъ и составивъ себѣ опредѣленное положеніе, онъ вступилъ въ сферу болѣе широкихъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый кругъ его знакомства значительно увеличился. Неудивительно поэтому, что глава, посвященная г. Кулишемъ, указанному двухлѣтію, состоитъ изъ сплошныхъ выписокъ наиболѣе важныхъ мѣстъ съ прибавленіемъ къ нимъ лишь изрѣдка, главнымъ образомъ ради связи, короткихъ замѣчаній, наполняющихъ собою перерывы... Не менѣе ощутительною является крайняя скудость воспоминаній о Гоголѣ другихъ лицъ, касающихся этого времени, изъ которыхъ кромѣ небольшой замѣтки Мундта—въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1861 года, № 235 [1]), о попыткѣ Гоголя поступить въ актеры—можно указать единственно небольшую газетную статейку въ „Берегѣ“, свѣдѣнія которой почерпнуты авторомъ изъ разсказовъ товарища и сожителя Гоголя въ Петербургѣ, г. Пащенка, поселившагося въ первое время втроемъ съ Гоголемъ

[1]) Она была потомъ перепечатана въ „Новомъ Времени“.

и Данилевскимъ [1]). Несмотря на свое неточное заглавіе „Гоголь въ Нѣжинѣ“, статейка заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя воспоминанія и о послѣдующей его жизни. Далѣе можно указать замѣтку о службѣ Гоголя въ министерствѣ удѣловъ въ „Сборникѣ студентовъ с.-петербургскаго университета“ (1857 г., т. I), заслуживающую вниманія въ томъ отношеніи, что въ ней находится извлеченіе изъ оффиціальныхъ документовъ названнаго департамента. Наконецъ остаются нѣкоторыя мѣста изъ „Авторской Исповѣди“—и только!

Въ самыхъ письмахъ, большею частью значительныхъ по объему, много недомолвокъ и сообщеній настолько неясныхъ, что даже корреспондента Гоголя не разъ затруднялась удовлетворительнымъ пониманіемъ и, случалось, настаивала на болѣе подробномъ и обстоятельномъ разъясненіи того, о чемъ Гоголь упоминалъ сначала только мимоходомъ. Наконецъ положеніе Гоголя, неопредѣленное и неустановившееся, въ связи съ нѣсколько смутнымъ міросозерцаніемъ, служитъ немалымъ затрудненіемъ для разъясненія многихъ жившихъ въ немъ противорѣчій, оставшихся большею частью неясными для него самого въ продолженіе всей жизни. Въ разсматриваемое время Гоголь рѣшительно не зналъ, какъ распорядиться собою и къ чему себя пристроить. „Прежде, чѣмъ вступить на поприще писателя“ говоритъ онъ, „я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мною были поставлены“ [2]).

Важно, однако, то, что въ письмахъ разсѣяно не мало отдѣльныхъ намековъ и указаній, на которые необходимо обратить вниманіе, особенно въ виду соотвѣтствія ихъ съ разсказами г. Пащенка и собственными показаніями Гоголя, и, по

[1]) Впрочемъ въ письмахъ Гоголя и въ біографіи его г. Кулиша объ этомъ сожительствѣ не упоминается ни разу и даже по многимъ отрывочнымъ указаніямъ можно думать, что Гоголь жилъ только съ Данилевскимъ. Напримѣръ на стр. 80: „Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ Данилевскимъ, тогда еще ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что́ тогда платили пополамъ, за то самое плачу теперь одинъ». Впрочемъ А. С. Данилевскій говорилъ, что, быть можетъ, на короткое время, до прінсканія квартиры, присоединился къ нимъ и Пащенко и затѣмъ вскорѣ уѣхалъ.

[2]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV. стр. 250—251.

нашему мнѣнію, необходимо тщательно воспользоваться этими немногочисленными обрывками для цѣлей біографіи. Задача будущей полной біографіи должна заключаться, между прочимъ, въ опредѣленіи на основаніи столь скудныхъ источниковъ, что̀ можетъ быть выдѣлено и принято изъ показаній Гоголя въ его „Авторской Исповѣди“ за достовѣрное, что̀ было имъ дѣйствительно сознаваемо и правдиво передано, и что̀ явилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ мнѣній и нападокъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и заставившихъ его во многихъ отношеніяхъ посмотрѣть на себя и на свое прошедшее иначе, нежели онъ смотрѣлъ бы независимо отъ этой причины [1]). Особенное затрудненіе для изученія фактовъ въ данномъ случаѣ представляетъ туманность нѣкоторыхъ мѣстъ „Исповѣди“, явившаяся естественнымъ слѣдствіемъ туманности самыхъ воззрѣній автора, и та отличительная черта переписки Гоголя разсматриваемаго времени, благодаря которой онъ не любилъ преждевременно и притомъ въ опредѣленной формѣ сообщать о своихъ планахъ и предположеніяхъ, между прочимъ изъ опасенія возможныхъ неудачъ. А между тѣмъ въ разсматриваемые два года, особенно въ первый изъ нихъ, онъ дѣйствительно жилъ еще одними планами. „Наскучилъ я вамъ разсказами о себѣ“, говоритъ онъ однажды матери (письмо отъ 16 апрѣля 1831 года). „Человѣкъ, какъ, кажется, съ виду ни исполненъ самоотверженія, а всегда на дѣлѣ эгоистъ, всегда охотнѣе заговаривается о себѣ“ [2]). Сильно развитое самолюбіе, несомнѣнно, также часто не позволяло Гоголю ставить себя преждевременными извѣщеніями въ смѣшное или рискованное положеніе хотя бы даже передъ любимою матерью, и нельзя не согласиться, что, при его самомнѣніи и широкихъ замыслахъ, для такого опасенія не было

[1]) Ниже мы постараемся отчасти дать отвѣтъ на поставленные здѣсь вопросы. Можно также, напр., сомнѣваться въ справедливости (но не *искренности*) слѣдующихъ словъ Гоголя въ одномъ изъ подобныхъ сихъ писемъ, гдѣ Гоголь говорилъ, что еще въ юности, „если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: „объяснится потомъ“, шелъ далѣе своей дорогой, и точно Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ исполнялось само собой“. („Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 73). Не перенесены ли здѣсь привычки и взгляды зрѣлаго возраста на болѣе раннiй?

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 130.

недостатка въ основаніи. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ переписки, отчасти указаннымъ раньше, можно полагать, что и мать Гоголя мало была расположена выслушивать ничѣмъ не оправдываемыя мечтанія, въ чемъ ему приходилось убѣждаться и прежде, хотя она же позднѣе такъ легко поддавалась искушенію говорить объ извѣстности и дарованіяхъ своего кумира. Гоголь хорошо сознавалъ, что вполнѣ откровенное сознаніе въ занимавшихъ его мечтахъ многимъ, даже самымъ близкимъ и доброжелательнымъ людямъ, могло казаться неосновательнымъ хвастовствомъ; наконецъ онъ, можетъ быть, просто не любилъ распространяться о томъ, что̀ относилось къ области проектовъ, избѣгая лишнихъ разговоровъ. „Ежели для настоящаго пріобрѣтенія знаній", пишетъ онъ Петру Петровичу Косяровскому 8 сент. 1828 года—„не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще болѣе не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ". (Далѣе слѣдуетъ перечень извѣстныхъ ему ремеслъ). „А что̀ еще болѣе, за что̀ я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставляю, пока совершенно не кончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обезпечить васъ на счетъ моей будущей участи" [1]). Тѣмъ не менѣе эти слова все же чрезвычайно похожи на похвальбу... Были примѣры, что къ увѣреніямъ подобнаго рода мать относилась холодно; но какъ же было этого избѣгнуть помимо скрытности, при томъ высокомъ о себѣ мнѣніи, какое имѣлъ Гоголь? Впрочемъ, если въ письмахъ къ матери и проявляется такимъ образомъ сдержанность, а отчасти, и врожденная скромность нашего писателя, то она не даетъ намъ права, однако, относить это къ *личной* неоткровенности его къ матери, съ которой онъ всегда дѣлился своими задушевными мыслями и надеждами, но только сообщалъ о нихъ обыкновенно въ формѣ нѣсколько отвлеченной, такъ сказать, алгебраической, безъ точнаго указанія на имена и факты. Со временемъ, когда исходъ его предначертаній становился извѣстенъ, то онъ немедленно и ясно, хотя и коротко, сообщалъ о немъ матери. Мы увѣрены, что при внимательномъ вникании удалось бы постепенно разъяснить почти все,

[1]) „Русск. Стар.". 1876. I. 40.

что̀ въ эту пору особенно занимало его мысли. Едва ли усомнится въ нашихъ выводахъ тотъ, кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить ихъ, хотя бы при помощи бѣглаго пересмотра нѣсколькихъ писемъ, обративъ вниманіе на нѣкоторыя загадочныя выраженія въ непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ письмахъ, очевидная связь которыхъ предстала бы въ такомъ случаѣ съ достаточною наглядностью [1]). Надо помнить, что вообще опредѣленность и ясность непосредственно выступаютъ у Гоголя лишь тамъ, гдѣ онъ говоритъ о вещахъ обыкновенныхъ, о нуждахъ и просьбахъ, или описываетъ какую-нибудь мѣстность, городъ, гулянье. Остальныя части писемъ обыкновенно или проникнуты мистическими размышленіями о своей участи и о дѣйствіи Промысла, проявляющагося въ каждомъ шагѣ юноши и въ каждомъ выдающемся событіи его жизни, или состоятъ изъ лирическихъ изліяній въ изъявленіяхъ благодарности матери за ея постоянныя попеченія и въ заботахъ о ея настоящемъ и будущемъ.

Въ свою очередь, и мать Гоголя, отпустивъ его на чужбину, естественно, относится къ нему съ величайшею заботливостью. Къ сожалѣнію, она не была чужда извѣстныхъ недостатковъ, свойственныхъ многимъ любящимъ матерямъ. Свою попечительность она простирала нерѣдко до мелочей и, смотря на вещи съ своей точки зрѣнія, склонна была придавать значеніе многому, что̀ было ничтожнымъ въ глазахъ сына, и, наоборотъ, игнорировать или перетолковывать по своему, иногда въ непріятномъ для сына смыслѣ, то, что̀ составляло предметъ его особенныхъ увлеченій. Слѣды нѣкотораго взаимнаго непониманія встрѣчаются нерѣдко въ перепискѣ. Иногда, не удовлетворяясь слишкомъ короткими сообщеніями сына, мать требуетъ отъ него болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, и даже отчета, и Гоголь находитъ умѣстнымъ

[1]) Въ дѣльной рецензіи „Историческаго Вѣстника“ на мою книгу „Ученическіе годы Гоголя“ (1887 г., февраль), по поводу послѣднихъ моихъ словъ было замѣчено, что напрасно я отклонилъ отъ себя эту любопытную работу. Но, принявъ съ благодарностью всѣ другія указанія рецензіи (такъ, согласно справедливому желанію рецензента, мною были собраны потомъ всѣ возможныя, хотя все-таки скудныя свѣдѣнія объ отцѣ Гоголя), я долженъ объяснить, что мною сдѣлано то, что̀ пока возможно, тогда какъ въ будущемъ явится, можетъ быть, возможность дополнить этотъ матеріалъ новыми данными.

отвѣчать ей на запросы по пунктамъ, въ числѣ которыхъ оказываются между прочимъ свидѣтельствующіе о томъ, что ея любопытство простиралось часто на мелочи. Такъ она желаетъ не только знать о времени поступленія сына на службу въ департаментъ удѣловъ (даже объ этомъ Н. В. не сообщилъ ей раньше ничего опредѣленнаго), но и имена всѣхъ его начальниковъ, о чемъ Гоголь и доводитъ тотчасъ же до ея свѣдѣнія, ограничиваясь однимъ лишь голымъ перечнемъ именъ и не дѣлая никакихъ характеристикъ. Интересовалась ли мать его одною внѣшнею стороною дѣла, что̀ и вызвало съ его стороны подобный отвѣтъ, или, напротивъ, причиной такой странности была вина несообщительнаго сына, съ увѣренностью сказать трудно, но, повидимому, болѣе вѣроятно первое (см. письмо отъ 3 іюня 1830 г.) [1]). Марья Ивановна разстроивалась и озабочивалась совершенно безразличными вещами; невозможно было предвидѣть, что̀ ее встревожитъ, огорчитъ и обезпокоитъ. „Ваше благословеніе неотлучно со мною. Прошу только васъ не давать поселяться въ сердцѣ вашемъ безпокойству на счетъ меня. Въ письмѣ вашемъ между прочимъ вы безпокоитесь, что квартира моя на пятомъ этажѣ. Это здѣсь не значитъ ничего, и, вѣрьте, во мнѣ не производитъ ни малѣйшей усталости. Самъ государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ; напротивъ, вверху гораздо чище и здоровѣе воздухъ [2]) и потомъ прибавляетъ успокоеніе о начальникахъ, увѣряя, что они люди вполнѣ хорошіе и что онъ съ своей стороны ими также доволенъ. Вѣроятно, вслѣдствіе той же недостаточной сообщительности Гоголя, а также и по своей мнительной натурѣ Марья Ивановна была чрезвычайно склонна къ подозрѣніямъ и преувеличенію доходившихъ до нея извѣстій, при чемъ какъ-то слишкомъ легко вѣрила всякимъ слухамъ. То ей представится вдругъ безъ всякаго основанія мысль, что пасквильная статья, прочитанная ею въ журналѣ, написана ея любимымъ сыномъ, и она не стѣсняется тотчасъ высказать свое нелестное предположеніе, не обращая вниманія даже на то, что статья и подписана-то другимъ именемъ и что притомъ сынъ уже предупреждалъ ее, что въ присылаемой книжкѣ его статей нѣтъ;—

1) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 112.
2) Тамъ же, стр. 120.

то она готова вѣрить разсказамъ о невоздержномъ образѣ его жизни, о несоблюденіи имъ самыхъ простыхъ правилъ вѣжливости и проч. На такіе случаи проявленія ея подозрительности приходится наталкиваться довольно часто при чтеніи писемъ. (См. особенно письмо отъ 19 дек. 1830 г., цѣликомъ посвященное Гоголемъ вынужденнымъ оправданіямъ) [1]). Незаслуженная, или, по меньшей мѣрѣ, преувеличенная, недовѣрчивость матери иногда заставляетъ его оправдываться и тотчасъ послѣ этого вновь извиняться въ томъ, что его оправданіе походитъ будто бы на выговоръ, тогда какъ въ сущности оно чрезвычайно сдержанно и самое рѣзкое въ немъ составляютъ два - три довольно почтительныхъ и кроткихъ упрека. „Мнѣ больно то, что вы сами, маменька, обо мнѣ говорите худое?“ Или: „Не знаю, чѣмъ я утратилъ ваше ко мнѣ довѣріе; я вамъ говорилъ, что вы не встрѣтите въ присылаемомъ вамъ журналѣ ничего моего; вы мнѣ не повѣрили“) [2]).

По поводу этого считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующія строки изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи писемъ Марьи Ивановны Гоголь къ дядѣ Н. В. Гоголя, Петру Петровичу Косяровскому, отъ 11 іюля 1830 года: „Сынъ мой, слава Богу, здоровъ; я получила отъ него письмо скоро послѣ написанія къ вамъ. Я бы не воображала о немъ безпокоиться, но Авдотьи Степановны письмо („Леонтьевой, сосѣдки и короткой знакомой семейства Гоголей“), было написано въ такомъ странномъ родѣ, что испугало меня ужасно. Я знаю, что часто ему нельзя писать по причинѣ его многихъ занятій по должности и притомъ еще отвлеченныхъ, удовлетворяя своей страсти сочинять (sic!), хотя онъ хочетъ показать мнѣ, что необходимость заставляетъ его симъ заниматься, оттого, что трудно себя содержать однимъ жалованьемъ [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 122—125.

[2]) Впрочемъ и этимъ извиненіемъ Гоголь не ограничился; далѣе онъ прибавляетъ: „Но чувствую, что я заговорился много о пустякахъ, и мое оправданье походитъ даже нѣсколько на выговоръ. Простите, великодушная моя маменька, оскорбленному нѣкотораго рода самолюбію, которое таится у всякаго человѣка и заставляетъ его защищать себя отъ часто несправедливо возводимыхъ худыхъ качествъ“ и проч.—Кажется, самый взыскательный судья не могъ бы усмотрѣть въ приводимыхъ строкахъ признаковъ сыновней непочтительности.

[3]) Эти слова были вызваны, очевидно, слѣдующими выраженіями Н. В. въ

„Но тѣмъ онъ только хочетъ извинить свою склонность къ сему роду занятій. Мнѣ очень не нравится, что онъ себя такъ изнуряетъ, не имѣя времени къ отдохновенію, занимаясь по службѣ и не имѣя покоя дома. Но вижу точно большой даръ въ немъ къ сочиненію. Читаю ихъ, хотя они еще безъ подписи его имени—считаетъ еще недостойными подписывать. Онъ присылаетъ мнѣ одинъ изъ лучшихъ журналовъ, подъ названіемъ „Отечественныя Записки," который, онъ пишетъ, достается ему даромъ, потому что онъ помѣщаетъ тамъ свои статейки. Но всѣ онѣ безъ подписи, и я по однѣмъ догадкамъ только узнаю, что его: иныя малороссійскія, въ которыхъ помѣщены мужиковъ нашихъ имена и фамиліи, которыя онъ находилъ странными. При сихъ журналахъ прислалъ мнѣ и новый нравственный романъ, который, пишетъ, получилъ отъ самого сочинителя. Мнѣ любопытно было его узнать, но подписи не было, и по слогу заключаю, что долженъ быть его. и написала теперь ему, что излишняя уже скромность не подписать на немъ своего имени; не знаю, что̀ то онъ ко мнѣ будетъ отвѣчать. Романъ сей сочиненъ отлично, характеры выставлены чрезвычайно *и добродѣтель въ высокой степени*". Этотъ отрывокъ любопытенъ, какъ образчикъ наивныхъ сужденій матери Н. В. о первыхъ опытахъ сына. Предположеніе ея относительно выше упомянутаго романа и еще какой-то статьи, однакожъ, оказалось несправедливымъ и вызвало со стороны послѣдняго бурю негодованія.

Нѣсколько болѣе рѣзкое мѣсто встрѣчается въ одномъ письмѣ Гоголя 1832 года: „Еще слово о вашемъ письмѣ: ради Бога, не будьте такъ мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули въ мое письмо, вы бы увидѣли, что это было сказано совершенно не въ томъ смыслѣ, и вовсе не серьезно о томъ, что̀ вы имѣете причину скрывать отъ меня. Мнѣ, просто, было досадно на вашу забывчивость, и *чтобы отомстить вамъ и разсердить васъ*, я написалъ это" [1]). Если бы кому-нибудь попались на глаза однѣ эти строки, безъ связи съ контекстомъ, то они могли бы подать поводъ усомниться въ вѣр-

письмѣ къ матери отъ 3 іюня 1830 г.: „Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое" и проч. (См. „Письма Гоголя", т. V, стр. 114).

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 146.

ности освѣщенія фактовъ въ нашей группировкѣ отдѣльныхъ мѣстъ; но, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, достаточно справиться съ тѣмъ, о чемъ говоритъ Гоголь въ предшествующемъ письмѣ, гдѣ мы читаемъ слѣдующія строки: „Признаюсь, хотя бы мнѣ очень желалось знать званіе жениха сестры, откуда онъ, отчего живетъ въ нашихъ мѣстахъ, имя, по крайней мѣрѣ фамилію; но такъ какъ вы почитаете за нужное не объявлять мнѣ это, то я и не смѣю требовать, будучи твердо увѣренъ, что вы, вѣрно, имѣете на то основательныя причины“ [1]. Интересно знать, что увидѣла ужаснаго въ этихъ словахъ, „мать слабая, подобно всѣмъ матерямъ“, но нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что она, по извѣстной пословицѣ, „изъ мухи сдѣлала слона“ и что по временамъ она была скупа на важныя извѣстія не меньше сына, хотя бы это происходило отъ простой разсѣянности. При такой чрезмѣрной мнительности ея удивительно не то, что Гоголь не сообщалъ ей о своихъ планахъ съ полной ясностью, но удивительна скорѣе нѣкоторая его сыновняя довѣрчивость и извѣстная потребность обмѣна чувствъ, которая замѣтна на каждой страницѣ. Сдержанность и у него проявлялась до нѣкоторой степени и относилась преимущественно къ области тѣхъ мечтаній, которыя могли и не осуществиться, но въ остальномъ онъ былъ, кажется, вполнѣ откровененъ, и въ бесѣдахъ съ матерью у него вырываются-таки иногда и не совсѣмъ скромныя, но естественныя и извинительныя въ интимной перепискѣ увѣренія въ своей твердости и энергіи, качествахъ, которыми онъ, повидимому, гордился больше всего, какъ видно и изъ письма къ Петру Косяровскому. „Вы знаете, что я одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ“ [2]. Или въ письмѣ къ матери: „Чего не извѣдалъ я въ короткое время? Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ

[1]) Тамъ же, стр. 144. Рѣчь идетъ о предстоявшей свадьбѣ старшей сестры Гоголя, Марьи Васильевны, съ Павломъ Осиповичемъ Трушковскимъ, о которомъ см. въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, изд. I, стр. 60. Объ этомъ бракѣ Марья Ивановна извѣщала П. П. Косяровскаго въ слѣдующихъ строкахъ: „По волѣ Божіей у меня теперь перемѣна въ семействѣ: дочь моя, Машенька, вышла замужъ за уроженца краковскаго, служащаго въ Полтавѣ“.

[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 85.

имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горятъ во мнѣ стремленія — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства“ и проч... [1]).

Возвращаясь опять къ характеристикѣ отношеній Гоголя къ матери въ юности, отмѣтимъ еще однородные факты, чтобы имѣть право сдѣлать опредѣленный выводъ и отклонить отъ себя возможное обвиненіе въ пристрастномъ отношеніи къ нашему писателю. Мы видѣли раньше, что стоило Гоголю, еще бывши гимназистомъ, заикнуться о своихъ опасеніяхъ относительно предстоящаго экзамена, и матери уже представлялось, что все время школьнаго обученія для него пропало даромъ; то же самое было и теперь: едва только она узнала изъ письма о его болѣзни, какъ ей тотчасъ приходитъ на мысль, что его постигла именно самая мучительная и позорная болѣзнь, и она, не долго думая, рѣшается высказать ни на чемъ не основанное подозрѣніе. „Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ-будто я слышу проклятіе“ [2]), отвѣчалъ на это Гоголь. Неудивительно послѣ этого, что въ другой разъ по поводу безпокойства, вызваннаго сообщеніемъ о пораненіи руки стекломъ, Гоголь уже самъ успокоиваетъ мать. „До сихъ поръ не могу постичь, отчего произошло недоумѣніе и безпокойство, услышавши, что я обрѣзалъ стекломъ себѣ руку (еще бы ничего, если бы кинжаломъ, ножемъ или другимъ какимъ орудіемъ). Не представлялось ли вамъ, почтеннѣйшая маменька, что я гдѣ-нибудь на вакхической пирушкѣ, въ припадкѣ излишней веселости, вздумалъ поколотить рюмки и бутылки, или, чего добраго, не пожелалось ли мнѣ пролѣзть куда-нибудь въ окошко?“ [3]) Неудивительно также, что ему приходится наконецъ увѣрять, что „нравственность его въ бытность въ Петербургѣ была чище, нежели въ заведеніи и дома“.

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 127—128.
[2]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 95.
[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 127—128.

VI.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ Г-ЖИ БѢЛОЗЕРСКОЙ И Г-ЖИ ЧЕРНИЦКОЙ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ.

Подобные указаннымъ необдуманные упреки и обвиненія со стороны подозрительной матери подали впослѣдствіи поводъ къ рѣзкому и безпощадному осужденію Гоголя г-жей Бѣлозерской въ ея біографическомъ очеркѣ: „М. И. Гоголь" („Русская Стар.", 1887 г.). Разсматривая письма Гоголя къ матери, г-жа Бѣлозерская пришла къ заключенію, что онъ былъ бездушный эгоистъ, безъ стѣсненія и безъ благодарности пользовавшійся постоянно приносимыми для него матерью жертвами.

Нѣсколько позднѣе въ іюньской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" 1889 г., появился еще одинъ очеркъ, посвященный отношеніямъ Гоголя къ матери и принадлежащій перу г-жи Черницкой, пришедшей на основаніи тѣхъ же данныхъ, къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ и во всемъ винившей М. И. Гоголь. Свой трудъ г-жа Черницкая начинаетъ указаніемъ предшествующихъ статей по тому же предмету, которыя представляются ей болѣе или менѣе односторонними. Съ своей стороны она задается цѣлью исправить допущенныя въ нихъ неточности и дополнить пробѣлы. И дѣйствительно, ея добросовѣстный и самостоятельный очеркъ является далеко не лишнимъ въ ряду прочихъ. Главная заслуга статьи именно въ желаніи и умѣніи подойти къ вопросу безъ предвзятыхъ взглядовъ, которые такъ много вредятъ дѣлу изслѣдованія. Но, по нашему мнѣнію, г-жа Черницкая впрочемъ

не права единственно въ томъ, что, возражая противъ выводовъ г-жи Бѣлозерской, она остается на почвѣ суда надъ сыномъ и матерью, и энергически поднимая одну чашку вѣсовъ, естественно столь же сильно опускаетъ другую. Впечатлѣніе отъ чтенія сряду обѣихъ статей получилось бы приблизительно такое, какъ при слушаніи рѣчей прокурора и защитника, разсматривающихъ на судѣ права противныхъ сторонъ [1]). Читатель неожиданно оказывается въ роли присяжнаго. Но показанія слишкомъ противорѣчивы, и потому мнѣ кажется нелишнимъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ предыдущимъ главамъ, напечатаннымъ впервые въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстн.“ за 1889 г.,— чтобы разъяснить несогласія и исчерпать все относящееся къ данному вопросу.

Г-жа Черницкая чрезвычайно удачно группируетъ и разъясняетъ факты, касающіеся отношеній Гоголя къ матери. Припоминая свидѣтельства лицъ, знавшихъ семейную жизнь Маріи Ивановны, я могъ бы только подтвердить во многомъ согласіе ихъ съ ея статьей. Но необходимо показать, какія именно данныя должны были привести обѣихъ изслѣдовательницъ къ противоположнымъ выводамъ.

Припомнимъ, какія стороны характера Маріи Ивановны указаны г-жей Бѣлозерской на основаніи тщательнаго изученія ея переписки съ сыномъ и нѣкоторыми родственниками. Во-первыхъ, необычайная доброта Маріи Ивановны, ея готовность помогать близкимъ людямъ до самопожертвованія и въ высшей степени привлекательный и симпатичный характеръ; во-вторыхъ, ея страстная любовь къ сыну. Все это какъ нельзя больше подтверждается воспоминаніями лицъ, коротко знавшихъ Марію Ивановну, и не только подтверждается, но представляется даже въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ. Приведу нѣсколько отзывовъ. „Взглянувъ на Марью Ивановну и поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ“,—пишетъ С. Т. Аксаковъ, „можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, любящее, нѣжное существо, полное эстетическаго чувства съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора“ [2]). Г. Трахимовскій приводитъ

[1]) Ни сынъ, ни мать, (ни оставшіеся въ живыхъ ихъ родственники), конечно, не ожидали, что въ литературѣ впослѣдствіи возникнетъ изъ-за нихъ тяжба, о которой они сами никогда не думали.

[2]) «Русь», 1880, № 6, стр. 16. и «Руск. Арх.», 1890, VIII. 34—35.

трогательныя доказательства этой доброты [1]). Такою же безпредѣльно доброй изображаетъ ее г. Кулишъ въ письмахъ къ Н. А. Бѣлозерской [2]), также по личнымъ воспоминаніямъ. Покойный А. С. Данилевскій, ближайшій другъ Гоголя, и его семья, въ свою очередь, много разсказывали мнѣ о добротѣ Маріи Ивановны, какъ о фактѣ, не подлежащемъ никакому спору или сомнѣніямъ. Однимъ словомъ, одинаково симпатичной является Марья Ивановна во всѣхъ безъ исключенія личныхъ воспоминаніяхъ и во всѣхъ статьяхъ, гдѣ сколько-нибудь ея касалась рѣчь. Даже случайно встрѣченный мною лѣтъ семь тому назадъ бывшій ея крѣпостной вспомнилъ о ней со слезами на глазахъ: „добрая была барыня,—что́ и говорить! Ее всѣ любили. Такихъ ужъ теперь нѣтъ!... Жить у нихъ намъ было хорошо, не такъ, какъ прочимъ крѣпостнымъ! И теперь ее жалко!... Случалось, и нерѣдко, что добротой Марьи Ивановны злоупотребляли, но она принадлежала къ числу тѣхъ личностей, которыхъ въ этомъ отношеніи никогда никакой опытъ не научаетъ, и всегда оставалась доброй, радушной и гостепріимной помѣщицей, какой ее рисуютъ воспоминанія Кулиша, Трахимовскаго и Данилевскихъ.

Спрашивается: могла ли Марья Ивановна быть невнимательной и безучастной къ тому самому единственному сыну, котораго, по общимъ отзывамъ, „любила до обожанія?“ Ея любовь къ Никошѣ была любовь страстная, пламенная и, пожалуй, безумная. Однажды, по поводу моего вопроса о письмѣ, въ которомъ Гоголь безъ стѣсненія выражаетъ досаду на мать за споры съ сосѣдями о его литературномъ значеніи, А. С. Данилевскій между прочимъ замѣтилъ: „Да вѣдь надо знать, какъ она всегда говорила о сынѣ. Она говорила о немъ съ гордостью любящей и счастливой матери, съ восторгомъ, со страстью, и, при всей безпредѣльной добротѣ, готова была за малѣйшее слово о немъ поссориться съ каждымъ“. Въ обожаніи сына Марья Ивановна положительно доходила до Геркулесовскихъ столповъ, приписывая ему всѣ новѣйшія изобрѣтенія (пароходы, желѣзныя дороги) и, къ величайшей досадѣ сына, разсказывая объ этомъ всѣмъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Разубѣдить ее не могли бы никакія силы...

[1]) «Русская Старина», 1888, VII, 34—35.

[2]) «Русская Старина». 1887, 3, 707—709.

Посмотримъ теперь, какъ, по устраненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, неизбѣжныхъ при сужденіи о вопросѣ по отрывочнымъ даннымъ, могутъ быть, согласно съ другими показаніями, примирены противорѣчивыя заключенія г-жи Черницкой и г-жи Бѣлозерской.

Г-жа Черницкая, вѣроятно, согласится съ нами, что если Марья Ивановна не высылала сыну на книги, когда онъ былъ гимназистомъ, то это всего убѣдительнѣе объясняется степенью ея образованія: въ вопросѣ о необходимости или пользѣ выписываемыхъ сыномъ книгъ она судьей быть не могла; но намъ извѣстенъ ея взглядъ, что любовь къ книгамъ хотя и похвальна, можетъ быть вредна, когда обратится въ страсть; что обязанность хорошей матери за это сдѣлать „репримандъ". Вѣдь это такое же проявленіе добродушной наивности, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, она считала необходимымъ воспитательнымъ пріемомъ „писать Николенькѣ по нѣскольку листовъ морали" [1]), или упрашивала А. А. Трощинскаго удостоить съ своей стороны Никошу строгихъ поученій, потому что они вмѣстѣ съ ея собственными „моралями" долженствовали сдѣлать изъ Гоголя „истиннаго христіанина и добраго гражданина" [2]). Г-жа Черницкая выражаетъ недоумѣніе, почему въ статьѣ г. Трахимовскаго не разъяснено, чтó побуждало Марью Ивановну такъ мало помогать сыну деньгами; но у нея ихъ не было, и притомъ Марья Ивановна весь вѣкъ прожила почти безвыѣздно въ деревнѣ, вслѣдствіе чего имѣла самое смутное представленіе о трудностяхъ городской жизни вообще, не говоря уже о петербургской или, напр., заграничной. Даже то, что Марья Ивановна повѣрила первому сплетнику относительно мнимаго мотовства сына, принимавшаго у себя товарищей-нѣжинцевъ, у которыхъ онъ и самъ часто бывалъ, вполнѣ объясняется ея подозрительностью; но что расходы сына могли ей вообще представляться огромными, согласится каждый житель столицы, которому случалось встрѣчать въ провинціалахъ непобѣдимое недовѣріе къ факту столичной дороговизны. Наоборотъ, г-жа Бѣлозерская особенно настаиваетъ на готовности Марьи Ивановны приносить для сына жертвы. При-

[1]) «Указатель къ письмамъ Гоголя», 1 изд., стр. 77.
[2]) «Русская Старина». 1882, № 6.

чиной такого взгляда служатъ, конечно, частыя выраженія благодарности Гоголя матери за все, чтò она для него сдѣлала. Итакъ готовность Марьи Ивановны приносить жертвы для сына не подлежитъ сомнѣнію; но могла ли она приносить ихъ одну за другой—большой вопросъ. Въ дѣйствительности она ихъ не могла приносить, какъ убѣдительно разъяснилъ г. Трахимовскій, и по самой простой и черезчуръ прозаичной причинѣ: наличныя деньги рѣдко водились у Марьи Ивановны. Именно этому обстоятельству, думается намъ, мало придано значенія какъ г-жей Бѣлозерской, такъ и г-жей Черницкой, а между тѣмъ оно-то намъ все и разъясняетъ. Затрата нѣсколькихъ тысячъ на построеніе церкви этому нисколько не противорѣчитъ: постройка была гораздо раньше, при жизни ея мужа, да на это богоугодное дѣло она могла бы, не противорѣча себѣ, не пожалѣть денегъ, если бы онѣ были нужны даже сыну. Что она при случаѣ щедро раздавала деньги роднымъ и знакомымъ, опять легко объясняется и при любви ея къ нуждающемуся сыну и при собственной нуждѣ; да кто же не знаетъ людей съ подобными ей натурами, которые потому и бѣдны, что при ихъ добротѣ копѣйка не можетъ у нихъ удержаться?! Съ другой стороны и Гоголь долго не могъ понять и оцѣнить всего, чтò для него дѣлалось. Такъ мы находимъ слѣдующее справедливое замѣчаніе объ этомъ, въ „Русской Жизни", 1891 г., № 66:

Постепенно „болѣе близкое ознакомленіе его съ практической стороной жизни показало ему и оборотную сторону медали, натолкнуло его на вопросы, о которыхъ онъ до тѣхъ поръ не думалъ. Привыкнувъ къ тому, что всѣ его просьбы, соединенныя съ значительными, иногда, расходами (на платье, на краски, картины, книги, музыку) безпрекословно исполнялись, онъ вовсе не задумывался надъ вопросомъ: какъ это дѣлается и откуда все это берется. Смерть отца прямо поставила его лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Мало-по-малу ему стало ясно, что они вовсе не обладаютъ такими средствами, какъ онъ думалъ. Онъ понялъ, какихъ хлопотъ и заботъ, сколькихъ огорченій и, подчасъ, горя стоитъ матери его каждый рубль, высылаемый ему по первому его требованію и истрачиваемый имъ не на одни только книги и картины, но и на франтовство, на разные фраки, сертучки, галстухи, подтяжки, платочки (Кулишъ, V, 30, 33, 42, 54,

60, 64). Вслѣдствіе такого „открытія“ онъ уже перестаетъ безпечно писать матери: пришлите денегъ на то-то и на то-то, а пишетъ свои просьбы о деньгахъ уже съ оговорками“.

Но всего важнѣе то, что г-жѣ Бѣлозерской по отрывкамъ изъ переписки не могли быть извѣстны болѣзненная мечтательность и подозрительность Марьи Ивановны. Судя о ней, какъ о часто встрѣчающемся типѣ, она не имѣла даже данныхъ для предположенія, что въ характерѣ ея героини крылись весьма крупныя и оригинальныя особенности. Объ этомъ тѣмъ менѣе возможно было догадаться по письмамъ, что въ нихъ, повидимому, совершенно ясно раскрывается ея душа, что̀ и въ самомъ дѣлѣ справедливо. И вѣдь указанныя нами особенности ея характера отразились въ перепискѣ; но, какъ нарочно, въ изданіи г. Кулиша письма Гоголя къ матери напечатаны съ пропусками, а пропущены именно тѣ мѣста, въ которыхъ эта черта выступаетъ ярче, пропущены по самой понятной и уважительной, при жизни Марьи Ивановны, причинѣ [1]). Наконецъ безъ сравненія съ отзывами людей, лично знавшихъ Марью Ивановну, черты эти легко могли ускользнуть отъ вниманія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ сохранила напечатанная переписка. Въ брошюрѣ „Ученическіе годы Гоголя“ я отчасти отмѣтилъ подозрительность Марьи Ивановны, но я далеко не угадывалъ тѣхъ размѣровъ ея, о которыхъ мнѣ пришлось послѣ неоднократно слышать... Наконецъ, мы узнаемъ весьма важное свѣдѣніе въ статьѣ г. Трахимовскаго,—что въ минуты грусти Марья Ивановна склонна была страшно преувеличивать нужду, бѣдность, горе, предаваться мрачнымъ мыслямъ. Мнѣ кажется, что все это совершенно необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній Гоголя и его матери.

Остановлюсь еще на двухъ-трехъ частностяхъ. Не зная причудливаго характера Марьи Ивановны, г-жа Бѣлозерская придала черезчуръ большое значеніе такимъ ея выраженіямъ, какъ напр., что Гоголь „себя возвысилъ, а ее унизилъ“.— „Однимъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ“,—говоритъ г-жа Бѣлозерская,—„онъ настолько задѣлъ ее (мать), что она уви-

[1]) Каждый можетъ въ этомъ легко убѣдиться по отрывкамъ и письмамъ, приведеннымъ мною въ статьѣ «Родители Гоголя» въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1889 г., которые воспроизводятся ниже.

дѣла въ его словахъ незаслуженные упреки себѣ и дала ему это почувствовать“ [1]). Но перечитывая предшествующее письмо [2]), можно легко убѣдиться, что въ немъ-то именно Гоголь высказалъ недовольство по поводу споровъ Марьи Ивановны за литературную репутацію, и это, по нашему мнѣнію, были упреки вполнѣ заслуженные. Притомъ выраженіе „дала ему почувствовать“ невѣрно характеризуетъ Марью Ивановну женщиной долго сдерживавшей себя и, наконецъ, тонко и деликатно высказавшейся. До насъ не дошло это письмо Марьи Ивановны, но обыкновенно она была куда далека отъ политики и дипломатіи; каждая строчка ея письма и все ею писанное взятое вмѣстѣ, вполнѣ убѣждаютъ, что она всегда говорила просто, что было на душѣ, а если на душѣ было тяжело, то многое и преувеличивала.—Говоря о недостаточныхъ успѣхахъ Гоголя въ гимназіи, г-жа Бѣлозерская съ излишней суровостью замѣчаетъ, что онъ „не хотѣлъ оставить матери и того утѣшенія, что сдѣланныя ею непосильныя (?) затраты для его содержанія въ гимназіи принесли дѣйствительную пользу“ [3]); также покойный О. Ѳ. Миллеръ иронически называетъ „реторикой въ трагическомъ вкусѣ“ тѣ строки, въ которыхъ Гоголь оправдываетъ себя въ лѣности, передъ матерью. Но это слишкомъ строго: неужели естественное и простительное желаніе школьника оправдаться есть уже позорное лицемѣріе сознательнаго плута! [4]) Мы, конечно, не повѣримъ Гоголю-юношѣ, какъ вѣрила его мать, что онъ не получилъ при выходѣ изъ гимназіи 12 класса будто бы потому, что „не хотѣлъ ласкаться къ наставникамъ“— это ужъ вполнѣ типическая школьная жалоба на „несправедливость людскую“—но жестоко тутъ было бы видѣть испорченность и злое лицемѣріе.

Возвращаемся еще разъ къ статьѣ г-жи Черницкой, чтобы прибавить, что она чрезвычайно полезна и поучительна, показывая наглядно, какъ одностороннiи ходячія предубѣжденія противъ великаго писателя и какъ часто дѣлаются незаслуженные и жестокіе упреки людямъ, память которыхъ должна быть особенно дорога. Съ печатнымъ укоромъ и обви-

[1]) «Русская Старина», 1887, 3, 695, примѣч. 3-е.
[2]) Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 350.
[3]) «Русская Старина», 1887, 3, 680.
[4]) „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 75.

неніемъ слѣдовало бы вообще быть гораздо осмотрительнѣе. Напротивъ, особеннаго сочувствія заслуживаетъ умѣніе отнестись къ дѣлу просто и правдиво, безъ всякаго предубѣжденія, какъ съумѣла совершенно вскользь, мимоходомъ, отнестись къ самому больному пункту въ біографіи Гоголя г-жа Черницкая: „Прибѣгая съ готовностью на помощь другимъ",— говоритъ она,—„самъ Николай Васильевичъ часто бѣдствовалъ. Его существованіе было весьма неопредѣленно, такъ какъ онъ жилъ исключительно на деньги, выручаемыя отъ продажи сочиненій. Служебнаго мѣста, о которомъ онъ мечталъ, Гоголь не добился, а къ педагогической дѣятельности, за которую брался, былъ совсѣмъ неспособенъ" [1]). Эти слова, очевидно, сказаны отнюдь не въ упрекъ Гоголю, но и чужды панегирическаго отношенія къ дѣлу; въ нихъ выражается просто искреннее, человѣческое участіе къ „неопредѣленному положенію" писателя, которое дѣйствительно было главнымъ несчастіемъ его жизни и не разъ давало поводъ къ ядовитымъ, но несправедливымъ и поверхностнымъ обвиненіямъ Гоголя. Надо помнить, что строгіе судьи иногда слишкомъ скоро готовы все опорочить, но жестоко и невеликодушно безъ самыхъ вѣскихъ причинъ отягощать память умершихъ. Пусть біографическіе вопросы обсуждаются свободно съ разныхъ сторонъ; пусть даже они будутъ иной разъ разбираться строго и ошибочно. Чѣмъ больше безпристрастныхъ обсужденій, тѣмъ полнѣе и легче раскроется истина. Не въ этомъ слѣдуетъ видѣть оскорбленіе памяти писателя. Маскировать имена, откладывать разъясненія, бояться критики не слѣдуетъ. Но нельзя судить дѣятелей прошлаго съ суровостью яко бы безупречнаго пушкинскаго Анджело. Иначе геніальный писатель или другой историческій дѣятель, несмотря на воздвигаемый ему памятникъ, оказывается по недоразумѣнію въ положеніи привязаннаго къ позорному столбу преступника, надъ которымъ торжественно совершается публичная казнь. Такое отношеніе имѣло въ свое время raison d'être; но теперь, кажется, пора отрѣшиться отъ крайностей и не отказывать людямъ, составляющимъ гордость страны въ той справедливости, въ которой никто не рѣшится отказать на судѣ въ качествѣ присяжнаго самому злому преступнику.

[1]) «Историч. Вѣстникъ», 1889, 6, 678.

VII.

ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ ВЪ ЗРѢЛЫЕ ГОДЫ.

Такъ какъ личность Марьи Ивановны Гоголь всего болѣе интересна для насъ по отношеніямъ ея къ сыну, то на нихъ мы и остановимся подробнѣе и предложимъ съ своей стороны краткое объясненіе этихъ отношеній. Для этой цѣли намъ необходимо будетъ заглянуть нѣсколько впередъ, чтобы какъ можно меньше возвращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи къ характеристикѣ щекотливыхъ семейныхъ отношеній. Позднѣе мы будемъ касаться ихъ лишь по необходимости, и притомъ въ самомъ краткомъ и сжатомъ видѣ.—Еще въ раннемъ дѣтствѣ Никоша былъ кумиромъ матери; по смерти мужа она перенесла на него всю нѣжность любящей души. Еще когда онъ учился въ Нѣжинѣ, письма его торжественно читались всей семьей и пересказывались роднымъ и знакомымъ... По содержанію этихъ и послѣдующихъ писемъ мы и можемъ судить объ отношеніяхъ сына къ матери.

Вникая подробно въ семейную переписку Гоголя, мы можемъ раздѣлить ее на два періода, которые разграничиваются приблизительно 1839 годомъ. Сначала письма его дышатъ свѣжестью и веселостью человѣка, полнаго жизни, отдавшагося всей душой наслажденію прелестями роскошной природы юга Европы, которыя, несомнѣнно, должны были сильно возбуждать его поэтическое воображеніе. О нихъ онъ пишетъ съ увлеченіемъ матери и даже дѣвочкамъ, своимъ сестрамъ. Онъ отъ души жалѣлъ, что мать его не можетъ наслаждаться этими

чудными картинами. „Очень жаль", пишетъ онъ, „что вы не можете видѣть этого. Когда-нибудь подъ старость лѣтъ, когда поправятся и ваши и мои обстоятельства, отправимся вмѣстѣ поглядѣть на это". (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, 269). И сестрамъ пишетъ то же: „Можетъ быть, когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія". Онъ безгранично восхищался тогда Италіей, Римомъ, San-Pietro, Monte Pincio и проч.: „Здѣсь все почти деревья вѣчно зеленѣющія, не роняющія во время зимы листьевъ. Я успѣлъ осмотрѣть только часть древностей и развалинъ, которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. Я не смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станетъ на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками и картинами" (V, 287 стр.), передаетъ Гоголь матери свой восторгъ по въѣздѣ въ Италію. Вскорѣ послѣ этого съ такимъ же увлеченіемъ онъ описываетъ Римъ сестрамъ: „Иногда возлѣ новаго дома стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при Августѣ, вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрыта развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плющемъ, и на нихъ растутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны" и проч. (V, 312 стр.). Сходныя восторженныя описанія Рима и Италіи мы находимъ и въ письмахъ къ Погодину и Плетневу.

Это было время молодого, восторженнаго увлеченія, когда за наслажденіемъ чудесами природы и искусства забывалось все остальное. Но съ другой стороны это было также время отчасти эгоистическаго пользованья жизнью, оправдываемаго Гоголемъ въ собственныхъ глазахъ и передъ другими болѣзнью, отъ которой лѣчился. Онъ, конечно, и сознавалъ это; онъ кается матери: „Я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствіе моей матери, я былъ причиной измѣненія ея прежняго свѣтлаго характера. Словомъ, я не исполнилъ первой обязанности сына. Мнѣ только въ утѣшеніе оставалось оправ-

даніе,—что я тоже не рожденъ былъ хозяиномъ, что я не могъ, не пріобрѣвши имени, заняться самому хозяйствомъ, принять на себя всѣ обязанности попечителя всей нашей фамиліи и жить въ деревнѣ, но я хотѣлъ потомъ вознаградить все" и проч. (Соч. Гоголя, изд. Кул., т. V, стр. 362). Гоголь чувствовалъ какъ бы нѣкоторую вину передъ семьей, но въ чаду увлеченія едва-ли много думалъ о досадныхъ практическихъ вопросахъ и отъ всей души, столь воспріимчивой къ изящному, продолжалъ наслаждаться. Было бы безсмысленно принимать на себя роль адвоката и доказывать, что Гоголь былъ во всемъ правъ въ отношеніяхъ къ матери, когда онъ самъ признаетъ вину, которая отчасти и была на немъ, если примѣнять къ нему со всѣмъ ригоризмомъ требованія моралистовъ. Но найти исходъ своимъ геніальнымъ силамъ и пріобрѣсти имя составляло для него главную задачу жизни, по крайней мѣрѣ, въ молодости; безъ славнаго имени ему самая жизнь казалась безсмысленной и невозможной. Еще въ дѣтствѣ онъ говорилъ: „быть въ мірѣ и не означить своего существованія для меня была мысль ужасная". Это былъ именно тотъ пунктъ, которымъ онъ не въ силахъ былъ поступиться, если бы даже пожертвовалъ всѣмъ. Да и странно было бы представить себѣ Гоголя мирнымъ помѣщикомъ. Къ счастію, онъ не повторилъ ошибки своего отца.

Съ своей стороны Гоголь не переставалъ интересоваться дѣлами матери и давалъ ей совѣты въ затрудненіяхъ. Онъ питалъ даже надежду помогать ей матеріально, но по безпечности и собственному безденежью ограничивался преимущественно обѣщаніями. При этомъ онъ успокоивалъ мать, говоря: „Ради Бога, отгоняйте отъ себя всякое горе. Мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе: въ будущемъ я ничего не предвижу для себя, кромѣ хорошаго" (V т., 120 стр.). Часто онъ давалъ матери практическіе совѣты и, зная ея довѣрчивость, предостерегалъ отъ обмановъ: „Опасайтесь какъ можно болѣе людей, которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ, особенно, если они успѣли запятнать себя дурными поступками, мотовствомъ и совершеннымъ незнаніемъ хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость [1]) (V т., 130 стр.). Подобныя же предостере-

[1]) Самого Гоголя не разъ упрекали въ хвастливости. Указывали слѣдую-

женія читаемъ особенно по поводу розовыхъ надеждъ, которыя Марья Ивановна, увлеченная фантастическимъ планомъ своего зятя, П. О. Трушковскаго, возлагала на свою кожевенную фабрику: „Для меня удивительно одно въ нашей фабрикѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10,000 паръ сапоговъ и рѣшается ихъ сдѣлать въ одинъ годъ? Кто за него будетъ работать? Неужели невидимая сила?!“ (см. V т., 170 и 180 стр.). Но Гоголь, все-таки, черезчуръ полагался въ этомъ дѣлѣ на мнимую опытность матери: „Я увѣренъ, что все, что̀ вы ни дѣлаете, дѣлаете, посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, которое всегда васъ выручало“ (V т., 191 стр.). Однако, Гоголь предугадывалъ конецъ этихъ иллюзій. „Развѣ этого не можетъ случиться“, пишетъ онъ, „что фабрикантъ, взявши деньги, вдругъ вздумаетъ улизнуть!“ (V т., 200 стр.). Такъ дѣйствительно и случилось. Намъ кажется, что Гоголь былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ передъ матерью излишней деликатностью. „Я бы не совѣтовалъ вамъ давать знать фабриканту, что вы ему ни въ чемъ не вѣрите, но растолковать ему хорошенько все дѣло, обходиться съ нимъ ласково, короче сказать, держать его въ рукахъ, но не давать ему этого разумѣть, что вы держите его въ рукахъ. Впрочемъ, я, позабывшись, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете“. Можетъ быть, въ столь серьезномъ дѣлѣ Гоголь долженъ былъ говорить ради пользы своей не практичной матери болѣе твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Впрочемъ, онъ лишь гораздо позднѣе ясно замѣтилъ въ характерѣ своей матери вредившую ей наклонность къ мечтательности и фантастическимъ планамъ, которая все болѣе ею овладѣвала.

щія мѣста: „Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ“ (V т., 129 стр.). „Книга моя понравилась здѣсь всѣмъ, начиная съ государыни“ (V т., 134 стр.). Укажемъ еще слѣдующій примѣръ: „Я повторяю снова: не безпокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слишкомъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. *Одного молодца вы ужъ совершенно пристроили.* Онъ вамъ больше ужъ ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать отъ него, можетъ быть, и проценты“. Итакъ эта черта была отчасти въ характерѣ Гоголя, но мы не видимъ еще ничего постыднаго въ томъ, что раза два или три она промелькнула въ его перепискѣ.

Въ одномъ письмѣ Гоголя мы находимъ весьма мѣткую характеристику матери въ занимающемъ насъ отношеніи; такъ какъ оно напечатано въ изданіи Кулиша съ большими пропусками, то мы позволимъ себѣ возстановить его въ полномъ видѣ. Письмо отъ 10-го ноября 1835 года (ср. изд. Кулиша, V т., 245 стр.). „Я получилъ ваши оба письма почти вдругъ одно послѣ другого. Одно меня порадовало потому, что я видѣлъ изъ него, что вы веселы, а другое не нравилось мнѣ, потому что изъ него видно, что вы были скучны, и въ печальномъ расположеніи духа. Я долженъ съ горестью замѣтить вамъ, маменька, что вы, чѣмъ далѣе, теряете ясность и спокойствіе духа. Васъ тревожатъ всякія мелочи. Вы ищете непремѣнно предчувствій. Предзнаменованіямъ вы начинаете вѣрить и самымъ пустымъ примѣтамъ. Однимъ словомъ, вы живете въ какомъ-то собственномъ мірѣ. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны рѣшительно ни къ чему. Ради Бога, маменька, ищите больше обществъ, развлекайте себя; вы даже пишете мнѣ о своихъ снахъ. Помилуйте, маменька: мало ли какой чепухи снится намъ; да если мы будемъ обо всемъ вздорѣ думать, такъ у насъ поневолѣ голова пойдетъ кругомъ. Вы пишете, что очень странный сонъ вамъ видѣлся. Да, когда же сны не бываютъ странные! Мнѣ прежде снилась такая дичь, что вѣрно въ пятьсотъ разъ болѣе страшная... Сонъ есть отраженіе нашихъ безпорядочныхъ мыслей, то̀, что мы думаемъ, что̀ насъ занимаетъ, намъ видится и во снѣ, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вамъ объясню вашъ сонъ. Вы поставили себѣ идею, что я окруженъ такими-то друзьями; а такъ какъ вы любите сейчасъ ваше предположеніе утверждать, стоять за него горою и уже никто васъ не переувѣритъ, то вы уже потомъ идете дальше и дальше въ мысляхъ, — что эти друзья меня обманываютъ и проч. и проч., что̀ вы, помнится мнѣ, часто говорили, хотя, признаюсь, мнѣ совершенно были непонятны слова ваши, что вамъ приснилось, что я говорю вамъ: „вотъ что̀ надѣлали мнѣ друзья!“ А часы явились вамъ, какъ воспоминаніе, которое иногда вдругъ приходитъ къ намъ во снѣ, иногда изъ самыхъ временъ дѣтства, и о которыхъ мы совсѣмъ не думали... Вотъ вамъ съ идеей о мнѣ вспомнились и тѣ часы, о которыхъ я писалъ вамъ изъ Любека, что когда бьетъ на

нихъ 12 часовъ, показывается 12 человѣческихъ фигуръ. При этомъ, можетъ быть, вы часто думали о моемъ будущемъ путешествіи по Европѣ и вотъ вмѣстѣ съ этимъ что-нибудь взбрело вамъ на умъ и о моемъ прежнемъ пребываніи заграницей. Итакъ вы видите, маменька, что сонъ есть больше ничего, какъ безсвязные отрывки, не имѣющіе смысла, изъ того, что мы думали, и потомъ склеившіеся вмѣстѣ и составившіе винегретъ... Сдѣлайте милость, пожалѣйте всѣхъ насъ, маменька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, какъ вы были веселы и съ вами не скучно было быть вмѣстѣ никому. Мы всѣ здѣсь здоровы. Сестры растутъ, и учатся, и играютъ. Я тоже надѣюсь кое-что получить пріятное. Итакъ не болѣе, какъ годка черезъ два, я приду въ такую возможность, что, можетъ быть, приглашу васъ въ Петербургъ посмотрѣть на нихъ, а до того времени нечего досадовать. Истинный и добрый христіанинъ никогда не бываетъ суевѣренъ и не вѣритъ пустякамъ...“ (Остальную часть письма не приводимъ, такъ какъ она напечатана уже въ изданіи Кулиша [1]).

Иногда Гоголь говорилъ съ матерью рѣзкимъ, раздражительнымъ тономъ, но это составляло исключеніе, а не общее правило. Напротивъ, общій тонъ писемъ былъ всегда самый дружескій, любящій. Приведемъ, однако, два-три примѣра рѣзкости, чтобы объяснить себѣ ихъ причину и разсмотрѣть, чѣмъ онѣ были вызваны.

„Мнѣ было смѣшно нѣсколько“,—писалъ онъ,—„когда я добрался до того мѣста письма, гдѣ поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ, вы будете отвѣчать: „Я не могу быть судьей его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать; но я могу сказать только, что онъ добрый, любящій меня сынъ, и съ меня довольно“. И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ нимъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ

[1]) Для характеристики Марьи Ивановны важно было бы привести еще письмо отъ 12-го марта 1839 г., но чтобы не нагромождать выписокъ, отсылаемъ интересующихся къ изданію Кулиша (V т., 361—363 стр.).

матери есть лучшая репутація человѣку, какую онъ только можетъ имѣть. Родители же, которые хвалятся сочиненіями сыновей, чрезвычайно наивны и смѣшны въ своей наивности. Я зналъ нѣкоторыхъ, которые мнѣ были очень смѣшны" и проч.

Въ другой разъ онъ писалъ:

„Вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ и думаете, что я непремѣнно и чинъ долженъ получить выше. Ничуть не бывало: я все тѣмъ же, чѣмъ и былъ, т. е. коллежскимъ асессоромъ, и ничего болѣе. Если бы я имѣлъ какую-нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, вѣрно бы не упустилъ этимъ воспользоваться; я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ. Но мнѣ нельзя вамъ этого растолковать".

Какъ видимъ, этотъ раздражительный тонъ являлся тогда, когда Гоголю приходилось упрекать мать за ея слабость гордиться его славой, какъ писателя, или успѣхами по службѣ, какъ чиновника. Но эта слабость была дѣйствительно въ характерѣ Марьи Ивановны. Гоголю непріятно было знать, что мать хвалила передъ завистливыми и непонимающими сосѣдями его сочиненія и съ жаромъ спорила, отстаивая его литературную репутацію. Сосѣдямъ могло быть больно и обидно, особенно сосѣдкамъ-матерямъ, когда Марья Ивановна съ гордостью и жаромъ увлеченія говорила о сынѣ [1]).

Мы знаемъ, что симпатичнѣйшая мать Гоголя была невозможной мечтательницей, что̀ могло его также выводить изъ терпѣнія, особенно, когда дѣло касалось его лично. Обожаемому сыну она готова была приписывать всѣ новѣйшія изобрѣтенія... Но вотъ самый характерный случай. На стр. 489 VI тома сочиненій Гоголя въ изданіи Кулиша читаемъ: „Ради Бога, берегите себя отъ этого тревожно-нервическаго состоянія, котораго начало у васъ уже есть. Вотъ и теперь, при одной вѣсти о посылкѣ, вамъ пришла мысль, что это непремѣнно должно быть продолженіе моего сочиненія, и вы уже поспѣшили предаться радости и позабыли, что въ прежнемъ письмѣ я обѣщалъ сестрамъ огородныхъ сѣмянъ.". Го-

[1]) Не похвальна, можетъ быть, но естественна также досада Гоголя на мать за то, что она вѣрила безъ разбора всякимъ слухамъ о немъ: „вы пошли доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку" (V т., 385 стр.).

голь былъ въ это время недоволенъ своимъ трудомъ и всякое напоминаніе о немъ рѣзало его по сердцу, вызывало съ его стороны очень несдержанные отвѣты и негодованіе на то, что его считаютъ „почтовой лошадью“ [1]) и проч., а тутъ новое и при его настроеніи чрезвычайно досадное недоразумѣніе!.. Когда пріѣхалъ въ Италію государь, Марьѣ Ивановнѣ заочно льстило, будто сынъ ея представлялся государю и государь обратилъ на него вниманіе, и въ ея воображеніи зароились самыя заманчивыя мечты... Наконецъ, однажды, называя сына геніемъ, она прямо утверждаетъ, что „Богъ продлитъ ему жизнь и подастъ ему силы дѣйствовать на прославленіе Его“. Все это очень сердило Гоголя. Подробности этого чисто семейнаго вопроса должны быть оставлены въ сторонѣ; необходимо сказать, что при тѣхъ данныхъ, которыя представляли изъ себя эти два характера, все указанное въ высшей степени естественно и, переходя отъ разъясненія къ суду, мы впали бы въ грубую ошибку.

Когда Гоголь писалъ матери спокойно (т. е. во всѣхъ почти письмахъ), то опять почти возвращался его обычный, дружескій и нѣжный тонъ въ обращеніяхъ къ ней [2]).

Съ 1839 года въ характерѣ отношеній Гоголя къ матери, судя по письмамъ, оказывается несомнѣнная и притомъ значительная перемѣна: письма его становятся серьезными и печальными, принимаютъ какой-то строгій, великопостный характеръ. Въ этихъ письмахъ онъ чаще всего проситъ молиться о его душѣ и объ облегченіи его недуговъ. Такимъ же характеромъ отличаются и ниже приводимыя ненапечатанныя до сихъ поръ письма.

„Благодарю васъ, безцѣнная моя матушка, что вы обо мнѣ молитесь. Мнѣ такъ всегда бываетъ сладко въ тѣ минуты,

---

[1]) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. VI, стр. 86.

[2]) Отмѣтимъ еще одинъ упрекъ, сдѣланный Гоголемъ матери по поводу ея склонности предаваться отчаянію: „Правда, вы имѣли большую утрату. Вы потеряли рѣдкаго друга, а нашего нѣжнаго отца, котораго изъ насъ никто не позабылъ; а семнадцать лѣтъ непрерывнаго, невозмущаемаго счастья съ нимъ развѣ ничего не значатъ? Всякій ли можетъ похвалиться имъ? Нѣтъ, должно признаться, что мы, всѣ люди, неблагодарны. Мы хотимъ, чтобы не было границъ нашему блаженству. Мы позабываемъ, что существуютъ законы для міра. Нѣтъ, маменька, мы должны благодарить за все, что мы имѣли хорошаго; мы должны быть тверды и спокойны всегда—и ни слова о своихъ несчастіяхъ!». („Соч. и письма Гоголя“, т. V, 273 стр.).

когда вы обо мнѣ молитесь. О, какъ много дѣлаетъ молитва матери! Берегите же, ради Бога, себя для насъ. Храните ваше драгоцѣнное намъ здоровье. Въ послѣднее время вы стали подвержены воспалительности въ крови. Вамъ нужно бы, можетъ быть, весеннее лѣченіе травами, разумѣется при воздержаніи въ пищѣ и въ діэтѣ. Вообще всѣмъ полнокровнымъ, какъ и сами знаете, слѣдуетъ остерегаться отъ всего горячительнаго въ пищѣ. Ради Бога, посовѣтуйтесь съ хорошимъ докторомъ. Молитесь и обо мнѣ, и о себѣ вмѣстѣ. О, какъ нужны намъ молитвы ваши! какъ онѣ нужны намъ для нашего устроенія внутренняго! Пошли вамъ Богъ провести постъ духовно и благодать всѣмъ вамъ! Въ здоровьѣ моемъ все еще чего-то недостаетъ, чтобы ему укрѣпиться. До сихъ поръ не могу приняться ни за труды, какъ слѣдуетъ, ни за обычныя дѣла, которыя оттого пріостановились. (Зачеркнуто: „И все мнѣ, кажется, что"...) О, да вразумитъ васъ во всемъ Богъ! Не смущайтесь ничѣмъ вокругъ,—никакими неудачами; только молитесь, и все будетъ хорошо.

Вашъ весь, васъ любящій сынъ Николай".

Другое письмо.

„Никогда такъ не чувствовалъ потребности молитвъ вашихъ, добрѣйшая моя матушка! О, молитесь, чтобы Богъ меня помиловалъ, чтобы наставилъ и вразумилъ совершить мое дѣло честно, свято, и далъ бы мнѣ на то силы и здоровья. Ваши постоянныя молитвы обо мнѣ теперь мнѣ такъ нужны! такъ нужны! Вотъ все, что̀ умѣю вамъ сказать! О, да поможетъ вамъ Богъ обо мнѣ молиться!

Вашъ многолюбящій васъ, признательный,
благодарный сынъ Николай".

Едва-ли можно не согласиться, что письма эти, какъ и многія другія изъ писемъ разсматриваемаго періода, напечатанныя въ изданіи Кулиша, свидѣтельствуютъ не только о любви и уваженіи Гоголя къ матери, но и о сильномъ, основанномъ на религіи, убѣжденіи, что молитвы матери могутъ ему принести счастье, котораго онъ искалъ [1]).

Въ сороковыхъ годахъ Гоголь, очевидно, занятъ былъ почти исключительно своимъ внутреннимъ міромъ: прежняя жи-

[1]) Съ приведенными письмами слѣдуетъ особенно сравнить слѣдующія мѣста изъ напечатанныхъ прежде писемъ: когда Гоголь почувствовалъ въ Греф-

вая воспріимчивость къ впечатлѣніямъ внѣшнимъ уступаетъ мѣсто самоуглубленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ писемъ становится чрезвычайно монотоннымъ: при перечитываніи ихъ поражаетъ крайняя ограниченность тѣхъ пунктовъ, которые онъ затрогиваетъ въ заочной бесѣдѣ съ родными, но зато на этихъ немногихъ пунктахъ онъ стоитъ твердо и возвращается къ нимъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Репертуаръ его нравственныхъ убѣжденій былъ не разнообразенъ, но зато они были искренни. Теперь его вниманіе сосредоточивается на немногихъ вопросахъ, которые онъ считаетъ важнѣйшими. Прежняя живая потребность въ обмѣнѣ впечатлѣній въ немъ угасла и его интересуютъ предметы отвлеченные; онъ жаждетъ упрековъ ради нравственнаго совершенствованія и самъ добросовѣстно ихъ расточаетъ.

Въ письмахъ къ матери съ 1839 г. постоянно видны его заботы о семьѣ, но, согласно характеру его убѣжденій, не практическія и не матеріальныя, а нравственныя. Онъ желалъ даже, чтобы сестры его не выходили замужъ; мечталъ о томъ, чтобы выстроить флигель въ деревнѣ такъ, чтобы каждая сестра имѣла по комнатѣ, похожей на келью. Интересна одна записка его, имѣющая характеръ завѣщанія:

„Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротокъ, дочерей бѣдныхъ, неимущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій да безпрерывное упражненіе въ трудѣ на воздухѣ около сада или огорода“.

Сестрамъ онъ даетъ совѣты заниматься хозяйствомъ, не бояться бѣдности, помогать нуждающимся, не допускать лишнихъ тратъ; онъ заботится и о томъ, чтобы онѣ пріучали малолѣтняго племянника (Н. П. Трушковскаго) къ труду и наблюдательности, повторяетъ часто также мелочные совѣты, напр., относительно прогулокъ, которымъ придавалъ большое значеніе... Самъ онъ, очевидно, сильно состарился душою... Если въ это время въ письмахъ къ матери и роднымъ встрѣ-

фенбергѣ облегченіе, онъ объяснялъ его дѣйствіемъ молитвъ матери и другихъ близкихъ людей. „Видно, чьи-то молитвы доносятся до неба; по крайней мѣрѣ. припадки мои не такъ тяжелы, какъ доселѣ“. (Соч. Гоголя, т. VI, стр. 215). „Не сомнѣваюсь, что въ этомъ участвовали усердныя ваши молитвы“ (т. VI, стр. 215; письмо къ матери). См. также письмо въ VI т., стр. 228.

чаются рѣзкости, то это обусловливалось взаимными недоразумѣніями, происходившими отъ его глубоко-религіознаго, но своеобразнаго міросозерцанія, благодаря которому онъ ко многому относился съ безпощадною строгостью. Ему нельзя было писать какъ-нибудь и что-нибудь, хотя онъ не переставалъ требовать, чтобы мать и сестры писали къ нему откровенно, на лоскуткахъ и съ ошибками и прибавлялъ: „никогда и никакъ не удерживайтесь въ письмахъ вашихъ отъ тѣхъ выраженій и мыслей, которыя почему-нибудь покажутся, что огорчатъ меня, или не понравятся. Ихъ-то именно скорѣе на бумагу, ихъ я желаю знать". Когда одна изъ сестеръ писала ему, что она постоянно помнитъ, что мы на этомъ свѣтѣ „мимоѣздомъ" и что „ей не хочется даже выкладываться", то, казалось бы, настроеніе это должно было согласоваться съ настроеніемъ брата, и что же? Онъ остался недоволенъ (см. Соч. Гоголя, т. V, стр. 442). Въ одномъ изъ писемъ его (VI томѣ, стр. 27) читаемъ: „Письма ваши и письма сестеръ получилъ. Они меня изумили: я не ожидалъ ничего больше насчетъ моего письма, какъ только одного простого увѣдомленія, что оно получено. Вмѣсто того получилъ цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ-будто я обвинялъ кого-нибудь". Одинъ разъ Гоголь прямо пишетъ: „Получая самъ отовсюду упреки, любя упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ, даже и несправедливыхъ, я хотѣлъ и вамъ прислужиться тѣмъ же". Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ сестрамъ, если имъ захочется упрековъ, перечитывать его письма. Чтобы правильно судить объ отношеніяхъ Гоголя къ матери, никакъ нельзя упускать изъ виду указанную раньше ея оригинальную мечтательность [1]), и ошибочно не принимать въ разсчетъ этого культа упрековъ, бросающагося въ глаза во всѣхъ письмахъ сороковыхъ годовъ.

Наконецъ, Гоголь проситъ мать писать ему все, до послѣднихъ мелочей и объясняетъ цѣль переписки, какъ онъ ее понимаетъ: „Это сообщеніе всякихъ подробностей и всѣхъ помысловъ поможетъ мнѣ лучше понять васъ и ваше назначеніе и братски помочь вамъ въ стремленіи къ тому совер-

[1]) Эту черту мы особенно должны подчеркнуть, поэтому приводимъ еще разъ подтвержденіе ея: „Вы всѣ вещи принимаете въ бо̀льшемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть, и ничего не въ силахъ принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть безпрерывное душевное безпокойство" (т. VI, стр. 237).

шенству, къ которому мы всѣ должны стремиться. Мы посовѣтуемся обоюдно, какъ намъ быть лучшими“. Совершенно такъ же искренно задавался онъ просвѣщеніемъ ближнихъ вообще въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки“ и особенно, когда писалъ свое извѣстное завѣщаніе: „оно нужно затѣмъ, чтобы напомнить многимъ о смерти, чтобы я могъ передать это ощущеніе другимъ“.

Этимъ мы закончимъ характеристику отношеній Гоголя къ матери и въ заключеніе приведемъ чрезвычайно удачное и вѣрное замѣчаніе А. Н. Пыпина:

„Въ началѣ сороковыхъ годовъ Гоголь уже рекомендуетъ своимъ роднымъ чтеніе его собственныхъ писемъ и даетъ имъ уроки благочестія. Разъ онъ перешелъ въ этомъ всякую мѣру, такъ что мать и сестры его глубоко были огорчены его нетерпимымъ, требовательнымъ, суровымъ тономъ: изъ ихъ отвѣта, Гоголь долженъ былъ увидѣть, что мѣра перейдена, и тогда въ немъ опять сказывается самое теплое чувство и покорность, совершенно искренція, какъ прежде онъ искренно поучалъ ихъ, ратуя за ихъ душевное спасеніе“ („Характеристики литературныхъ мнѣній“, стр. 350; 2 изд., стр. 355) [1].

Когда умеръ Гоголь, Марья Ивановна вторично потеряла съ нимъ все самое дорогое для нея. Сначала она впала въ

[1]) Отмѣтимъ еще нѣсколько отдѣльныхъ чертъ изъ переписки Гоголя съ сестрами. Странно во-первыхъ, что Гоголь, бывшій самъ нѣкогда учителемъ и профессоромъ, считалъ науки за вздоръ и придавалъ большое значеніе для женщины въ занятіяхъ исключительно хозяйствомъ, а для мужчины—въ дешевой практичности. Впрочемъ, эти взгляды онъ выражаетъ и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“. Слово „впередъ“, которое, по мнѣнію Гоголя, нужно говорить русскому человѣку и которое умѣлъ сказать своимъ питомцамъ идеальный педагогъ Александръ Петровичъ (въ началѣ 2 тома „Мертвыхъ Душъ“), было сказано Гоголемъ сестрѣ, жаловавшейся на свою лѣнь: „Courage! впередъ! и никакъ не терять присутствія духа“ (т. V, стр. 476). Замѣчательно, что Николай Васильевичъ настаивалъ особенно на молитвѣ и нестяжаніи: „Времена наступили такія, въ которыя нельзя думать о собственныхъ удовольствіяхъ и мирномъ провожденіи времени; нужно покрѣпче молиться“. А на стр. 521 опять онъ говоритъ матери: „Я не понимаю, отчего вы такъ заботитесь о пріобрѣтеніяхъ для дѣтей въ нынѣшнее время, когда все такъ шатко и невѣрно и когда имѣющій имущество въ нѣсколько разъ больше неспокоенъ бѣдняка“. Такимъ образомъ, за вполнѣ естественную заботливость и притомъ направленную, между прочимъ, на его благо онъ находилъ возможность упрекать свою добрѣйшую мать. А между тѣмъ, онъ былъ искрененъ: въ этомъ и трагизмъ. Однажды,

страшное отчаяніе: „Получа это роковое извѣстіе, пріѣхавши въ Полтаву, я не спала, не ѣла, а плакала нѣсколько дней, да и теперь не могу не плакать или, лучше сказать, душевно плачу, безъ слезъ, но остаюсь жить. Боже, чего не можетъ человѣкъ перенести!.. Десять мѣсяцевъ, какъ я его не вижу, и второй мѣсяцъ, какъ его нѣтъ на землѣ!... Иногда мнѣ покажется, что онъ за-границей или гдѣ-нибудь въ отлучкѣ, и когда вспомню, что его нѣтъ, то точно какъ варомъ обдастъ меня; или когда благодѣтельный сонъ посѣтитъ меня, то какое ужасное пробужденіе!... Я не роптала на Бога, узнавъ объ ударѣ, меня поразившемъ, а только умоляю Его не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его своими ангелами и дать ему радости неизглаголанныя“.

Сына Марья Ивановна пережила на шестнадцать лѣтъ. Въ эту грустную пору жизни, она уже почти окончательно не жила дѣйствительностью и мало интересовалась настоящимъ: мысли ея, какъ къ магниту, обращались къ минувшимъ навѣки днямъ счастья и тихихъ, чистыхъ радостей, когда хорошо и отрадно жилось ей на бѣломъ свѣтѣ. Въ отношеніи къ окружающимъ и ко всему, что̀ напоминало ей настоящее, она становится все болѣе равнодушною. Подозрительность, которая и прежде была въ ея характерѣ, теперь достигаетъ крайнихъ размѣровъ... Только трогательная и безграничная доброта оставалась до ея смерти неизмѣнной чертой.

Въ 1868 году, въ самый день св. Пасхи, скончалась Марья Ивановна такъ же неожиданно, какъ любимые ею мужъ и сынъ. Прахъ ея покоится въ Васильевкѣ, при церкви, какъ строительницы храма, рядомъ съ безгранично любимымъ и не забытымъ до кончины мужемъ.—Этимъ оканчиваемъ рѣчь о взаимныхъ отношеніяхъ Гоголя и его матери, но въ приложеніяхъ сообщимъ еще два письма Гоголя къ его матери, нигдѣ прежде не напечатанныя до помѣщенія ихъ нами въ статьѣ: „Родители Гоголя“ въ „Историч. Вѣстникѣ“ за 1889 г. (см. янв. и февраль). Послѣ этого отступленія возвращаемся къ прежнему разсказу.

онъ пишетъ матери: „Что̀ са̀мо по себѣ не хорошо, то замѣчу; скажу, оно не хорошо, и побраню за то, если подѣломъ. Но чтобы сердиться, или горячиться, или сокрушаться, или же принимать къ сердцу всякій пустякъ, какъ вы это дѣлаете, этого за мной не водится“. (Т. V, стр. 258). А это послѣднее дѣйствительно водилось за его матерью.

VIII.

ПОПЫТКИ ГОГОЛЯ НАЙТИ ОПРЕДѢЛЕННОЕ ПОПРИЩЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

„Труднѣе всѣхъ на свѣтѣ тому", говоритъ Гоголь въ „Авторской Исповѣди", „кто не прикрѣпилъ себя къ мѣсту, не опредѣлилъ себѣ, въ чемъ его должность. Ему труднѣе всѣхъ примѣнить къ себѣ законъ Христовъ, который (существуетъ) на то, чтобы исполнять его на землѣ, а не на воздухѣ; а потому и жизнь должна быть для него загадкою" [1]). Эти слова. вышедшія изъ устъ писателя въ такую минуту, когда онъ всего менѣе могъ быть расположенъ къ притворству, высказывая съ горечью, что̀ давно уже наболѣло на сердцѣ и было плодомъ давняго убѣжденія, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, вниманія какъ вообще, такъ особенно въ примѣненіи къ первымъ годамъ его жизни въ Петербургѣ. Кромѣ естественнаго психологическаго основанія насъ убѣждаетъ въ томъ и собственное невольное признаніе автора, хотя онъ совсѣмъ не думалъ примѣнять приведенныя слова къ себѣ, считая себя, можетъ быть, возвысившимся надъ изображеннымъ въ нихъ положеніемъ [2]). Не будемъ говорить о несо-

[1]) Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, 272.

[2]) Надо помнить, что онъ постоянно чувствовалъ то склонность къ самому искреннему самовозвеличенію, то потребность каяться въ гордыхъ помыслахъ. особенно въ случаѣ какой-нибудь неудачи, и эти противорѣчивыя побужденія удивительнымъ образомъ переплетаются между собой иногда на одной и той же страницѣ какъ въ юношеской перепискѣ, такъ и въ „Исповѣди". Приведенныя строки, отнесенныя въ данномъ случаѣ къ другимъ, но выраженныя въ формѣ

мѣнномъ сходствѣ, которое обнаруживается въ этихъ раздѣленныхъ между собою почти двадцатилѣтнимъ промежуткомъ признаніяхъ, сходствѣ во взглядѣ на свое назначеніе, въ религіозной основѣ міросозерцанія и проч.; но даже мучительная неопредѣленность стремленій остается почти та же [1]). Недаромъ онъ сравниваетъ и отождествляетъ самъ свои стремленія и нравственное состояніе съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился послѣ страшнаго разочарованія, причиненнаго неуспѣхомъ „Выбранныхъ Мѣстъ изъ переписки съ друзьями"; недаромъ онъ говоритъ, что „внутренне никогда не мѣнялся"[2]). Какъ въ ранней юности, такъ точно и на склонѣ своей дѣятельности, Гоголя воодушевляла отвлеченная идея служенія родинѣ, но вопросъ о выборѣ опредѣленнаго поприща для дѣятельности былъ въ его глазахъ всегда второстепеннымъ. Въ эпоху „Авторской Исповѣди" для него всѣ должности были равны и ему „хотѣлось служить *въ какой бъ то ни было*, самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей такъ, какъ онъ хотѣлъ въ дни юности, и даже гораздо лучше, нежели тогда хотѣлъ". „Послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ и опытовъ и размышленій, идя видимо впередъ", говоритъ онъ, „я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначеніе человѣка—служить и что вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто затѣмъ, чтобы служить Государю небесному. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: и государю, и народу, и землѣ своей". [3]). Можно только удивляться, какъ мало всетаки измѣнился въ продолженіе двадцати лѣтъ въ своихъ главныхъ чертахъ внутренній міръ поэта и какъ мало вліяли на него внѣшнія отношенія, его *связи* съ передовыми людьми своего времени и самый жизненный опытъ, казалось бы, столь богатый и разносторонній при его умѣ и наблюдательности. Разница замѣтна однако въ томъ, что впослѣдствіи Гоголю

сентенціи общаго характера, могли быть въ другой разъ отнесены авторомъ къ самому себѣ, какъ и все, что онъ говоритъ передъ этими строками объ истинномъ христіанинѣ.

[1]) Точнѣе Гоголь въ половинѣ сороковыхъ годовъ, такъ сказать, сбитый съ позиціи, разбитый и измученный, возвращается къ тому же состоянію, которое имъ было уже когда-то пережито.

[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. VI, стр. 73.

[3]) Соч. Гоголя. изд. X. т. IV. 273.

казались всѣ должности равны, тогда какъ въ юношеской перепискѣ его мы находимъ довольно презрительные отзывы о незначительныхъ должностяхъ.

Смутное представленіе о способѣ осуществленія лучшихъ своихъ стремленій не могло, конечно, не сдѣлаться для Гоголя источникомъ тяжкихъ нравственныхъ мученій при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Необходимость опредѣлить точно родъ будущей дѣятельности представилась Гоголю еще до окончанія курса, и тогда ему казалось, что задача уже рѣшена, хотя вскорѣ послѣ того пришлось въ томъ разубѣдиться и составлять новые планы. „Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія“, пишетъ онъ дядѣ, „всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только могу я быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь естественными“ [1]. Авторъ предназначалъ себя къ дѣятельности въ юридической сферѣ. Но такое рѣшеніе, исходя изъ отвлеченныхъ соображеній и не основываясь на влеченіи къ избираемой профессіи, естественно не могло быть прочнымъ и вскорѣ было оставлено навсегда.

Положеніе Гоголя въ первое время послѣ переселенія въ Петербургъ напоминаетъ отчасти положеніе Тентетникова при вступленіи въ жизнь и послѣ первыхъ невзгодъ по службѣ. „Молодость“, говоритъ онъ въ началѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“, „счастлива тѣмъ, что у нея есть будущее“. „По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце Тентетникова билось. Онъ говорилъ себѣ: „Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги. И по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, онъ понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отъ всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь“ [2]. Черезъ нѣсколько времени мы видимъ въ Тентетниковѣ такъ же, какъ

[1] „Русская Стар.“, 1876, I. 41.
[2] Соч. Гоголя, изд. X, т. III. 287.

и въ Гоголѣ, разочарованіе въ надеждахъ и охлажденіе къ службѣ. „Скоро Тентетниковъ свыкнулся со службою, но только она сдѣлалась для него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами“. Не то же ли было и съ Гоголемъ? О службѣ Гоголя г. Пашковъ сообщаетъ слѣдующее:

„Не имѣя ни призванія, ни охоты къ службѣ, Гоголь тяготился ею, скучалъ и потому часто пропускалъ служебные дни, въ которые онъ занимался на квартирѣ литературою. Вотъ послѣ двухъ-трехъ дней пропуска является онъ въ департаментъ, и секретарь или начальникъ отдѣленія дѣлаютъ ему замѣчанія: „такъ служить нельзя, Николай Васильевичъ; службой надо заниматься серьезно“. Гоголь вынимаетъ изъ кармана загодя приготовленное на Высочайшее имя прошеніе объ увольненіи отъ службы и подаетъ. Увольняется и опредѣляется нѣсколько разъ“ [1]).

Марья Ивановна, какъ мы видѣли, старалась, насколько могла, окружить сына покровительствомъ сильныхъ міра, въ чемъ ей помогали между прочимъ такія лица, какъ Трóщинскій, который, по словамъ Пащенка, далъ ему рекомендательное письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому отъ 16 декабря 1828 года Марья Ивановна сообщала:

„Вчера я возвратилась изъ Кибинецъ, проводя моего Николеньку въ С.-Петербургъ, и грущу, что въ такой холодъ онъ ѣдетъ въ дорогѣ, но да будетъ воля Божія! Благодѣтель нашъ (Дмитрій Прокофьевичъ Трóщинскій) примѣтно ослабѣваетъ: насилу могъ написать письмо къ своему другу Кутузову о моемъ сынѣ, въ которомъ назвалъ его своимъ родственникомъ и просилъ принять въ свое покровительство. Будучи въ Кибинцахъ 26-го, я просила благотворителя моего написать объ Николенькѣ, полагая, что онъ вслѣдъ за пись-

[1]) Извѣстные факты изъ жизни и дѣятельности другихъ писателей позволяютъ предполагать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненій Гоголя, если не воспоминанія, имѣющія автобіографическое значеніе, то, можетъ быть, безсознательное отраженіе того, что̀ было пережито авторомъ. Ниже мы будемъ имѣть случаи приводить множество такихъ примѣровъ.

момъ уѣдетъ, но по разнымъ обстоятельствамъ ему надобно было остаться, да и дороги совсѣмъ не было. При мнѣ получилъ Дмитрій Прокофьевичъ отвѣтъ на первое свое письмо по выѣздѣ уже Николеньки и далъ мнѣ прочесть. Я въ жизнь мою не читала такого милаго и простого слова, прямо отъ сердца истекающаго. Между прочимъ благодаритъ за доставленіе случая сдѣлать ему угодное и заключаетъ письмо тѣмъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Николая моего, которому онъ хочетъ быть другомъ и путеводителемъ въ его жизни. Представьте себѣ, мой другъ, что̀ я тогда чувствовала! Я не находила словъ, какъ благодарить великаго благодѣтеля моего: по милости его мой сынъ пріѣдетъ въ столицу не какъ безпріютный сирота, но какъ родственникъ будетъ принятъ въ домѣ немаловажнаго человѣка".

Пріятныя мечты и ожиданія матери, однако, какъ извѣстно, не сбылись. Вышло совершенно напротивъ: Гоголь тотчасъ же почувствовалъ себя одинокимъ и безпріютнымъ въ столицѣ. (Ср. V т., стр. 77. Тамъ же читаемъ: „Логгинъ Ивановичъ К. (Кутузовъ) былъ во все это время опасно боленъ и я до сихъ поръ не являлся"). Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому отъ 18 февраля 1829 года находимъ также нѣсколько строкъ о болѣзни Кутузова: „Я получила отъ Николеньки моего два письма, какъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ; въ первомъ онъ писалъ, что нашелъ Кутузова отчаянно больнымъ, а въ другомъ уже хвалился его ласками, по милости благодѣтеля нашего". Это письмо пропущено въ изданіи Кулиша, но отрывки изъ него уцѣлѣли случайно въ обширной выпискѣ, сдѣланной матерью Гоголя въ письмѣ ея къ П. П. Косяровскому.—Такимъ образомъ Гоголь вовсе не былъ оставленъ на произволъ судьбы и могъ надѣяться не на однѣ собственныя силы; несомнѣнно даже, что именно „покровители" помогли ему такъ скоро найти обезпечивающее мѣсто въ министерствѣ удѣловъ. Правда, въ силу ли незначительности обѣщанной протекціи, или собственной непредпріимчивости Гоголя въ смыслѣ искательства, долгое время она не принесла нашему писателю никакой существенной пользы, но, повидимому, онъ не отклонялъ ее, хотя и пользовался ею довольно вяло и неохотно [1]).

[1]) Въ числѣ другихъ рекомендательныхъ писемъ у Гоголя было также письмо Трощинскаго къ Логгину Ивановичу Голенищеву-Кутузову. Слѣдуетъ замѣтить

Вѣроятно, надеждой на протекцію объясняется до нѣкоторой степени его прихотливая разборчивость въ отношеніи къ предлагаемымъ занятіямъ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ изъ Петербурга этотъ *нуждающійся* молодой человѣкъ смотритъ свысока на мѣсто въ тысячу рублей жалованья: „Можетъ быть, на дняхъ откроется мѣсто повыгоднѣе и поблагороднѣе", говоритъ онъ, „но, признаюсь, ежели и тамъ нужно будетъ употреблять столько времени на глупыя занятія, то я—слуга покорный" [1]). Такой успѣхъ на первыхъ шагахъ не мѣшаетъ, однако, Гоголю утверждать потомъ, что „вездѣ совершенно встрѣчалъ онъ однѣ неудачи, и, что̀ всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ *покровителей,* не могъ достигнуть" [2]). А между тѣмъ изъ слѣдующаго письма оказывается, что должность, о которой онъ говоритъ, не только могла доставить ему годовое содержаніе, но даже возможность помогать матери, что̀ было тогда его задушевной мечтой. Правда, вскорѣ оказывается также, что вмѣсто тысячи рублей онъ получалъ первое время только половину и что „послѣ безко-

по этому поводу нѣсколько строкъ изъ одного письма Гоголя къ матери, пропущеннаго въ изданіи Кулиша, но сохранившагося въ извлеченіи въ письмѣ Марьи Ивановны къ П. П. Косяровскому: „Николенька мой о сю пору не опредѣленъ еще на службу. Покойный благодѣтель нашъ, Дмитрій Прокофьевичъ, говорилъ мнѣ, чтобы я не скучала его нескорымъ опредѣленіемъ, потому что Кутузовъ выискиваетъ для него хорошую и выгодную должность, что̀ чрезвычайно трудно теперь на штатской службѣ, гдѣ совершенно набито людей. Я о семъ писала Николѣ своему, чтобы онъ не наскучилъ Кутузову и положился бы съ терпѣніемъ на его стараніе, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: *„Вы мнѣ совѣтуете не безпокоить Логгина Ивановича моимъ опредѣленіемъ: оно бы и хорошо, когда бы я могъ ничего не ѣсть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапогъ, но такъ какъ я не имѣю сихъ талантовъ, т. е. жить воздухомъ, то и скучаю своимъ бездѣйствіемъ, сидя въ холодной комнатѣ и имѣя величайшее несчастіе просить у васъ денегъ, знавши теперешнія Ваши обстоятельства"*. И я должна была опять занять и послать ему денегъ. Видно, онъ былъ въ самомъ тревожномъ положеніи, что прибавилъ: *„Недаромъ я не любилъ никакихъ протекцій: безъ нихъ давно бы я опредѣлился къ мѣсту"*. Въ концѣ письма нѣсколько потѣшилъ меня, что надежда мелькнула ему, но что онъ не смѣетъ еще предаваться ей и жалѣетъ, что не взялся за сіе прежде, и черезъ то много потерялъ, и я не знаю, что̀ онъ подъ этимъ разумѣетъ». („Указатель къ письмамъ Гоголя", 1 изд., стр. 43—45).

[1]) „Соч. и письма Гоголя", V, 83.

[2]) Тамъ же, стр. 85.

нечныхъ исканій ему удалось достать мѣсто незавидное, что важной протекціи онъ не имѣлъ, что „*покровители*" водили его до тѣхъ поръ, пока не заставили его усомниться въ самой возможности осуществленія („сбыточности") ихъ обѣщаній; но вѣдь этого предвидѣть заранѣе онъ не могъ, и къ тому же скоро онъ надѣется опять получить штатное мѣсто, до котораго „многіе по пяти лѣтъ дослуживаются, а иные даже по десяти, и не получаютъ" [1]).

Нравственное состояніе Гоголя во все это время было самое неопредѣленное и неровное. Онъ постоянно переходилъ отъ надежды къ разочарованію и снова затѣмъ возвращался къ свѣтлому настроенію, не давая овладѣвать собою отчаянію. Въ трудностяхъ жизни его поддерживалъ оптимизмъ, находившій себѣ основу и оправданіе въ его увѣренности въ высокомъ своемъ призваніи и въ склонности толковать случайности въ свою пользу. Этимъ объясняется и его кажущаяся безпечность при томъ подавленномъ состояніи, которое онъ не разъ характеризуетъ самъ въ своихъ письмахъ. „Мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души" [2]). Въ другой разъ онъ пишетъ матери: „Простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ—повергнуться въ объятія ваши и излить передъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, разсказать всю тяжкую повѣсть свою" [3]). Въ то же время, по воспоминаніямъ товарища, Гоголь вмѣстѣ съ Кукольникомъ были душою веселаго малороссійскаго кружка, состоявшаго изъ десяти товарищей-однокашниковъ" (въ томъ числѣ были: Прокоповичъ, Данилевскій, Пащенко, Кукольникъ, Базили, Гребенка, Мокрицкій и другіе). „Товарищи", разсказываетъ г. Пашковъ, „сходились у кого-нибудь изъ своихъ, составляя тѣсный, пріятельскій кружокъ, и весело проводили время" [4]). Хандру тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ слѣдуетъ считать, очевидно, явленіемъ мимолетнымъ, не оставившимъ послѣ себя серьезныхъ слѣдовъ, кромѣ развѣ нѣкоторой распущенности,

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 105.
[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V. стр. 84—85.
[3]) Тамъ же, стр. 89.
[4]) „Берегъ", 1880, № 268.

помѣшавшей Гоголю воспользоваться протекціей Трощинскаго. „Пріѣхали они въ Петербургъ", продолжаетъ г. Пашковъ, „остановились въ скромной гостинницѣ и заняли въ ней одну комнату съ передней (Гоголь, Данилевскій и Пащенко). Живутъ пріятели недѣлю, живутъ и другую, и Гоголь все собирался ѣхать къ министру, собирался, откладывалъ со дня на день, такъ прошло шесть недѣль, и Гоголь не поѣхалъ. Письмо такъ у него и осталось". Непредпріимчивость Гоголя въ данномъ случаѣ происходила, вѣроятно, отъ несочувствія къ самому предмету ходатайства, такъ какъ съ увлеченіемъ онъ могъ приниматься за такое дѣло, въ которомъ видѣлъ осуществленіе своей завѣтной цѣли, тогда какъ ко многимъ родамъ дѣятельности онъ относился равнодушно и, уже поступивши на службу, какъ мы видѣли, часто готовъ былъ оставить ее при первомъ поводѣ.

Во все время своихъ продолжительныхъ и безплодныхъ стремленій найти опредѣленный родъ занятій, Гоголь не переставалъ постоянно надѣяться на собственныя силы и на помощь Божію. Съ самаго начала онъ вооружается терпѣніемъ, и при безпечномъ и нерадивомъ отношеніи къ навязываемымъ протекціямъ, какъ человѣкъ, одаренный энергіей, но не опредѣлившій себѣ еще точно будущей дѣятельности, составляетъ собственные планы, принимаясь за многое въ надеждѣ найти успѣхъ здѣсь или тамъ. Не скрывая отъ матери своихъ житейскихъ затрудненій, онъ высказываетъ въ то же время твердую рѣшимость побѣдить ихъ. Разсказавъ объ ужасной петербургской дороговизнѣ, онъ восклицаетъ: „Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился..." [1]) и затѣмъ прибавляетъ извѣстное намъ обѣщаніе сообщить въ слѣдующемъ письмѣ о результатахъ своихъ исканій. Здѣсь, очевидно, рѣчь касается многихъ плановъ. Въ это время Гоголь задумываетъ нѣсколько литературныхъ предпріятій и печатаетъ „Ганца Кюхельгартена" (вышедшаго въ іюнѣ того же года). Жаль, что намъ остается неизвѣстнымъ, о чемъ говоритъ Гоголь въ слѣдущихъ словахъ цитированнаго выше письма: „Работы мои подвинулись, и я, наблюдая

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 72.

внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть что-нибудь". Въ слѣдующемъ письмѣ, очевидно сообщая о результатахъ своихъ начинаній, онъ замѣчаетъ: „Нынѣшнія извѣстія письма моего не будутъ слишкомъ утѣшительны для васъ, почтеннѣйшая маменька. Мои надежды (разумѣется, малая часть оныхъ) не выполнились. Хорошо же, что я не вдавался увѣрительно имъ; что имѣю достаточный запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться" [1]). Гоголь говоритъ далѣе о несостоявшейся поѣздкѣ за-границу, разстроившейся вслѣдствіе мнимой смерти какого-то воображаемаго его друга. „Великодушный другъ мой, доставлявшій мнѣ все это, скоропостижно умеръ; его намѣренія и мои предположенія лопнули, и я теперь испытываю величайшій ядъ горести; но она не отъ неудачи, а оттого, что я имѣлъ одно существо, къ которому истинно было привязался навсегда, и Небу угодно было лишить меня его". Черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о томъ, что остается въ Петербургѣ и что ему предлагаютъ мѣсто, но не на него, конечно, намекалъ онъ раньше, потому что этотъ планъ ему не нравится и могъ имѣть значеніе развѣ „послѣ другой или третьей неудачи". Далѣе онъ продолжаетъ: „Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на что̀ же? на совершенные пустяки,—на что̀ это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа" и проч. и заключаетъ свою тираду словами: „Итакъ я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая еще рѣшенія нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ"... [2]). На неудачи свои онъ смотрѣлъ, какъ на наказанія за нарушеніе Божественной воли. Поэтому, собираясь ѣхать за-границу, уже самостоятельно, послѣ того какъ будто бы не удалась поѣздка съ другомъ, онъ считаетъ свои неудачи „налегшею на него справедливымъ гнѣвомъ Десницу Всемогущаго за то, что онъ хотѣлъ противиться вѣчнымъ, неумолкаемымъ движеніямъ души", — на томъ основаніи, что ихъ „Богъ вдохнулъ", претворивъ въ него „жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. *Онъ указалъ мнѣ* путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать свои страсти въ

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 83.
[2]) Тамъ же.

тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда былъ бы въ состояніи разсѣять благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные помыслы (sic!) и пресмыкаться въ столицѣ, издерживая жизнь такъ безплодно". Безнадежная любовь къ неизвѣстной особѣ, не отвѣчавшей ему взаимностью, была, по его убѣжденію, очевиднымъ наказаніемъ за то, что онъ медлилъ цѣлые мѣсяцы, упорствовалъ [1]). „Не явный ли здѣсь надо мною Промыселъ Божій", восклицаетъ Гоголь, нимало не подозрѣвая, какъ гадательны и субъективны всѣ его попытки уяснить себѣ волю Провидѣнія. Онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что понялъ Высшую волю, что восклицаетъ съ увѣренностью: „Въ умиленіи призналъ я пекущуюся обо мнѣ Десницу". Но въ скоромъ времени взглядъ его измѣняется и онъ уже иначе объясняетъ себѣ волю Промысла и уже долженъ сознаться, что онъ *напрасно старался увѣрить самого себя,* будто „принужденъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше", и наконецъ, готовъ неудачную свою поѣздку приписывать внушеніямъ гордости: „Богъ унизилъ мою гордость—Его святая воля!".

Самою выдающеюся чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе его указаній. Гоголь не только глубоко вѣровалъ въ непогрѣшимость своихъ основныхъ идеаловъ и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе, но и каждую неудачу объяснялъ непремѣнно карой за неповиновеніе волѣ Божіей. На этомъ убѣжденіи основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ и находившій себѣ исходъ въ склонности къ толкованіямъ самыхъ простыхъ случайностей въ лестномъ для него смыслѣ. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ

---

[1]) Намъ лично эта фантастическая любовь Гоголя кажется такимъ же отважнымъ вымысломъ съ его стороны, какъ и сообщеніе о великодушномъ другѣ и покровителѣ, будто бы обѣщавшемъ везти его на свой счетъ за-границу, но внезапно скончавшемся. Обѣ эти легенды имѣютъ одинаковую степень достовѣрности, и были тотчасъ же забыты самимъ Гоголемъ; но люди, довѣряющіе одной изъ нихъ, ради послѣдовательности должны вѣрить также и другой; впрочемъ къ такимъ людямъ, повидимому, можно отнести пока только одну г-жу Черницкую.

человѣкъ глубокой вѣры, и въ его напыщенныхъ иногда тирадахъ нѣтъ ни безсодержательнаго фразерства, ни лицемѣрія. Жизнь была исполнена для него глубокаго и таинственнаго смысла, и онъ имѣлъ на нее взглядъ діаметрально противоположный убѣжденіямъ многихъ людей, которые видятъ въ ней лишь безсмысленную цѣпь случайностей. Взглядъ этотъ проявляется такъ или иначе почти въ каждомъ письмѣ. Напр., „Какъ много еще отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, и въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу объ удачахъ или неудачахъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ: „если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу вамъ“.—Воззрѣніе, высказываемое послѣдовательно и систематически въ продолженіе цѣлой жизни, не можетъ быть принятой на себя маской. Невозможно представить, чтобы Гоголь не покидалъ своего притворства даже въ интимныхъ письмахъ.

Укажемъ еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ Гоголь утѣшаетъ себя и мать надеждой на лучшую будущность, основанной на такихъ же догадкахъ о цѣляхъ Провидѣнія. „Пора бы, кажется, счастью обратиться къ намъ; но Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ такъ медлитъ, и мы должны благословлять Его святую волю“ [2]). Или: „Изрѣдка такъ, какъ будто отъ самого Бога, посѣщаетъ меня мысль, что, можетъ быть, все это дѣлается съ намѣреніемъ; можетъ быть, сѣются между нами огорченія для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью“, и проч. [3]).

Намъ остается упомянуть о томъ, что въ началѣ 1830 года Гоголь думалъ было между прочимъ поступить на сцену. Хотя г. Мундтъ относитъ по памяти это время къ 1830 или 1831 году; но уже въ серединѣ 1830 карьера нашего писателя точно опредѣлилась и онъ не былъ болѣе въ положеніи непристроеннаго молодого человѣка, слѣдовательно, не могъ на вопросъ князя Гагарина, почему онъ не намѣревается служить, отвѣтить, что служба не можетъ доставить большого обезпеченія. Странно только, что Гоголь утверждалъ

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 79.

[2]) Тамъ же, стр. 99.

[3]) Тамъ же, стр. 93. Ср. указанные выше взгляды Марьи Ивановны на счастье; см. выше стр. 64—65.

тогда, будто никогда раньше не игралъ. Князь поручилъ своему чиновнику Храповицкому испытать Гоголя, предупредивъ его заранѣе, что напрасно онъ считаетъ сценическую дѣятельность столь легкою и доступною для каждаго и высказалъ мнѣніе, что Гоголь долженъ быть болѣе способенъ къ исполненію комическихъ пьесъ, нежели драматическихъ, на которыя онъ себя предлагалъ. Испытаніе оказалось неудачнымъ. Гоголю дали прочесть два отрывка изъ пьесъ Хвостова, и Храповицкій нашелъ, что онъ читаетъ слишкомъ просто, безъ всякаго выраженія. Причиною такого отзыва была, вѣроятно, засвидѣтельствованная г. Мундтомъ принадлежность Храповицкаго къ той группѣ цѣнителей сценическихъ талантовъ, которая необходимымъ условіемъ мастерского чтенія считала напыщенную декламацію. Впрочемъ, тотъ же Мундтъ передаетъ, что Гоголь смутился, читалъ вяло, и, повидимому, самъ замѣтилъ произведенное имъ на слушателей невыгодное впечатлѣніе, и уже не являлся за отвѣтомъ. Храповицкій подалъ о Гоголѣ князю записку, въ которой утверждалъ о совершенной неспособности его къ игрѣ и находилъ возможнымъ принять его, въ случаѣ особенной милости князя, развѣ на „выходъ“ [1]).

1830 года 10 апрѣля Гоголь поступилъ уже на службу въ департаментъ удѣловъ, какъ видно изъ выданнаго ему департаментомъ аттестата при увольненіи. Онъ получилъ 9 марта 1831 г. мѣсто помощника столоначальника, которое и занималъ до 1832 г. [2]). Впрочемъ, вѣроятно, Гоголь еще раньше служилъ въ департаментѣ, судя по слѣдующимъ словамъ письма къ матери отъ 2 апрѣля 1830 г.: „Въ самое это время, когда я хотѣлъ оканчивать письмо мое къ вамъ, посѣтилъ меня начальникъ мой по службѣ съ не совсѣмъ дурною новостью, что жалованья мнѣ прибавляютъ еще двадцать рублей въ мѣсяцъ“ [3]). Въ это время онъ снова приходитъ къ убѣжденію, что онъ совершенно все потерялъ бы, если бы уѣхалъ изъ Петербурга: „Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе,

[1]) „С.-Петерб. Вѣд.“, 1861 г., № 235; послѣ было перепечатано въ „Новомъ Времени“.

[2]) „Сборн. студ. С.-Петерб. Университета“, 1857 г., I.

[3]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 97—98.

съ которымъ можно-таки дождаться своего" и проч. Сообщенія со стороны Гоголя о поступленіи его на службу передъ этимъ мы, однако, нигдѣ не находимъ; письмо было, вѣроятно, затеряно. Все это время Гоголь продолжалъ испытывать нужду и былъ принужденъ не разъ обращаться за денежною помощью къ своему дядѣ Андрею Андреевичу Трощинскому, что его, разумѣется, чрезвычайно стѣсняло и тяготило [1]). Ему приходилось выслушивать даже попреки и напоминанія о томъ, что у Андрея Андреевича есть также семейство и что его дѣла находятся не въ блестящемъ состояніи. Его не мало смутило однажды неожиданное извѣстіе о томъ, что „благодѣтель" его собирался совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Наконецъ Гоголь сознается однажды матери въ нѣкоторой лести своей Андрею Андреевичу: „Письмо ваше, пущенное 14 октября, я получилъ, но не отвѣчалъ такъ долго потому, что вручилъ незадолго передъ нимъ одно письмо Андрею Андреевичу, по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно, вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему. Впрочемъ онъ точно для меня много сдѣлалъ: по его милости, я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должное мною за квартиру". [1]) Впрочемъ и въ другихъ письмахъ Гоголь замѣчаетъ, что хорошо еще, что онъ имѣлъ все это время „такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ" [2]). Нужда Гоголя доходила до того, что онъ „всю зиму отхваталъ въ лѣтней шинели" [3]). Благодарность свою богатому родственнику Гоголь побуждаетъ высказать также и мать свою „въ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ выраженіяхъ", совѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать о себѣ, что онъ въ своихъ письмахъ къ ней „не можетъ нахвалиться ласками и благодѣяніями, безпрестанно ему оказываемыми". Ему тяжело было лишній разъ заикнуться о своихъ нуждахъ...

При подобныхъ условіяхъ Гоголь, однако, не рѣшается покинуть Петербургъ, и хотя высказываетъ однажды намѣреніе проситься въ провинцію, но это намѣреніе было вынужденное и мимолетное: „Признаюсь, Боже сохрани, если

[1]) См. „Указатель къ письмамъ Гоголя", изд. I, стр. 77.
[2]) Тамъ же, стр. 100.
[3]) Тамъ же.

доведется ѣхать въ Россію! По-моему, ежели ѣхать, такъ ужъ ѣхать въ одну Малороссію. Но, признаюсь, если разсудить, какъ нужно, то, несмотря на мою охоту и желаніе уѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга" [1]).

Въ такомъ положеніи оставался Гоголь до начала 1831 г., когда слѣдующія слова его свидѣтельствовали ясно, что внѣшнія его условія и самое настроеніе значительно измѣнилось къ лучшему. „Вѣрьте, что Богъ ничего не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія. Источникъ ихъ находится въ самомъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастіе. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. Зато теперь какая тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза. Мнѣ любо, когда я не ищу, но моего ищутъ знакомства" [2]). Въ этихъ словахъ Гоголь подводитъ итоги впечатлѣніямъ, пережитымъ въ первые два года своей петербургской жизни, и отмѣчаетъ перемѣну, происшедшую въ его судьбѣ и положеніи. Съ этихъ поръ онъ становится въ ряды признанныхъ литераторовъ и пріобрѣтаетъ прочное и почетное положеніе. Теперь онъ радуется совѣту докторовъ поменьше сидѣть на мѣстѣ во избѣжаніе геморроидовъ, какъ внѣшнему поводу для оставленія службы. „Я душевно былъ радъ оставить ничтожную службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной Богъ

---

[1]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 109.

[2]) Стр. 127. Эти строки письма Марья Ивановна воспроизводитъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ П. П. Косяровскому:

„Я получила отъ Николеньки письмо очень пріятное, что онъ счастливо продолжаетъ службу и благодаритъ Бога за претерпѣнныя имъ нужды и *разнообразія,* которыхъ иному во весь вѣкъ не придется испытать. „Зато", пишетъ, „какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ и какая твердость въ душѣ моей, и какъ пріятно мнѣ, что не я ищу, но моего ищутъ знакомства". („Указатель Гоголя", 1 изд., стр. 78).

знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ“ [1]).

Съ этихъ поръ для Гоголя начинается одинъ изъ болѣе отрадныхъ періодовъ его жизни, періодъ дружескаго общенія съ Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и А. О. Россетъ, уступающій только самой свѣтлой и счастливой порѣ его жизни,—порѣ увлеченія Римомъ и Италіей.

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 129.

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ НАЧАЛѢ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРЬЕРЫ.

(1830—1831).

I. ЗАДАТКИ ТВОРЧЕСТВА ВЪ ЮНОСТИ ГОГОЛЯ И РАЗВИТІЕ ИХЪ ВЪ „ВЕЧЕРАХЪ НА ХУТОРѢ“.

I.

Даръ рѣдкой наблюдательности, унаслѣдованный Гоголемъ отъ отца, сталъ обнаруживаться чрезвычайно рано, опередивъ и надолго заслонивъ собою проявленіе всѣхъ другихъ сторонъ его духовной природы: имъ Гоголь обращалъ на себя общее вниманіе еще въ ту пору, когда далеко не могъ похвалиться передъ сверстниками серьезнымъ умственнымъ развитіемъ. Въ мальчикѣ замѣчали необыкновенное умѣнье уловить въ окружающихъ лицахъ и предметахъ повидимому мелкіе, но всегда въ высокой степени характерные признаки, искусство ярко очертить вещь немногими живыми штрихами. Съ раннихъ лѣтъ Гоголь былъ оригиналенъ въ каждой шуткѣ, въ каждой дѣтской шалости, но больше всего въ развлеченіяхъ. Всѣ эти особенности, проявлявшіяся въ немъ еще въ отрочествѣ, преимущественно въ видѣ безсознательнаго, хотя и вполнѣ артистическаго копированія старшихъ, становились постепенно все зрѣлѣе и серьезнѣе и получали болѣе глубокую цѣль и значеніе. Сценическіе успѣхи его въ школѣ основывались на живомъ и поразительно вѣрномъ воспроизведеніи тѣхъ сторонъ, которыя ускользали отъ обыкновеннаго глаза. Юношей онъ уже въ совершенствѣ владѣлъ всѣми сценическими данными, особенно мимикой, но — что́ всего важнѣе — тонкимъ инстинктомъ художника ясно понималъ, къ чему долженъ стремиться и чего избѣгать настоящій актеръ. Ему удавалось достигать поражающихъ эффектовъ единственно необычайной правдивостью изображенія, безъ

всякихъ преднамѣренныхъ натяжекъ и въ самыхъ незначительныхъ роляхъ, особенно стариковъ и старухъ. Этой способностью онъ рѣшительно выдѣлялся среди другихъ товарищей, пробовавшихъ свои силы на сценѣ, особенно отличаясь отъ извѣстнаго впослѣдствіи Кукольника, полагавшаго верхъ искусства въ энергическихъ жестахъ и напыщенной декламаціи. Отсюда ясно вытекаетъ, что, какъ бы ни было важно для развитія таланта значеніе позднѣйшихъ вліяній и опыта жизни [1]), оно всегда остается по меньшей мѣрѣ второстепеннымъ. Такъ въ данномъ случаѣ въ обоихъ молодыхъ людяхъ, въ сущности съ первыхъ же шаговъ, рѣзко обозначились совершенно противоположные природные задатки, которые наложили роковую печать на всю ихъ послѣдующую дѣятельность, предопредѣливъ заранѣе одного быть творцомъ имѣющей великое значеніе въ исторіи русской литературы натуральной школы, другого—производить напыщенныя, ходульныя пьесы.

Объ игрѣ Гоголя такъ разсказываетъ одинъ изъ его школьныхъ товарищей: „Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ и въ смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходитъ крехтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, крехтитъ, хихикаетъ и кашляетъ, да, наконецъ, захихикалъ и закашлялъ такимъ удушливымъ и сильнымъ старческимъ кашлемъ, съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ“ [2]). Пріемъ, употребленный Гоголемъ, показался настолько неожиданнымъ и выходящимъ изъ ряду вонъ, что, несмотря на общія восторженныя одобренія, начальство было смущено и перепугано выходкой; бросились убѣждать Гоголя, но онъ былъ непоколебимо увѣренъ, что такъ именно и слѣдовало выполнить роль. Чтобы

[1]) Обстоятельства имѣли, конечно, различное значеніе въ жизни Гоголя въ смыслѣ развитія его таланта, какъ благопріятное, такъ и неблагопріятное; но такъ какъ природа, разсыпая свои дары, посылаетъ человѣку только силы для исполненія какой-нибудь задачи, ничѣмъ не гарантируя надлежащее ихъ употребленіе, то и Гоголь сдѣлалъ гораздо меньше того, къ чему былъ призванъ, и притомъ сдѣлалъ это въ значительной мѣрѣ благодаря Бѣлинскому, съумѣвшему взростить брошенныя имъ сѣмена и дать имъ новую жизнь.

[2]) „Берегъ“, 1880, № 268, статья В. Пашкова.—Гоголь превосходно игралъ также пяню Василису въ пьесѣ Крылова: „Урокъ дочкамъ“.

вполнѣ понять и оцѣнить значеніе произведеннаго впечатлѣнія, необходимо помнить, что гимназическіе спектакли при Гоголѣ были далеко не такими, какіе принято обыкновенно называть домашними; на нихъ во множествѣ стекалась избранная провинціальная публика, а иногда являлись и пріѣзжіе изъ ближайшихъ городовъ. Изъ неизданныхъ записокъ другого товарища дѣтства Гоголя мы можемъ извлечь объ этомъ слѣдующія подробности: „Театральныя представленія давались на праздникахъ. Мы съ Гоголемъ и съ Романовичемъ [1]) сами рисовали декораціи. Одна изъ рекреаціонныхъ залъ (онѣ назывались у насъ музеями) представляла всѣ удобства для устройства театра. Зрителями были, кромѣ нашихъ наставниковъ, сосѣдніе помѣщики и военные расположенной въ Нѣжинѣ дивизіи. Въ ихъ числѣ помню генераловъ: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Всѣ были въ восторгѣ отъ нашихъ представленій, которыя одушевляли мертвенный уѣздный городокъ и доставляли нѣкоторое развлеченіе случайному его обществу. Играли мы трагедіи Озерова, „Эдипа" и „Фингала", водевили, какую-то малороссійскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголемъ [2]), отъ которой публика надрывалась со смѣху. Но удачнѣе всего давалась у насъ комедія Фонвизина „Недоросль". Видалъ я эту пьесу и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, но сохранилъ всегда то убѣжденіе, что ни одной [3]) актрисѣ не удавалась роль Простаковой такъ хорошо, какъ игралъ эту роль шестнадцатилѣтній тогда Гоголь. Не менѣе удачно пятнадцатилѣтній тогда Несторъ Кукольникъ, худощавый и длинный, игралъ недоросля, а Данилевскій — Софью. Благодаря моей необыкновенной въ то время памяти доставались мнѣ самыя длинныя роли, Стародума, Эдипа и другія" [4]). Только-что приведенныя строки подтверждаются и воспоминаніями Данилевскаго; но послѣдній, признавая выдающіяся достоинства игры Кукольника, нѣсколько рельефнѣе оттѣняетъ отмѣченное выше различіе между его игрой и игрой Гоголя. Всѣ от-

[1]) Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ, старшій товарищъ Гоголя въ Нѣжинскомъ лицеѣ.

[2]) Здѣсь неточность: авторъ, вѣроятно, разумѣетъ комедію отца Гоголя.

[3]) Въ копіи, вѣроятно, ошибка: вм. *ни одной актрисѣ* написано: *молодой*.

[4]) Эти воспоминанія принадлежатъ лицу, занимавшему впослѣдствіи видное положеніе въ дипломатическомъ мірѣ.

зывы единогласно сходятся въ томъ, что Гоголь и Кукольникъ явили себя замѣчательными талантами еще на гимназической сценѣ. „Всѣ мы думали тогда",—замѣчаетъ первый цитированный нами разсказчикъ,—„что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ и всѣ данныя для игры на сценѣ: мимика, гримировка, перемѣнный голосъ и полнѣйшее перерожденіе въ роли, какія онъ играетъ. Думается, что Гоголь затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ-артистовъ, если бы вступилъ на сцену" [1]). Со временемъ искусное подражаніе пріемамъ, жестамъ и складу рѣчи доходило у Гоголя иногда до того, что люди, не видавшіе прежде ни разу нѣкоторыхъ его знакомыхъ, случалось, тотчасъ узнавали ихъ по его мастерскому заочному изображенію. Въ „Авторской Исповѣди" онъ такъ вспомнилъ объ этой своей замѣчательной способности художественно воспроизводить характеръ и рѣчь изображаемыхъ лицъ: „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, то-есть угадать, что̀ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей" [2]). Такимъ образомъ, если Гоголь не воспользовался этой драгоцѣнной способностью для сцены, то нѣтъ сомнѣнія, что этой способности прежде всего онъ обязанъ блестящими успѣхами на другомъ, гораздо болѣе славномъ поприщѣ, на которое былъ выдвинутъ не литературнымъ честолюбіемъ или иными случайными побужденіями, но именно непреодолимой внутренней потребностью воплощать въ осязательныя формы образы, мучительно роившіеся въ его воображеніи и достигавшіе поразительной яркости. Образы эти не воспринимались имъ только пассивно, извнѣ, какъ безсознательный и безсвязный матеріалъ, но, глубоко западая въ душу, возбуждали въ ней разнородныя чувства и представленія и, въ свою очередь, получали яркую субъективную окраску. Послѣднее обстоятельство и давало жизнь и силу творчеству, такъ какъ главную прелесть произведеніямъ Гоголя сообщаетъ нерѣдко внутренняя теплота чувства и живость проникнутой имъ картины, безъ которой рабски воспроизводи-

[1]) „Берегъ", статья Пашкова, передающая воспоминанія Т. Г. Пащенко. Это мнѣніе раздѣлялъ и самъ Гоголь. См. „Русскій Архивъ", 1871, 4—5, письмо къ В. А. Жуковскому, стр. 934.

[2]) Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 248.

мая дѣйствительность возбуждала бы сравнительно блѣдное впечатлѣніе. Каждое художественное произведеніе Гоголя неизмѣнно носитъ на себѣ печать глубокой оригинальности. Справедливо и тонко замѣтилъ одинъ весьма компетентный цѣнитель, что въ „развитіи своемъ Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой-либо другой изъ нашихъ первоклассныхъ писателей“ [1]). Но эта независимость прежде всего обусловливалась крайней оригинальностью натуры, смѣло пролагавшей свой собственный путь тамъ, гдѣ другіе слѣдовали авторитетамъ и искали опоры въ избранныхъ образцахъ.

Печать генія рѣзко выдѣляла Гоголя и въ самыхъ незначительныхъ, обыденныхъ случаяхъ жизни, гдѣ ея всего меньше можно было ожидать, и, какъ всего чаще случается, была замѣчена только тогда, когда его имя гремѣло и было навсегда покрыто безсмертною славой. Любопытно, что когда Гоголь юношей пріѣзжалъ изъ Нѣжина домой на каникулы, онъ такъ же поражалъ сосѣдей, какъ въ школѣ товарищей, преимущественно искуснымъ копированіемъ старшихъ, въ чемъ видѣли, впрочемъ, пока только балаганное фиглярство, нисколько не подозрѣвая, что изъ этого насмѣшливаго подростка, а особенно изъ этой его способности „пересмѣивать“, можетъ выйти со временемъ что-нибудь дѣльное. Въ такомъ невыгодномъ мнѣніи нельзя не видѣть отчасти слѣдовъ недовольства и раздраженія, но до извѣстной степени оно могло быть искреннимъ, тѣмъ болѣе, что, по собственному позднѣйшему признанію, въ ранніе годы поэтъ былъ склоненъ къ веселой безпечности и охотно давалъ волю безотчетно возникавшимъ иногда представленіямъ. Во время пріѣздовъ домой на каникулы характеръ его проявлялся весьма разнообразно и мнѣнія о немъ были несходныя, но по бо́льшей части невыгодныя. Однажды онъ такъ писалъ объ этомъ матери: „Я почитаюсь загадкой для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно. *У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей.* Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь [2]) меня называютъ

[1]) См. „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ („Современникъ“. 1856, 2, Критика, стр. 6). Статья принадлежитъ Чернышевскому.

[2]) Т.-е. въ Нѣжинѣ.

смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый кроткій, тихій, учтивый, въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный, въ третьемъ—болтливъ и докученъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ — глупъ“ [1]). Однимъ словомъ, оригинальная натура чувствовалась въ Гоголѣ многимъ, но понять или хотя повнимательнѣе вникнуть въ нее едва-ли кто изъ окружавшихъ былъ въ состояніи; большинство только отъ души смѣялось надъ жертвами его остроумія или сердилось за нихъ, а въ школѣ его часто даже наказывали за „шутовство и кривлянье“. Въ любопытныхъ воспоминаніяхъ А. М. Стороженка приведенъ между прочимъ слѣдующій отзывъ о Гоголѣ-юношѣ какого-то старичка изъ военныхъ, рекомендовавшаго его отцу молодого нѣжинскаго студента въ такихъ выраженіяхъ: „Это—Гоголь, сынокъ Марьи Ивановны, не много путнаго обѣщаетъ. Говорятъ, плохо учится и не уважаетъ своихъ наставниковъ. Вы не повѣрите, какая спичка этотъ *скубентъ;* вчера вечеромъ мы животы надрывали, слушая, какъ онъ передразнивалъ почтеннаго Карла Ивановича, сахаровара Р.“ [2]) Когда Гоголь, переселившись уже въ Петербургъ, просилъ однажды мать присылать ему сундуки съ старинными малороссійскими костюмами, то онъ дѣлалъ предположеніе, что сосѣди такъ станутъ толковать объ этомъ:

„На что̀ ему“, я думаю, поговариваетъ Домна Матвѣевна, „весь этотъ скарбъ?“—„То-то онъ еще съизмалу былъ затѣйникъ!“—прибавляетъ Олимпіада Ѳедоровна. „Они еще вмѣстѣ съ Симономъ, какъ пріѣзжали изъ Нѣжина, то выстругивали какой-то органъ изъ дерева“ [3]).

Такъ смотрѣли на Гоголя окружающіе, пока со всѣхъ концовъ Россіи не стали доноситься о немъ восторженные крики, какъ о восходящемъ крупномъ литературномъ свѣтилѣ; а вотъ образецъ его остроумныхъ юношескихъ шутокъ, сообщенный тѣмъ же Стороженкомъ:

„Послѣ обѣда кто-то дернулъ меня за фалдочку; оглянувшись, я увидѣлъ Гоголя. — Пойдемъ въ садъ, шепнулъ онъ,

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 71.

[2]) „Отечественныя Записки“, 1859, 4, стр. 75.

[3]) Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 140. Домна Матвѣевна Зарудная, Олимпіада Ѳедоровна Тимченко, сосѣдки М. И. Гоголь, Симонъ—дядька Гоголя, жившій при немъ въ нѣжинскомъ лицеѣ.

и довольно скоро пошелъ въ диванную; я послѣдовалъ за нимъ и, пройдя нѣсколько комнатъ, мы вышли на террассу"...

— Знаете-ли, что̀ сдѣлаемъ? сказалъ Гоголь: мы теперь свободны часа на три; пойдемъ въ лѣсъ?

— Пожалуй, отвѣчалъ я: — но какъ мы переберемся черезъ рѣку?

— Вѣроятно, тамъ отъищемъ челнокъ, а, можетъ-быть, и мостъ есть.—Мы спустились съ горы прямикомъ, перелѣзли черезъ заборъ и очутились въ узкомъ и длинномъ переулкѣ, въ родѣ того, какой раздѣлялъ усадьбы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

— Направо, или налѣво? спросилъ я, видя, что Гоголь съ нерѣшимостью посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону переулка.

— Далеко придется обходить, отвѣчалъ онъ.

— Что̀-жь дѣлать?

— Отправимся прямо.

— Черезъ леваду?

— Да.

— Пожалуй.

На основаніи принятой отъ поляковъ пословицы: „шляхтичъ на своемъ огородѣ равенъ воеводѣ", въ Малороссіи считается преступленіемъ нарушить спокойствіе владѣльца; но я былъ очень сговорчивъ и первый полѣзъ черезъ плетень. Внезапное наше появленіе произвело тревогу. Собаки лаяли, злобно кидаясь на насъ, куры съ крикомъ и кудахтаньемъ разбѣжались и мы не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ увидѣли высокую, дебелую молодицу, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, который жевалъ пирогъ съ вишнями и выпачкалъ себѣ лицо до ушей.

— Эй вы, школяры! закричала она: — зачѣмъ, что̀ тутъ забыли? Убирайтесь, пока не досталось вамъ по шеямъ!

— Вотъ злючка! сказалъ Гоголь и смѣло продолжалъ идти; я не отставалъ отъ него.

— Что̀-жь не слышите? продолжала молодица, озлобляясь: — оглохнули? Вонъ, говорю, курохваты, а не то позову *чоловика* (мужа), такъ онъ вамъ ноги поперебиваетъ, чтобъ въ другой разъ черезъ чужіе плетни не лазили!

— Постой, пробормоталъ Гоголь: я тебя еще не такъ разсержу!

— Что̀ вамъ нужно?... зачѣмъ пришли, ироды? грозно спросила молодица, остановясь въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ.

— Намъ сказали, отвѣчалъ спокойно Гоголь: что здѣсь живетъ молодица, у которой *дитина* похожа на поросенка.

— Что̀ такое? воскликнула молодица, съ недоумѣніемъ посматривая то на насъ, то на свое дѣтище.

— Да вотъ оно! вскричалъ Гоголь, указывая на ребенка:— какое сходство! настоящій поросенокъ!

— Удивительное, чистѣйшій поросенокъ! подхватилъ я, захохотавъ во все горло.

— Какъ! моя *дитина* похожа на поросенка! заревѣла молодица, блѣднѣя отъ злости: шибеники (достойные висѣлицы, сорванцы), чтобъ вы не дождали завтрашняго дня, сто болячекъ вамъ!... „Остапе, Остапе!“ закричала она, какъ-будто ее рѣзали, „скорѣй, Остапе!...“ и кинулась навстрѣчу мужу, который, не спѣша, подходилъ къ намъ, съ заступомъ въ рукахъ.

— Бей ихъ заступомъ! вопила молодица, указывая на насъ: — бей, говорю, шибениковъ! Знаешь-ли, что̀ они говорятъ?...

Чего ты такъ раскудахталась? спросилъ мужикъ, остановясь: — я думалъ, что съ тебя кожу сдираютъ.

— Послушай, Остапе, что̀ эти богомерзкіе школяры, ироды, выгадываютъ, задыхаясь отъ злобы, говорила молодица: — разсказываютъ, что наша *дитина* похожа на поросенка!

— Что̀-жъ, можетъ быть, и правда, отвѣчалъ мужикъ хладнокровно: — это тебѣ за то, что ты меня кабаномъ называешь.

Нѣтъ словъ выразить бѣшенства молодицы. Она бранилась, плевалась, проклинала мужа, насъ, и съ ругательствами, угрозами, отправилась въ хату. Не ожидая такой благополучной развязки, мы очень обрадовались, а Остапъ, понурившись, стоялъ, опершись на заступъ.

— Что̀ вамъ нужно, *паничи?* спросилъ онъ, когда брань его жены затихла.

— Мы пробираемся на ту сторону, сказалъ Гоголь, указывая на лѣсъ.

— Ступайте-жъ, по этой дорожкѣ: черезъ хату вамъ

было-бы ближе, да теперь тамъ не безопасно; жена моя не охотница до шутокъ и можетъ васъ поколотить.

Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, Остапъ остановилъ насъ.

— Послушайте, панычи, если вы увидите мою жену, не трогайте ее, не дразните, теперь и безъ того мнѣ будетъ съ нею возни на цѣлую недѣлю.

— Если мы и увидимъ, сказалъ Гоголь, улыбаясь, то помиримся.

— Не докажите этого, нѣтъ; вы не знаете моей жинки: станете мириться — еще хуже разбѣсите!

Мы пошли по указанной дорожкѣ.

— Сколько юмору, ума, такта! сказалъ съ одушевленіемъ Гоголь: другой-бы затѣялъ драку, и Богъ знаетъ чѣмъ-бы вся эта исторія кончилась, а онъ поступилъ какъ самый тонкій дипломатъ; все обратилъ въ шутку — настоящій Безбородко!

Выйдя изъ левады, мы повернули налѣво и, подходя къ хатѣ Остапа, увидѣли жену его, стоявшую возлѣ дверей. Ребенка держала она на лѣвой рукѣ, а правая вооружена была толстой палкой. Лицо ея было блѣдно, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей злобно сверкали черные глаза. Гоголь повернулся къ ней.

— Не трогайте ее, сказалъ я: — она еще вытянетъ васъ палкой.

— Не бойтесь, все кончится благополучно.

— Не подходи! закричала молодица, замахиваясь палкой: — ей Богу ударю!

— Безсовѣстная, Бога ты не боишься, говорилъ Гоголь, подходя къ ней и не обращая вниманія на угрозы. — Ну, скажи на милость, какъ тебѣ не грѣхъ думать, что твоя *дитина* похожа на поросенка?

— Зачѣмъ-же ты это говорилъ?

— Дура! шутокъ не понимаешь, а еще хотѣла, чтобъ Остапъ заступомъ проломалъ намъ головы; вѣдь ты знаешь, кто это такой? шепнулъ Гоголь, показывая на меня: это изъ суда чиновникъ, пріѣхалъ взыскивать недоимки.

— Зачѣмъ же вы, какъ злодіи (воры) лазите по плетнямъ, да собакъ дразните!

— Ну, полно-же, не къ лицу такой красивой молодицѣ

сердиться. — Славный у тебя хлопчикъ, знатный изъ него выйдетъ писарчукъ: когда выростетъ, громада выберетъ его въ головы.

Гоголь погладилъ по головѣ ребенка, и я подошелъ и также поласкалъ дитя.

— Не выберутъ, отвѣчала молодица смягчаясь: мы бѣдны, а въ головы выбираютъ только богатыхъ.

— Ну такъ въ москали возьмутъ.

— Боже сохрани!

— Эка важность! въ унтера произведутъ, придетъ до тебя въ отпускъ въ крестахъ, такимъ молодцомъ, что все село будетъ снимать передъ нимъ шапки, а какъ пойдетъ по улицѣ да брякнетъ шпорами, сабелькой, такъ дивчата будутъ глядѣть на него, да облизываться; „чей это?“ спросятъ „служивый?“... Какъ тебя зовутъ?...

— Мартой.

Мартинъ, скажутъ, да и молодецъ-же какой, точно намалеванный! а потомъ не придетъ уже, а пріѣдетъ къ тебѣ тройкой, въ кибиткѣ, офицеромъ и всякаго богатства съ собой навезетъ и гостинцевъ.

— Что это вы выгадываете — можно-ли?

— А почему-жъ нѣтъ? Мало ли теперь изъ унтеровъ выслуживаются въ офицеры!

— Да, конечно; вотъ Оксанинъ пятый годъ уже офицеромъ и Петровъ также, чуть-ли городничимъ не поставили его въ Лохвицу.

— Вотъ и твоего также поставятъ городничимъ въ Роменъ. Тогда-то заживешь! въ какомъ будешь почетѣ, уваженіи, одѣнутъ тебя какъ пани.

— Полно вамъ выгадывать неподобное! вскричала молодица, радостно захохотавъ: можно-ли человѣку дожить до такого счастья?

Тутъ Гоголь съ необыкновенною увлекательностію началъ описывать привольное ея житье въ Ромнахъ: какъ квартальные будутъ передъ нею расталкивать народъ, когда она войдетъ въ церковь, какъ купцы будутъ угощать ее и подносить варенуху на серебряномъ подносѣ, низко кланяясь и величая сударыней-матушкой; какъ во время ярмарки она будетъ ходить по лавкамъ и брать на выборъ, какъ изъ собственнаго сундука, разные товары безплатно; какъ сынъ ея

женится на богатой панночкѣ, и тому подобное. Молодица слушала Гоголя съ напряженнымъ вниманіемъ, ловила каждое его слово. Глаза ея сіяли радостно; щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Бѣдный мой Аверко, восклицала она, нѣжно прижимая дитя къ груди: — смѣются надъ нами, смѣются!

Но Аверко не льнулъ къ груди матери, а пристально смотрѣлъ на Гоголя, какъ-будто понималъ и также интересовался его разсказомъ, и когда онъ кончилъ, то Аверко, какъ-бы въ награду, подалъ ему свой недоѣденный пирогъ, сказавъ отрывисто: „на"!

— Видишь-ли, какой разумный и добрый, сказалъ Гоголь:—вотъ что̀ значитъ казакъ: еще на рукахъ, а уже разумнѣй своей матери; а ты еще умничаешь, да хочешь верховодить надъ мужемъ, и сердилась на него за то, что онъ намъ костей не переломалъ.

— Простите, паночку, отвѣчала молодица, низко кланяясь:—я не знала, что вы такіе добрые панычи. Сказано, у бабы волосъ долгій, а умъ короткій. Конечно, жена всегда глупѣе чоловика и должна слушать и повиноваться ему — такъ и въ святомъ писаніи написано.

Остапъ показался изъ-за угла хаты и прервалъ рѣчь Марты.

— Третій годъ женатъ, сказалъ онъ, съ удивленіемъ посматривая на Гоголя: — и впервые пришлось услышать отъ жены разумное слово. Нѣтъ, панычу, воля ваша, а что̀-то не простое: я шелъ сюда и боялся, чтобъ она вамъ носовъ не откусала, ажъ, смотрю вы ее въ *ягничку* (овечку) обернули.

— Послушай, Остапе, ласково отозвалась Марта: — послушай, что̀ панычъ разсказываетъ!

Но Остапъ, не слушая жены, съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на Гоголя.

— Не простое, ей-ей не простое, бормоталъ онъ: — просто чаровникъ (чародѣй)! Смотри, какая добрая и разумная стала, и святое писаніе знаетъ, какъ-будто грамотная.

Я также раздѣлялъ мнѣніе Остапа: искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта, еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобъ играть имъ

какъ мячикомъ; но Гоголь безсознательно, силою своего генія, постигалъ уже тайные изгибы сердца.

— Разскажите-же, паночку, просила Марта Гоголя умоляющимъ голосомъ: — Остапе, послушай!

— Послѣ разскажу, отвѣчалъ Гоголь, а теперь научите, какъ намъ переправиться черезъ рѣку.

— Я попрошу у Кондрата челнокъ, сказала Марта и, передавъ дитя на руки мужа, побѣжала въ сосѣднюю хату.

Мы не успѣли дойти до мѣста, гдѣ была лодка, какъ Марта догнала насъ, съ весломъ въ рукѣ.

— Удивляюсь вамъ, сказалъ я Гоголю:—когда вы успѣли такъ хорошо изучить характеръ поселянъ.

— Ахъ! если-бъ въ самомъ дѣлѣ это было такъ, отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ: тогда всю жизнь свою я посвятилъ-бы любезной моей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ ихъ обычаями, повѣрьями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатый.

Лицо Гоголя горѣло яркимъ румянцемъ; взглядъ сверкалъ вдохновенно. Веселая, насмѣшливая улыбка исчезла и физіономія его приняла выраженіе серьезное, степенное“ [1]).

II.

Литературные опыты Гоголя начались, какъ извѣстно, еще въ лицеѣ.

Заимствуемъ изъ названныхъ выше рукописныхъ воспоминаній слѣдующія любопытныя подробности.

„Сверхклассныя занятія наши не ограничивались театромъ. Въ 1825, 26, 27 годахъ нашъ литературный кружокъ сталъ издавать свои журналы и альманахи, разумѣется, рукописные. Вдвоемъ съ Гоголемъ, лучшимъ моимъ пріятелемъ, хотя и не обходилось дѣло безъ ссоръ и безъ драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемѣсячный журналъ страницъ въ пятьдесятъ и шестьдесятъ въ желтой обертке съ виньетками нашего издѣлія, со всѣми притязаніями дѣльнаго литературнаго обозрѣнія. Въ немъ были отдѣлы белле-

[1]) „Отеч. Записки“, 1859 г., № 4, т. 123, стр. 74—79.

тристики, разборы современныхъ лучшихъ произведеній русской литературы, была и мѣстная критика, въ которой преимущественно Гоголь поднималъ на смѣхъ нашихъ преподавателей подъ вымышленными именами. Кукольникъ издавалъ также свой журналъ, въ которомъ помѣщалъ первые опыты своихъ драматическихъ произведеній. По воскресеньямъ собирался кружокъ, человѣкъ въ 15 — 20 старшаго возраста, и читались наши труды и шли толки и споры"...

Гоголь въ „Авторской Исповѣди" говоритъ о себѣ, что онъ „въ послѣднее время пребыванія въ школѣ получилъ навыкъ къ сочиненіямъ, которыя были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ" [1]). Къ такимъ произведеніямъ, кромѣ указанныхъ г. Кулишомъ опытовъ и идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ", слѣдуетъ отнести написанный имъ и потомъ уничтоженный романъ, одна глава изъ котораго была въ 1831 г. напечатана въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты". Основаніемъ для такого утвержденія служитъ собственное указаніе Гоголя, что въ книжкѣ, посылаемой имъ матери, послѣдняя найдетъ статью, которую онъ писалъ, бывши еще въ нѣжинской гимназіи. Статья подписана четырьмя О [2]). Между тѣмъ извѣстно, что подъ этой подписью была напечатана единственно глава изъ историческаго романа „Гетманъ". „Первая часть была написана и сожжена",— объясняетъ въ примѣчаніи Гоголь,—„потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ". Словамъ Гоголя нѣтъ основанія не вѣрить: если Марья Ивановна склонна была чрезмѣрно обольщаться успѣхами сына и приписывать ему многое, что̀ вовсе ему не принадлежало, то Гоголь во всякомъ случаѣ не могъ такъ безцеремонно обманывать мать, чтобы напомнить ей то̀, чего даже никогда не было. Въ справедливости словъ Гоголя убѣждаетъ также самое начало отрывка („Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу"), а равно и упоминаніе о какой-то Бригиттѣ, очевидно героинѣ романа или какой-нибудь наперсницѣ. Итакъ это былъ въ самомъ дѣлѣ фрагментъ, уцѣлѣвшій отъ крупнаго произведенія, вѣроятно одного изъ тѣхъ, которые Гоголь помѣщалъ въ рукописномъ лицейскомъ журналѣ „Звѣзда". Вѣроятно, романъ, привезенный въ

---

1) Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 248.
2) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 134.

Петербургъ вмѣстѣ съ „Ганцемъ Кюхельгартеномъ", послѣ рѣшительной неудачи съ идилліей, подвергся одинаковой съ ней участи, на что намекаетъ и авторъ въ небольшомъ объяснительномъ примѣчаніи; избранная же для печати глава, надо полагать, выдѣлялась особенно эффектомъ неожиданной встрѣчи Лапчинскаго съ Глечикомъ. Замѣчательно, что проблески сильнаго дарованія видны уже и въ этомъ еще совершенно незрѣломъ произведеніи. Въ томъ видѣ, несомнѣнно значительно исправленномъ и измѣненномъ, въ какомъ мы читаемъ теперь главу изъ историческаго романа, она представляетъ много изящныхъ выраженій, чрезвычайно художественныхъ и часто неожиданныхъ сравненій; мѣстами среди многихъ недостатковъ, глава эта блещетъ перлами истинно гоголевскаго юмора и обличаетъ мастерскую кисть первокласснаго писателя, но въ общемъ все-таки представляется чрезвычайно вялой и безцвѣтной, въ сравненіи хоть бы съ первыми же разсказами „Вечеровъ на Хуторѣ". Впрочемъ Бѣлинскій видѣлъ уже въ этой главѣ залогъ великой надежды и отнесся къ ней весьма благосклонно [1]). По нашему мнѣнію, эта глава, написанная еще дѣтской рукой будущаго генія, должна служить любопытнымъ матеріаломъ для изученія художественнаго развитія Гоголя, такъ какъ въ ней вездѣ видны слѣды борьбы художественныхъ пріемовъ съ нѣкоторой юношеской неопытностью, но самостоятельнаго интереса романъ, конечно, не могъ бы представлять. Самъ авторъ, печатая его, смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на черновой набросокъ, который хотя и былъ позднѣе повторенъ въ „Арабескахъ", но нисколько не внушалъ мысли о переработкѣ цѣлаго [2]). Любопытно, что, посылая этотъ отрывокъ матери, Гоголь счелъ нужнымъ прибавить: „Какъ попала (въ альманахъ) статья, я никакъ не могу понять. Издатели говорятъ, что они давно получили ее при письмѣ отъ неизвѣстнаго, и еслибы прежде знали, что моя, то не помѣстили бы, не спросивши напередъ меня, и потому *я васъ прошу не объявлять ее моею никому* [3]);

[1]) См. Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 234.

[2]) Н. С. Тихонравовъ относитъ этотъ отрывокъ къ 1830 г., какъ помѣчено и въ „Арабескахъ", но это относится, конечно, уже къ окончательной *редакціи* отрывка.

[3]) Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ намъ. Мѣсто это см. въ Соч. Гоголя изд. Кулиша, т. V, стр. 134.

сохраняйте ее для себя". Зная теперь характеръ Марьи Ивановны [1]), мы ни на минуту не можемъ усомниться, что это предупрежденіе имѣло цѣлью удержать ее отъ похвальбы сочиненіемъ сына. Для Гоголя представляло большой интересъ испытать свои силы и узнать, можетъ ли имѣть значеніе его юношескій трудъ, но, при крайне щекотливомъ авторскомъ самолюбіи, какимъ онъ отличался въ молодости, онъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ отдавать его на судъ публики подъ собственнымъ именемъ. „Пріятно",—продолжаетъ онъ,—„похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ, но тѣмъ, что̀ носитъ на себѣ печать *младенческаго* несовершенства, не совсѣмъ пріятно". Какъ всегда случалось съ Гоголемъ, создавъ лучшее, онъ чувствовалъ уже отвращеніе къ написанному раньше и могъ рискнуть напечатать раннiй опытъ, только ободренный первымъ литературнымъ успѣхомъ. Что Гоголь именно такъ смотрѣлъ на отрывокъ, доказывается и перенесеніемъ изъ него нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ поэтическихъ подробностей въ другія, позднѣйшія произведенія. Ср., напр., замѣчаніе о юморѣ малороссіянъ здѣсь и въ „Тарасѣ Бульбѣ", разспросы и неточные отвѣты о разстояніи здѣсь и въ разсказѣ о поѣздкѣ Чичикова къ Манилову, пробужденіе всадника Лапчинскаго отъ думъ вслѣдствіе неровности дороги и Чичикова въ нѣсколькихъ мѣстахъ поэмы, въ подобныхъ же случаяхъ неожиданный эффектъ при объявленіи своего имени Глечикомъ и сходный случай въ „Мертвыхъ Душахъ" [2]).

Разсматривая главу изъ историческаго романа съ стили-

[1]) Кромѣ всего сообщеннаго нами о матери Гоголя мы рекомендовали бы также вниманію читателей слѣдующія статьи: „Марья Ивановна Гоголь". біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской („Русская Старина", 1887, 3). статью Трахимовскаго съ тѣмъ же заглавіемъ „Русская Старина", 1888, 7) „Отношенія Гоголя къ матери" А. М. Черницкой („Историческій Вѣстникъ". 1889, 6).

[2]) Кромѣ того есть много другихъ, болѣе мелкихъ. но тѣмъ не менѣе поразительныхъ чертъ сходства между разсматриваемой главой и позднѣйшими произведеніями. Достаточно сравнить, напр., два отрывка: „Часто дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами" и пр. (Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 130). Въ Украйнѣ „разновидная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею; она раскинула степи прекрасныя, вольныя, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ и по вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ" и проч. (тамъ же, стр. 199).

стической точки зрѣнія, нельзя не обратить вниманія на признаки, общіе ей съ другими наиболѣе ранними произведеніями Гоголя. Еще критика Полеваго отмѣтила въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ нѣкоторыя излишества въ сравненіяхъ и метафорахъ, хотя эти сравненія и метафоры очень удачны. То же находимъ и въ занимающемъ насъ отрывкѣ [1]). Со стороны содержанія въ высшей степени любопытенъ выборъ сюжета изъ историческаго прошлаго Малороссіи; здѣсь сказалась въ Гоголѣ и любовь къ родной Украйнѣ, и близкое знакомство съ ея бытомъ и нравами, и знаніе человѣческаго характера вообще, а малороссійскаго въ особенности, наконецъ умѣнье драматически вести разговоры дѣйствующихъ лицъ. Выборъ сюжета важенъ и потому, что подтверждаетъ показаніе А. С. Данилевскаго, что Гоголь еще въ дѣтствѣ живо интересовался исторіей, и этотъ же фактъ слѣдуетъ привести въ связь съ позднѣйшимъ выборомъ имъ профессіи преподавателя исторіи сначала въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ и въ университетѣ.

Гораздо ниже въ художественномъ отношеніи другой отрывокъ изъ того же романа, озаглавленный: „Плѣнникъ“; но и онъ вошелъ въ „Арабески“, хотя Гоголь и не рѣшался напечатать его въ журналѣ. Неизвѣстно, было ли одно изъ этихъ сочиненій тѣмъ избраннымъ, которое Гоголь, ученикомъ лицея, мечталъ преподнести „его превосходительству Дмитрію Прокофьевичу“ (Трóщинскому), но что Гоголь не разъ присылалъ изъ Нѣжина матери лучшія свои сочиненія—видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ переписки [2]). Въ его колебаніяхъ представить сочиненіе на судъ сначала Трóщинскаго, а потомъ и всей публики, слѣдуетъ видѣть не столько строгость къ себѣ „взыскательнаго художника“, которая явилась позднѣе, сколько простую мнительность новичка; иначе онъ не включилъ бы впослѣдствіи эти отрывки въ „Арабески“. Нѣкоторые образы изъ „Плѣнника“ вошли впослѣдствіи въ переработанномъ видѣ въ VI главу „Тараса Бульбы“ (описаніе церкви во время осады). Но замѣчаніе объ испор-

[1]) „Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало-по-малу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый Божій міръ“ и проч.

[2]) «Соч. и письма Гоголя», изд. Кулиша, т. V, стр. 30, 37 и 40.

ченномъ вкусѣ византійской архитектуры было внесено позднѣе, когда Гоголь въ Петербургѣ и въ первую поѣздку заграницу особенно развилъ въ себѣ вкусъ къ искусствамъ.

III.

Притокъ новыхъ впечатлѣній, охватившихъ Гоголя въ Петербургѣ, и быстро расширившійся жизненный опытъ оказали самое могущественное дѣйствіе на его настроеніе и характеръ творчества. Если знакомство съ Петербургомъ не разъ производило переломъ въ людяхъ среднихъ лѣтъ и съ установившимися убѣжденіями, то, конечно, оно не могло не отразиться весьма замѣтно на всемъ складѣ нравственной личности только-что вступающаго въ жизнь и по природѣ крайне впечатлительнаго юноши. Заранѣе составленныя представленія о столицѣ не оправдались, и мечтательное настроеніе, создавшее „Ганца Кюхельгартена", исчезло при встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Несостоятельность его стала ясна Гоголю и заставила его обратиться къ новымъ идеаламъ, такъ что если онъ не оставилъ мысли напечатать „Ганца Кюхельгартена", то во всякомъ случаѣ онъ не могъ больше вѣрить въ достоинство своихъ дѣтскихъ грёзъ, что̀ и сказалось уже въ предисловіи. Еще до неудачи „Ганца" онъ намѣтилъ себѣ иной путь и задачи для творчества.

Но какъ бы скоро ни смѣнялись его планы дѣятельности, во всякомъ случаѣ необходимо допустить для этого извѣстный промежутокъ времени, тѣмъ болѣе, что первые мѣсяцы въ Петербургѣ прошли въ ознакомленіи со столицей и новыми условіями жизни. Слѣдовательно, если первые мѣсяцы 1829 г. были отчасти посвящены обработкѣ и приготовленію къ печати „Ганца Кюхельгартена", то уже тогда, подъ вліяніемъ страстныхъ воспоминаній о родинѣ, постепенно зародилась и развилась мысль о малороссійскихъ повѣстяхъ и разсказахъ. Вѣдь извѣстно, что Гоголь имѣлъ наклонность съ особенной яркостью воскрешать въ своемъ представленіи картины покинутаго имъ быта.

Основная канва „Вечеровъ на Хуторѣ" во всякомъ случаѣ должна была возникнуть изъ наблюденій, накопившихся съ дѣтства, но особенно въ промежутокъ послѣ окончанія Гого-

лемъ курса въ Нѣжинѣ до отъѣзда въ Петербургъ, когда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ пробылъ дома безъ дѣла и въ ожиданіи предстоящей поѣздки ему ничего не представлялось иного, какъ наблюдать окружающую жизнь. Не только о систематическомъ, но даже о сколько-нибудь сознательномъ и преднамѣренномъ собираніи матеріаловъ здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ самая мысль о „Вечерахъ" явилась позже, и тогда-то Гоголь живо почувствовалъ отрывочность и неполноту накопившихся у него данныхъ. Гоголь ясно сознаіъ, что ему уже нельзя было довольствоваться одними собственными наблюденіями, какъ бы ни были богаты и ярки сложившіеся на основаніи ихъ художественные образы; это было неизбѣжно по самому возрасту автора и особенно по отсутствію вполнѣ опредѣленной цѣли, на которую могли быть направлены его наблюденія. Поэтому, вѣроятно, ему не удалось кончить ни одного изъ своихъ исключительно бытовыхъ малороссійскихъ разсказовъ, написанныхъ до возвращенія его въ Малороссію лѣтомъ 1832 года. Такъ въ повѣсти „Страшный Кабанъ" прекрасно отразились уже главныя особенности таланта Гоголя, и если она не была вполнѣ обработана и доведена до конца, то, безъ сомнѣнія, по недостатку повѣствовательнаго, но никакъ не описательнаго матеріала. Повѣсть эта, кстати, думается намъ, создалась благодаря потребности нарисовать такую же картину захолустной малороссійской жизни, подобную которой Гоголь позднѣе далъ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ". Конечно, мы видимъ здѣсь лишь самое общее сходство, но любопытно, что и въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ" описательный элементъ значительно преобладаетъ надъ повѣствовательнымъ. Неоконченной осталась также другая исключительно бытовая малороссійская повѣсть: „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка". Напротивъ, пріѣзды Гоголя въ Малороссію лѣтомъ 1832 и 1835 годовъ уже дали ему возможность обновить и расширить запасъ юношескихъ наблюденій, и уже послѣ перваго изъ нихъ создались такія произведенія, какъ „Старосвѣтскіе Помѣщики" и „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ".

Мысль о „Вечерахъ" возникла приблизительно въ то время, когда Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ сталъ просить мать о присылкѣ ему малороссійскихъ сказокъ, легендъ и преданій.

По самой формѣ, въ какой она высказывалась, видно, что это была новая, свѣжая мысль, да иначе и быть не могло, такъ какъ въ противномъ случаѣ просьба эта была бы заявлена раньше, да и самъ Гоголь не пропустилъ бы, конечно, возможности лично участвовать въ дѣлѣ и руководить имъ. По собственнымъ словамъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди", онъ долго не сознавалъ своего призванія и мечталъ преимущественно объ успѣхахъ по службѣ [1]); притомъ даже въ первые мѣсяцы своей жизни въ Петербургѣ онъ не имѣлъ въ сущности никакихъ данныхъ для увѣреннаго посвященія себя литературѣ; все это выяснилось позднѣе, а пока онъ слѣдовалъ единственно инстинкту творчества. Въ то же время Гоголь поручалъ прислать ему изъ дому и комедіи отца, „такъ какъ въ Петербургѣ занимаетъ всѣхъ все малороссійское". „Я постараюсь попробовать",—говорилъ онъ,—„нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній (петербургскій) театръ. За это, по крайней мѣрѣ, *достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ*, а по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему, и такъ далѣе" [2]). Такъ преимущественно съ матеріальной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на дѣло вначалѣ. Тоска по Украйнѣ въ далекой столицѣ, гнетъ нужды и могучій призывъ таланта соединились вмѣстѣ, чтобы навести Гоголя на мысль о малороссійскихъ повѣстяхъ, которая, впрочемъ, какъ мы видѣли, блеснула ему на минуту и раньше [3]).

Уже изъ первыхъ писемъ къ матери съ просьбами о присылкѣ матеріаловъ ясно, что вскорѣ мысль о повѣстяхъ достаточно созрѣла въ головѣ поэта и успѣлъ даже отчасти обозначиться планъ. Замѣчательно, напримѣръ, что Гоголь хлопочетъ преимущественно о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя ему тотчасъ же пригодились для „Вечера наканунѣ Ивана Купала". Всѣ просьбы его были исполнены съ большою готовностью: для обожаемаго сына Марья Ивановна подняла на ноги весь домъ и старалась привлечь къ дѣлу и постороннихъ, но особенно потрудилась старшая изъ сестеръ Го-

1) „Соч. Гоголя", изд. 10-е, т. IV, стр. 248.
2) „Соч. и письма Гог.", изд. Кулиша, т. V, стр. 82.
3) См. выше, стр. 250.

голя, Марья Васильевна. Конечно, все это потребовало времени, и даже черезъ мѣсяцъ Гоголь, не получивъ еще ничего, повторяетъ просьбу: „Я думаю, вы не забудете извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу“ [1]). Что Гоголь не былъ и послѣ разочарованъ въ значеніи получаемыхъ имъ изъ дому матеріаловъ и охотно ими пользовался, несомнѣнно потому, что почти въ каждомъ письмѣ онъ повторялъ свою просьбу, а однажды даже прямо призналъ любопытными и драгоцѣнными пѣсни, собранныя для него матерью, сестрой, теткой [2]), наконецъ, также двумя приживалками матери [3]). Иногда же, какъ было сказано, число сотрудниковъ увеличивалось и сторонними лицами; такъ однажды Гоголь поручалъ матери благодарить отъ его имени какого-то Савву Кирилловича [4]),—вѣроятно, одного изъ сосѣдей, но не изъ короткихъ знакомыхъ, судя по тому, что его почти совсѣмъ отказывался припомнить А. С. Данилевскій, а также и Анна Васильевна Гоголь, которая, впрочемъ, была въ то время ребенкомъ. Между сообщеніями этихъ лицъ, безъ сомнѣнія, встрѣчались разсказы о кладахъ, описанія игръ, преданій, повѣрій. Во всякомъ случаѣ помощь, оказанная Гоголю въ его трудѣ родственниками, была немаловажная. Хотя мы не имѣемъ возможности опредѣлить, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, какую именно роль играли собранныя ими свѣдѣнія въ ряду другихъ источниковъ для „Вечеровъ“; но, внимательно вчитываясь въ переписку, можно отмѣтить нѣсколько соображеній.

Во-первыхъ, интересъ къ предположенной работѣ въ теченіе болѣе чѣмъ годичнаго промежутка времени, когда Гоголь могъ посвящать свое время обработкѣ матеріаловъ для „Вечеровъ“, былъ у него далеко не одинаковый. Вся эта работа творчества, по нашему мнѣнію, не должна быть разсматриваема самостоятельно и безъ связи съ матеріальной обстановкой и прозаическими заботами, наполнявшими въ

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 83.

[2]) Екатериной Ивановной Ходаревской, сестрой Марьи Ивановны Гоголь.

[3]) Тамъ же, стр. 107.

[4]) Тамъ же, стр. 88.

данный періодъ почти все существованіе Гоголя. Такъ едва-ли можно сомнѣваться, что въ 1829 году, подъ вліяніемъ цѣлой совокупности разныхъ причинъ, Гоголь имѣлъ возможность развѣ приступить къ „Вечерамъ на Хуторѣ", тогда какъ, напротивъ, въ послѣдующіе годы его творчество шло несравненно успѣшнѣе. Уже одно то надо помнить, что это былъ годъ волненій и безпокойныхъ, лихорадочныхъ порывовъ. Трудно предположить возможность сосредоточенной работы, когда приходится убѣждаться изъ каждаго письма, что Гоголь въ первые мѣсяцы своей петербургской жизни положительно бросался во всѣ стороны, постоянно переходя отъ одного настроенія къ другому. Иногда инстинктивная увѣренность въ своихъ силахъ внушала ему бодрость при встрѣчѣ съ житейскими испытаніями. „Знаю", писалъ онъ, „что еслибы втрое, вчетверо, всотеро разъ было болѣе нуждъ, и тогда онѣ не поколебали бы меня и не остановили меня на моей дорогѣ" [1]). Но снова его сжимала нужда, и тогда тонъ невольно понижался. „Вездѣ,—жаловался онъ тогда,—я встрѣчалъ однѣ неудачи, и что̀ всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать" [2]). Когда А. С. Данилевскій, сожитель Гоголя, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, послѣднему стало еще тяжелѣе: всѣ расходы, распредѣлявшіеся прежде между двоими, обрушиваются на одного Гоголя. Къ этому присоединялись одна за другой разныя иныя неудачи, но были и надежды: передъ самымъ отъѣздомъ за-границу Гоголь могъ надѣяться на полученіе должности уже съ окладомъ въ тысячу рублей... Гоголь, какъ извѣстно, собрался въ путь чрезвычайно быстро [3]), не смущаясь никакими помѣхами и остановками, взявъ деньги изъ опекунскаго совѣта, а нѣкоторыя необходимыя вещи (шубу, часть бѣлья)—у своего друга Данилевскаго [4]). Собравшись въ дорогу, онъ получилъ, наконецъ, изъ дому давно нетерпѣливо ожидаемыя свѣдѣнія, но уже не успѣлъ ими воспользоваться, и тѣмъ болѣе, конечно, не имѣлъ ни возможности,

[1]) „Соч. и письма Гоголя", изд. Кулиша, т. V, стр. 78.

[2]) Тамъ же, стр. 85.

[3]) Тамъ же, стр. 88.

[4]) По весьма вѣроятному предположенію г. Тихонравова, поѣздка была предпринята преимущественно подъ впечатлѣніемъ свѣжей раны отъ неудачи „Ганца Кюхельгартена".

ни охоты посвятить имъ время за-границей. Во время поѣздки ему неизбѣжно должны были представиться мелкія дорожныя хлопоты и заботы; онъ былъ неспокоенъ духомъ, мучился безпокойствомъ и угрызеніями совѣсти, колебался, продолжать ли путь, или вернуться назадъ, наконецъ, предавался, насколько это было возможно въ его настроеніи, новымъ, неизвѣданнымъ впечатлѣніямъ [1]). Обстановка едва-ли была благопріятна для творчества, да и самыя впечатлѣнія дороги были сильно отравлены. Скоро пришлось раскаиваться въ необдуманномъ поступкѣ. Сколько борьбы съ собственной совѣстью слышится хоть бы въ наивномъ, повидимому, намѣреніи успокоить и себя, и мать тѣмъ соображеніемъ, что вѣдь „письма только четырьмя днями позднѣе будутъ доходить“ [2]).

Между тѣмъ подъ вліяніемъ неудачъ Гоголь сталъ строже относиться къ себѣ и все больше утверждался въ рѣшеніи не спѣшить обнародованіемъ своего труда. Измѣнивъ во многомъ свои взгляды, онъ оставался твердъ въ этомъ убѣжденіи. Еще до поѣздки за-границу онъ писалъ матери: „Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе нужна мнѣ точность... Въ тиши уединенія я

1) Въ одномъ иностранномъ сочиненіи „Literarische Streifzüge durch Russland“, Цабеля, намъ попалось слѣдующее курьезное сообщеніе о Гоголѣ: „Nachdem er seine Schulstudien in Neschin beendigt hatte, siedelte er nach Petersburg über, wo er in sehr abenteuerliche Verhältnisse hineingerieth. Er versuchte als Schreiber in einem Ministerium seinen Lebensunterhalt zu bestreiten, und als das nicht ging, gedachte er zuerst russicher, dann deutscher Schauspieler zu werden, wobei er bis nach Hamburg verschlagen wurde“ (стр. 15).

2) Но польза отъ путешествія была несомнѣнная, потому что съ этихъ поръ, подъ вліяніемъ впечатлѣній, оставленныхъ въ Гоголѣ видомъ нѣмецкихъ старинныхъ городковъ съ ихъ оригинальнымъ характеромъ, съ изящными готическими постройками, у него усилилась страсть къ живописи и архитектурѣ. Слѣды этого вліянія, между прочимъ, ясно видны изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки: „Прошу васъ приказать вымѣрять длину, ширину, вышину дома, и каждой комнаты порознь или, лучше,—приказать кому-либо знающему написать планъ и фасадъ въ нынѣшнемъ его состояніи съ масштабомъ. Я нашелъ способъ расположить его чрезвычайно удобно при самой небольшой передѣлкѣ, на манеръ нѣкоторыхъ домовъ, *видѣнныхъ мною въ Германіи*» (изданіе Кулиша, V, 99). Въ слѣдующемъ письмѣ онъ снова говоритъ: «Я хотѣлъ-было сначала дать дому фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ *на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ*» (тамъ же, стр. 101). Это направленіе вкуса отразилось вскорѣ въ статьяхъ: «Женщина», «Скульптура, живопись и музыка».

готовлю запасъ, *котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ;* я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно“ [1]). Почти черезъ годъ онъ повторяетъ: „Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ“ [2]).

Можно установить приблизительно, что интересъ къ труду надъ „Вечерами“ возникъ въ апрѣлѣ 1829 г. и постепенно возросталъ до поѣздки за-границу, затѣмъ онъ на время значительно ослабѣваетъ. Въ первомъ письмѣ, въ которомъ Гоголь проситъ сообщить ему малороссійскія преданія, онъ совсѣмъ не говоритъ о своей настоящей цѣли, можетъ быть не вполнѣ выяснившейся и находившейся на степени предположенія, и упоминаетъ лишь, что желаемыя имъ свѣдѣнія будутъ для него „весьма занимательны“ — и только. Конецъ письма показываетъ ясно, что онъ смотрѣлъ на дѣло пока не больше какъ на попытку; что надежда на удачную художественную обработку ожидаемаго матеріала была одной изъ тѣхъ разнообразныхъ надеждъ, которымъ онъ тогда предавался. Но онъ уже проситъ мать чаще писать ему, по два раза въ мѣсяцъ, „тѣмъ болѣе, что самыя наблюденія того требуютъ“ [3]). И дѣйствительно, съ этихъ поръ переписка оживляется. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ писемъ, изъ которыхъ видно, что замыселъ опредѣляется, зрѣетъ; были намѣчены вопросы и указывалась программа, которой надо было слѣдовать при отыскиваніи матеріаловъ. Такъ въ одномъ письмѣ Гоголь проситъ особенно прислать описаніе нѣкоторыхъ карточныхъ игръ, что̀ заставляетъ думать, что у него смутно мелькала мысль о разсказѣ „Пропавшая Грамата“. Онъ проситъ также сообщать о духахъ и нечистыхъ съ ихъ дѣлами. Понятно, что скорое полученіе отвѣта становится для него предметомъ большой важности, но между тѣмъ какой деликатный, какой умѣренный тонъ просьбы! Мы говорили, что въ печати высказывалось мнѣніе о грубомъ, эгоистическомъ отношеніи Гоголя къ матери; но достаточно обратить вниманіе на только-что указанный фактъ, чтобы убѣдиться, что это мнѣніе несправедливо. Можно скорѣе удивляться, какъ

1) „Соч. и письма Гоголя“, изданіе Кулиша, т. V, стр. 88.
2) Тамъ же, стр. 114.
3) Тамъ же, стр. 82.

терпѣливо и сдержанно дожидался Гоголь сообщеній изъ дому, хотя съ другой стороны это происходило и отъ твердой увѣренности, что горячо любящая мать съ полнымъ вниманіемъ отнесется къ каждой незначительной просьбѣ, такъ что и степень важности ея долго не указывается. Многихъ свѣдѣній Гоголю, конечно, не могли доставить по его желанію; нѣкоторыя замѣнялись свѣдѣніями соотвѣтствующаго характера. Такъ Гоголю, вѣроятно, не были доставлены описанія карточныхъ игръ въ панфиля и въ пашокъ, и онъ долженъ былъ въ „Пропавшей Граматѣ" ограничиться разсказомъ дѣда объ игрѣ въ дурни, тогда какъ не можетъ быть сомнѣнія, что еслибы желаемыя свѣдѣнія были получены, то онъ непремѣнно воспользовался бы ими съ цѣлью придать разсказу наиболѣе яркій малороссійскій колоритъ. Также вмѣсто описанія хороводной игры въ хрещика и въ журавля, очевидно, было доставлено описаніе игры въ ворона, которое и вошло въ „Майскую Ночь". Въ этой замѣнѣ можно легко убѣдиться по сходству игръ: обѣ онѣ хороводныя, весеннія и въ обѣихъ принимаютъ участіе однѣ дѣвушки [1]).

По нетерпѣливому ожиданію матеріаловъ, по характеру самыхъ просьбъ, ясно указывающихъ на постепенное выясненіе плана, становится вѣроятнымъ, что Гоголь принялся за трудъ еще до полученія отвѣта изъ дому. Даже передъ самымъ отъѣздомъ за-границу, когда мысли его были отвлечены въ другую сторону, онъ писалъ, что „готовитъ запасъ въ тиши уединенія". Но не говоря уже о томъ, что во время

[1]) Описаніе игры въ ворона см у Чубинскаго въ его «Трудахъ», т. III, стр. 73: «Въ этой игрѣ дѣйствующія лица: воронъ, мать, дѣвчина и дѣти. Впереди становится мать; дѣвчина, стоящая за ней, беретъ крѣпко другую за плечо, а первая изъ нихъ берется за мать» и пр. Объ игрѣ въ хрещика у него же, т. III, стр. 82. Въ эту игру большею частью играютъ однѣ дѣвушки. Участвующихъ въ игрѣ должно быть непремѣнно нечетное число. Играющія непремѣнно становится попарно — одна противъ другой. Когда всѣ встанутъ, дѣвушка, оставшаяся лишней, подбѣгаетъ и становится возлѣ какой ей угодно пары играющихъ. Одна изъ дѣвушекъ той пары, къ которой присоединилась оставшаяся, увидѣвъ присоединившуюся къ ней дѣвушку, уходитъ къ другой сосѣдней или противоположной парѣ. Дѣвушка, оставшаяся нечетной, должна ловить бѣгущую; если поймаетъ, то пойманная занимаетъ ея мѣсто, а поймавшая становится въ пару на мѣсто пойманной.

Эта игра, поразительно сходная съ игрой въ ворона, была замѣнена послѣднею, какъ болѣе подходившею къ характеру вѣдьмы, мачихи утопленницы.

заграничной поѣздки Гоголь *не проронилъ ни одного слова* о занимавшемъ его прежде вопросѣ, и по возвращеніи въ Петербургъ онъ не скоро возобновляетъ напоминанія. Такъ, даже матери Гоголь не любилъ говорить преждевременно о своихъ планахъ изъ опасенія неудачи; но, увѣрившись въ успѣхѣ, тотчасъ сообщаетъ о результатахъ [1]). Въ началѣ 1830 года были напечатаны двѣ литературныхъ работы Гоголя: переводная—„О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка" (въ „Сѣверномъ Архивѣ" Булгарина) и „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала" (въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина). Объ этой удачѣ Гоголь тотчасъ же пишетъ матери: „Жалованья получаю сущую бездѣлицу. *Весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для г. журналистовъ*, и потому вы не сердитесь, моя великодушная маменька, если я васъ часто безпокою просьбою доставлять мнѣ свѣдѣнія о Малороссіи или что-либо подобное. *Это составляетъ мой хлѣбъ* [2]). Затѣмъ слѣдуютъ разспросы, имѣющіе въ виду, можетъ быть, уже матеріалъ для „Страшной Мести". Но гонораръ, полученный Гоголемъ отъ „Сѣвернаго Архива", былъ незначительный (20 рублей) и хотя неизвѣстенъ размѣръ гонорара, выданнаго „Отечественными Записками", но подчеркнутое выраженіе Гоголя оказывается сильно преувеличеннымъ. Теперь интересъ Гоголя обращается преимущественно на прошлое Малороссіи. „Нѣтъ ли въ нашихъ мѣстахъ",—освѣдомляется Гоголь,—„какихъ записокъ, веденныхъ предками какой-нибудь старинной фамиліи, рукописей стародавнихъ про времена гетманщины и прочаго подобнаго" [3]).

10-го апрѣля 1830 года Гоголь поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ. Но служба стѣсняла его и отвлекала отъ литературныхъ трудовъ. „Занявшись службой такъ „какъ слѣдуетъ",—пишетъ онъ,—„я не въ состояніи буду заниматься посторонними дѣлами" [4]). Наконецъ, съ половины 1830 года Гоголь совершенно прекращаетъ рѣчь о присылкѣ ма-

[1]) Такимъ образомъ, можно предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда намеки Гоголя остались потомъ неразъясненными, онъ встрѣтилъ неудачи въ своихъ предпріятіяхъ.

[2]) „Соч. и письма Гоголя", изданіе Кулиша, т. V, стр. 103.

[3]) Тамъ же, т. V, стр. 104.

[4]) Тамъ же, стр. 106.

теріаловъ и обращается къ окончательной редакціи своихъ повѣстей и тѣхъ отрывковъ, о которыхъ рѣчь была раньше.

IV.

Мы говорили выше, что если мысль о „Вечерахъ“ явилась подъ вліяніемъ обширнаго запаса наблюденій, вынесенныхъ Гоголемъ изъ его прежней жизни въ Малороссіи, то этихъ запасовъ оказалось слишкомъ недостаточно, и матеріалы, почерпаемые имъ изъ народныхъ преданій и легендъ, были положительно необходимы.

Но какъ Гоголь пользовался матеріалами?

Иногда, конечно, они могли иначе направлять творчество Гоголя, нежели какъ онъ предполагалъ сначала, но главнымъ образомъ было наоборотъ: художественныя представленія, роившіяся въ головѣ писателя, указывали путь творчеству: сообразно съ ними онъ набрасывалъ программу для руководства домашнихъ въ ихъ сотрудничествѣ, а затѣмъ по полученіи отъ нихъ данныхъ могъ уже съ бо́льшей увѣренностью обработывать сюжеты для своихъ повѣстей, въ общихъ чертахъ соотвѣтствовавшіе первоначальному плану.

Изъ четырехъ разсказовъ, составившихъ первую книжку „Вечеровъ“, только одинъ („Вечеръ накануне Ивана Купала“) относится, несомнѣнно, къ 1829 г., и тогда же сданъ въ редакцію „Отечественеыхъ Записокъ“. Но любопытно, что повѣсти: „Соро́чинская Ярмарка“ и „Майская Ночь“, по свидѣтельству г. Тихонравова, были написаны на листахъ, имѣющихъ водяной фабричный знакъ съ цифрою 1829. Вѣроятно, и онѣ были начаты именно въ этомъ году. Не лишнее обратить вниманіе на то, что въ нихъ пріемы творчества иные, чѣмъ въ другихъ повѣстяхъ. Особенно самый характеръ описанія въ началѣ „Соро́чинской Ярмарки“ своимъ вполнѣ литературнымъ и во всякомъ случаѣ далеко не безъискусственнымъ изложеніемъ ясно показываетъ, что въ мысляхъ автора еще не носилось представленіе о дьячкѣ-разсказчикѣ, или тѣмъ болѣе о позднѣйшемъ пасѣчникѣ, отъ имени которыхъ велся потомъ разсказъ. Напротивъ, въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала“ и и въ „Пропавшей Граматѣ“, Гоголь совершенно входитъ не только въ тонъ рѣчи, но и въ самый кругъ представленій вооб-

ражаемаго дьячка, какъ, напримѣръ, показываетъ слѣдующее мѣсто: „Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ; а показывать на позоръ свои зубы — есть умѣнье“ [1]). Притомъ въ обѣихъ прежде названныхъ повѣстяхъ встрѣчаются отсутствующіе въ другихъ разсказахъ эпиграфы изъ „Энеиды“ Котляревскаго, изъ Артемовскаго-Гулака, изъ малороссійскихъ пѣсенъ и изъ комедій Гоголя-отца,—словомъ, преимущественно, слѣды вліянія печатныхъ источниковъ. Подъ вліяніемъ каждаго изъ названныхъ образцовъ, безъ сомнѣнія, сложились даже нѣкоторыя подробности разсказа въ соотвѣтствующихъ эпиграфамъ главахъ, или, точнѣе, они дали толчокъ творческой работѣ Гоголя въ томъ или другомъ направленіи. Все это замѣтно преимущественно въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и слегка въ „Майской Ночи“. Можетъ быть, Гоголь началъ эти повѣсти еще до поѣздки за-границу, не дождавшись присылки изъ дому обѣщанныхъ матеріаловъ; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что еще въ дѣтствѣ онъ основательно зналъ эти произведенія, и напротивъ, еслибы онъ получилъ уже другіе матеріалы, то замѣтнѣе были бы слѣды послѣднихъ, какъ, благодаря имъ, онъ вскорѣ написалъ и приготовилъ къ печати разсказъ: „Вечеръ накануне Ивана Купала“. Да и указанное нами прежде сходство нѣкоторыхъ образовъ въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и „Майской Ночи“ съ „Ганцемъ Кюхельгартеномъ“, повидимому, снова подкрѣпляетъ наше предположеніе [2]). Далѣе современная критика указывала въ „Вечерахъ“ обиліе троповъ и сравненій (а Булгаринъ при своемъ безвкусіи находилъ въ нихъ даже „многословіе и длинное описаніе бугровъ и рощей“), и ихъ мы встрѣчаемъ именно въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“, какъ болѣе раннемъ опытѣ. Слѣдовательно, если указанный г. Тихонравовымъ водяной знакъ

[1]) Въ „Ночи передъ Рождествомъ“ также упоминается Ѳома Григорьевичъ („Рожа у чорта,—какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, — мерзость мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры“ (Соч. Гог., изд. X, т. I, 103), а вначалѣ есть примѣчаніе Пасѣчника. Къ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“ есть предисловіе Пасѣчника съ упоминаніемъ о Степанѣ Ивановичѣ Курочкѣ, о которомъ говорится также въ предисловіи вообще ко 2 тому.

[2]) См. выше, стр. 162—165.

на одномъ изъ листовъ рукописи „Сорóчинской Ярмарки“, и побуждаетъ насъ вслѣдъ за почтеннымъ изслѣдователемъ отнести повѣсть къ 1830 г., то мы все-таки думаемъ, что въ этомъ году она была лишь окончена или, быть можетъ, только переписана. Такъ представляется возможность безъ натяжки примирить соображенія г. Тихонравова и даты, обозначенныя въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя.

При опредѣленіи источниковъ, которыми пользовался Гоголь для „Вечеровъ на Хуторѣ“, всего важнѣе было бы, конечно, имѣть письма къ нему матери и домашнихъ въ 1829 — 1830 гг. Къ сожалѣнію, разъѣздная жизнь не позволила ему сохранить въ своемъ архивѣ эти иногда очень цѣнные матеріалы, и въ бумагахъ его наслѣдниковъ эти документы отсутствуютъ. За невозможностью въ настоящее время возстановить эти утраченные источники, попытаемся, по крайней мѣрѣ, дать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ именно въ „Вечерахъ“ не только могло, но и должно было несомнѣнно принадлежать автору, какъ плодъ его вполнѣ самостоятельнаго вдохновенія.

Первые разсказы Гоголя носятъ явные слѣды соединенія двухъ основныхъ элементовъ: описательнаго, бытового, и повѣствовательнаго, легендарнаго. Все, что̀ относится къ обрисовкѣ типовъ и характеровъ, всѣ подробности въ изображеніи обыденной малороссійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ всѣ безъ исключенія картины природы являются несомнѣнно плодомъ вполнѣ самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни. Но въ это главное содержаніе каждой повѣсти вводятся не только какъ дополненіе и украшеніе, но и какъ существенно необходимый матеріалъ художественно обработанные эпизоды, почерпнутые изъ произведеній народной фантазіи. По преобладанію того или другого изъ этихъ элементовъ можно до извѣстной степени судить и о постепенной разработкѣ избранныхъ имъ сюжетовъ.

Современная критика не безъ основанія указывала въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя и особенно въ „Вечерахъ“ на изображеніе довольно узкой и низменной сферы; но зато эту сферу Гоголь изучилъ глубоко, и въ каждомъ брошенномъ мимоходомъ, тонкомъ и характеристическомъ сравненіи

являетъ себя истиннымъ знатокомъ ея. Указанія мелкихъ неточностей въ бытовомъ отношеніи, сдѣланныя вскорѣ по выходѣ „Вечеровъ" какимъ-то Андреемъ Царыннымъ [1]), слишкомъ ничтожны и не заслуживаютъ даже вниманія, а небольшія погрѣшности, отмѣченныя впослѣдствіи г. Кулишомъ [2]), могли бы идти въ упрекъ развѣ этнографическимъ очеркамъ. Но мы не находимъ у Гоголя пока глубоко-художественнаго, психологическаго анализа, которымъ блещутъ его позднѣйшія произведенія; комизмъ его пока часто внѣшній и устремленъ на вещи несущественныя. Справедливо замѣчаетъ о „Вечерахъ" благосклонный къ нимъ неизвѣстный рецензентъ „Сѣверной Пчелы", такъ разошедшійся во мнѣніи съ издателемъ: „Не ожидайте здѣсь характеровъ сильныхъ или слишкомъ глубокихъ, потому что передъ вами раскрывается простой, сельскій бытъ; но зато бытъ сей характеренъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ: все движется, все рисуется передъ вами въ истинно-казацкомъ костюмѣ". Въ этой оцѣнкѣ дѣйствительно отмѣчено существенное достоинство „Вечеровъ". Но, безъ всякаго сомнѣнія, всѣми этими блестящими сторонами „Вечера" обязаны не столько матеріаламъ, собраннымъ посторонней рукой, сколько личной наблюдательности автора-художника.

Въ значительную долю художественныхъ образовъ Гоголь вкладываетъ субъективное содержаніе, особенно въ картинахъ природы и въ человѣческихъ характерахъ. Къ изученію этой стороны „Вечеровъ" мы теперь и обратимся.

V.

Всего ярче это замѣчается въ представленныхъ имъ образахъ молодыхъ дѣвушекъ. Если значительное большинство типовъ, очерченныхъ въ „Вечерахъ", представляется несомнѣнно въ комическомъ свѣтѣ, то съ другой стороны юный поэтъ не щадилъ красокъ для идеальнаго изображенія Ганны,

[1]) Мысли малороссіянина по прочтеніи „Вечеровъ на Хуторѣ", въ „Сынѣ Отечества". 1832, т. 147, отд. 3.

[2]) „Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни и исторіи", „Основа". 1861. № 4. 5, 9. 11 и 12.

Пидорки, Оксаны. Онъ съ любовью рисуетъ ихъ обаятельно-граціозную, иногда отчасти лукавую женственность и освѣщаетъ ихъ бенгальскимъ огнемъ восторженнаго лиризма. Желая по возможности украсить любимые типы, окружить ихъ блестящимъ ореоломъ и произвести наиболѣе разительное впечатлѣніе на читателя, въ противоположность безпощадному анализу при обрисовкѣ прочихъ лицъ, Гоголь въ данномъ случаѣ заботливо избѣгаетъ черезчуръ отчетливыхъ, грубо-реальныхъ штриховъ, пользуясь эффектами и увлекая читателей захватывающей роскошью и изяществомъ неожиданныхъ сравненій. При описаніи молодой женской красоты, которая нѣсколько позднѣе, подъ вліяніемъ изученія искусствъ, представлялась ему преимущественно со стороны изящества и пластичности формъ, Гоголь любитъ изображать яркій румянецъ щекъ, черныя брови и глубокій, проницательный взоръ. Здѣсь уже позволительно видѣть не одни только слѣды наблюденій надъ преобладающими типами малороссійскихъ красавицъ или вліянія народныхъ пѣсенъ, но и отраженіе личнаго вкуса автора [1], какъ и въ томъ, что прекрасная дѣвушка является у него неизмѣнно на порѣ „восемнадцатой весны". Наконецъ, вниманіе автора каждый разъ устремлено преимущественно на обаяніе юной красоты, но внутренній міръ молодой женщины имъ иногда едва затронутъ.

Идеалъ красивой дѣвушки вырабатывался у Гоголя постепенно и, слѣдя за развитіемъ его, можно уловить любопытную послѣдовательность. Въ „Успѣхѣ посольства" (отрывокъ изъ неконченной повѣсти „Страшный Кабанъ") читатель узнаетъ о красотѣ Катерины не столько изъ описанія ея авторомъ, сколько изъ своеобразныхъ сравненій ея собесѣдника, чисто въ малороссійскомъ вкусѣ; напр.: „сталъ ли бы я убирать постную кашу, когда передъ самымъ носомъ вареники въ сметанѣ" и дальнѣйшаго комическаго поясненія: „нелегкая понесла бы меня къ батькѣ, когда есть такая хорошенькая дочка" (V т., 56). Отъ себя Гоголь не прибавляетъ ничего къ изображенію Катерины, но старается дѣйствовать на вообра-

[1] Впрочемъ, въ Гоголѣ отразился, конечно, и общій малороссійскій вкусъ; такъ въ народныхъ пѣсняхъ украинскихъ образцомъ красоты является всегда „чернобрівая дівчина". Но проницательный взоръ, если не ошибаемся, плѣнилъ лично юнаго писателя.

женіе читателя щедро расточаемыми эпитетами („прекрасная“, „прелестная“, „бѣлокурая красавица“; бѣлокурый цвѣтъ фигурируетъ здѣсь какъ единственное исключеніе) и только въ въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ объ очевидно нравившемся ему лично въ нѣкоторыхъ красивыхъ дѣвушкахъ пристальномъ взглядѣ (въ слѣдующемъ выраженіи: „пронзительный взоръ ея, казалось, прожигалъ внутренность“). Въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ находимъ уже болѣе яркое и отчетливое изображеніе женской красоты, но еще слишкомъ внѣшнее и матеріальное. „На возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, *съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбавшимися розовыми губками*“ (1, 10). Собственно уже въ началѣ повѣсти, описывая Пселъ (стр. 11), Гоголь мимоходомъ сравниваетъ рѣку и ея отраженія съ смотрящейся въ зеркало красавицей, любующейся прелестью собственнаго отраженія. Образъ послѣдней здѣсь только вскользь промелькнулъ въ творческой фантазіи автора, тогда какъ вскорѣ этимъ же самымъ поэтическимъ образомъ, распространивъ его, Гоголь воспользовался при изображеніи Оксаны въ „Ночи передъ Рождествомъ“ и затѣмъ панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Съ тѣхъ поръ идеализація молодой женщины надолго идетъ у Гоголя crescendo. Красота Пидорки въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“ облагорожена тонкими поэтическими штрихами и сравненіями, напр.: „Полненькія щечки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росой, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ“ (40). Въ этомъ поэтическомъ образѣ упоеніе женской красотой какъ бы сливается съ восторженнымъ гимномъ природѣ. Въ Пидоркѣ юный авторъ „Вечеровъ“ еще замѣтнѣе, чѣмъ прежде, лелѣетъ и оберегаетъ сочувственный образъ отъ холоднаго прикосновенія свойственнаго ему разлагающаго анализа. Явно щадя въ своихъ произведеніяхъ бравыхъ казаковъ и юныхъ казачекъ, Гоголь выказываетъ къ нимъ иногда нѣкоторое пристрастіе, не углубляясь въ характеристику ихъ внутренней безсодержательности и пустоты, которая едва лишь мелькнула въ „Сорочинской Ярмаркѣ“, но была совершенно заслонена художественной идеализаціей въ слѣдующихъ разсказахъ. Такъ еще гораздо эффектнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ Пидорка, хотя и нѣсколько

призрачно идеально, изображена Ганна въ „Майской Ночи“: „Дверь распахнулась со скрипомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, *обвитая сумерками*, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея“ (I, 53). Развиваясь далѣе, образъ прекрасной женщины достигаетъ у Гоголя послѣдней степени обаянія въ неподражаемомъ изображеніи Оксаны и ослѣпительной красоты гордой панночки въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Въ послѣднихъ такъ много плѣнительной граціи и такъ живо представлено обворожительное дѣйствіе ихъ красоты, что, очевидно, Гоголю удалось, наконецъ, въ этихъ ȏбразахъ выразить въ совершенствѣ тȏ, чтȏ имъ только затрогивалось прежде и чтȏ раньше лишь страстно просилось излиться изъ глубины души на бумагу. Мы должны здѣсь по необходимости коснуться и поэмы „Тарасъ Бульба“, такъ какъ именно въ ней нашла свое полное выраженіе вся совокупность чаръ женской красоты, которыя въ разное время производили обаяніе на Гоголя. Такъ панночка снова изображена „черноглазою и бѣлою, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца“. Въ этихъ словахъ опять ясно слышится знакомая намъ нота пылкаго увлеченія наружной красотой женщины. Но дальше мы читаемъ: „глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, *бросали взглядъ долгій, какъ постоянство*“ (I, 26). Съ указаніемъ этой черты, также встрѣчавшейся намъ въ „Вечерахъ“, мы переходимъ уже къ психической сторонѣ изображенія любви и женщины у Гоголя.

VI.

Страстное, глубоко поэтическое по своей изящной, нѣжной задушевности выраженіе любви молодыхъ людей Украйны, оставаясь вѣрнымъ національному колориту, было однако повидимому не столько изображаемо Гоголемъ съ натуры, сколько являлось подъ вліяніемъ потрясавшихъ его душу звучныхъ аккордовъ малороссійскихъ народныхъ мелодій. Очевидно, оно было внушаемо смутнымъ, но горячимъ юношескимъ чувствомъ. Въ сущности же въ данной сферѣ Гоголь былъ ско-

рѣе теоретикъ. Онъ самъ справедливо замѣтилъ, что истинная любовь „проста, какъ голубица, и выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ“ [1]).

Нигдѣ, кромѣ „Тараса Бульбы“, мы не находимъ у Гоголя изображенія любви, имѣющей центральное или хотя самостоятельное значеніе въ произведеніи, а не составляющей лишь обычную рамку для разсказа. Если въ немногихъ повѣстяхъ, притомъ исключительно юношескихъ, Гоголь рисуетъ полныя страстной нѣги взаимныя объясненія любящей четы, то все съ той же окраской и въ одномъ моментѣ обоюдной нѣжной ласки [2]). Но мы не встрѣтимъ у него, за исключеніемъ лишь отчасти „Тараса Бульбы“, яркаго изображенія отдѣльныхъ перипетій страсти и соединенныхъ съ нею волненій, мукъ, внѣшней и внутренней борьбы, т.-е. именно всего того, на чемъ сосредоточивается и въ чемъ проявляется искусство художниковъ, изучившихъ глубже и часто по собственному опыту психологію любви. Въ этомъ отношеніи Гоголь положительно уступаетъ первенство Тургеневу, самому блестящему представителю указанной стороны въ русской литературѣ. Вмѣсто этого мы видимъ у Гоголя больше пламенныя мечты воспаленнаго юношескаго воображенія, которыя своимъ эксцентрическимъ выраженіемъ даютъ живо чувствовать пылкость южной крови. Мы совсѣмъ не хотимъ, однако, этими словами намекнуть на чувственное представленіе о любви у Гоголя, тѣмъ болѣе, что въ изображеніи ея всегда много возвышенной поэтической граціи, а ея исключительно идеальная сторона прекрасно понята и представлена въ лицѣ художника Пискарева въ извѣстной повѣсти „Невскій Проспектъ“; намъ кажется только, по впечатлѣнію, производимому въ данномъ отношеніи сочиненіями Гоголя, что онъ былъ знакомъ съ этимъ чувствомъ больше со стороны, какъ тонкій и опытный наблюдатель, который не могъ въ числѣ другихъ предметовъ не обратить вниманія и на роль, какую играетъ иногда въ жизни любовь; самъ же онъ лично мало ею интересовался и навсегда оставилъ этотъ сюжетъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Если даже дать вѣру фантастической, промелькнувшей ме-

[1]) „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, т. V, стр. 165.
[2]) Кромѣ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“.

теоромъ, его юношеской любви, въ которой мы, впрочемъ, сомнѣваемся, то и эта любовь не была ли только воображаемая; не, принялъ ли Гоголь за любовь только потребность любви?

Нѣсколько чувственнымъ представляется намъ, впрочемъ, изображеніе женщины въ нѣкоторыхъ его черновыхъ набросках изъ неоконченныхъ повѣстей, самыхъ незрѣлыхъ плодовъ его музы, но и въ этихъ наброскахъ, явно не предназначавшихся авторомъ для печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они вылились изъ подъ его пера [1]), эстетическая натура поэта сказалась въ тонкомъ чувствѣ красоты формъ, просящихся на полотно и ожидающихъ кисти художника. Къ такому описанію у Гоголя неизмѣнно присоединяется изображеніе красивыхъ складокъ одежды, художественно завершавшихъ полноту впечатлѣнія. Въ подтвержденіе укажемъ слѣдующее мѣсто. „Самая яркая шелковая плахта, почти скрытая подъ кашемировою съ турецкимъ узоромъ запаскою, сладострастно льнула и вызначала всю роскошную выпуклую форму выступавшей ноги. Только до пояса простиралась вся эта пестрота богатаго убора; на груди и на рукахъ трепетала бѣлая какъ снѣгъ сорочка, какъ будто ничего, кромѣ тонкаго чистаго полотна, не должно прикрывать дѣвическихъ персей. Складки сорочки падали каскадомъ—молодыя груди дрожали“. Единственно въ этихъ строкахъ не видно еще очищающаго идеализма истиннаго художника, но онъ тотчасъ же проявляется въ другомъ варіантѣ, которымъ Гоголь несомнѣнно хотѣлъ замѣнить этотъ первый, не удовлетворявшій его, — какъ только нашелъ болѣе вѣрное и изящное выраженіе своей мысли и чувства. „Нигдѣ такъ не хороши дѣвическія груди“, исправляетъ онъ, „*какъ подъ полотномъ*. Онъ видѣлъ, какъ упругія молодыя груди подымали свои дышавшія нѣгою куполоподобныя перси и тотчасъ опускали ихъ, послѣ чего онѣ упруго дрожали подъ своимъ покровомъ“ [2]). Любопытно, что впослѣдствіи этимъ готовымъ, давно сложившимся образомъ воспользовался Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“, говоря объ Андріи:

[1]) Но былъ случай, когда Гоголь хотѣлъ напечатать довольно нескромный разсказъ „Прачка“. См. „Русскій Міръ“, 1860, № 37, и „Моск. Вѣдом.“, 1861, № 3.—Разсказъ этотъ относится также къ юнымъ годамъ нашего писателя.

[2]) См. обѣ выдержки въ V т. сочиненій Гоголя, изд. 10-е, стр. 550.

„Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную. Передъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ“. (т. I, 260). Мы находимъ слѣдовательно тотъ же самый выношенный образъ въ произведеніяхъ, отдѣленныхъ нѣсколькими годами жизни. Это обстоятельство можетъ повести къ дальнѣйшимъ соображеніямъ; оно показываетъ намъ, особенно при наглядномъ сравненіи, какъ постепенно развивался и совершенствовался, получая прочувствованную идеальную окраску, образъ, первоначально, на поверхностный взглядъ грѣшившій излишне грубымъ реализмомъ. Что совершенствованіе его происходило подъ вліяніемъ внутренней потребности души, чуткой къ впечатлѣніямъ изящнаго и испытавшей на себѣ могущественное дѣйствіе наслажденія искусствомъ, видно изъ окончанія отрывка „Женщина“, гдѣ послѣдняя освѣщена волшебнымъ отблескомъ поэтическаго увлеченія. Мѣсто это такъ важно для разъясненія нашей мысли, что мы рѣшаемся его привести здѣсь вполнѣ.

„Вдохновенные взоры мудреца остановились неподвижно: передъ нимъ стояла Алкиноя, незамѣтно вошедшая въ продолженіе бесѣды. Опершись на истуканъ, она вся, казалось, превратилась въ безмолвное вниманіе, и на прекрасномъ челѣ ея прорывались гордыя движенія богоподобной души. Мраморная рука, сквозь которую свѣтились голубыя жилы, полныя небесной амврозіи, свободно удерживалась въ воздухѣ; стройная, перевитая алыми лентами подножія, нога, въ обнаженномъ, ослѣпительномъ блескѣ, сбросивъ ревнивую обувь, выступила впередъ и, казалось, не трогала презрѣнной земли; высокая, божественная грудь колебалась встревоженными вздохами и полупокрывавшая два прозрачныя облака персей одежда трепетала и падала роскошными линіями на помостъ. Казалось, тонкій, свѣтлый эѳиръ, въ которомъ купаются небожители, по которому стремится розовое и голубое пламя, разливаясь и переливаясь въ безчисленныхъ лучахъ, коимъ и имени нѣтъ на землѣ, въ коихъ дрожитъ благовонное море неизъ-

яснимой музыки, — казалось, этотъ эѳиръ облекся въ видимость и стоялъ передъ ними, освятивъ и обоготворивъ прекрасную форму человѣка. Небрежно откинутые назадъ, темные, какъ вдохновенная ночь, локоны надвигались на лилейное чело ея и лилися сумрачнымъ каскадомъ на блистательныя плеча. Молнія очей исторгала всю душу.—Нѣтъ! никогда сама царица любви не была такъ прекрасна, даже въ то мгновенье, когда такъ чудно возродилась изъ пѣны дѣвственныхъ волнъ!"[1])

Намъ кажется, что до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія обращалось на этотъ вдохновенный гимнъ, полный искренняго, возвышеннаго чувства, гимнъ упоенія красотой, при всемъ ярко пластическомъ описаніи формъ чуждый всякой примѣси чего-либо обыденнаго, не говоря уже—чувственнаго. Въ этихъ строкахъ Гоголь чудно передалъ нашедшее отзвукъ въ душѣ его чувство древняго грека, и, конечно, онѣ были ему особенно дороги. если подъ ними въ первый разъ при всей щепетильной мнительности онъ рѣшился подписать вполнѣ свое имя. Очевидно, весь остальной отрывокъ написанъ ради приведеннаго нами конца, которымъ Гоголь хотѣлъ какъ вѣнцомъ украсить все предыдущее и которымъ, вѣроятно, разсчитывалъ произвести не тусклое, будничное впечатлѣніе, какъ случилось на самомъ дѣлѣ. Если цѣль его не была достигнута и вдохновенныя строки затерялись сперва въ „Литературной Газетѣ", потомъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій, то это объясняется, конечно, съ одной стороны извѣстностью сюжета, съ другой—можетъ быть, слишкомъ густыми красками, слишкомъ приподнятымъ тономъ, требующимъ отзыва въ соотвѣтственномъ исключительномъ настроеніи. Но теперь, при сравненіи съ другими сходными мѣстами сочиненій Гоголя, кажется, можетъ быть достаточно установлено, что у него въ отношеніи къ женщинѣ существовало восторженное, совершенно платоническое поклоненіе; женщина являлась ему какой-то богиней, окруженной невыразимымъ обаяніемъ; но то была воображаемая, такъ сказать, абстрактная женщина, тогда какъ отдѣльныя живыя личности теряли для него свой престижъ и представлялись чаще съ своей пошлой, обыденной физіономіей. Въ отрывкѣ „Женщина" лиризмъ Гоголя стремится перейти за предѣлы, доступные человѣческому

[1]) Соч. Гог., изд. 10-е, т. V, стр. 65.

слову и потому лишь отчасти находитъ себѣ выраженіе; но это, очевидно, тѣ самыя лирическія ноты, которыя впослѣдствіи по другимъ случаямъ прозвучали въ „Мертвыхъ Душахъ“, въ „Театральномъ Разъѣздѣ“ и въ „Развязкѣ Ревизора“.

Намъ кажется, что особенно важно обратить вниманіе на постоянно существовавшій въ душѣ Гоголя настоятельный запросъ на что-то призрачно грандіозное, что бывало часто причиной неполной удовлетворенности автора тѣмъ сравнительно слабымъ впечатлѣніемъ, которое выносилъ и могъ выносить читатель. Гоголь не всегда могъ справиться съ необычайнымъ подъемомъ чувства, больше всего именно въ наиболѣе слабыхъ произведеніяхъ, начиная съ отрывка „Женщина“, въ фантастической части „Портрета“, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ и, наконецъ, также въ не всегда удававшихся лирическихъ мѣстахъ названныхъ прежде по истинѣ великихъ произведеній. Въ Гоголѣ всегда явно боролись начала самаго высокаго лиризма и самаго беспощаднаго юмора. Оттого въ изображеніяхъ женщинъ у него нѣтъ середины между неземнымъ образомъ Алкинои и пошлыми Агаѳьями Тихоновнами и Марьями Гавриловнами [1]). Если въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ юный поэтъ стремился передать обаяніе, производимое въ немъ женщиной, какъ въ натурѣ художественной, то, поддаваясь идеализаціи, онъ оставляетъ на время обычные пріемы въ изображеніи дѣйствительности; со временемъ же, когда пылкое увлеченіе юности угасло, его взору представлялись преимущественно однѣ пошлыя женщины.

VII.

Такъ почти въ каждомъ изъ юношескихъ произведеній Гоголь съ любовью рисуетъ съ разными видоизмѣненіями въ сущности все тотъ же обаятельный образъ, посвящая ему, послѣ горячо любимой украинской природы, самые роскошные цвѣты свѣжей юношеской фантазіи. Въ нравственномъ отношеніи его занимаютъ, напротивъ, два существенно различные типа молодыхъ дѣвушекъ: его воображеніе одинаково плѣняютъ какъ простодушныя красавицы, привлекательныя

[1]) Въ „Женитьбѣ“ и въ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“.

душевной чистотой и какой-то голубиной кротостью, вполнѣ гармонирующими съ ихъ наружной прелестью, но въ то же время не чуждыя при всемъ простодушіи прекраснаго въ своей наивности эстетическаго чувства,—такъ съ другой стороны онъ любитъ изображать прихотливыхъ, избалованныхъ кокетокъ, которыхъ самая недоступность дѣлаетъ особенно очаровательными. Къ первому разряду типовъ слѣдуетъ отнести Параску, Пидорку и Ганну.

Любопытно сходство между Параской и Ганной въ ихъ отношеніяхъ къ природѣ и къ чувству любви. Изобразивъ прелестную картину отраженій въ водахъ Псла въ началѣ „Сорочинской Ярмарки", Гоголь продолжаетъ: „Красавица наша (Параска) задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути" (т. I, стр. 12). Тѣ же самыя черты, которыя лишь слегка затронуты въ изображеніи Параски, въ болѣе тонкомъ развитіи являются въ Ганнѣ. Не говоря уже о томъ, что эстетическое чувство выражается въ Ганнѣ съ той же непосредственностью, но и возбуждается въ ней сходной картиной природы, вообще чрезвычайно любимой Гоголемъ. „Какъ тихо колышется вода, какъ будто дитя въ люлькѣ!" говорила Ганна указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемы вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Даже нѣкоторыя любимыя Гоголемъ сравненія повторяются въ обоихъ случаяхъ почти въ тождественной формѣ (напр., и тамъ, и здѣсь мы находимъ „огненныя, одѣтыя холодомъ искры и падающія на серебряную грудь рѣки зеленыя кудри деревъ"; кромѣ уже указанныхъ строкъ, этимъ образамъ соотвѣтствуетъ еще слѣдующій: „Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ (прудъ) въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха"; наконецъ, тотъ же образъ является еще разъ, хотя уже совершенно самостоятельно, безъ отношенія къ очарованію, возбуждаемому имъ въ человѣкѣ, въ извѣстномъ описаніи Днѣпра въ разсказѣ „Страшная Месть". Ср. т. I, стр. 11, 55 и 169).

Съ неподражаемой наивностью также выдаетъ себя любовь дѣвушки, иногда еще смутно сознаваемая ею. Увѣренія Грицка что онъ не скажетъ ничего худого, вызываютъ въ

Параскѣ такія мысли: „Можетъ быть, это правда, только мнѣ чудно... вѣрно, это лукавый!... Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ, а силы недостаетъ взять у него руку". Еще типичнѣе наивное признаніе задумавшейся Ганны: „Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется". Эстетическое чувство Пидорки сказалось въ своеобразныхъ, задушевно-поэтическихъ сравненіяхъ: „Ивасю мой милый! Ивасю мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бы его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя" (см. т. I, стр. 54 и 42), и проч.

Но постепенно этотъ простодушный типъ уступаетъ въ мечтахъ Гоголя типу противоположному, лукавому. Точку соприкосновенія между обоими типами и переходъ отъ одного къ другому можно видѣть у него въ изображеніи любующейся собственной прелестью дѣвушки. Сначала у послѣдней мы не находимъ и намека на то высокомѣрное самоуслажденіе, которое должно было вскорѣ выступить для того, чтобы ярче и рельефнѣе оттѣнить царственное величіе недоступной красоты. Безсознательное кокетство замѣчается уже въ представительницахъ перваго типа, но оно еще вполнѣ невинно и безобидно. Такъ, въ „Успѣхѣ посольства" Катерина, раздосадованная ухаживаніемъ за ней Описька, приняла на себя сердитый видъ и воскликнула: „Ей Богу, Описько. если ты въ другой разъ это сдѣлаешь (обнимешь), то я прямехонько пущу тебѣ въ голову вотъ этотъ горшокъ", но тотчасъ же и смягчилась, и Гоголь такъ говоритъ объ этомъ дальше: „При семъ словѣ сердитое личико немного прояснѣло и улыбка, мгновенно проскользнувшая по немъ, выговорила ясно: „Я не въ состояніи буду этого сдѣлать" [1]). Параска уже отъ души любуется своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ, но подъ вліяніемъ исключительнаго настроенія и увлеченная соблазнившимъ ее мачихинымъ очипкомъ. Она счастлива любовью жениха и, отдаваясь мечтамъ объ ожидающемъ ее счастьѣ, не можетъ устоять противъ искушенія. Все въ ней ликуетъ, и отъ граціозной задумчивости она незамѣтно переходитъ, какъ истинная казачка,

1) Соч. Гог., изд. 10-е. т. V. стр. 57.

къ захватывающему увлеченію любимымъ танцемъ. Здѣсь радость чистая, увлеченіе безвредное. Съ большимъ сочувствіемъ Гоголь говоритъ о ней: „Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головки. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи“ [1]).

Напротивъ, Оксана и панночка — кокетки pur-sang: онѣ наслаждаются не столько сознаніемъ своей красоты, сколько лестной мыслью о ея могущественной власти надъ людьми. Онѣ находятъ — по крайней мѣрѣ первая — удовольствіе, въ томъ, чтобы мучить и презирать тѣхъ, которые имѣли несчастіе ихъ полюбить. Поэтому для полнаго и яркаго ихъ изображенія необходимо описаніе ихъ жертвъ, которыя также поразительны своимъ сходствомъ. Здѣсь Гоголя снова увлекала мысль представить женщину на пьедесталѣ, какъ въ изображеніи Алкинои, тогда какъ кузнецъ Вакула и Андрій, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ очарованному Алкиноей юношѣ Телеклесу. Убѣдительное подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующихъ сопоставленіяхъ. Не напоминаетъ ли восхищеніе Телеклеса передъ Алкиноей эти строки: „И онъ (Андрій) остался также изумленнымъ передъ нею. Не такою воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то неконченное, недовершенное; теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти“. И здѣсь, и тамъ не описаніе, а апоѳеозъ.

Поразительно сходно изображено и впечатлѣніе, произведенное всѣми тремя женщинами на ихъ поклонниковъ. Сдѣлаемъ сличеніе.

„Въ изумленіи, въ благоговѣніи повергнулся юноша къ ногамъ гордой красавицы, и жаркая слеза склонившейся надъ нимъ полубогини канула на его пылающія щеки“ [2]).

„Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 33.

[2]) Тамъ же, т. I, стр. 300 и т. V, стр. 65: „Женщина“.

суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу, и все это такъ смѣшалось, и такъ было неизобразимо хорошо, что разцѣловать ее миллiонъ разъ—вотъ все, что̀ можно было сдѣлать тогда наилучшаго“ [1]).

„И ощутилъ Андрiй въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею“ („Тарасъ Бульба“; стр. 305).

Совершенно такъ же говоритъ кузнецъ Оксанѣ: „Что̀ мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что̀ ни есть дорогого на свѣтѣ!“ какъ и Андрiй восклицаетъ передъ панночкой: „А что̀ мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?“ (107 и 309).

VIII.

Юные парубки занимаютъ Гоголя или проявленiемъ въ ихъ могучихъ натурахъ казацкихъ чертъ, своимъ беззавѣтнымъ разгуломъ, удалью и безстрашiемъ, — и въ такомъ случаѣ нѣтъ существеннаго различiя между ними и пожилыми казаками, — или же они должны служить почти только для полноты картины вмѣстѣ съ изображенiемъ любимыхъ ими дѣвушекъ. Если имъ приписывается красота, то Гоголь едва лишь даетъ мелькнуть ихъ образу передъ читателемъ, да и самый образъ этотъ гораздо менѣе ярокъ въ сравненiи съ идеализированными образами дивчинъ. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ Гоголь Петра Безроднаго въ „Вечерѣ накапунѣ Ивана Купала“: „Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что еслибы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ“. По степени развитiя о̀браза эта характеристика недалеко ушла отъ слишкомъ общей характеристики Катерины въ „Успѣхѣ посольства“. Въ „Майской Ночи“ изъ устъ Ганны вырывается болѣе поэтическое и яркое описанiе, но все-таки не дающее опредѣленнаго представленiя о наруж-

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 106: „Ночь передъ Рождествомъ“

ности Левка: „Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты черным усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя"... Впрочемъ, такое обаяніе производитъ, наоборотъ, Оксана въ кузнецѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Оксана засмѣялась, и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо - встрепенувшихся жилахъ, и за всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо" (т. I, стр. 54 и 107).

Наконецъ, Грицко въ „Сорочинской Ярмаркѣ" представленъ „съ загорѣвшимъ, но исполненнымъ пріятности лицомъ и огненными глазами, стремившимися видѣть насквозь". Но ни въ изображеніи его, ни мужественнаго, загорѣлаго кузнеца Вакулы нѣтъ и блѣднаго намека на тотъ прекрасный образъ, который являетъ собою Андрій въ „Тарасѣ Бульбѣ"; впечатлѣніе, произведенное послѣднимъ на панночку, опять сходно, но гораздо изящнѣе выражено, нежели увлеченіе Ганны Левкомъ. „Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усъ" (т. I, стр. 301). Такимъ образомъ, въ Андріи слились тѣ черты, которыя намѣчены были уже въ Петрѣ Безродномъ, Левкѣ и кузнецѣ Вакулѣ. И съ этой стороны, слѣдовательно, въ „Тарасѣ Бульбѣ" находимъ завершеніе и объединеніе всего, что прежде было затронуто порознь въ „Вечерахъ на Хуторѣ близь Диканьки".

Въ старшемъ поколѣніи казаковъ, оставляя въ сторонѣ извѣстныя идеальныя черты запорожскаго типа, обрисованнаго наиболѣе опять-таки въ „Тарасѣ Бульбѣ", а изъ „Вечеровъ на Хуторѣ"—въ „Страшной Мести" (которая имѣетъ также много сходныхъ чертъ съ „Тарасомъ Бульбой" и должна быть разсмотрѣна въ связи съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ) въ лицѣ мужа Катерины, пана Данилы Бурульбаша,— кромѣ невозмутимаго хладнокровія, безпечности, упрямства,

отмѣтимъ особенно комическую способность съ непостижимой быстротой переходить отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ, совершенно противоположнымъ, и страсть къ національнымъ танцамъ. Когда оскорбленный неучтивыми замѣчаніями „затѣйливаго разсказчика", дьячокъ Ѳома Григорьевичъ совсѣмъ уже собрался показать ему дулю, хозяйка догадалась „поставить на столъ горячій книшъ съ масломъ, и рука Ѳомы Григорьевича вмѣсто того, чтобы показать шишъ, протянулась къ книшу и, какъ всегда водится, всѣ начали прихваливать мастерицу-хозяйку". Солопій Черевикъ особенно комично переходитъ въ мгновеніе ока отъ страха, возбужденнаго въ немъ разсказомъ о красной свиткѣ, къ негодованію на дерзкаго парня, обнявшаго его дочь, и отъ негодованія—къ самому дружелюбному разговору съ обидчикомъ. У казака Чуба такъ же легко смѣняется досада на прибившаго его кузнеца Вакулу мыслью о предстоящемъ пріятномъ свиданіи съ Солохой.

Въ пожилыхъ женщинахъ воображеніе Гоголя прежде всего поражалось извращеніемъ тѣхъ привлекательныхъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, объ изображеніи которыхъ было говорено выше. Онъ содрогается при мысли о томъ „періодѣ, когда воспоминаніе остается человѣку, какъ представитель и настоящаго, и прошедшаго, и будущаго, когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія" (въ повѣсти „Учитель") (V, стр. 52). То же впечатлѣніе рельефнѣе выражено въ заключительныхъ строкахъ „Сорóчинской Ярмарки": „Еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы", и проч. Въ пожилыхъ женщинахъ Гоголь по преимуществу видитъ пошлость и разные недостатки: сварливость, мелкое любопытство, страсть къ сплетнямъ.

Типъ сварливой женщины нерѣдко встрѣчается въ малороссійскихъ народныхъ сказкахъ. См., напр., въ „Народныхъ южно-русскихъ сказкахъ" Рудченка сказки „Зла Химка и чортъ" (I т., стр. 57) и другія. Въ наиболѣе полномъ развитіи у Гоголя этотъ рядъ женскихъ типовъ мы находимъ въ „Ночи передъ Рождествомъ". Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить мысленно кокетливую, несмотря на свое безобразіе и старость, Хиврю, и съ другой стороны, правда, красивую

и обходительную, но все же вѣдьму Солоху, вѣдьму, окруженную многочисленными поклонниками, но предпочитающую изъ нихъ того, отъ котораго можно ожидать больше выгоды. Въ Хиврѣ (въ „Сорочинской Ярмаркѣ“) соединяются, главнымъ образомъ, двѣ типическія черты: своенравіе сварливой замужней бабы и запоздалое кокетство. Если первая черта отсутствуетъ въ Солохѣ, то она является зато въ той же повѣсти въ лицѣ кумовой жены, причемъ кумъ—лицо, явно соотвѣтствующее Солопію Черевику. Такимъ образомъ типъ Хиври не только развивается здѣсь дальше, но, такъ сказать, дифференцируется. Но очевидное сходство между отношеніями Хиври къ поповичу Аѳанасію Ивановичу и Солохи—къ дьячку Осипу Никифоровичу замѣчательно и совпаденіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностей: напр., оба среди своихъ любовныхъ увлеченій вспоминаютъ о бурсѣ, объ отцѣ Кондратіи или о безъименномъ отцѣ протопопѣ, приводятъ тексты и проч.

Въ заключеніе нашего обзора типовъ, встрѣчающихся у Гоголя въ „Вечерахъ на Хуторѣ“, отмѣтимъ еще, что особенно часто онъ любилъ изображать наивное благоговѣніе крестьянъ передъ сельскими властями, въ родѣ головы или коммиссара, и разными „учеными“ людьми, какими - нибудь дьячками и семинаристами. Въ повѣсти „Страшный Кабанъ“ объ учителѣ - семинаристѣ, Иванѣ Осиповичѣ, предшественникѣ Хомы Брута и другихъ бурсацкихъ типовъ, замѣчено, что „гдѣ ни показывается онъ, тамъ шапки съ самыхъ неповоротливыхъ головъ перелетаютъ въ руки, и солидныя, во оруженныя черными, сѣдыми усами, загорѣвшія лица отмѣриваютъ въ поясъ почтительные поклоны“ [1]). Подобное почтеніе оказывали и дѣду Ѳомы Григорьевича, „знавшему и твердо онъ-то и словотитлу поставить, въ праздникъ отхватывавшему апостолъ такъ, что теперь поповичъ иной спрячется. Стало быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся ему мало не въ поясъ“ [2]). Въ „Утопленницѣ“, передъ головой „дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку во все продолженіе, когда голова запускалъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку“ [3]).

[1]) «Соч. Гог.», изд. X, т. V, стр. 50
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 82.
[3]) Тамъ же, стр. 60.

IX.

Кромѣ идеальнаго изображенія женщинъ, есть еще область, въ которой по преимуществу нашелъ себѣ просторъ лиризмъ Гоголя: это описаніе вѣчныхъ красотъ природы. Здѣсь Гоголь также является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу, но онъ весь охваченъ безпредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ. Гоголь, можетъ быть, иной разъ уступаетъ другимъ нашимъ мастерамъ слова въ блестящей обрисовкѣ деталей, доступныхъ болѣе спокойному созерцанію наблюдателя, но общій фонъ картины выступаетъ у него всегда съ особенно поразительной яркостью. Детали часто являются и у него, и иначе быть не можетъ по самому характеру его творчества, но не въ нихъ заключается главная сила его описаній.

Въ первой части „Вечеровъ" талантъ Гоголя, какъ живописателя природы, проявился съ особеннымъ блескомъ въ „Майской Ночи", во второй—въ „Ночи передъ Рождествомъ". Въ сравненіи съ этими роскошными картинами блѣднѣетъ описаніе знойнаго малороссійскаго дня въ „Соро́чинской Ярмаркѣ" и является уже нѣсколько натянутымъ и вычурнымъ. Зато изображеніе „задумавшагося" вечера и обаятельной украинской ночи въ „Утопленницѣ" и зимней ночи—въ другой названной повѣсти съ остальными лучшими описаніями Гоголя, кажется, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей русской литературѣ. Въ обѣихъ повѣстяхъ такой волшебной кистью нарисована картина чуднаго сіянія звѣздной ночи, спокойно и съ невыразимой нѣгой разлитою повсюду, насколько простирается поле зрѣнія, такъ искусно уловлено и представлено производимое въ такія поэтическія минуты дѣйствіе природы на человѣка, что невыразимая прелесть одинъ разъ нѣжной, благоухающей, весенней, въ другой — морозной рождественской ночи живо чувствуется при чтеніи въ продолженіе всего разсказа, отличающагося замѣчательной художественной выдержанностью.

Кромѣ того, съ особеннымъ искусствомъ умѣетъ Гоголь украшать повѣствованіе въ разныхъ мѣстахъ, какъ бы изящной рамкой, отдѣльными описательными штрихами, въ выс-

шей степени гармонирующими съ остальнымъ изложеніемъ. При помощи ихъ иногда удается Гоголю немногими словами заставить читателя перенестись въ изображаемую обстановку, живо почувствовать и пережить самое настроеніе дѣйствующихъ лицъ подъ вліяніемъ природы въ разныя времена сутокъ и года. Уже въ „Сорочинской Ярмаркѣ" прекрасно представлено общее тревожное, подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ, настроеніе всѣхъ собесѣдниковъ, собравшихся провести вечеръ въ хатѣ Солопія Черевика,—настроеніе, совершенно исчезающее съ наступленіемъ утра. Электрически потрясающее дѣйствіе всякой ничтожной внезапности, подготовленное предшествующимъ настроеніемъ, также тонко подмѣчено Гоголемъ еще въ этой его ранней повѣсти: послѣ паническаго страха, который нагналъ на все общество разсказъ о красной свиткѣ, неожиданный стукъ моментально поражаетъ всѣхъ непреодолимымъ ужасомъ. Это психологическое наблюденіе, при другой обстановкѣ и отъ другихъ причинъ, нашло себѣ впослѣдствіи приложеніе въ извѣстной сценѣ появленія Бобчинскаго и Добчинскаго, стремительно ворвавшихся въ комнату городничаго, какъ разъ въ минуту самаго напряженнаго страха всѣхъ присутствующихъ.

Въ „Майской Ночи" невыразимое обаяніе чувствуется въ двухъ-трехъ предложеніяхъ, рисующихъ передъ читателями нѣгу весенняго вечера. „Было то время, когда, утомленные дневными трудами и заботами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ уныніемъ. И задумавшійся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль" (т. I, стр. 52). И здѣсь описаніе природы находится въ прекрасной гармоніи съ внутреннимъ міромъ человѣка.

Но особеннаго совершенства достигаетъ Гоголь въ этомъ отношеніи въ „Ночи передъ Рождествомъ", гдѣ читатель какъ будто видитъ передъ собой темную ночь, дышетъ здоровымъ морознымъ воздухомъ и чувствуетъ во всѣхъ жилахъ веселье и бодрость. „Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ

тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади" (т. I, 114).—Все это дѣйствительно какъ будто „живетъ и движется передъ нами".

Замѣтимъ, что всѣ указанныя черты составляютъ существенную особенность таланта Гоголя, и, очевидно, если онѣ и нашли себѣ пищу и матеріалъ въ народныхъ произведеніяхъ, то здѣсь нельзя видѣть того внѣшняго пользованія источниками, которое намъ предстоитъ выдѣлить отъ оригинальнаго творчества нашего писателя, потому что на этихъ произведеніяхъ Гоголь воспитался съ малыхъ лѣтъ, и провести грань между воспринятымъ имъ въ дѣтствѣ и дополненнымъ впослѣдствіи—еслибы и было возможно—совершенно безцѣльно.

X.

Мы говорили выше, что къ бытовымъ подробностямъ, несомнѣнно самостоятельно очерченнымъ Гоголемъ, необходимо отнести наблюденія надъ малороссійскими, преимущественно простонародными типами, его изображенія казаковъ и казачекъ, сварливой бабы, робкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечнаго мужа, описаніе разговоровъ дѣйствующихъ лицъ и все вообще, относящееся къ національной жизни, обычаямъ, пѣснямъ, танцамъ, даже малороссійскимъ кушаньямъ. Наблюденія надъ этой національной стороной жизни отличали Гоголя еще задолго до возникновенія мысли о „Вечерахъ" и, напротивъ, они-то, конечно, его на эту мысль и натолкнули. Все это ясно уже a priori, но кромѣ того убѣдительно подтверждается небольшимъ, но чрезвычайно любопытнымъ разсказомъ въ воспоминаніяхъ Стороженка. Разсказъ этотъ, по нашему мнѣнію, получаетъ особенное значеніе *именно* въ виду того, что онъ показываетъ наглядно, какъ среди шутокъ зарождались у Гоголя серьезныя мысли: напомнимъ изъ него только слѣдующее любопытное замѣчаніе. „Искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобы играть имъ, какъ мячикомъ, но Гоголь безсознательно, силою своего генія, постигалъ ужъ тайные изгибы сердца" Когда Стороженко замѣтилъ Гоголю, что онъ успѣлъ хорошо изучить характеръ поселянъ, Гоголь отвѣтилъ ему:

— „Ахъ! еслибы въ самомъ дѣлѣ это было такъ! тогда всю жизнь свою я посвятилъ бы любезной моей родинѣ, описывая ея природу, юморъ ея жителей, съ ихъ обычаями, повѣрьями, изустными преданіями и легендами. Согласитесь: источникъ обильный, неисчерпаемый, рудникъ богатый и еще непочатой!“ [1])

Такъ Гоголь почувствовалъ, что ему предстоитъ быть піонеромъ въ этой области, какъ послѣ онъ сознавалъ необходимость проложить новый путь въ области драмы [2]).

Возвращаемся къ вопросу, что̀ же было заимствовано Гоголемъ.

Повидимому, вся легендарная часть и есть именно заимствованная, почерпнутая изъ присланныхъ Гоголю его родственниками матеріаловъ. Такъ, въ „Соро́чинской Ярмаркѣ“, по нашему мнѣнію, первой написанной имъ повѣсти изъ вошедшихъ въ „Вечера“, легендарное начало представлено единственно разсказомъ о красной свиткѣ; притомъ этотъ разсказъ выступаетъ, главнымъ образомъ, во второй половинѣ повѣсти и могъ быть введенъ уже во время самой работы надъ нею, когда Гоголю достаточно выяснилось главное содержаніе цѣлаго и возникло желаніе связать въ одно и оживить разрозненныя части. Весьма вѣроятно, что къ заимствованнымъ подробностямъ принадлежатъ одновременно включенныя въ двѣ первыхъ повѣсти, т.-е. въ „Соро́чинскую Ярмарку“ и въ „Вечеръ накапунѣ Ивана Купала“, напримѣръ, изображеніе безобразныхъ и предающихся разгулу чорта, отыскивающаго красную свитку, и Басаврюка, изображеніе ужаса, возбуждаемаго бѣсовскими подарками, отъ которыхъ никакъ нельзя отдѣлаться, упоминаніе о со́няшницѣ и проч. Но знаки почтенія, оказываемые всѣми отцу красивой дѣвушки, неожиданное появленіе отца во время ея любовныхъ объясненій съ парубкомъ,—черты также общія обѣимъ повѣстямъ,—мы, конечно, не рѣшимся отнести къ только-что отмѣченнымъ. Такія черты сходства нерѣдко замѣчаются у Гоголя. Укажемъ нѣсколько другихъ примѣровъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“. Вотъ, напр., изображеніе невиннаго младенца въ лицѣ Ивася (въ „Вечерѣ накануиѣ Ивана Купала“) и

[1]) См. «Отеч. Записки», 1859, 4, стр. 79.

[2]) „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1890. VIII, стр. 7.

Спасителя на образѣ, видѣнномъ во дворцѣ кузнецомъ Вакулой; даже выраженія совершенно сходныя: „Малость отрѣзать ни за что̀, ни про̀ что человѣку голову, да еще безвинному ребенку! Въ сердцахъ сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что̀ же? Передъ ними стоялъ Ивась. *И рученки сложило бѣдное дитя на-крестъ, и голову повѣсило*“ [1]) („Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“). „Вступивши въ четвертую комнату, кузнецъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ младенцемъ на рукахъ. „Что̀ за картина! что̀ за чудная живопись!—разсуждалъ онъ.—Вотъ, кажется, говоритъ! кажется, живая? *А Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное!*“ [2]). Далѣе: галушки, попадающія прямо въ ротъ вѣдьмамъ въ „Пропавшей Граматѣ“, напоминаютъ сходный эпизодъ въ „Ночи передъ Рождествомъ“, съ той только разницей, что вѣдьмамъ здѣсь соотвѣтствуетъ знающійся съ нечистой силой старый запорожецъ Пацюкъ; поѣздка кузнеца Вакулы въ Петербургъ и разговоры запорожцевъ съ императрицей имѣютъ, правда, отдаленное отношеніе къ факту сопровожденія головой Екатерины въ повѣсти „Майская Ночь“. Встрѣчаются и мелкія черты сходства: неустрашимость и неуклонная прямота въ сношеніяхъ запорожцевъ съ невѣрными или съ нечистой силой (дѣдъ въ „Пропавшей Граматѣ“, кузнецъ Вакула, наконецъ, Тарасъ Бульба); бесѣда двухъ кумовей, истыхъ малороссіянъ по безпечности и лѣни (въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и „Ночи передъ Рождествомъ“); задоръ, мгновенно стихающій передъ неожиданнымъ препятствіемъ, между прочимъ, при нечаянной встрѣчѣ сына съ отцомъ (въ „Майской ночи“ встрѣча Левка съ головою и Андрія съ Тарасомъ); изображеніе гуляющей толпы парубковъ въ „Майской Ночи“ и „Ночи передъ Рождествомъ“; описанія сплетенъ [3]). Но черты сходства между „Страшной Местью“ и „Тарасомъ Бульбой“ должны быть отложены до изученія послѣдней повѣсти.

Особенно замѣчательно, что повѣсть „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ почти вся была эксплуатируема

[1]) „Соч. Гоголя“. изд. 10-е. т. I. стр. 45.
[2]) Тамъ же. стр. 134.
[3]) Тамъ же. стр. 22. 101. 120.

Гоголемъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ онъ нерѣдко поступалъ съ неоконченными повѣстями. Въ самомъ дѣлѣ, не представляетъ ли Григорій Григорьевичъ Сторченко, съ его хлѣбосольнымъ гостепріимствомъ и любовью покушать, прототипъ Петра Петровича Пѣтуха? Пѣтухъ насильно заманиваетъ Чичикова къ себѣ въ гости и хочетъ его какъ можно лучше накормить, а на извиненіе Чичикова, что тотъ попалъ къ нему ошибкой, отвѣчаетъ: „Нѣтъ, не ошибка! Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это?“ (т. III, стр. 326). Такъ и Сторченко, услыхавъ, что Иванъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ на минутку, возражаетъ: „Вотъ этого-то и не будетъ! Эй, хлопче! скажи Касьяну, чтобы ворота скорѣе заперъ, а коней вотъ этого пана распрегъ бы сію минуту“ (т. I, 199). Подобно Пѣтуху, и Григорій Григорьевичъ Сторченко—большой гастрономъ; любитъ покушать и угостить и даже сердится за вмѣшательство другихъ въ обрядъ угощенія и предлагаетъ Шпонькѣ непремѣнно взять крылышко съ пупкомъ или стегнышкомъ. Онъ принадлежитъ, наконецъ, по замѣчанію Гоголя, къ тѣмъ людямъ, „которые никогда не ломали головы надъ пустяками и которыхъ вся жизнь катилась по маслу“ (Ср. изображеніе подобныхъ людей въ III т, стр. 57 и 130). Эта же характеристика, конечно, вполнѣ пригодна и для Пѣтуха. Въ самой фигурѣ Сторченка, въ его деревянномъ равнодушіи, въ добродушно-грубомъ обращеніи съ крѣпостными много общаго съ Пѣтухомъ. Далѣе, изображеніе въ „Шпонькѣ“ школьнаго учителя, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспой, наводили страхъ на весь классъ, безъ сомнѣнія, очень напоминаетъ учителя Чичикова, большого любителя тишины, доводимой до такой степени, что „слышно было, какъ муха летитъ“, и что „до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто въ классѣ, или нѣтъ“. Наконецъ, послѣдній, въ свою очередь, послужилъ прототипомъ учителя Ѳедора Ивановича, противопоставленнаго Александру Петровичу, идеальному педагогу, какъ это уже было отмѣчено Н. С. Тихонравовымъ [1]). Какъ Шпонька снискалъ благосклонность ментора угодливостью и благонравіемъ, такъ то же самое повторилось точь-въ-точь и съ Чичиковымъ. Съ другой сто-

[1]) Соч. Гог., изд. 10-е, т. III, стр. 417.

роны, мимоходомъ затронуты подробности школьнаго быта въ первой главѣ „Шпоньки" и также въ „Тарасѣ Бульбѣ" и въ „Віи" [1]). Описаніе пѣхотнаго полка, въ который поступилъ Иванъ Өедоровичъ, сходно по нѣкоторымъ чертамъ съ описаніемъ полка въ „Коляскѣ", а лихая замашка молодыхъ офицеровъ спускать все имущество до послѣдней рубашки встрѣчается также въ „Игрокахъ" въ лицѣ мнимаго гусара Глова [2]). Первыя впечатлѣнія при возвращеніи Шпоньки изъ Петербурга, по выходѣ въ отставку, въ собственное имѣніе, сходны съ впечатлѣніями Чичикова въ гостяхъ у Коробочки. Комически - серьезные разговоры Василисы Кашпаровны и матери Сторченка о гречихѣ и выдѣлкѣ ковровъ представляютъ такое же мастерское и близкое по идеѣ воспроизведеніе обыденныхъ будничныхъ женскихъ разговоровъ, какъ въ „Мертвыхъ Душахъ" бесѣда о нарядахъ дамы просто пріятной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ [3]). Наконецъ, курьезное объясненіе Ивана Өедоровича Шпоньки съ дѣвицей Марьей Гавриловной, постоянно прерываемое продолжительными паузами, его нерѣшительность въ сватовствѣ какъ нельзя болѣе сходны съ соотвѣтствующими мѣстами въ „Женитьбѣ" [4]).

Всѣ эти замѣтки и сопоставленія мы предлагаемъ здѣсь какъ матеріалъ для разъясненія пріемовъ и исторіи творчества Гоголя. Закончимъ нашу рѣчь о „Вечерахъ" еще нѣсколькими частными указаніями.

Тщательное изученіе сборниковъ малороссійскихъ разсказовъ и преданій, можетъ быть, дастъ со временемъ возможность спеціалистамъ малорусской народной словесности опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторые источники, которыми могъ пользоваться Гоголь. Съ своей стороны, приведемъ нѣсколько отысканныхъ нами параллелей въ подтвержденіе этой вѣроятности [5]). Такъ любопытно, что, кромѣ пьесы Гоголя-отца

[1]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 187—188, 258—259 и 367—369.

[2]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 189, т. II, стр. 120 и т. II, стр. 433—437.

[3]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 207 и т. III, стр. 179—182.

[4]) Ср. Соч. Гог., изд. X, т. I, стр, 208 и т. II, стр. 397—398.

[5]) Впрочемъ, извѣстный знатокъ украинской литературы и исторіи, П. А. Кулишъ, подвергаетъ большому сомнѣнію эти, можетъ быть, преувеличенныя надежды. Вотъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ онъ высказывалъ намъ свой взглядъ на это дѣло:

„Вліяніе малороссійскихъ пѣсенъ и повѣрій на Гоголя допускаю въ весьма слабой степени. Время его дѣтства и отрочества было временемъ упадка мало-

„Романъ и Параска“, прототипъ поповича Аѳанасія Ивановича въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и дьячка Осипа Никифоровича въ „Ночи передъ Рождествомъ“, можно видѣть въ народномъ разсказѣ: „Дьякъ Титъ Григоровичъ“ [1]).

Нѣкоторое сходство съ приведеннымъ представляютъ также другіе разсказы („Гибель четырехъ поповъ“, „Мужикъ, баба, попъ, дьячокъ и цыганъ“, и проч. [2]).

Изъ отдѣльныхъ выраженій, сходныхъ у Гоголя съ выраженіями народныхъ малороссійскихъ сказокъ, отмѣтимъ слѣ-

русскаго элемента въ сословіи и состояніи Гоголя. Онъ сохранялся только въ разсказахъ о Солоніяхъ да Хівряхъ, или о запорожцахъ, говорившихъ, что Петербургъ городъ *балшой, губернія знатная*. Максимовичъ изданіемъ пѣсенъ въ 1827 и 1834 годахъ разбудилъ въ тогдашней нашей молодежи любовь къ народнымъ пѣснямъ; но ученическія и даже учительскія бумаги Гоголя показываютъ, что это движеніе коснулось его мало. Онъ восхищался, съ нѣкоторымъ лицемѣріемъ, народною поэзіей уже тогда, когда пересталъ писать о кузнецахъ Вакулахъ, казакахъ, чубахъ, и прочая, а какъ мало было у него самого чувства изящества въ малорусскомъ словѣ и складѣ мыслей, видно изъ пѣсенъ, сочиненныхъ имъ для сельскихъ бандуристовъ - парубковъ. Въ дружеской перепискѣ его за то время не видать слѣда ни Гулака-Артемовскаго, ни Квитки, ни Гребенки, которые сильно повліяли на представителей слѣдовавшаго за Гоголемъ поколѣнія малоруссовъ. По этому и по прежде писанному мною напрасно сталъ бы я вамъ совѣтовать, гдѣ искать источниковъ, которыми пользовался Гоголь. Малорусская жизнь не произвела тогда еще и Шевченка, а предшественники Шевченка остались за чертой изученій Гоголевыхъ; осталось внѣ его кругозора и то̀, что̀ ихъ произвело, такъ какъ волею судебъ Гоголь сдѣлался представителемъ великорусскаго, а не малорусскаго воззрѣнія... Жаль, что такой великій талантъ былъ мало подготовленъ обществомъ и для этого представительства,—и обществомъ, и всемірной наукой“.

[1]) Драгомановъ, «Малороссійскіе народныя преданія и разсказы», стр. 162.

[2]) Кстати укажемъ разсказъ, повидимому давшій Пушкину матеріалъ для извѣстнаго стихотворенія «Гусаръ» («Скребницей чистилъ онъ коня»), въ «Трудахъ» Чубинскаго, т. I, стр. 197. Припомнивъ, что стихотвореніе было написано въ 1833 году, можно съ нѣкоторой вѣроятностью предположить, что и Гоголь иногда могъ сообщать сюжеты Пушкину.—У Чубинскаго этотъ разсказъ передается такимъ образомъ: «Когда-то, въ домѣ извѣстной вѣдьмы, поставленъ былъ на постой молодой солдатъ. Солдатъ этотъ скоро завелъ съ своей хозяйкой - вѣдьмой любовную связь, но при этомъ началъ подозрѣвать ее въ чемъ-то недобромъ. Когда бывало хозяйка его ложится спать, то лишь-только солдатъ заснетъ, хозяйка куда-то исчезаетъ и является уже поутру, истощенная, изморенная. Это заинтересовало солдата, и онъ, въ одну ночь, притворившись спящимъ, сталъ слѣдить за своей хозяйкой. Тутъ онъ замѣтилъ, что она сняла съ себя рубашку, намазала свое тѣло какою-то мазью, вскипятила горшокъ съ жидкостью и схвативши мячикъ, улетѣла въ трубу. Солдата все это такъ подстрекнуло, что онъ рѣшился испытать на себѣ» и проч.

дующія. Въ предисловіи къ повѣсти „Вечеръ накануне Ивана Купала" читаемъ: „Ѳома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлать носъ свой очками"; ср. въ сборникѣ Драгоманова, въ разсказѣ: „Дьячокъ и малограмотный попъ" [1]. Въ томъ же сборникѣ находимъ разсказъ о свѣчкѣ надъ кладомъ [2], и проч. Въ „Сказкахъ" Рудченка намъ попалось выраженіе, напоминающее начало нѣкоторыхъ разсказовъ дѣда въ „Вечерахъ на Хуторѣ": „Бувало покойнік Охрім, як стане разсказувать,— царство йому небесне—дакъ волосы дыбомъ становяцця" [3]. Тамъ же есть разсказъ о золотомъ черевичкѣ [4], хотя и не совсѣмъ сходный съ гоголевскимъ. Наконецъ, уже раньше было указано, что источниками „Вія" могли служить разсказы „Видьма та видмакъ" [5], „Разсказъ о дьячкѣ и вѣдьмѣ" [6] и „Упірь и Миколай" [7].

---

1) „Труды" Чубинскаго, т. I, стр. 166.

2) Стр. 66.

3) Рудченко. „Южно-русскія народныя сказки", т. I, стр. 74. „Музіка — Охрім". Ср. у Гоголя: „Дѣдъ мой—царство ему небесное — умѣлъ чу́дно разсказывать". (Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 37).

4) Тамъ же, стр. 45.

5) Драгомановъ, „Малоросс. преданія и разсказы", стр. 74.

6) «Труды», Чубинскаго, т. I, стр. 200.

7) Рудченко, т. II, стр. 27.

II. ЛИТЕРАТУРНЫЯ И СВѢТСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ ВЪ НАЧАЛѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Возвращаясь къ изложенію біографическихъ фактовъ, мы должны прежде всего замѣтить, что однимъ изъ самыхъ трудныхъ и темныхъ вопросовъ въ біографіи Гоголя является точное установленіе даты начала знакомства его съ Жуковскимъ, Плетневымъ и Пушкинымъ. Но въ то же время тщательное разъясненіе всѣхъ подробностей, способныхъ пролить свѣтъ на исторію этихъ отношеній, столь важныхъ для всей послѣдующей судьбы писателя, положительно необходимо, чтобы хоть сколько-нибудь пополнить пробѣлъ, касающійся самой критической поры его жизни. Сближеніе съ литературными свѣтилами и появленіе благопріятныхъ условій для творчества въ широкомъ смыслѣ слова спасли Гоголя, открывъ надлежащее направленіе его природнымъ силамъ.—Надѣясь сгруппировать и по возможности привести въ систему то̀, что̀ по разрозненнымъ отрывкамъ можно извлечь изъ существующихъ источниковъ, мы вынуждены входить въ разсмотрѣніе мелочей, сличать показанія, отчасти недостаточно мотивированныя и подтвержденныя, чтобы по крайней мѣрѣ намѣтить вѣхи для слѣдующихъ разъясненій.

Внутреннее смутное сознаніе геніальности и врожденная неспособность мириться съ тиной ничтожнаго прозябанія спасли Гоголя. Глубоко противна была душѣ его безотрадная перспектива потонуть на вѣки въ хлябяхъ чернильнаго моря.

зарыться въ раковинѣ улитки и похоронить въ ней высшіе человѣческіе идеалы. Къ счастью, безпредѣльная юношеская самонадѣянность не допускала его до отчаянія и давала силы надѣяться на лучшее. Не напрасно еще на школьной скамьѣ холодный потъ проступалъ у Гоголя „при мысли, что, можетъ быть, доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ“ [1]). Конечно, человѣку съ такимъ огромнымъ талантомъ нельзя было затеряться въ толпѣ; но кто знаетъ, сколько пришлось бы Гоголю бороться съ враждебными волнами, сколько загубить въ себѣ лучшихъ силъ, если бы онъ не встрѣтилъ ласковаго, теплаго пріема въ самомъ началѣ жизненнаго поприща! Задатки высшей натуры исключали возможность, чтобы изъ него вышелъ скромный труженикъ департамента, но при неблагопріятныхъ условіяхъ это могло бы для него служить скорѣе гибелью, нежели спасеніемъ [2]). Въ душѣ Гоголя, къ счастью для него и для Россіи, горѣло то благородное пламя, которое освѣтило ему путь къ будущему величію. Всѣми силами души протестовалъ онъ противъ гнета судьбы. „Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублями жалованья въ годъ“ [3]), писалъ онъ матери. „Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки,—на что это похоже! въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ!“... Конечно, такой взглядъ на службу на практикѣ не могъ повести ни къ чему хорошему, да и слишкомъ извѣстно, какъ служилъ Гоголь, всегда имѣвшій про запасъ въ карманѣ прошеніе объ отставкѣ; но можно ли жалѣть, что онъ не сдѣлался чиновникомъ! Для Гоголя въ высшей степени спасительны были тѣ миражи, которыми онъ себя окружалъ. Всѣ надежды на рекомендательныя письма „покровителей“ оказались отчасти наивнымъ самообманомъ; большинство другихъ надеждъ ру-

[1]) „Русская Старина“, 1876, I, стр. 41.

[2]) Гоголю въ недавнее время ставили въ упрекъ, что онъ былъ слишкомъ прихотливъ и разборчивъ при выборѣ должностей, что въ отношеніи матери онъ поступалъ какъ баловень - эгоистъ. Но въ сужденіяхъ о такой личности ошибочно примѣнять обыденный масштабъ, хотя они фактически и вѣрны.

[3]) „Соч. и письма Гог.“, изд. Кулиша, т. V, стр. 83.

шилось съ безпощадной жестокостью; но всегда оставалось что-нибудь ободряющее. Въ противномъ случаѣ, что̀ было бы съ Гоголемъ, еслибы онъ не успѣлъ заблаговременно выбраться на иную дорогу? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ матери отъ 2-го апрѣля 1830 года: „Часто приходитъ мнѣ на мысль все бросить и ѣхать изъ Петербурга; но въ то же время вдругъ представляются мнѣ всѣ выгоды по службѣ и по всему, чего я лишусь, удалившись отсюда“ [1]). Очевидно, вся опасность заключалась для Гоголя въ его нетерпѣніи, которое, къ счастью, нашло себѣ могучее противодѣйствіе въ свойственномъ ему въ юношескіе годы оптимизмѣ. Мало сказать, что онъ не приходилъ въ уныніе, но его положительно не покидала какая-то упорная увѣренность въ счастливомъ исходѣ изъ ужаснаго по своей неопредѣленности положенія [2]). Юноша нашихъ дней, по всей вѣроятности, нашелъ бы скорѣе тотъ или иной исходъ, но только едва-ли удачный; по многимъ грустнымъ причинамъ ему труднѣе въ большинствѣ случаевъ сберечь въ себѣ тотъ драгоцѣнный запасъ свѣтлаго воззрѣнія на жизнь, какой въ тяжкую минуту оказался въ распоряженіи питомца доброй помѣщичьей среды стараго времени, взлелѣяннаго безпредѣльной любовью матери и патріархальнымъ благодушіемъ нехитрой, правда, школы. Нечего прибавлять, какую поддержку дала Гоголю религія: это видно во многихъ письмахъ. Среди всѣхъ неудачъ онъ только и думаетъ „оживиться новой жизнью, расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности“. Разочарованіе, вынесенное изъ впечатлѣній петербургской жизни, не сломило его, а толкнуло на новые поиски счастья и разумной дѣятельности уже за-границей. Даже въ то время, когда Гоголь „бѣжалъ отъ самого себя“, онъ не терялъ увѣренности, что „въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хоть скудный отъ Бога талантъ“ [3]), и считалъ вѣроятнымъ полученіе должности, „которая не только доставитъ годовое содержаніе, но и возможность вспомоще-

[1]) Тамъ же, V, стр. 105.

[2]) Неблагопріятенъ былъ для Гоголя весь 1829 г. и съ тяжелымъ чувствомъ онъ вступилъ въ слѣдующій, какъ видно изъ его словъ: „Холодно и безжизненно встрѣтилъ его, хотя и наступленіе новаго года всегда было торжественной минутой для меня“ (тамъ же, стр. 100).

[3]) Тамъ же, стр. 103.

ствовать матери въ ея великодушныхъ попеченіяхъ и заботахъ". Пробуя себя въ различныхъ отношеніяхъ, онъ наконецъ находитъ свое истинное призваніе. Ему удается обратить на себя вниманіе, и онъ спасенъ.

А положеніе было въ самомъ дѣлѣ критическое. „Даже при родственной помощи А. А. Трощинскаго" — говоритъ не разъ цитированный нами авторъ статьи въ „Русской Жизни"—„Гоголь терпѣлъ крайнюю нужду. О прежнемъ франтовствѣ не осталось уже и помину. Изъ письма его къ матери отъ 5 января 1830 г. видно, что онъ до такой степени обносился, что нижняго бѣлья у него не было „ни одной штуки", а манишекъ было только три, изъ коихъ одну онъ послалъ матери для образца, прося сшить по ней дюжину новыхъ, а одна была „домашняя", слѣдовательно для выхода оставалась всего одна манишка (Кулишъ, V, 102). Эта крайность довела его до того, что въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (2 апрѣля 1830), сообщая матери, что, „послѣ безконечныхъ исканій", ему удалось наконецъ сыскать мѣсто, „очень, однакожъ, незавидное", онъ откровенно рѣшился написать ей о своихъ нуждахъ и просить о денежной помощи. Чтобы оправдать себя, онъ представилъ ей подробный разсчетъ самыхъ необходимыхъ расходовъ, который долженъ былъ показать, что „умѣреннѣе" его „врядъ-ли кто живетъ въ Петербургѣ". „Доказательствомъ моей бережливости", писалъ онъ, „служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго, не только фрака, но даже теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, что я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели". (Кулишъ, „Соч. и письма Гоголя", V, 106).

Изъ этого же письма узнаемъ и о началѣ литературныхъ занятій Гоголя. „Жалованья я не получаю и 500 руб.", сообщалъ онъ матери, „если присовокупить къ нему и получаемое мною иногда отъ журналистовъ, то всего выдетъ 600" (тамъ же, стр. 106). Слѣдовательно, въ апрѣлѣ 1830 г. онъ могъ уже разсчитывать заработать литературнымъ трудомъ

до 1,000 рублей въ годъ. Вотъ въ какой болѣе, чѣмъ скромной, формѣ осуществились на первый разъ грандіозные планы Гоголя, созданные ощущавшимся имъ сознаніемъ своего дарованія! Изъ приложенной имъ къ этому письму вѣдомости „прихода и расхода за декабрь 1829 г. и январь 1830 г.“ мы узнаемъ, что литературныя занятія его въ это время состояли въ переводахъ для журналовъ. Въ приходѣ за январь мѣсяцъ показано: „Выручилъ за статью, переведенную съ французскаго: „О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.“ для „Сѣв. Арх.“ — 20 рублей“. Но такой статьи въ „Сынѣ Отеч.“ и „Сѣв. Арх.“ нѣтъ ни въ 1829, ни въ 1830 гг. [1]). По всей вѣроятности, переводъ былъ настолько неудовлетворителенъ, что хотя за него и было заплачено переводчику, но помѣстить его въ журналѣ не признали удобнымъ...“

II.

Первымъ даннымъ, которое можетъ быть принято за исходную точку для нахожденія аріадниной нити въ вопросѣ о началѣ знакомства Гоголя съ корифеями литературы, можно считать утвержденіе г. Кулиша, что въ 1830 г. Гоголь „досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу съ просьбой позаботиться о немъ“ [2]). Въ разсказѣ г. Кулиша этотъ новый фазисъ въ пріискиваніи Гоголемъ себѣ подходящей дѣятельности приведенъ въ связь съ неудовлетворенностью мѣстомъ, полученнымъ, по протекціи дяди [3]), въ департаментѣ удѣловъ. Понадобилась новая рекомендація; нашлась, къ счастью, протекція, и Гоголь неожиданно для самого себя очутился въ средѣ, въ высшей степени благопріятствовавшей потомъ развитію его могучаго таланта. Если это сообщеніе справедливо, то необходимо заключить, что на этотъ разъ рекомендація исходила уже *не отъ тѣхъ*

[1]) Гоголь, очевидно, для краткости назвалъ журналъ „Сѣвернымъ Архивомъ“. Собственно же журналъ подъ этимъ именемъ прекратился въ 1828 г. Съ 1829 же года онъ издавался вмѣстѣ съ „Сын. Отеч.“, подъ названіемъ: „Сынъ Отеч. и Сѣв. Арх.“.

[2]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 84.

[3]) А. А. Трощинскаго.

„покровителей“, къ которымъ Гоголь имѣлъ доступъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ и которые „водили его до тѣхъ поръ, пока не заставили усомниться въ сбыточности ихъ обѣщаній“. Новой протекціей онъ косвеннымъ образомъ обязанъ былъ своему таланту [1]). Если кратковременное участіе его въ „Отечественныхъ Запискахъ“ давно прекратилось вслѣдствіе безцеремоннаго обращенія ихъ издателя, Свиньина, съ его повѣстью, то къ началу 1831 года мы уже застаемъ Гоголя въ сношеніяхъ съ „Литературной Газетой“ [2]), въ которой имъ помѣщается цѣлый рядъ небольшихъ отрывковъ, очевидно сданныхъ въ редакцію еще въ 1830 году. Отрывокъ Гоголя „Борисъ Годуновъ“, набросанный, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что вышедшей трагедіи Пушкина, но уже вызвавшей рецензію въ 1 № „Литературной Газеты“ за 1831 г., посвящается П. А. Плетневу. Итакъ, знакомство съ нимъ и съ Жуковскимъ должно быть отнесено къ концу 1830 года, что̀ подтверждается и рекомендаціей Гоголя Плетневымъ на должность учителя въ Патріотическомъ институтѣ не далѣе, какъ въ началѣ февраля 1831 года. Какъ бы горячо ни отнесся Плетневъ къ просьбѣ Жуковскаго пристроить молодого человѣка, какъ бы скоро ни оцѣнилъ его самъ, несомнѣнно, что его рекомендаціи долженъ былъ предшествовать нѣкоторый промежутокъ, давшій ему основаніе оцѣнить тѣ достоинства Гоголя, которыя вскорѣ побудили его съ нетерпѣніемъ ждать случая „подвести Гоголя подъ благословеніе“ Пушкина. Первый пріемъ, сдѣланный Гоголю Жуковскимъ въ Шепелевскомъ дворцѣ, оставилъ въ осчастливленномъ юношѣ навсегда свѣтлыя воспоминанія, и если Жуковскій взглянулъ на него сначала покровительственно, какъ на одного изъ безчисленнаго множества обласканныхъ имъ протежѐ, то между ними уже мелькнула тѣнь взаимнаго искренняго сближенія людей, родственныхъ по духу и по задачамъ жизни. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ письмѣ Гоголь такъ вспоминаетъ объ этой первой встрѣчѣ: „Ты подалъ

[1]) „Соч. и письма Гог.“, изд. Кулиша, V, 105.

[2]) Первыя свои произведенія Гоголь печаталъ или въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, или въ „Литературной Газетѣ“, при чемъ первый № послѣдняго изданія былъ преимущественно занятъ его статьями. Такъ какъ оба изданія принадлежали Дельвигу, то естественно возникаетъ мысль, не онъ ли рекомендовалъ Гоголя Жуковскому.

мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!... Что̀ насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства [1]). Итакъ, несомнѣнно, что Гоголь отрекомендованъ былъ Жуковскому и встрѣченъ послѣднимъ въ качествѣ младшаго собрата, питомца и служителя музъ. Гоголь ставитъ дальше вопросъ, почему такъ случилось, и отвѣчаетъ на него: „Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства". Письмо къ Жуковскому, будучи отчасти первообразомъ „Авторской Исповѣди" и написанное Гоголемъ передъ отправленіемъ въ Іерусалимъ, по нашему мнѣнію, должно быть признано заслуживающимъ довѣрія. Кромѣ того, всѣ приведенныя строки, а особливо послѣднія слова, убѣдительно подтверждаются общимъ характеромъ нѣсколькихъ небольшихъ статей, посвященныхъ искусству и вошедшихъ впослѣдствіи въ „Арабески". Онѣ свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что мысли юнаго писателя были дѣйствительно заняты искусствомъ и въ довольно широкихъ размѣрахъ. Конечно, Гоголь не могъ не высказаться въ этомъ отношеніи передъ Жуковскимъ, и послѣдній, какъ видно, отнесся съ большимъ сочувствіемъ, если не ко всѣмъ защищаемымъ имъ частнымъ положеніямъ, то къ ихъ общему характеру.

Такимъ образомъ, честь перваго теплаго привѣта, рѣшившаго будущность Гоголя, принадлежитъ Жуковскому и Плетневу, отрекомендовавшему, какъ мы сказали, Гоголя на должность преподавателя исторіи въ младшихъ классахъ Патріотическаго института, въ которомъ самъ онъ занималъ мѣсто инспектора классовъ. И прежде его ободряли преимущественно литературные успѣхи, но теперь онъ выходитъ на твердую дорогу [2]). Благодаря этой удачѣ, въ самое короткое время произошелъ рѣшительный переворотъ въ его жизни: шагъ отъ невиднаго положенія мелкаго, затеряннаго въ департаментѣ петербургскаго чиновника, обреченнаго на гніеніе за кипами самыхъ прозаическихъ бумагъ, къ почти равноправнымъ сношеніямъ съ корифеями отечественной литературы долженъ быть по справедливости признанъ гигант-

[1]) Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 279.

[2]) „Соч. и письма Гог.", изд. Кулиша, т. V, стр. 103, 105 и проч.

скимъ. И велика заслуга людей, умѣвшихъ понять и оцѣнить въ Гоголѣ выдающуюся натуру, безъ колебаній, по истинѣ братски возвысившихъ его до себя и принявшихъ, какъ равнаго, въ свой кругъ. Этотъ прекрасный поступокъ, безъ сомнѣнія, впишется въ реестръ благородныхъ ихъ дѣлъ и составитъ блестящее его украшеніе...

Дальнѣйшій ходъ успѣховъ Гоголя въ петербургскомъ свѣтскомъ и литературномъ кругѣ былъ приблизительно слѣдующій.

Вскорѣ послѣ того счастливая звѣзда Гоголя приводитъ его въ кабинетъ Пушкина и въ салонъ блестящей, замѣчательно умной, красивой и обаятельной фрейлины Россетъ, и онъ окончательно попадаетъ въ сферу умственной аристократіи, вліяніе которой, каково бы оно ни было, во всякомъ случаѣ было для него безмѣрно болѣе воспитательнымъ, нежели стѣны департамента и замкнутый кружокъ товарищей-нѣжинцевъ (хотя между послѣдними не мало было людей умныхъ и разносторонне развитыхъ, чего опять не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ условій, въ которыхъ находился Гоголь въ первые годы своей жизни въ Петербургѣ).

Вотъ какъ все это произошло.

Въ одно время съ поступленіемъ въ Патріотическій институтъ Гоголь, какъ извѣстно, по рекомендаціи Плетнева, получилъ частныя занятія у Лонгиновыхъ, Балабиныхъ и Васильчиковыхъ. Очевидно, Плетневъ принялъ молодого человѣка подъ особое покровительство. Онъ же сначала въ письмѣ хвалилъ Пушкину статьи: „Учитель“, „Женщина“ и „Мысли о преподаваніи географіи“ [1]), потомъ при личномъ свиданіи „Вечера на Хуторѣ“, и онъ же присовѣтовалъ извѣстный псевдонимъ Рудаго Панька.

[1]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 366

III.

Едва-ли есть тайна грознѣе постояннаго превращенія легкомысленнаго, кипучаго настоящаго съ его жгучими, захватывающими интересами въ величавую, но мертвую неподвижность прошлаго, тайна вѣчнаго расширенія области исторіи на счетъ быстро смѣняющихся живыхъ поколѣній. Образованное общество никогда, конечно, не перестанетъ дорожить минувшимъ и благоговѣйно хранить память о немъ; но торжество бездушной природы вещей остается все-таки въ полной силѣ. Какимъ бы ореоломъ ни были окружены прежніе дѣятели, они съ каждымъ днемъ по непреложнымъ законамъ природы отходятъ въ глубину преданія и все болѣе становятся далеки и чужды новымъ поколѣніямъ, все меньше выпадаетъ на ихъ долю переполняющаго душу участія, и ихъ вѣчная слава становится все мертвѣе и спокойнѣе. Мѣсто полныхъ увлеченія и жизни горячихъ толковъ современниковъ и ихъ пристрастной оцѣнки заступаетъ болѣе справедливый, но холодный и безучастный судъ потомства. Великіе люди становятся предметомъ поклоненія, но волнуютъ меньше. Исторія справедливѣе „гласа народнаго“,—тѣмъ не менѣе никогда не исчезнетъ обаяніе всего живого, какъ не искупаются призраками недочеты осязательнаго счастія. Остается слабое утѣшеніе въ томъ, что по крайней мѣрѣ геній пользуется великимъ преимуществомъ безсмертія, которое спасаетъ его отъ общей участи живущаго... Люди, подобные Гоголю, не умираютъ, но и ихъ желательно представить въ рамкѣ болѣе яркой и полной картины, со всей окружавшей ихъ обстановкой и съ близкими имъ людьми. Задача нелег-

кая, и мы хотимъ дать только слабый намекъ на это въ слѣдующихъ главахъ.

Еще лѣтъ пять-десять тому назадъ живы были самые близкіе друзья Гоголя, но и тогда можно было съ трудомъ насчитать нѣсколько особъ, знавшихъ его лично и еще хорошо помнившихъ; теперь къ такимъ людямъ, кажется, принадлежатъ почти только сестры покойнаго писателя, г-жа О. Н. Смирнова, Н. Н. Соренъ (другая дочь А. О. Смирновой), и М. И. Вагнеръ. Но А. О. Смирнову, И. С. Аксакова, А. С. Данилевскаго, В. Н. Репнину застали еще восьмидесятые годы, а послѣднюю и начало девяностыхъ (она скончалась въ ноябрѣ прошедшаго года). Сколько яркихъ и живыхъ воспоминаній, какое глубокое и искреннее чувство любви къ рано угасшему писателю таилось еще на нашихъ дняхъ въ груди нѣкоторыхъ изъ названныхъ лицъ—и вотъ все это отходитъ въ вѣчность и начинаетъ порастать „травой забвенья"!... Никогда не умретъ Гоголь для Россіи, но замѣтно рѣдѣетъ и исчезаетъ горсть людей, для которыхъ его память была связана съ лучшими годами жизни, съ ихъ молодостью, для которыхъ его имя звучало чѣмъ-то задушевнымъ и роднымъ, для которыхъ онъ былъ не только знаменитымъ писателемъ, но и дорогимъ человѣкомъ. Жалѣть объ этомъ безполезно; разумнѣе стараться сберечь, что̀ возможно, отъ безпощаднаго разрушенія неумолимаго времени, неудержимо стремящагося изгладить слѣды недавняго прошлаго и заглушить его замирающіе отголоски. Между тѣмъ прошло сорокъ лѣтъ послѣ смерти Гоголя, и нельзя не сознаться, что мы еще не только болѣе чѣмъ недостаточно знаемъ его жизнь и почти еще не уяснили его нравственную личность, но даже характеръ его отношеній къ болѣе или менѣе близкимъ людямъ остается мало извѣстнымъ и почти вовсе не былъ до сихъ поръ предметомъ внимательнаго изученія. Чтобы показать наглядно, какія невѣрныя и сбивчивыя представленія объ отношеніяхъ Гоголя къ разнымъ лицамъ могли являться въ печати, приведу слѣдующій примѣръ. Лѣтъ болѣе тридцати тому назадъ, вскорѣ послѣ кончины Гоголя, когда были еще свѣжи слѣды недавняго прошлаго, одинъ изъ нашихъ болѣе извѣстныхъ библіографовъ, въ предисловіи къ письмамъ Гоголя къ Прокоповичу (въ январской книгѣ „Русскаго Слова" за 1859 г.), выразилъ сожалѣніе по поводу охлажденія автора „Мертвыхъ

Душъ" къ товарищу дѣтства, когда въ концѣ сороковыхъ годовъ, Гоголь, „вслѣдствіе разныхъ причинъ нашелъ новыхъ друзей въ князѣ Львовѣ, графѣ Віельгорскомъ, о. Матвѣѣ, Шереметевой, Вигелѣ и другихъ". Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли жалѣть о сближеніи Гоголя со всѣми названными лицами или только нѣкоторыми изъ нихъ, что̀ безъ сомнѣнія, далеко не безразлично, нельзя не подивиться такому странному смѣшенію въ одну кучу людей, въ дѣйствительности имѣвшихъ между собой весьма мало общаго. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, отнести къ числу друзей Гоголя князя Львова, которому онъ написалъ лишь единственное письмо въ отвѣтъ на замѣчанія его о „Перепискѣ съ друзьями", несмотря на то, что изъ первыхъ же строкъ этого письма ясно, что онъ долго не могъ даже отдать себѣ отчетъ, былъ ли когда-нибудь знакомъ съ своимъ новымъ корреспондентомъ,—и въ то же время пропустить А. О. Смирнову? Какъ можно было поставить рядомъ имя Н. Н. Шереметевой, женщины скромнаго круга и ограниченнаго образованія, и широко и разносторонне образованнаго графа М. Ю. Віельгорскаго, человѣка вращавшагося въ придворной и избранной аристократической средѣ; наконецъ, поставить рядомъ имя строгаго подвижника о. Матвѣя и Вигеля, этого литературнаго Собакевича? Какъ можно было приписывать едва-ли существовавшее „сильное и благотворное" вліяніе на Гоголя Прокоповичу, исполнявшему преимущественно его порученія и пользовавшемуся въ извѣстной степени его расположеніемъ, и позабыть объ истинно-глубокой и нѣжной съ ранняго дѣтства привязанности къ своему „ближайшему" А. С. Данилевскому? Но если подобнаго рода ошибки возможны были со стороны такого считавшагося когда-то добросовѣстнымъ изслѣдователемъ, какъ покойный Н. В. Гербель, притомъ, такъ сказать, на глазахъ Аксаковыхъ и Плетнева—возможны, преимущественно благодаря маскированію именъ иниціалами и условными буквами въ извѣстномъ изданіи писемъ Гоголя,—то тѣмъ болѣе необходимо устранить разъ навсегда возможность ихъ повторенія именно теперь, когда съ одной стороны еще не совсѣмъ заглохли преданія о нашемъ славномъ писателѣ, а съ другой, умерли уже почти всѣ лица, при жизни которыхъ были бы неудобны и преждевременны подобныя разъясненія.

Можно безъ преувеличенія сказать, что наименѣе извѣстными оставались почти до сихъ поръ отношенія Гоголя къ Смирновой и Віельгорскимъ, такъ какъ самая переписка съ послѣдними находилась подъ спудомъ. Объ отношеніяхъ Гоголя къ Віельгорскимъ мы будемъ говорить позднѣе; разсказу же объ отношеніяхъ къ Пушкину и особенно къ Смирновой мы предполагаемъ посвятить послѣдующія главы [1]). Эти соображенія намъ казалось необходимымъ указать, чтобы читатель призналъ значеніе нѣкоторыхъ приводимыхъ ниже подробностей, касающихся лицъ, близкихъ Гоголю и имѣющихъ въ виду очертить, по возможности, ихъ нравственный обликъ, подробностей, изъ которыхъ иныя, пожалуй, являются лишними съ точки зрѣнія экономіи мѣста.

[1]) Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы находимся въ большой зависимости отъ качества и количества собранныхъ нами матеріаловъ и потому заранѣе отстраняемъ отъ себя упрекъ въ неравномѣрной полнотѣ нашихъ сообщеній.

III. А. О. СМИРНОВА И Н. В. ГОГОЛЬ

въ 1829—1832 гг.

Въ нашей литературѣ можно указать почтенныя имена, пользующіяся заслуженною извѣстностью и имѣющія всѣ права на видное мѣсто въ ея лѣтописяхъ, несмотря на то, что они принадлежатъ людямъ, не принимавшимъ въ ней непосредственнаго участія собственными трудами: Шуваловъ, Львовъ, Оленинъ, Станкевичъ, по своимъ связямъ и вліянію на извѣстныхъ писателей, не должны быть забыты потомствомъ. Къ числу такихъ лицъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести и Александру Осиповну Смирнову, род. 6 марта 1810, † 7 іюня 1882 г. [1]). Близость ко двору, короткое знакомство и отчасти тѣсная дружба съ цѣлой фалангой корифеевъ литературы, блестящій природный умъ и рѣдкое образованіе являются достаточными причинами, чтобы сообщить живой интересъ какъ обстоятельствамъ ея личной жизни, такъ особенно ея отношеніямъ къ одному изъ крупнѣйшихъ представителей нашей литературы. Въ продолженіе болѣе полустолѣтія Александру Осиповну зналъ каждый, кто умѣлъ перо держать въ рукахъ, и ей былъ хорошо извѣстенъ весь кругъ дѣятелей царствованій Александра I, Николая Павловича и Александра II, какъ въ Россіи, такъ и за-границей.

[1]) Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ, вела дневникъ (еще не изданный) и оставила воспоминанія, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871, XI, и 1882, I („Изъ записокъ знатной дамы“).

Предлагая вниманію читателей отношенія Смирновой къ Гоголю [1]), считаемъ необходимымъ передать главнѣйшія біографическія свѣдѣнія о ней и представить нѣкоторыя данныя о первомъ знакомствѣ ея съ нашимъ писателемъ.

I.

Александра Осиповна Смирнова, рожденная Россетъ (род. 6 марта 1810 г., † 7-го іюня 1882 г.), была во всѣхъ отношеніяхъ щедро надѣлена дарами природы. Она почти отъ рожденія имѣла уже всѣ данныя, чтобы выдвинуться изъ массы и занять въ жизни высокое, исключительное положеніе. Со стороны обоихъ родителей она была знатнаго происхожденія. Почти каждый изъ ближайшихъ ея предковъ могъ припомнить въ своей жизни что-нибудь особенное, выдающееся, а иные даже имѣли нѣкоторую историческую извѣстность. Какъ обширныя связи, такъ и богатыя личныя дарованія обѣщали ей свѣтлую будущность.

Фамилія Россетовъ французскаго происхожденія; она передѣлана изъ Rosset [2]). Родъ ихъ распадался на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ младшая донынѣ существуетъ въ Лангедокѣ. Въ числѣ своихъ представителей вѣтвь эта считаетъ цѣлый рядъ sieurs de Лаваль (sieurs Laval de Mortiliere), изъ которыхъ одинъ похороненъ въ древнѣйшей церкви Парижа [3]), другой, бывшій викарнымъ епископомъ гренобльскимъ,—въ склепѣ гренобльскаго каѳедральнаго собора. Другія двѣ вѣтви обитали въ провинціяхъ Дофинэ и Франшконтэ. Изъ Дофинэ происходилъ и отецъ Александры Осиповны, le chevalier Joseph de Rosset. Званіе это онъ получилъ по наслѣдству, какъ младшій сынъ мальтійскаго рыцаря (en minorité). По женской линіи онъ состоялъ въ свойствѣ съ герцогами Ришельё и Рошешуаръ [4]). По ихъ примѣру и, можетъ

[1]) Они были напечатаны въ нѣсколькихъ книгахъ „Русской Старины" за 1888 и 1890 гг. *В. Ш.*

[2]) Въ средніе вѣка, въ старинныхъ генеалогическихъ книгахъ (livres généalogiques) эта фамилія читалась Rousset, съ XVI в.—Rosset. Въ Версалѣ, въ одной изъ залъ во дворцѣ находится, въ числѣ многихъ другихъ, гербъ Россетовъ, еще временъ Людовика Святого.

[3]) St. Eustache.

[4]) О Ришельё и Рошешуарѣ см. „Русскія Вѣдомости", 1888, №№ 31 и 33.

быть, вмѣстѣ съ ними онъ пріѣхалъ впервые въ Россію. Сражаясь подъ знаменами Потемкина и Суворова, онъ заявилъ себя геройской доблестью, особенно подъ Измаиломъ и Очаковомъ, и получилъ георгіевскій крестъ. (Имя его начертано на стѣнѣ Георгіевской залы въ Кремлевскомъ дворцѣ). Когда же во время ужасовъ революціи всѣ его родственники погибли, онъ эмигрировалъ въ Россію, гдѣ сталъ называться Осипомъ Ивановичемъ Россетомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ Одессѣ комендантомъ порта, карантинной гавани и гребной черноморской флотиліи. Онъ особенно подружился съ своимъ родственникомъ герцогомъ Ришельё, извѣстнымъ основателемъ Одессы, съ Ланжерономъ и др. Тамъ же онъ женился на красавицѣ Надеждѣ Ивановнѣ Лореръ, происходившей по мужской линіи отъ выходцевъ изъ Голштиніи, переселившихся въ XVI в. въ Пруссію, а оттуда, въ царствованіе Петра III, въ Россію [1]). Мать ея, Екатерина Евсеевна Циціанова, была грузинская княжна и состояла въ родствѣ съ послѣднимъ владѣтельнымъ царемъ Грузіи, Георгіемъ XIII. Какъ урожденная княжна Циціанова, Екатерина Евсеевна, а также и дочь ея, Надежда Ивановна, пользовались особымъ благоволеніемъ императора Александра Павловича, заочно крестившаго Александру Осиповну и двухъ младшихъ ея братьевъ [2]) вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной. Дѣйствительнымъ же воспріемникомъ отъ купели дѣтей былъ другъ ихъ отца, герцогъ Ришельё.

Воспитанная въ Малороссіи, въ имѣніи своей матери (Громоклея-Водино), Надежда Ивановна полюбила ее и старалась передать эту любовь къ поэтической Украйнѣ всѣмъ своимъ дѣтямъ. Прекрасно владѣя малороссійскимъ языкомъ, она всегда предпочитала его французскому и нѣмецкому, которые также знала въ совершенствѣ. Благодаря ея разумному вліянію, Александра Осиповна, въ жилахъ которой текла смѣшанная кровь, сдѣлалась вполнѣ русской женщиной по симпатіямъ, убѣжденіямъ и характеру.

„Герцогъ Ришелье въ Россіи и Франціи“. („Изъ статьи Альфреда Рамбо въ „Revue des deux Mondes“).

[1]) Лореры были нѣмцы, хотя французскаго происхожденія: въ Голштинію они прибыли изъ Беарна во время реформаціи. *Ольга Смирнова.*

[2]) А. О. Россета и впослѣдствіи А. И. Арнольди.

Въ 1814 году Надежда Ивановна лишилась любимаго мужа, когда онъ, во время чумы, страшно измучился наблюденіями въ карантинахъ и изнурился во время досмотровъ. Потеря эта была для нея тѣмъ чувствительнѣе, что она только-что перенесла другое горе: дядя ея Циціановъ, другъ извѣстнаго Ростопчина, выѣхавшій въ день самаго вступленія въ Москву Наполеона, видѣлъ, какъ домъ его былъ ограбленъ и сожженъ непріятелями; кромѣ того, единственный сынъ его, князь Георгій, двоюродный братъ главнокомандующаго на Кавказѣ, бывшій ординарцемъ при Багратіонѣ, погибъ вскорѣ послѣ Бородинской битвы. Оставшись вдовой двадцати лѣтъ, Надежда Ивановна вскорѣ вышла вторымъ бракомъ за остзейскаго уроженца, генерала Ивана Карловича Арнольди, потерявшаго ногу въ Лейпцигскомъ сраженіи и командовавшаго потомъ въ Таганрогѣ артиллерійской бригадой. Отношенія ея ко второму мужу не совсѣмъ походили на отношенія къ первому. Она горячо любила chevalier de Rosset, но только уважала Арнольди, человѣка требовательнаго, строго относившагося къ дѣтямъ отъ перваго брака. Мать ея, Екатерина Евсеевна Лореръ, отзывалась о немъ такъ: „герой-то онъ герой, и красивъ, но съ деревяшкой и настоящій воинъ; это совсѣмъ не то, что Осипъ Ивановичъ Россетъ или нашъ герцогъ Ришельё. Вотъ это настоящіе бояре и герои: и умны, и воспитаны, и добры, а Арнольди все-таки протестантъ!... Католикъ еще вѣритъ всему, чему и мы вѣримъ, а тѣ и Богородицу отрицаютъ“.

Недовольная строгостью Арнольди къ своимъ дѣтямъ, Надежда Ивановна поспѣшила отвезти ихъ сначала къ матери, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ помѣстила дочь въ Екатерининскій институтъ, подъ высокое покровительство ея крестной матери, императрицы Маріи Ѳедоровны, а мальчиковъ отдала въ Пажескій корпусъ. Такому рѣшенію чрезвычайно способствовалъ, кромѣ неудобства воспитывать дѣтей въ провинціи вслѣдствіе постоянныхъ переѣздовъ мужа, принужденнаго кочевать съ бригадой, также постоянный страхъ близкой смерти отъ частыхъ родовъ. Опасенія ея скоро оправдались: ея давно уже не было въ живыхъ, когда государь Александръ Павловичъ скончался въ домѣ ея мужа, генерала Арнольди, (въ Таганрогѣ).

Семи лѣтъ разсталась Александра Осиповна съ Малорос-

сіей, но страстно полюбила ее на всю жизнь. „Я родилась въ Малороссіи“, говорила она, „воспиталась на галушкахъ и вареникахъ, и какъ мнѣ ни мила Россія, а все же я не могу забыть ни степей, ни тѣхъ звѣздныхъ ночей, ни крика перепеловъ, ни журавлей на крышахъ, ни пѣсенъ малороссійскихъ бурлаковъ... Все тамъ лучше, чѣмъ на сѣверѣ“ [1]). Она считала себя малороссіянкой, и въ ней, дѣйствительно, было много русскаго благодаря воспитанію. Въ своей натурѣ она представляла счастливое соединеніе лучшихъ качествъ души и ума русскаго и французскаго. Отъ Россетовъ она унаслѣдовала французскую живость, воспріимчивость ко всему и остроуміе; отъ Лореровъ — изящныя привычки, любовь къ порядку и вкусъ къ музыкѣ; отъ матери—любовь къ Россіи и особенно къ Украйнѣ; отъ грузинскихъ своихъ предковъ—лѣнь, пламенное воображеніе, глубокое религіозное чувство, восточную красоту и непринужденность въ обхожденіи. По причинѣ своего смѣшаннаго происхожденія, она, подобно матери, еще съ дѣтства одинаково хорошо владѣла русскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками. Въ институтѣ же, благодаря материнскимъ попеченіямъ и надзору императрицы Маріи Θеодоровны, какъ извѣстно, постоянно навѣщавшей подвѣдомственныя ей заведенія [2]) и слѣдившей за ихъ жизнью и за ходомъ занятій,—Александра Осиповна дѣлала большіе успѣхи и быстро развивалась. Особенно полюбила она русскую словесность, которую изучала подъ руководствомъ извѣстнаго профессора П. А. Плетнева. Благодаря ему, она научилась изящной декламаціи и тонкому пониманію красотъ художественной литературы, достаточно засвидѣтельствованному и доказанному тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относился къ ея вкусу А. С. Пушкинъ. Впослѣдствіи она прекрасно читала стихи и прозу; государь Николай Павловичъ охотно слушалъ въ ея чтеніи повѣсти Гоголя, а въ 1850-хъ годахъ „Муму“ и другіе разсказы И. С. Тургенева [3]).

[1]) См. „Русск. Старину“, 1888, X, 133 и 134.

[2]) Извѣстно, что съ такой же благородной заботливостью императрица посѣщала богадѣльни, больницы, и пр. *В. Ш.*

[3]) Кромѣ того, она обнаруживала любовь и большія способности къ языкамъ, исторіи и физикѣ, чрезвычайно любила музыку, была искусна и во всѣхъ женскихъ работахъ; но математика и рисованіе ей не давались.

Ольга Смирнова.

О Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ она въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ (въ 1870-хъ годахъ) отзывалась съ большимъ сочувствіемъ, какъ о человѣкѣ, такъ и о педагогѣ, и блестящіе успѣхи свои и подругъ приписывала его таланту и неусыпнымъ трудамъ. (См. «Р. А.» 1871, XI). Въ одномъ изъ писемъ къ Гоголю она говорила о немъ: „онъ меня воспиталъ въ нѣкоторомъ отношеніи; мы такъ связаны съ нимъ, что я души его потребность". („Русск. Стар., 1888, VIII, 132).

Днемъ торжества для институтокъ и ихъ добросовѣстнаго руководителя было выпускное испытаніе, состоявшееся въ присутствіи императрицъ Маріи Θедоровны и Александры Θедоровны 20 февраля 1826 года. Экзаменъ былъ публичный; въ числѣ приглашенныхъ были митрополитъ, многіе академики и литераторы. Марія Θедоровна пріѣхала въ сопровожденіи двухъ поэтовъ: В. А. Жуковскаго и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. Институтки должны были говорить на память стихи, преимущественно изъ произведеній присутствующихъ поэтовъ; но воспитанницѣ Россетъ было предложено продекламировать стихотвореніе «Фонтанъ Бахчисарайскаго дворца» Пушкина [1]). Здѣсь она имѣла случай выказать во всемъ блескѣ свою мастерскую декламацію. Впослѣдствіи это обстоятельство не мало способствовало ея сближенію съ великимъ поэтомъ, нашедшимъ въ ней хорошую цѣнительницу своихъ произведеній. По окончаніи экзамена бывшія воспитанницы хоромъ пропѣли стихи, сочиненные Жуковскимъ по случаю ихъ выпуска, и торжество окончилось роскошно сервированнымъ завтракомъ съ русскими блинами, такъ какъ дѣло было на масляницѣ. Черезъ нѣсколько дней нашей даровитой институткѣ былъ присужденъ второй шифръ (перваго она не могла получить, потому что уступала одной изъ подругъ, Балугьянской, въ ариѳметикѣ).

II.

При первой же встрѣчѣ съ Жуковскимъ, отъ проницательныхъ глазъ юной Россетъ не ускользнула ни безграничная

[1]) Эти стихи послѣ рукой Александры Осиповны были написаны, въ дворцѣ Монплезирѣ, въ альбомѣ императрицы Александры Θедоровны. *В. Ш.*

доброта, ни та дѣтская непринужденность, съ которою Жуковскій держался въ обществѣ; но особенно ее поразили добрые, задумчивые глаза поэта. Прошло немного времени, и то̀, что̀ казалось недавно необыкновеннымъ счастьемъ, сдѣлалось для нея осязательной дѣйствительностью: молодая восторженная дѣвушка, оставаясь усердной почитательницей Жуковскаго, стала его другомъ. Она познакомилась съ нимъ и часто встрѣчалась у Карамзиныхъ, которые составляли центръ, объединявшій придворный и литературный кружки. Это было незадолго до кончины Маріи Ѳедоровны [1]), къ которой тотчасъ по окончаніи курса, семнадцати лѣтъ отъ рожденія, Александра Осиповна поступила фрейлиной. Потомъ она осталась фрейлиной уже при императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ. Въ то время у Жуковскаго въ Шепелевскомъ дворцѣ (нынѣшнемъ Эрмитажѣ) бывали литературно-дружескіе вечера, и вообще преданія Арзамаса не забывались. Литературныя знакомства Александры Осиповны расширялись постоянно, что̀ было тѣмъ легче и естественнѣе, что весь такъ называемый «ковчегъ Арзамаса» (такъ называетъ гостиную Карамзиныхъ А. О. Россетъ въ Дневникѣ) находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзиными. Кромѣ бывшихъ арзамасцевъ (кн. П. А. Вяземскаго, А. И. Тургенева, Пушкина, Блудова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго), этотъ кружокъ, по словамъ О. Н. Смирновой, посѣщали еще Крыловъ, Гнѣдичъ, оба Глинки, Хомяковъ, Віельгорскіе, позднѣе Лермонтовъ (около 1833 года), Тютчевъ и многіе другіе. Изъ лицъ высокопоставленныхъ въ немъ слѣдуетъ особенно назвать великаго князя Михаила Павловича.

Пушкина Жуковскій поспѣшилъ представить Александрѣ Осиповнѣ, когда онъ, освобожденный изъ своего заточенія въ селѣ Михайловскомъ и уже побывавшій въ Москвѣ, только-что пріѣхалъ въ Петербургъ. Во всемъ кружкѣ во многомъ царствовали еще традиціи Арзамаса: взаимныя отношенія отличались изящной дружеской простотой и искреннимъ расположеніемъ. Продолжались даже шутливыя прозвища, и между прочимъ Жуковскій получилъ отъ Россетъ названіе бык ъ или бычок ъ, которымъ онъ любилъ впослѣдствіи подписы-

---

[1]) Императрица скончалась осенью 1828 г., а лѣтомъ того же года А. О. Россетъ провела съ Карамзиными шесть недѣль на морскихъ купаньяхъ въ Ревелѣ. *Ольга Смирнова.*

вать свои письма къ ней. Онъ-же съ своей стороны величалъ Александру Осиповну небеснымъ дьяволенкомъ (Соч. кн. Вяземскаго, VIII, 233), также дѣвушкой-чернавушкой и „всегдашней принцессой“ своего сердца. (См. „Русск. Архивъ“, 1883, 2, 334 и 339).

Съ первыхъ шаговъ выступленія въ свѣтъ, фрейлина Россетъ была окружена восторженнымъ поклоненіемъ и получила при дворѣ громкое прозваніе Donna Sol [1]). Ее безпрестанно сравнивали съ южной ласточкой, солнцемъ, звѣздами, розой, что̀ показываетъ, какое обаяніе она производила и умомъ, и своей плѣнительной, чисто южной, красотой [2]). Стихотвореніе кн. Вяземскаго „Черныя очи, чудныя очи“ послужило какъ бы сигналомъ къ поэтическому изображенію ея со стороны пѣвцовъ большихъ и малыхъ. Отвѣчая кн. Вяземскому, Пушкинъ написалъ въ 1828 г. стихотвореніе „Ея глаза“, гдѣ сравниваетъ ихъ съ южными звѣздами, намекая на грузинское происхожденіе Александры Осиповны, называетъ черкесскими, хотя и отдаетъ преимущество глазамъ Олениной. Въ этомъ же стихотвореніи онъ отозвался о ней, что она

„Придворныхъ витязей гроза“.

Зная, какой мѣткостью отличались сжатыя характеристики Пушкина, мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія на этотъ стихъ. Современникамъ было, конечно, понятнѣе,

[1]) Donna Sol—главное дѣйствующее лицо драмы В. Гюго „Эрнани“. Прозваніе это, по словамъ кн. Вяземскаго, было придумано однимъ изъ „военноплѣнныхъ красавицы“. За остроумныя и ѣдкія насмѣшки Александрѣ Осиповнѣ было написано шутливое стихотвореніе:

„Вы Донна-Соль, подъ часъ и Донна-Перецъ!
Но все намъ сладостно и лакомо отъ васъ.
И каждый мыслями у чувствами изъ насъ
Вамъ вѣрноподданный и вашъ единовѣрецъ,
Но всѣхъ счастливѣй будетъ тотъ,
Кто къ сердцу вашему надежный путь проложитъ
И радостно сказать вамъ можетъ:
О. Донна-Сахаръ! Донна-Медъ!“

[2]) Въ ней было что-то севильской женственности, говоритъ князь П. А. Вяземскій. *В. Ш.*

почему былъ выбранъ такой эпитетъ, но и мы изъ него получаемъ самое опредѣленное представленіе о нравственномъ достоинствѣ Александры Осиповны, что особенно важно въ виду того, что прочія поэтическія характеристики обрисовываютъ преимущественно ея внѣшность. Хомяковъ, обвороженный красотой Россетъ, писалъ ей:

О, дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты?

Къ ней же относится его стихотвореніе „Иностранкѣ [1]). Извѣстный другъ Пушкина, С. А. Соболевскій, сочинилъ стихи:

„Не за пышныя плечи,
А за умныя рѣчи
Любимъ мы васъ", и проч.

Графиня Ростопчина также посвятила Александрѣ Осиповнѣ нѣсколько стихотвореній.

Жуковскій же писалъ ей въ „забавномъ русскомъ слогѣ" (если мы въ правѣ примѣнить къ нему чужой стихъ):

„Мнѣ показалось, милостивая государыня, что васъ приличнѣе называть Іосифовной, нежели Осиповной. Вы, будучи весьма прекрасной дѣвицей, имѣете неотъемлемое право на то, чтобы родитель вашъ именовался Іосифомъ прекраснымъ..."

Лѣтомъ 1830 г. Александра Осиповна часто встрѣчала Жуковскаго въ Петергофѣ и въ Царскомъ Селѣ [2]), куда пріѣзжалъ дворъ до окончанія лагерей (въ Гатчину дворъ пріѣзжалъ рѣдко, и то на короткое время, въ глубокую осень, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ не любилъ Гатчину). Въ этомъ и слѣдующихъ годахъ Пушкинъ снова посвятилъ нѣсколько стиховъ Александрѣ Осиповнѣ.

Въ VIII главѣ „Евгенія Онѣгина", въ строфѣ XXV, къ ней относится послѣдній изъ нижеприведенныхъ стиховъ:

1) Стихотворенія Хомякова, изд. 1881 г., стр. 42—44, и Записки Хомякова въ „Русскомъ Архивѣ". *В. Ш.*

2) Въ 1829 г. она постоянно видѣлась въ Царскомъ Селѣ также съ Карамзиными, которые жили обыкновенно въ китайскихъ домикахъ.

Ольга Смирнова.

„Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ [1]):
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный...

Подъ одной изъ сестрицъ здѣсь разумѣется А. О. Россетъ, подъ другой—ея другъ, Стефанія Радзивиллъ, которая также была воспитанницей императрицы Маріи Өедоровны. Въ „Альбомѣ Онѣгина“ Россетъ посвящены стихи:

Шестого. Былъ у Б. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ,
R. С. [2]) какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьѣ!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеньѣ
Какая нѣга и душа!

* *
*

Вечоръ сказала мнѣ R. С.:
— Давно желала я васъ видѣть.
„Зачѣмъ?“—Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
„За что?“—За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ. Однако-жъ, это вздоръ,
Вы надо мною смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны,
И знали-ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры.

Въ 1831 г. Смирнова ежедневно видалась лѣтомъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ въ Царскомъ Селѣ [3]).

---

1) Въ другомъ варіантѣ онъ названъ графъ Туринъ:

„Тутъ былъ всѣмъ свѣтомъ недовольный,
На все сердитый графъ Туринъ...

Туринъ—это эмигрантъ графъ Modène, завидовавшій всѣмъ и каждому.

В. Ш.

2) Т.-е. Россе,—по французскому произношенію.

3) Объ этомъ времени знакомства Александры Осиповны съ Пушкинымъ И. С. Аксаковъ писалъ: „Часто захаживалъ къ ней Пушкинъ во время своихъ про-

По взятіи Варшавы Пушкинъ прислалъ Александрѣ Осиповнѣ извѣстный сборникъ, въ которомъ были помѣщены стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“, и кромѣ того письмо съ стихами:

„Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня“ [1]).

О характерѣ его отношеній къ Россетъ и степени ихъ короткости въ это время можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма къ Плетневу:

„Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ, но Жуковскій отсовѣтовалъ, говоря: „онъ живъ,—чего же вамъ больше?“. Въ томъ-же году въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ было напечатано стихотвореніе кн. Вяземскаго, въ которомъ поэтъ сравниваетъ ее съ ласточкой:

„Красою смуглаго румянца,
Смотрите, какъ она южна;
Она желтѣе померанца,
Живѣе ласточки она“ [2]).

Съ тѣхъ поръ на нѣкоторое время это названіе сдѣлалось нарицательнымъ въ литературныхъ кругахъ, подобно тому, какъ другая фрейлина, высокая стройная блондинка, Софья Урусова, была окрещена сильфидой [3]).

гулокъ подѣлиться впечатлѣніями дня и прочитанной книги: часто случалось и ей заходить къ Пушкину на дачу (Китаева, въ Царскомъ Селѣ) безъ церемоній, прямо къ нему на верхъ, заставать за работой и выслушивать изъ устъ самого поэта только-что написанныя вдохновенныя произведенія, во всей ихъ свѣжести съ пылу („Русь“, 1882, 37, некрологъ А. О. Смирновой).

[1]) Подробности см. въ „Русскомъ Архивѣ“, 1872, XI (1869—1883 стр.).
В. Ш.

[2]) См. Сочиненія Вяземскаго, IV, 122. Это былъ экспромтъ, заключавшій въ себѣ шутливую пародію на французскіе стихи:

„Elle est jaune, comme une orange,
Elle est vive, comme un oiseau“ и проч.

[3]) Къ ней также есть стихотвореніе Пушкина 1827 года (Соч. Пушкина, Изд. Лит. Фонда, 2, 14). Не разъ упоминаетъ о ней въ своемъ дневникѣ и князь Вяземскій. Фрейлины Россетъ, Урусова и Эйлеръ (внучка знаменитаго матема-

Подъ этими именами онѣ обѣ упоминаются въ письмѣ Гоголя къ его другу А. С. Данилевскому, написанномъ въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго о присылкѣ нотъ: „Я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но сильфида Урусова и ласточка Россети требовали непремѣнно, чтобы я поименовалъ великодушную смертную, для которой хлопочу“ (письмо отъ 2-го ноября 1831 года [1]). Съ Александрой Осиповной, какъ увидимъ, Гоголь познакомился немного ранѣе того времени, когда было написано письмо, а съ фрейлиной Урусовой у Александры Осиповны зимой 1831 г., когда онѣ обѣ принимали участіе при дворѣ въ живыхъ картинахъ. Въ дневникѣ Александры Осиповны въ 1831 г. было уже отмѣчено, что однажды вечеромъ у нея при великомъ князѣ

тика) составляли одинъ тѣсный кружокъ. Онѣ и другія фрейлины собирались у Александры Осиповны, квартира которой была самая лучшая съ болѣе просторной гостиной. Въ этомъ салонѣ фрейлинъ Н. В. Гоголь познакомился какъ съ Урусовой, такъ и съ Эйлеръ, отличавшейся начитанностью и умомъ; г-жа Эйлеръ, вообще, была очень дѣльная, весьма образованная и набожная особа; она знала Гоголя до самой его смерти. Впослѣдствіи она была замужемъ за А. Н. Зубовымъ. *Ольга Смирнова.*

Въ воспоминаніяхъ Н. М. Колмакова („Русск. Стар.“, 1891, VII, 144) мы прочли странное сообщеніе о томъ, что А. О. Россетъ была будто бы румынскаго происхожденія и что о ней Пушкинъ именно сказалъ:

„Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка.
Увы, весталка,
Тебя мнѣ жалко“!

Не знаемъ въ точности, къ кому именно относились въ самомъ дѣлѣ эти стихи; мы слышали, что они были сказаны объ одной румынкѣ Горголи, которая, замѣтимъ кстати, впослѣдствіи сильно растолстѣла и изъ палки превратилась въ шаръ; но во всякомъ случаѣ невѣроятно, чтобы Пушкинъ могъ назвать „весталкой“ А. О. Смирнову, вышедшую замужъ *на 23 году*. Очевидно, г. Колмаковъ смѣшалъ здѣсь двѣ разныя личности. Напротивъ разсказъ его о позднѣйшихъ годахъ А. О. Смирновой не лишенъ интереса. *В. Ш.*

[1]) Замѣтимъ, что въ изданіи писемъ Гоголя у П. А. Кулиша вкралась ошибка: при приведенныхъ строкахъ въ подстрочномъ примѣчаніи невѣрно объяснено, будто это имена актрисъ. Почтенный издатель былъ, очевидно, введенъ въ заблужденіе первымъ предложеніемъ (см. Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 138). Кромѣ того, въ письмѣ Гоголя ошибочно стоитъ Розетти вмѣсто Россетъ.—Названіе ласточки было дано Александрѣ Осиповнѣ Вяземскимъ и Жуковскимъ еще раньше приведеннаго экспромта, иначе Гоголь и не назвалъ бы такъ свою новую знакомую. *В. Ш.*

Михаилѣ Павловичѣ [1]), въ присутствіи Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Віельгорскихъ и фрейлинъ Урусовой и Эйлеръ [2]) происходило чтеніе „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки...“ [3]).

Въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу, Пушкинъ присоединилъ, говоря о Смирновой, къ прежнему названію ласточки еще новый эпитетъ, составленный, очевидно, на основаніи приведенныхъ стиховъ кн. Вяземскаго: „Домъ я нанялъ въ память своей Элизы: скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей“. Впослѣдствіи Россетъ получила еще названіе: „Notre Dame de bon secours de la littérature russe en detrésse“. Названіе это также было дано кн. Вяземскимъ и объясняется ходатайствомъ Алекс. Осип. за нашихъ поэтовъ передъ цензурными властями и особенно передъ самимъ государемъ. Пушкинъ также нерѣдко отдавалъ съ 1828 и 1829 года свои стихи Александрѣ Осиповнѣ для передачи непосредственно самому государю, который надписывалъ цвѣтнымъ карандашемъ свои замѣтки на поляхъ и возвращалъ любимой фрейлинѣ [4]). Такимъ образомъ нѣкоторыя произведенія Пушкина, какъ „Графъ Нулинъ“, послѣднія главы „Онѣгина“, „Моя родословная“ и „Мѣдный Всадникъ“, —

[1]) Впрочемъ, одинъ изъ современниковъ А. О.Смирновой, гр. Валуевъ, замѣтилъ на это: „Великій Князь Михаилъ Павловичъ—бывалъ только на весьма немноголюдныхъ вечерахъ у А. О. Смирновой, княгини Вѣры Вяземской, жены кн. Петра Андреевича, и Маріи Трофимовны Пашковой. Ни у В. А. Жуковскаго, ни у кн. В. Ѳ. Одоевскаго Великаго Князя Михаила Павловича — я не видалъ“. (См. „Русск. Стар.“, 1888, IV, стр. 41, 1-ое примѣч.).

[2]) Гостиная Александры Осиповны, по словамъ И. С. Аксакова, была „долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся писателей, художниковъ, мыслящихъ дѣятелей. При ея необычайной памяти, при ея начитанности, при ея житейской опытности (послѣднее относится, конечно, къ позднѣйшему времени), ея разговоры, ея разсказы, даромъ котораго она владѣла мастерски, представляли неотразимую занимательность“. („Русь“, 1882, № 37).

[3]) Гоголь обращался къ фрейлинамъ съ просьбой о нотахъ, потому что онѣ интересовались музыкой и прекрасно ее знали; между ними были тогда въ большомъ ходу и романсы. Въ томъ же 1831 году Пушкинъ писалъ, напр., изъ Царскаго Села Павлу Воиновичу Нащокину, спрашивая, почему онъ не прислалъ Есауловскій романсъ, и прибавлялъ: „Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами“. (Соч. Пушк., Изд. Литер. Фонда, т. VII, стр. 286).

[4]) У И. С. Аксакова сохранялся конвертъ, подаренный ему Александрой Осиповной, въ которомъ была возвращена рукопись „Графа Нулина“ съ собственноручной надписью государя („Русь“, 1882, 37). Онъ послѣ былъ у вдовы его, Анны Ѳедоровны Аксаковой; но гдѣ находится въ настоящее время — не знаемъ.

В. Ш.

не проходили черезъ руки Бенкендорфа. Графъ выходилъ изъ себя, но ничего не могъ подѣлать, потому что государь самъ вызывалъ на это, говоря: „Александра Осиповна, а что вашъ поэтъ Пушкинъ? не написалъ ли что-нибудь?“ [1]).

Незадолго до замужества Россетъ—Пушкинъ принесъ ей свою послѣднюю поэтическую дань. Это было 16-го марта 1832 г.:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло“.

Здѣсь Пушкинъ снова характеризуетъ ея душевныя качества. Особенно дорожила А. О. стихомъ: „И какъ дитя была добра...“ [2]).

Но вскорѣ разнеслась молва объ ея обрученіи. 3-го августа Пушкинъ извѣщалъ Плетнева: „Россетъ вижу часто; она очень тебя любитъ, и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ“ (Соч. Пушкина, изд. Литер. Фонда, VII, 287). Александра Осиповна была повѣнчана съ Николаемъ Михайловичемъ Смирновымъ, однимъ изъ друзей Пушкина [3]), съ которымъ познакомились у Карамзиныхъ. Онъ съ дѣтства зналъ Карамзиныхъ и хорошо помнилъ старика-исторіографа. Съ этихъ

[1]) Императрица Александра Ѳедоровна въ своихъ письмахъ къ А. О. Смирновой также всегда называла Пушкина votre poète, а Жуковскаго—mon poète.

[2]) Д. И. Хвостовъ тоже не хотѣлъ отстать отъ другихъ въ прославленіи придворнаго круга и написалъ стихи на Монплезиръ:

„Всѣ Музы знаютъ, что на лирѣ“
Жуковскій пѣлъ о Монплезирѣ... (Соч. V, 202). *Ольга Смирнова.*

[3]) Пушкина близко знали всѣ родственники А. О. Смирновой. Мужъ ея, Н. М. Смирновъ, и братъ, Аркадій Осиповичъ, оставили о немъ воспоминанія, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“, 1882 года. Другой братъ, Клементій Осиповичъ, имѣлъ несчастіе получить для передачи Пушкину пакетъ съ извѣстными пасквилями, но былъ во-время предупрежденъ о сущности дѣла и не отослалъ его по назначенію. *В. Ш.*

поръ для нея началась новая жизнь. Но мы должны сказать нѣсколько словъ о ея мужѣ.—Отецъ его, Михаилъ Петровичъ, служилъ въ кавалергардскомъ полку при Екатеринѣ II, вышелъ въ отставку тотчасъ по воцареніи Павла Петровича, женился на Ѳеодосіи Петровнѣ Бухвостовой, много путешествовалъ за-границей, вернулся въ царствованіе Александра I и въ 1812 году служилъ въ ополченіи. Въ его домѣ квартировалъ маршалъ Ней; одинъ домъ его разграбили, другой сожгли. Онъ умеръ на Кавказѣ, куда поѣхалъ на воды (въ Новогеоргіевскъ). Въ это время его единственному сыну было только 15 лѣтъ. Черезъ три года Николай Михайловичъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ оставался до 1844 г.; служилъ при посольствѣ въ Италіи и Лондонѣ до 1832 г. и въ Берлинѣ до 1836 г.; онъ былъ также церемоніймейстеромъ. Осенью 1845 г. онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ калужскимъ губернаторомъ до 1851 г., потомъ петербургскимъ и сенаторомъ въ Москвѣ; а умеръ въ мартѣ 1870 г. въ Петербургѣ [1]).—По выходѣ замужъ Александры Осиповны, пѣсни трубадуровъ замолкли: самый кругъ и обязанности ея измѣнились въ значительной степени и съ тѣхъ поръ лишь немногія стихотворенія были посвящены ей. Въ числѣ ихъ нельзя умолчать о значительно позднѣйшемъ восьмистишіи М. Ю. Лермонтова [2]).

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.

[1]) О Н. М. Смирновѣ см. также въ „Русск. Арх.“, 1882, II. Тамъ же отмѣчено, что Бухвостовы происходили отъ перваго преображенца Леонтія Бухвостова.—Намъ неясно только, какъ могъ быть Пушкинъ, уже женатый, шаферомъ на свадьбѣ Смирновой и какія причины заставили его отступить отъ общепринятаго обычая. Здѣсь очевидная неточность; согласно объясненію Ольги Ник. Смирновой, ее должно исправить слѣдующимъ образомъ: Пушкинъ не былъ шаферомъ, но былъ съ женой въ числѣ приглашенныхъ на свадьбу во дворецъ.—Н. М. Смирновъ не могъ быть съ своей стороны шаферомъ у Пушкина, по случаю отъѣзда курьеромъ въ Лондонъ. *В. Ш.*

[2]) Пушкинъ все такъ же часто видался съ Смирновыми, а Жуковскій непремѣнно хоть разъ въ недѣлю обѣдалъ у нихъ. У Смирновыхъ часто бывали и вечера съ музыкой, на которыхъ бывали многіе поэты и литераторы.

Ольга Смирнова.

Что-жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Что̀ значили придворные витязи, если Лермонтовы смущались передъ нею!... Хотя Александра Осиповна оставалась еще нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, но мы ничего не знаемъ за это время о ея литературныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ они, безъ сомнѣнія, продолжались [1]. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы поскорѣе явился въ печати ея дневникъ, въ которомъ, безъ сомнѣнія, найдется много литературныхъ и историческихъ данныхъ, полныхъ интереса. Обращаемся къ краткому изображенію отношеній ея къ Гоголю въ разсматриваемый періодъ [2].

III.

Можно опредѣлить съ точностью, къ какому именно году и мѣсяцу относится начало знакомства Александры Осиповны Россетъ (впослѣдствіи Смирновой) съ Гоголемъ. Дочь ея, Ольга Николаевна, для разъясненія даннаго вопроса, сообщила намъ слѣдующіе отрывки изъ дневника ея матери на французскомъ языкѣ:

„Le maître Petit-Russien de Marie Balabine s'appelle Gogol-Janowsky; Lise Repnine le connait; il est parent de Trochtchinsky, l'ex-ministre, qui est mort il n'y a pas très-longtemps. L'Empereur disait alors que feu l'empereur estimait beaucoup Trochtchinsky. En allant dire adieu à Lise Repnine, j'ai aperçu Gogol-Janowsky chez les Balabine; son хохолъ m'a rappelé Громоклея et le vieux Вороновскій, qui vivait chez grand'ma-

[1]) Въ подлинникѣ, хранящемся у О. Н. Смирновой, не 8, а 16 стиховъ; они приводятся обыкновенно въ полныхъ изданіяхъ Лермонтова въ варіантахъ.

[2]) Пушкинъ не разъ упоминаетъ о Смирновой въ письмахъ къ женѣ, но въ нихъ преобладаетъ уже слишкомъ развязный, отчасти циническій тонъ, и здѣсь напрасно было бы искать поэтическихъ характеристикъ. Но сочувствіе его Смирновой видно изъ дневника за 1833 г.: „Петербургъ полонъ вѣстями о минувшемъ торжествѣ“ (по поводу совершеннолѣтія вел. кн. Александры Николаевны). „Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то же. Одна Смирнова попрежнему мила и холодна въ окружающей средѣ“.

man. Il m'a paru gauche, timide et triste... Après-demain nous allons à Tzarskoé.

Nous allons demain à Péterhoff; on sera toute la journée en l'air: promenades, le camp, les retraites (заря), l'équitation et les promenades sur le golfe. Je préfère Tzarskoé: on y est plus tranquille et puis il y a les Karamsine, Iskra y vient et on est moins agité. Je logerai au cottage encore cette fois. On a fait mon portrait pour le tableau du camp; je déteste a poser... La miniature a mieux reussi il y a trois ans. L'aquarelle est pour l'album de l'Impératrice; celles de Lubinka, d'Alexandrine et Sophie ont réussi aussi.

Ce soir thé d'adieu aux habitans de Tzarskoé, pour quelques semaines.

Peterhoff. Le courrier de Paris est arrivé avec la nouvelle la plus inattendue, la catastrophe la plus foudroyante. Le roi est parti pour Rambouillet. Le duc de Polignac n'est pas un duc de Richelieu. Cette malheureuse duchesse d'Angoulème, qui reprend le chemin de l'exil. On dit qu'ils vont en Angleterre. Pozzo a expédié le courrier avec peu de détails; il est parti trop vite. L'Empereur est très-frappé, car on ne sait pas où cela mènera la France. Du reste sa Majesté, à ce que dit Modène, craignait l'effet des dernières mesures.

Un second courrier est arrivé. Le duc d'Orléans a été nommé lieutenant du royaume. Le roi, les d'Angoulème, le petit duc de Bordeaux, Mademoiselle la duchesse de Berri, qui a montré beaucoup de fermeté, se sont embarqués pour l'Angleterre. Quelle catastrophe!... C'est donc fini!

Le troisieme courrier a donné tous les details et a annoncé l'arrivée du général Athalin, porteur d'une lettre du duc d'Orléans pour sa Majesté; on l'a élu roi. L'Empereur est préoccupé; il disait ce soir: „l'élection des rois a perdu la Pologne et elle perdra la France, et ce serait beaucoup plus grave. Je ne souhaite que du bien à la France".

Русскій переводъ:

„Малоросса, учителя Маріи Балабиной, зовутъ Гоголь-Яновскій; Лиза Репнина знаетъ его; онъ родственникъ не такъ давно скончавшагося бывшаго министра Трóщинскаго [1]). (Государь сказалъ тогда, что покойный императоръ очень

[1]) Онъ умеръ 26 февраля 1829 г. („Русск. Стар.", 1882, VI, 656).

уважалъ Тро́щинскаго). Приходя проститься съ Лизой Репниной, я увидала Гоголя-Яновскаго у Балабиныхъ; хохолъ его мнѣ напомнилъ Громоклею [1]) и старика Вороновскаго, жившаго у бабушки. Онъ же (Гоголь) показался мнѣ неловкимъ, робкимъ и печальнымъ.

Послѣзавтра уѣзжаемъ въ Царское".

(Спустя нѣкоторое время). „Завтра ѣдемъ въ Петергофъ; тамъ будемъ цѣлый день въ движеніи: будутъ прогулки, лагерь, церемонія съ зарей, верховая ѣзда и поѣздки по заливу... Я предпочитаю Царское: тамъ покойнѣе и кромѣ того тамъ Карамзины, пріѣзжаетъ Искра [2]) и меньше шума. На этотъ разъ я опять буду жить въ коттеджѣ [3]). Съ меня снимали портретъ для лагерной картины: терпѣть не могу позировать!... Три года тому назадъ миніатюра удалась лучше. Акварель предназначается въ альбомъ императрицы; акварели Любеньки, Александрины и Софи также удались [4]). Сегодня вечеръ: для жителей Царскаго чай, ради прощанья на нѣсколько недѣль.

Петергофъ. „Изъ Парижа прибылъ курьеръ съ самымъ неожиданнымъ извѣстіемъ: катастрофа ошеломляющая! Король бѣжалъ въ Рамбулье. Герцогъ Полиньякъ не то̀, что̀ Ришельё. Несчастная герцогиня ангулемская опять должна жить въ изгнаніи... Говорятъ, что они ѣдутъ въ Англію. Поццо [5]) прислалъ курьера съ кое-какими подробностями, но онъ слишкомъ скоро уѣхалъ. Государь очень пораженъ, потому что неизвѣстно, къ чему это приведетъ Францію. Впрочемъ, Его Величество, по словамъ Моденъ [6]), опасался дѣйствія послѣднихъ мѣръ. Прискакалъ второй курьеръ: герцогъ орлеанскій назначенъ лейтенантомъ королевства. Король, ангулемское

[1]) Громоклея-Водино, имѣніе бабушки А. О. Россетъ („Русск. Стар.", 1888. IV, 33), Екатерины Евсеевны Лорерь, урожденной Цициановой.

[2]) Т. е. Пушкинъ; см. ниже.

[3]) Cottage—деревенскій домикъ въ Англіи. Въ Александріи (въ Петергофѣ) коттеджемъ называется домъ-дача, гдѣ живутъ государь и государыня во время своего пребыванія въ Петергофѣ.

[4]) Ярцева (впослѣдствіи княгиня Суворова), Эйлеръ (Зубова), Урусова (въ замужествѣ княгиня Радзивиллъ).

[5]) Графъ Поццо-ди-Борго, русскій посолъ въ Парижѣ въ 1830 г.

[6]) Моденъ, урожденная Шаховская.

герцогское семейство [1]), маленькій герцогъ Бордо (бордосскій), герцогиня беррійская, которая показала много мужества, отплыли въ Англію... Какая катастрофа!.. Итакъ все кончено!.. Третій курьеръ сообщилъ всѣ подробности и извѣстилъ о прибытіи генерала Аталина, подателя письма отъ герцога Орлеанскаго къ Его Величеству... Онъ избранъ королемъ. Государь озабоченъ; вечеромъ онъ сказалъ: „Избирательное начало погубило Польшу, погубитъ и Францію, и это будетъ гораздо прискорбнѣе... Я желаю Франціи только добра".

Изъ этого отрывка очевидно, что Гоголь познакомился съ Россетъ именно въ 1830 г., хотя Ольга Николаевна Смирнова сообщала намъ прежде, что она по нѣкоторымъ соображеніямъ склонна относить время ихъ перваго знакомства не только къ 1830, но даже *къ концу 1829*. Въ дневникѣ Александры Осиповны разсказъ о первой встрѣчѣ съ Гоголемъ записанъ послѣ замѣтокъ и разсказовъ о путешествіи Пушкина въ Арзерумъ, о войнѣ 1829 г., о смерти Грибоѣдова; нѣсколько дальше слѣдуетъ о знакомствѣ съ Гоголемъ, (и о немъ же черезъ нѣкоторый промежутокъ упоминается снова, именно о чтеніи у Россетъ въ рукописи „Вечера на канунѣ Ивана Купала" [2]), также о революціи, о письмѣ Луи-Филиппа къ императору Николаю, о бѣгствѣ въ Англію Карла X, снова о чтеніи „Миргорода", „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", и проч.

Послѣ приведеннаго нами отрывка, какъ сообщаетъ намъ О. Н. Смирнова, слѣдуютъ двѣ-три страницы разныхъ извѣстій, разговоръ съ Пушкинымъ о біографіи Байрона и наконецъ помѣчено: „Retour à Tzarskoé demain".

Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько страницъ о событіяхъ послѣ революціи 1830 года, потомъ снова любопытное мѣсто о Гоголѣ, объ его первомъ визитѣ.

„Le хохолъ est récalcitrant: il ne voulait pas venir chez moi avec Pletneff [3]); il est timide et j'avais envie de lui parler

[1]) Собственно оба Ангулемы (мужъ и жена).

[2]) Въ дневникѣ числа не обозначались и этотъ перечень сдѣланъ безъ строгой системы; см. ниже объясненіе О. Н. Смирновой, хотя, впрочемъ, это ясно и изъ вышеприведенныхъ строкъ.

[3]) Съ Плетневымъ, какъ мы говорили, Гоголь познакомился въ 1830 г. и

de la Petite-Russie. Enfin Сверчокъ и Быкъ l'ont amene chez moi. Je les ai surpris en lui récitant des vers petits-russiens. Cela m'a ravie de parler de l'Oukraine; alors il s'est animé. Je suis sûre que le ciel du Nord lui pèse, какъ шапка, car il est lourd souvent. Je lui ai parlé même de Hopka, qui me faisait si peur avec le Вій. Pouchkine dit que c'est le vampire des grecs et des slaves du midi, chez nous il n'existe pas dans les contes du Nord. Joukovsky, fidèle à l'Allemagne et à Goethe, a récité „die Braut von Korinth". Gogol sait très-bien l'allemand". J'ai remarqué qu'il rayonne quand Pouchkine lui parle, il m'a entendu dire Искра et a trouvé que le nom est très-bien choisi... Comme Pouchkine est bon: il a de suite apprivoisé le хохолъ récalcitrant et il est aussi bon que Sweet William, le boeuf qui mugit" („мычитъ мой бычокъ").

Русскій переводъ:

„Хохолъ упрямъ; онъ не хотѣлъ придти ко мнѣ съ Плетневымъ; онъ робокъ, а мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ о Малороссіи. Наконецъ Сверчокъ и Быкъ [1]) привели его ко мнѣ. Я ихъ удивила, произнеся наизусть малороссійскіе стихи. Мнѣ доставило большое удовольствіе говорить объ Украйнѣ; тогда онъ воодушевился. Я увѣрена, что сѣверное небо давитъ его, какъ шапка, потому что оно часто бываетъ угрюмо. Я ему разсказала о Гопкѣ [2]), которая меня напугала віемъ. Пушкинъ сказалъ, что это вампиръ грековъ и южныхъ славянъ, какихъ у насъ нѣтъ въ сѣверныхъ сказаніяхъ. Но Жуковскій, будучи вѣренъ Германіи и Гёте, прочиталъ намъ „Коринѳскую Невѣсту" (Гоголь хорошо знаетъ по-нѣмецки) [3])…. Я замѣтила, что онъ такъ и просіяетъ каждый разъ, какъ-только съ нимъ заговоритъ Пушкинъ. Онъ услыхалъ, что я называю Пушкина Искрой, и

через него получилъ мѣсто преподавателя въ Патріотическомъ институтѣ въ началѣ 1831 г. Плетневымъ же, какъ извѣстно, былъ присовѣтованъ Гоголю псевдонимъ Рудаго Панька при изданіи „Вечеровъ на Хуторѣ". Но во время выхода въ свѣтъ „Ганца Кюхельгартена" въ 1829 г. *Плетневу и Погодину было послано еще incognito по экземпляру этой поэмы.* (См. „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 67).

[1]) Извѣстныя арзамасскія прозванія Пушкина и Жуковскаго.

[2]) Гопка, нянька А. О. Россетъ, хохлушка.

[3]) Сомнительное сообщеніе въ виду другихъ противорѣчащихъ данныхъ. Впрочемъ, быть можетъ, Гоголь научился нѣмецкому языку въ Петербургѣ по выходѣ изъ Нѣжинскаго лицея; въ Нѣжинѣ онъ уже выписывалъ нѣмецкія книги, но успѣховъ въ языкѣ сдѣлалъ немного.

нашелъ, что это названіе къ нему идетъ... Какъ добръ Пушкинъ: онъ тотчасъ приручилъ упрямаго хохла! онъ такъ же добръ, какъ Sweet William, или Быкъ, который мычитъ".

Sweet William [1]) Быкъ, Бычекъ и проч., по объясненію О. Н. Смирновой, были прозванія Жуковскаго; Сверчокъ и Искра—Пушкинъ, о которомъ отмѣчено въ дневникѣ по-русски: „потому что его умъ искрится".—Черезъ нѣсколько страницъ снова читаемъ въ дневникѣ о Гоголѣ:

„Grillon etait venu me parler de Gogol, il a passé plusieurs heures chez lui, a examiné ses cahiers, ses notes, tout ce qu'il a inscrit en voyage; il est très frappé de tout ce que Gogol a déjà observé entre Poltawa et Petersbourg, car il a même noté des conversations et même les figures, les paysages, la différence entre les gens du Nord et les Hohols".

„Сверчокъ пришелъ поговорить со мной о Гоголѣ: онъ провелъ у него нѣсколько часовъ, пересмотрѣлъ всѣ его тетради, замѣтки, все, что̀ онъ записалъ во время путешествія [2]); онъ пораженъ всѣмъ, что̀ Гоголь подмѣтилъ на пространствѣ между Полтавой и Петербургомъ, потому что онъ уловилъ [3]) даже разговоры, типы, пейзажи и черты различія между населеніемъ сѣвернымъ и южнымъ (хохлами)".

„Тутъ же"—сообщаетъ Ольга Николаевна Смирнова—„много говорится о политическихъ событіяхъ во Франціи и о свѣтской жизни при дворѣ; потомъ о выходѣ 1-го января 1831 г. и объ елкѣ при дворѣ 24 декабря 1830 г. Но, къ сожалѣнію, нѣсколько страницъ вырвано; годъ же выставлялся только вначалѣ, а далѣе мѣсяцы и числа большею частью не обозначены" [4]).

[1]) Sweet William—полевой цвѣтокъ, дикая гвоздика. Василій Андреевичъ (Василій—William) поднесъ цвѣтокъ А. О. Россетъ. Узнавъ, что это простонародное названіе гвоздики, онъ подписалъ однажды записку: Sweet William: подъ другими онѣ подписаны: *вашъ Быкъ* или *Бычекъ*. *Ольга Смирнова.*

[2]) Допускаемъ нѣсколько неточный переводъ слова noté въ виду неудобнаго сочетанія въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующаго глагола *записать* съ дальнѣйшими дополненіями послѣ conversations. *В. Ш.*

[3]) Вѣроятно, появленіе въ печати VI тома сочиненій Гоголя (подъ редакціей академика Н. С. Тихонравова) вскорѣ разъяснитъ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь.

[4]) Между приведенными выше строками цѣлыя страницы дневника, относящіяся къ 1830, 1831 и 1832 гг. *Ольга Смирнова.*

Всѣ эти строки считаемъ необходимымъ сообщить, между прочимъ, и въ опроверженіе статьи г-жи Черницкой, сочинившей, на основаніи произвольной догадки о томъ, что Гоголь будто бы *былъ влюбленъ* въ Смирнову *еще въ 1829 г. лѣтомъ* и что это была именно та любовь, которая побудила его уѣхать за-границу,—*цѣлую исторію объ „однолюбѣ-поэтѣ“* [1]). Г-жа Черницкая говоритъ въ своей статьѣ: „До сихъ поръ не выясненъ годъ знакомства Александры Осиповны съ Гоголемъ, котораго она всегда считала однимъ изъ самыхъ давнихъ своихъ знакомыхъ. Г. Шенрокъ, по многимъ соображеніямъ, предполагаетъ, что Гоголь познакомился съ Александрой Осиповной въ 1831 г. Такое предположеніе его намъ не кажется основательнымъ, въ виду того, что дочь Александры Осиповны, Ольга Николаевна Смирнова, относитъ знакомство ея матери съ Гоголемъ къ 1829 г.“ [2]). Г-жа Черницкая, желая доказать свое мнѣніе, дѣлаетъ натяжку, такъ какъ О. Н. Смирнова, какъ мы видѣли, „склонна была относить это знакомство только къ 1830 или *къ концу 1829 г.*“ [3]), тогда какъ мнимая любовь Гоголя къ неизвѣстной особѣ упоминается въ его письмѣ, относящемся *къ лѣту 1829 г.* [4]). Далѣе, забывая о томъ, что „Вечеръ накануиѣ Ивана Купала“ былъ значительно передѣланъ въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ [5]) и слѣдовательно могъ быть прочитанъ *въ рукописи же* и *послѣ* появленія этой повѣсти въ искаженномъ видѣ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина, г-жа Черницкая смѣло заявляетъ: „Очевидно, читалъ ее Гоголь

1) Вотъ подлинныя выраженія, составляющія резюме статьи г-жи Черницкой: „Гоголь всю жизнь находился подъ обаяніемъ Смирновой. Слишкомъ глубоко запало въ его душу чувство, которое заронила Смирнова еще тогда, когда онъ былъ юношей (?!). Принадлежа къ типу *однолюбовъ*, Гоголь не могъ и не стремился освободиться отъ этого чувства *сильнаго, глубокаго, вѣчнаго въ его душѣ*“ (?!). См. „Сѣвер. Вѣстн.“, 1890, 1, стр. 221.—Но все это однѣ произвольныя догадки, опрометчивыя и самонадѣянныя.

2) См. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890, I, 203; слова О. Н. Смирновой см. въ „Русск. Стар.“, 1888, IV, 44 (слова эти, какъ увидимъ, не подтверждаютъ догадки Черницкой).

3) См. выше и кромѣ того „Русск. Стар.“, 1888, IV, стр. 44.

4) См. „Соч. и письма Гоголя“, т. V, стр. 85—86.

5) См. о передѣлкѣ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ между прочимъ въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова.—По словамъ О. Н. Смирновой, чтеніе повѣсти въ салонѣ ея матери происходило даже гораздо спустя послѣ перваго января 1831 года, такъ какъ передъ этимъ говорится о выходѣ при дворѣ, объ елкѣ для дѣтей государя и проч. - *всего двадцать страницъ.*

въ концѣ 1829 года" (?). Теперь приведенная выше выдержка изъ дневника совершенно уничтожаетъ въ самомъ основаніи шаткую гипотезу г-жи Черницкой: полюбить А. О. Россетъ въ 1829 г. Гоголь во всякомъ случаѣ *не могъ*, такъ какъ *даже не зналъ ея*, слѣд., если уже вѣрить его легендарной любви [1]), то *слѣдуетъ пріискать для этого другой предметъ его нѣжной страсти*. Послѣ этого рушится великолѣпное заявленіе о томъ, что Гоголь былъ „однолюбъ" и комическія разсужденія, что будто по выходѣ замужъ Смирновой „онъ окончательно примирился (?!), что не для него создана Александра Осиповна" и что его „могла отвлечь отъ личнаго чувства (?!) та слава, которую онъ сразу пріобрѣлъ съ выходомъ въ свѣтъ „Вечеровъ на Хуторѣ" въ 1831 г."; но особенно пикантно торжественное увѣреніе г-жи Черницкой: „Скрытный Гоголь такъ умѣлъ затаить въ себѣ чувство, что современники" (какъ громко!) „долго не догадывались. Гордая застѣнчивость не позволяла ему сознаться въ своемъ чувствѣ даже передъ Александрой Осиповной. *Мы не имѣемъ поэтому никакихъ извѣстій о первомъ періодѣ знакомства ея съ Гоголемъ* (!!)" [2]). Послѣднія слова напоминаютъ уже извѣстный филологическій парадоксъ въ производствѣ слова lucus отъ non lucendo [3]). Но

1) Любопытно знать, не вѣруетъ ли г-жа Черницкая и въ то, что Гоголь собирался написать „Вечера на Хуторѣ" на иностранномъ языкѣ? (см. „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 88).

2) „Сѣверный Вѣстникъ", 1890, I, 205.

3) Впрочемъ, можетъ быть, въ этихъ словахъ г-жи Черницкой есть также „*скрытая*" логика? Иначе придется отнести это соображеніе къ числу все тѣхъ же перловъ, которые встрѣчаются въ ея статьѣ съ первыхъ же строкъ, гдѣ она поражаетъ явнымъ презрѣніемъ къ точности въ выраженіяхъ и въ хронологіи, говоря, что „Смирновой увлекались Пушкинъ, И. С. Аксаковъ, а *позднѣе* (??!!) Лермонтовъ". Какимъ образомъ г-жѣ Черницкой остается неизвѣстнымъ, что И. С. Аксаковъ познакомился съ Александрой Осиповной Смирновой *только въ концѣ 1845 г.*, а Лермонтовъ скончался *уже въ 1841 г.*, намъ непонятно. Но, можетъ быть, недавній юбилей Лермонтова уже помогъ ей пополнить этотъ пробѣлъ... Исчислять всѣ перлы статьи г-жи Черницкой было бы безполезно и долго; но не можемъ еще не упомянуть объ оригинальномъ силлогизмѣ, въ силу котораго изъ выраженія *красноглазый кроликъ*, употребленнаго Пушкинымъ о Н. М. Смирновѣ (въ одномъ изъ писемъ), г-жа Черницкая безъ колебанія заключила, что Смирновъ былъ человѣкъ *мало развитой* (?!) („Сѣв. Вѣстн.", 1890, I, стр. 208). Что̀ скажетъ г-жа Черницкая, если узнаетъ, что Смирновъ еще съ молодыхъ лѣтъ страдалъ глазами, которые по временамъ у него распухали и краснѣли, и онъ самъ далъ себѣ это прозваніе, повторенное и Пушкинымъ? По-

дневникъ А. О. Россетъ совсѣмъ не подтверждаетъ догадки г-жи Черницкой, и весь карточный домикъ, построенный ею, рушится. (Не можемъ не упомянуть по этому поводу, что г-жа Евреинова, редактировавшая когда-то „Сѣверный Вѣстникъ", гдѣ была помѣщена статья Черницкой, желая во что бы ни стало спасти репутацію автора, несмотря на нашъ вызовъ напечатать выдержку изъ дневника Смирновой, *съ какими угодно на него возраженіями*, сочла возможнымъ не только отклонить это, ссылаясь на свое желаніе видѣть въ печати дневникъ въ полномъ объемѣ (что̀ отъ меня не зависитъ), но даже удержала у себя оригиналъ, чѣмъ дѣйствительно затруднила своевременное напечатаніе опроверженія въ другомъ мѣстѣ).—Впрочемъ къ 1829 г. въ дневникѣ Александры Осиповны относятся въ самомъ дѣлѣ нѣсколько строкъ къ автору „Ганца Кюхельгартена", но авторъ этотъ былъ тогда неизвѣстенъ:

„Pletneff m'a apporté une nouvelle, signée d'un nom allemand: „Hans Kúchelgarten"; je lui ai dit: „votre Allemand est un хохолъ; ce sont des plaisanteries de Petit-Russien". Pletneff s'est moqué de moi et m'a demandé, si je croyais que le хохолъ seul sait rire? Il ne connait pas l'auteur et il est intrigué, car il doit être jeune. En depit du respect que je dois à Pletneff, je reste de mon avis, ce sont des plaisanteries gaies (хохлацкія) de l'humeur petit-russien. Pletneff m'avait apporté une lettre de notre „странствующій Сверчекъ", qui nous a promis, en partant pour le Caucase, de nous donner son voyage sentimental. Il m'a promis de faire aller Евгеній Онѣгинъ au Caucase et à Odessa".

Русскій переводъ:

„Плетневъ принесъ мнѣ книжную новинку подъ нѣмецкимъ заглавіемъ: „Ганцъ Кюхельгартенъ"; я сказала ему: „вашъ предполагаемый нѣмецъ—хохолъ; это хохлацкія шутки! Плетневъ смѣялся надо мной и спросилъ меня: „неужто я думаю, что одни хохлы умѣютъ смѣяться?" Авторъ ему неизвѣстенъ

добныя смѣлыя и неосновательныя догадки особенно слѣдовало бы взвѣсить, имѣ въ виду, что живы еще дочери Смирновыхъ, а равно и поостеречься говорить безъ стѣсненій о семейныхъ отношеніяхъ Смирновыхъ-родителей. — Вообще насколько основательна статья г-жи Черницкой объ отношеніяхъ Гоголя къ матери, настолько же изобилуетъ грубыми ошибками и промахами статья ея о Смирновой и отношеніяхъ послѣдней къ Гоголю.

и онъ сильно заинтригованъ, потому что авторъ долженъ быть молодой человѣкъ. Несмотря на уваженіе, которымъ я обязана Плетневу, я осталась при своемъ мнѣніи, что это веселый малороссійскій юморъ. Плетневъ принесъ мнѣ письмо нашего странствующаго Сверчка который обѣщалъ намъ, уѣзжая на Кавказъ, дать намъ описаніе своего чувствительнаго путешествія [1]). Онъ обѣщалъ мнѣ свозить Евгенія Онѣгина на Кавказъ и въ Одессу“.

Правда, въ данной выдержкѣ, находящейся въ альбомѣ А. О. Смирновой, мы встрѣчаемъ неточное утвержденіе о юморѣ Гоголя, или, точнѣе, неизвѣстнаго автора въ „Ганцѣ Кюхельгартенѣ“, что заставляетъ предполагать, что замѣтка сдѣлана нѣсколько позднѣе, по памяти, когда Александра Осиповна, узнавъ о малороссійскомъ происхожденіи автора, можетъ быть, записала объ этомъ проявленіи ея проницательности; но и это ни на волосъ не спасетъ г-жу Черницкую: если даже отвергнуть совсѣмъ показанія дневника, то во всякомъ случаѣ ссылка ея на предполагаемое подтвержденіе догадки дневникомъ и на слова О. Н. Смирновой оказывается неудачной, *а на ней-то и основана вся статья* [2]).—Во всякомъ случаѣ мы не отрицаемъ возможности любви Гоголя ни къ Смирновой, ни къ Шереметевой, ни къ Балабиной, ни къ Репниной, и вообще ни къ одной изъ знакомыхъ ему женщинъ; но утверждаемъ, что соображенія г-жи Черницкой въ данномъ случаѣ не выдерживаютъ никакой критики, или, говоря прямѣе, никуда не годятся [3]).

Впрочемъ, мы должны еще оговориться, что прежнее наше

[1]) Конечно, шутливый намекъ на извѣстное заглавіе „Чувствительнаго путешествія“ Стерна.

[2]) Г-жа Евреинова не стѣснилась даже игнорировать протестъ О. Н. Смирновой противъ злоупотребленія ея именемъ въ видѣ неправильной и невѣрной ссылки на ея слова, на которыхъ, однако, *была основана цѣлая статья* г-жи Черницкой.

[3]) Послѣ всего сказаннаго намъ нечего прибавлять, что статья г-жи Черницкой не только ни мало не опровергаетъ моихъ словъ объ отношеніяхъ Гоголя къ А. М. Віельгорской („Вѣстникъ Европы“, 1889, X), но даже и не *представляетъ возраженія* на нихъ, такъ какъ я сообщалъ семейное преданіе, переданное мнѣ родственниками Віельгорскихъ, о *сватовствѣ* Гоголя, но вовсе не о *любви* его, и полагаю даже, что Гоголь *вовсе не зналъ любви къ женщинамъ*, хотя покойный В. А. Соллогубъ и утверждалъ, что Гоголь *былъ влюбленъ въ Віельгорскую* („Истор. Вѣстн.“, 1886, IV, 84).

предположеніе о знакомствѣ Гоголя съ А. О. Смирновой только въ 1831 г., въ самомъ дѣлѣ, неточно; но это произошло вслѣдствіе того, что мы не имѣли прежде въ рукахъ отрывковъ изъ дневника, почему на основаніи передачи намъ О. Н. Смирновой второй изъ приведенныхъ выдержекъ заключили, что „Гоголь познакомился съ Россетъ черезъ Пушкина", тогда какъ въ выдержкѣ рѣчь шла уже о *второй* встрѣчѣ Гоголя съ Александрой Осиповной. Поэтому мы говорили: „Между тѣмъ въ іюлѣ 1831 г. Гоголь уже просилъ мать адресовать ему письма, на имя Пушкина въ Царское Село [1]). Такимъ образомъ, знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, *а слѣдовательно и съ Смирновой*, относится къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1831 г., а такъ какъ, оно состоялось, какъ увидимъ ниже, до переѣзда на дачи, то можно почти навѣрное пріурочить его къ маю этого года (въ іюнѣ Пушкинъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ) [2]). Пушкинъ и Жуковскій приняли, какъ извѣстно, самое живое участіе въ Гоголѣ и, оцѣнивъ его дарованія, спѣшили ввести его въ литературные кружки и всюду, гдѣ онъ могъ найти мыслящее, образованное общество. Признавъ его своимъ, они, естественно, не замедлили представить его въ тѣхъ до-

[1]) Правда, въ изданіи г. Кулиша это письмо („Соч. и письма Гог.", т. V. стр. 117) отнесено къ 1830 г., но годъ поставленъ въ скобкахъ въ знакъ того. что онъ опредѣляется только по предположенію. Между тѣмъ рѣчь идетъ о холерѣ, которая была въ Петербургѣ въ 1831 г., какъ видно и изъ писемъ Пушкина. Кромѣ того, ср. въ V т., стр. 132: „Примите радушно нашего Александра Семеновича (Данилевскаго). Это вѣстникъ о моемъ прибытіи, на слѣдующій годъ" (письмо отъ 21 апрѣля 1830 г.), и 24-же іюля Гоголь, соскучившись, что уѣхавшій Данилевскій не писалъ ему, говоритъ матери: „увѣдомьте о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ, со времени отъѣзда его изъ Петербурга." — Есть и другія соображенія.

[2]) Впрочемъ, еще, въ статьѣ нашей: „Н. В. Гоголь и А. О. Смирнова" въ „Русской Старинѣ" (1888, IV) мы сочли нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Мы не ручаемся, однако, окончательно за вѣрность этого соображенія, такъ какъ, по свидѣтельству Ольги Николаевны Смирновой, ея мать познакомилась съ Гоголемъ еще фрейлиной, не позже 1830 г. Напротивъ, Я. К. Гротъ въ своей книгѣ о Пушкинѣ относитъ начало знакомства Пушкина съ Гоголемъ къ августу 1831 года (см. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники". Хронологическая канва для біографіи Пушкина, стр. 245). — Отмѣчаемъ это во избѣжаніе перетолкованій (см. приведенное сейчасъ примѣчаніе въ „Русской Старинѣ", 1888, IV, стр. 45, выноска 2-ая). — О. Н. Смирнова особенно настаиваетъ на поправкѣ допущенной нами неточности въ смѣшеніи выраженій *встрѣча* и *знакомство*.

махъ, гдѣ сами находили интересъ и отраду". —Въ настоящее время мы должны исправить это мѣсто въ томъ смыслѣ единственно, что знакомство съ Пушкинымъ произошло въ самомъ дѣлѣ приблизительно въ маѣ 1831 г., но съ Россетъ Гоголь былъ знакомъ уже нѣсколько раньше.—Немного позже перваго визита Гоголя къ Россетъ въ дневникѣ послѣдней находимъ еще слѣдующій любопытный разсказъ:

„Joukowsky est triomphant d'avoir empoigné le хохолъ récalcitrant, parce qu'il a vu que cela m'a fait tant de plaisir de parler de la Petite-Russie, de grand'maman, de Gromoclea, de Hopka et des contes qu'elle me faisait. Gogol les a aussi entendus de sa няня; nous avons parlé des nids de cigognes sur les toits en Oukraine, des чумаки, des венгерцы qui apportaient des plumes de faisan à ma mère, des кобзари. J'ai promis à Pouchkine de gronder le pauvre хохолъ, s'il devient trop triste dans la Palmyre du Nord, dont le soleil a toujours l'air si malade (здѣсь такое „больное солнце"!). Pouchkine disait que l'été au Nord est la caricature des hivers du Midi. Ils ont tant taquiné Gogol sur sa timidité et sa sauvagerie, qu'ils ont fini par le mettre à son aise, et il avait l'air content d'être venu me voir съ конвоемъ".

Русскій переводъ:

„Жуковскій въ восторгѣ отъ того, что ему удалось схватить упрямаго хохла, потому что онъ замѣтилъ, какое удовольствіе мнѣ доставляетъ говорить о Малороссіи, о бабушкѣ, о Громоклеѣ, о Гопкѣ и о сказкахъ, которыя она мнѣ разсказывала. Гоголь слышалъ ихъ также отъ своей няни. Мы говорили о гнѣздахъ аистовъ на крышахъ въ Малороссіи, о чумакахъ, о венгерцахъ, которые приносили моей матери перья фазановъ, о кобзаряхъ... Я обѣщала Пушкину побранить бѣднаго хохла, если онъ загруститъ въ Сѣверной Пальмирѣ, въ которой, правду сказать, такое больное солнце! Пушкинъ сказалъ, что

„Наше сѣверное лѣто
Карикатура южныхъ зимъ".

Они (т. е, Жуковскій и Пушкинъ) такъ трунили надъ робостью и дикостью Гоголя, что наконецъ заставили его придти въ себя (войти въ колею), и онъ явно былъ доволенъ, что пришелъ ко мнѣ съ конвоемъ".

IV.

Въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ г. Кулишъ разсказываетъ такъ о знакомствѣ его съ Смирновой: „оно началось такъ давно и такимъ необыкновеннымъ образомъ, что Александра Осиповна не могла даже припомнить времени, когда она увидѣла Гоголя въ первый разъ. Въ годъ его смерти она спрашивала его объ этомъ.

— Неужели вы не помните? отвѣчалъ Гоголь. Вотъ прекрасно, такъ я же вамъ и не скажу. Это, впрочемъ, тѣмъ лучше: значитъ, что мы всегда были съ вами знакомы.

Сколько разъ она ни повторяла потомъ свой вопросъ, онъ отвѣчалъ:

— Когда не знаете, такъ не скажу-жъ. Мы всегда были знакомы“.

Очень можетъ быть, что блестящая фрейлина, звѣзда всего придворнаго міра, обворожительная красой первой молодости и уже стяжавшая столько лавровъ, Александра Осиповна, при обширнѣйшемъ кругѣ знакомыхъ, въ началѣ не придавала особаго значенія встрѣчамъ съ скромнымъ начинающимъ писателемъ, преимущественно обратившимъ на себя ея вниманіе своимъ малороссійскимъ происхожденіемъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи былъ Гоголь: новичекъ въ литературномъ и особенно свѣтскомъ кругу, недавній нѣжинскій школьникъ, крайне самолюбивый, онъ былъ, вѣроятно, очень польщенъ новымъ знакомствомъ и если сначала дичился и уклонялся отъ него, то это еще нисколько не противорѣчитъ сказанному. Во всякомъ случаѣ, онъ хорошо запомнилъ первую встрѣчу. Но и Александра Осиповна сохранила въ своей памяти этотъ эпизодъ. Если она затруднялась припомнить точно годъ встрѣчи, то еще возможно допустить, согласно съ разсказомъ П. А. Кулиша, что эта забывчивость не очень льстила въ высшей степени самолюбивому Гоголю [1]), и что по-

[1]) Говоря это, мы имѣли въ виду передачу разсказа въ печатномъ источникѣ (т. е. у г. Кулиша), но О. Н. Смирнова, не соглашаясь съ такимъ освѣщеніемъ фактовъ, отрицаетъ въ Гоголѣ какъ чрезмѣрное самолюбіе вообще, такъ особенно въ данномъ случаѣ. Мы полагаемъ, что г. Кулишъ болѣе правъ на этотъ разъ.

этому ей нелегко было выпытать у скрытнаго и уклончиваго малоросса даже то, о чемъ онъ умалчивалъ ради шутки. Но такъ какъ разсказъ г. Кулиша, вѣроятно, основанъ на устныхъ воспоминаніяхъ Александры Осиповны, то, безъ сомнѣнія, намъ всего лучше возстановить истину на основаніи болѣе точнаго письменнаго источника. Поэтому приводимъ здѣсь вполнѣ отрывокъ изъ дневника Ольги Николаевны Смирновой, о разговорѣ ея матери при Гоголѣ (въ Калугѣ въ 1850 г., а не въ 1851 г., какъ у г. Кулиша) съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, записанный тотчасъ же на память.

Иванъ Сергѣевичъ.—Александра Осиповна, разскажите, какъ вы познакомились съ Николаемъ Васильевичемъ?

Александра Осиповна. — Ахъ, какъ вы надоѣли, Иванъ Сергѣевичъ! отстаньте! Я не помню совсѣмъ,—и что̀ вамъ за дѣло!

Николай Васильевичъ Гоголь. — Иванъ Сергѣевичъ, Александра Осиповна про это забыла, а знаете-ли вы — почему? Потому, что это было такъ давно, что мы были знакомы на томъ свѣтѣ, когда и васъ не было, да и насъ самихъ!... Александра Осиповна про это забыла.

Иванъ Сергѣевичъ —Николай Васильевичъ, разскажите мнѣ всю правду, гдѣ и какъ вы познакомились?

Николай Васильевичъ.—Хорошо; Александра Осиповна, сознайтесь, что вы забыли, а я помню.

Александра Осиповна. — Именно забыла; разскажите Ивану Сергѣевичу, а то онъ мнѣ будетъ надоѣдать каждый день вопросами [1]): у него страшное любопытство!

Иванъ Сергѣевичъ. — Это не любопытство, а любознательность. Какъ это вы, Александра Осиповна, „дама блистательнаго свѣта“ [2]), узнали Николая Васильевича въ вашемъ не русскомъ Петербургѣ?

Николай Васильевичъ. — Ну, слушайте же! Я давалъ урокъ одной барышнѣ [3]), прескучный урокъ: я не педагогъ... Моя бѣдная ученица зѣвала. Александра Осиповна пришла къ намъ съ сестрой моей ученицы, замѣтила меня

[1]) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ служилъ въ Калугѣ подъ начальствомъ Н. М. Смирнова и часто бывалъ въ его домѣ.

[2]) Намекъ на стихи И. С. Аксакова А. О. Смирновой, гдѣ онъ называетъ ее:
«И дама вы блистательнаго свѣта».

[3]) М. П. Балабиной, впослѣдствіи Вагнеръ.

и тотчасъ узнала хохла. Мы близнецы великороссовъ, но видно, что на каждомъ хохлѣ, какъ и на москвичѣ, особый отпечатокъ. Александра Осиповна тутъ же замѣтила, что небосклонъ Сѣверной Пальмиры тяготитъ и гнететъ хохла. Она знала уже, что П. А. Плетневъ меня принималъ дружелюбно и что В. А. Жуковскій и А. С. Пушкинъ благоволили къ хохлу. На другой день она приказала Плетневу доставить къ ней хохла; это было имъ тотчасъ исполнено. Плетневъ при Василіи Андреевичѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ передалъ мнѣ приказаніе Александры Осиповны явиться къ ней. Я закобенился, не захотѣлъ повиноваться; но тутъ Жуковскій и Пушкинъ оба закричали на меня и сказали, что я и глупъ, и невѣжа, и грубьянъ, что всѣ должны слушаться Александры Осиповны, и что никто не смѣетъ упираться, когда она приказываетъ. Побранивъ меня порядкомъ, А. С. Пушкинъ, которому нельзя было отказывать, и В. А. Жуковскій схватили меня и повели во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ. Когда она увидала меня съ моимъ конвоемъ, она сказала: „Наконецъ-таки пришли! Вѣдь и я хохлачка, и я помню Малороссію. Мнѣ было всего семь лѣтъ, когда я уѣхала на сѣверъ, на скучный сѣверъ, а я все помню и хутора, и малороссійскіе лѣса, и малороссійское небо, и солнце. Поговоримъ о родномъ краѣ“. Александра Осиповна прочитала мнѣ малороссійскіе стихи. Тутъ я узналъ, что мы уже давнымъ-давно знакомы и почти друзья, и что мы всегда будемъ друзья. А. С. Пушкинъ сказалъ: „Александра Осиповна, пріютите хохла, побраните его, когда захандритъ“, а Василій Андреевичъ даже промычалъ [1]): „Вотъ видишь, братъ, что Плетневъ тебя бранитъ подѣломъ за твою глупость: вѣдь ты не хотѣлъ идти, а теперь радъ, что пришелъ и будешь намъ благодаренъ во-вѣки, что мы тебя, хохла, схватили и привели“. Вотъ какъ мы познакомились съ Александрой Осиповной. Тогда всѣ мы были помоложе, Пушкинъ еще не былъ женатъ [2]), Александра Осиповна была фрейлина, а я былъ учитель. Я у нея познакомился съ в. кн. Михаиломъ Павловичемъ и со многими добрыми друзьями. Пусть это будетъ

[1]) Напоминаемъ читателю прозваніе Жуковскаго «бычекъ».

[2]) Гоголь, вѣроятно, смѣшалъ эту подробность, такъ какъ едва-ли онъ зналъ Пушкина до его женитьбы.

вамъ примѣромъ, Иванъ Сергѣевичъ: добрыхъ совѣтовъ слушайтесь! Знакомство съ Александрой Осиповной мнѣ было въ пользу: вѣдь она пріятная дама, но очень строгая, престрогая дама: она меня побраниваетъ, а это мнѣ очень здорово и полезно; она никогда не увлекается, что̀ очень разумно. Пушкинъ съ ней совѣтовался; она ему говорила правду; это полезно автору.

Иванъ Сергѣевичъ.—Неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли про это, Александра Осиповна? Это непростительно: къ вамъ пришли три личности, и какія же? геніальныя личности! и вы забыли этотъ день!

Николай Васильевичъ. — Не увлекайтесь, Иванъ Сергѣевичъ! тутъ были двѣ геніальныя личности—два поэта; третій былъ я. Про мою геніальность нечего говорить; когда я напишу все, что̀ у меня на умѣ, и на сердцѣ, и въ душѣ, и что̀ еще не высказано, тогда, пожалуй, позволю вамъ опредѣлять мое мѣсто въ русской литературѣ [1]). Я вовсе не геній, и это уже слишкомъ восторженное мнѣніе обо мнѣ, вовсе не нужное. Не восторгайтесь и не увлекайтесь!

Иванъ Сергѣевичъ.—Неужели вы это забыли, Александра Осиповна; даже не записали! Покайтесь!

Александра Осиповна.—Записать-то я записала; я все записывала: разговоры съ Пушкинымъ и Жуковскимъ и другими, и теперь помню этотъ первый визитъ Николая Васильевича; но вѣдь это было такъ давно!—Николай Васильевичъ, это было въ Петербургѣ; мы уѣзжали въ Царское; вы были потомъ у меня въ Царскомъ съ Пушкинымъ. Этотъ день я помню. Была гроза—я боюсь грозы—и вы мнѣ разсказали смѣшной анекдотъ малороссійскій, старались меня развлечь и Пушкинъ читалъ стихи шутовскіе... [2]). Это я очень хорошо помню... Но скажите мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, что̀ васъ удивляетъ, что я, именно я, давно знакома съ Николаемъ Васильевичемъ, и къ чему вамъ это знать?

---

[1]) Ср. слова Гоголя въ письмѣ къ А. О. Россету (отъ 28 ноября 1847 г.): «Вы знаете, что я весь состою изъ будущаго; въ настоящемъ же есть *нуль*» (курсивъ Гоголя; см. «Русская Старина» 1884, 1, 172).

[2]) Эти-то слова, какъ видно изъ дневника, неточно воспроизводящія дѣйствительные факты, такъ какъ А. О. Смирнова смѣшала двѣ разныхъ встрѣчи съ Гоголемъ, и подали поводъ къ вышеуказанной неточности въ нашей статьѣ въ „Русской Старинѣ“.

Иванъ Сергѣевичъ. — Простите великодушно, Александра Осиповна: вы не сердитесь за стихи, отдайте мнѣ эти стихи.

Александра Осиповна. — Я вовсе не сержусь, Иванъ Сергѣевичъ, а стиховъ не отдамъ. Они очень хороши, особенно одинъ стихъ:

„И закалясь въ борьбѣ суровой"... [1]).

Весь этотъ разговоръ былъ шутливый, веселый. Иванъ Сергѣевичъ былъ очень молодъ, увлекался и восторгался. Александра Осиповна его очень любила, а иногда дразнила за стихи.

Изъ этого любопытнаго разсказа очевидно, что Гоголь сразу почувствовалъ себя въ обществѣ Александры Осиповны легко и привольно, какъ въ своей родной сферѣ; но какъ затѣмъ продолжались ихъ отношенія до 1840-хъ годовъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній [2]). Впрочемъ, на основаніи извѣстной книги г. Кулиша, имѣемъ полное право заключать, что ихъ дружба и взаимное расположеніе постоянно росли.

Отсылая интересующихся къ „Запискамъ о жизни Гоголя" П. А. Кулиша (т. I, стр. 206—210), дополнимъ здѣсь кстати, на основаніи записаннаго Ольгой Николаевной Смирновой, разсказъ Гоголя о путешествіи его въ Испанію, тѣмъ болѣе, что этотъ эпизодъ его жизни остается почти неизвѣстнымъ въ нашей литературѣ. Гоголь былъ въ Испаніи и даже чи-

[1]) Этотъ намекъ относится къ стихамъ И. С. Аксакова:

„Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не въ мѣру...
. . . .
И дама вы блистательнаго свѣта". (Стих. И. С. Аксакова, стр. 45).

На третій день Иванъ Сергѣевичъ написалъ извиненіе въ стихахъ и просилъ назадъ свое поэтическое слово, но ему его не отдали. И Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, и Александра Осиповна послѣ много смѣялись по этому поводу.

[2]) Только въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго отъ 1836 г. мы читаемъ, что послѣдній предлагалъ А. О. Смирновой привезти Гоголя, чтобы онъ прочелъ ей „Ревизора" („Русск. Архивъ" 1883, 2, 336), въ другомъ Гоголь проситъ передать письмо Александрѣ Осиповнѣ («Русскій Арх.» 1871, 5, 959); письмо относится къ 1837 г.

талъ по-испански, въ чемъ удостовѣряютъ по воспоминаніямъ лица, близко его знавшія (О. Н. Смирнова и другъ Гоголя—А. С. Данилевскій).

Изъ Марселя Гоголь отправился моремъ въ Барселону (вѣроятно, въ 1837 г., когда въ его перепискѣ замѣчается длинный перерывъ,—съ іюня по ноябрь) и разсказывалъ анекдотъ по этому поводу. Погода была отвратительная. Въ каютѣ былъ Гоголь, два француза и англичанинъ. Ихъ очень укачивало и всѣ сильно мучились морскою болѣзнью.

Къ утру англичанинъ раздѣлся, снялъ даже рубашку и при всѣхъ безцеремонно вымылся съ ногъ до головы. Одинъ изъ французовъ, возмущенный такой выходкой, обращаясь къ Гоголю, сказалъ:

— „Avouez, monsieur le russe, que voilà un cochon bien prorpre!"

Другой случай произошелъ въ гостиницѣ въ Мадридѣ. Все въ ней по испанскому обычаю было грязно; бѣлье было совсѣмъ засаленое. Гоголь пожаловался; но хозяинъ отвѣчалъ: „señor, нашу незабвенную королеву (Изабеллу) причисляютъ къ лику святыхъ, а она во время осады нѣсколько недѣль не снимала съ себя рубашки, и эта рубашка, какъ святыня, хранится въ церкви, а вы жалуетесь, что ваша простыня нечиста, когда на ней спали только два француза, одинъ англичанинъ и одна дама очень хорошей фамиліи: развѣ вы чище этихъ господъ?"

Когда Гоголю подали котлетку, жаренную на провансkомъ маслѣ и совершенно холодную, Гоголь снова выразилъ неудовольствіе. Лакей (mozzo) преспокойно пощупалъ ее грязной рукой и сказалъ:

— Нѣтъ, она тепленькая: пощупайте ее!

Разсказывая это впослѣдствіи, Гоголь обыкновенно прибавлялъ:

— Въ 1830-хъ годахъ испанскія локанды были гораздо грязнѣе русскихъ станцій; грязнѣе ихъ знаю только жидовскую корчму и одинъ монастырь въ Іерусалимѣ и также на Аѳонѣ, гдѣ легкая и тяжелая кавалерія[3]), т. е. блохи, клопы, тараканы и вши, ночью поднимаютъ настоящій бунтъ и однажды

[3]) Это было однимъ изъ любимыхъ выраженій Гоголя въ его шуткахъ; оно же встрѣчается въ «Игрокахъ» (Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 411).

сражались на моей спинѣ!“ и проч. Онъ говаривалъ также: „Блохи при Тиверіадскомъ озерѣ настоящіе слоны!“

По шутливому тону этихъ разсказовъ, Александра Осиповна сначала сомнѣвалась въ ихъ справедливости и даже въ 1843 году, когда Гоголь разсказывалъ объ этомъ въ присутствіи ея брата, Аркадія Осиповича Россета, Якова Владиміровича Ханыкова и Василія Алексѣевича Перовскаго. (Такъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ о жизни Гоголя“ П. А. Кулишъ, но О. Н. Смирнова энергически отрицаетъ его сообщеніе).

IV. ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ ПУШКИНУ.

I.

Дневникъ А. О. Россетъ даже въ немногихъ приведенныхъ нами строкахъ ярко рисуетъ отношенія къ Гоголю Жуковскаго и Пушкина; но чтобы оцѣнить все значеніе этой дружбы, надо представить себѣ цѣлый переворотъ, произведенный въ судьбѣ юнаго малоросса этимъ радушно принявшимъ его кругомъ. Надо вспомнить, что Гоголь ожилъ, расцвѣлъ, почувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, очутившись на вольномъ воздухѣ и въ сообществѣ лучшихъ, достойнѣйшихъ представителей литературы, послѣ недолгаго, правда, соприкосновенія съ міромъ безнадежной, леденящей житейской прозы въ лицѣ безжизненныхъ, забитыхъ однообразіемъ неблагодарнаго труда автоматовъ-столоначальниковъ и вѣчно прижимаемой суровымъ гнетомъ нужды и назойливыми, узко-практическими заботами о насущномъ кускѣ массы мелкаго чиновничества. Блеснувшее ему счастье было вдвойнѣ драгоцѣнно, открывъ передъ нимъ свѣтлую и разумную жизнь и въ то же время спасая его отъ удушливой канцелярской атмосферы съ ея тоскливо-щемящей обстановкой и мертвой рутиной, такъ тяжело ложащимися на ея постоянныхъ жертвахъ и заставляющихъ содрогаться свѣжихъ людей, когда имъ приходится на минуту окунуться въ этотъ міръ, вся поэзія котораго заключается въ вечернемъ отдыхѣ за карточнымъ столомъ, и гдѣ нѣтъ другой перспективы, кромѣ чиновъ да наживы. Послѣдній чиновникъ, съ точки зрѣнія оставленнаго имъ департамента, съ мало

обѣщающей впереди репутаціей, Гоголь вдругъ вздохнулъ легко и свободно, и вотъ онъ уже является обычнымъ и желаннымъ гостемъ на субботахъ Жуковскаго, гдѣ собирается избранное общество литераторовъ и образованныхъ людей: Пушкинъ, Вяземскій, Віельгорскій, Гнѣдичъ, Крыловъ. До сихъ поръ міръ мысли и чувства былъ лишь родственнымъ Гоголю по духу, но онъ не имѣлъ въ него доступа и даже сохранялъ о немъ смутное представленіе, проникнутое какой-то наивной идеализаціей. Извѣстно, что, вошедши въ первый разъ въ квартиру Пушкина, Гоголь былъ изумленъ, узнавъ отъ лакея, что баринъ еще не вставалъ, потому что всю ночь проигралъ въ карты, тогда какъ юному дебютанту на полѣ литературы яркое свѣтило поэзіи представлялось не иначе, какъ окруженное ореоломъ чего-то неземного, непремѣнно въ вдохновенной бесѣдѣ съ музами. Съ первыхъ же встрѣчъ съ Гоголемъ безошибочный тактъ благороднаго сердца внушилъ Пушкину непринужденное, пріятельское отношеніе, такъ облегчившее Гоголю сдѣлать первый шагъ къ вступленію въ новую для него среду, которая была такъ высока въ его заочномъ благоговѣйномъ представленіи. Впрочемъ, эта естественность и непритязательность вообще отличали Пушкина и плѣняли людей близко его знавшихъ не менѣе его геніальнаго дарованія. Въ жизни Гоголя знакомство съ нимъ было, безъ сомнѣнія, одной изъ самыхъ яркихъ страницъ. Свѣтлымъ взглядомъ настоящаго генія Пушкинъ тотчасъ прозрѣлъ въ неловкомъ, застѣнчивомъ молодомъ другѣ явленіе необычайное, хотя онъ только смутно предчувствовалъ въ этомъ непредставительномъ малороссѣ воплощеніе той великой грядущей силы, которой было суждено вскорѣ открыть новый періодъ въ нашей литературѣ созданіемъ натуральной школы, а въ наши дни завоевать намъ почетное право на вниманіе и уваженіе просвѣщенныхъ народовъ Западной Европы. Какъ истинно великій человѣкъ, Пушкинъ не устрашился и не возненавидѣлъ зарождающуюся живую силу, возвѣщавшую зарю будущаго величія русской литературы, но привѣтствовалъ ее отъ души, протянувъ руку начинающему таланту и какъ бы завѣщая ему продолженіе своей славной дѣятельности на благородномъ поприщѣ слова. Дружба его привѣтливымъ, яркимъ лучомъ озарила и обогрѣла томившагося среди суроваго равнодушія столицы, на угрюмомъ сѣверѣ, этого юнаго пришельца

съ юга, и подарила ему много высокихъ, чистыхъ минутъ наслажденія прекраснымъ. По позднѣйшему представленію Гоголя, Пушкинъ былъ для него метеоромъ изъ иного чуднаго міра, и мы, не опасаясь упрека въ преувеличеніи и реторикѣ, пытаемся здѣсь по мѣрѣ силъ представить свѣжее юношеское чувство Гоголя, выразившееся впослѣдствіи въ его извѣстномъ лирическомъ возгласѣ: „Пушкинъ! какой прекрасный сонъ видѣлъ я въ жизни"! [1]). Въ созданіяхъ Гоголя Пушкинъ сразу не могъ не почувствовать, хотя инстинктивно, необходимое дополненіе своей поэтической дѣятельности. Онъ уже сблизилъ въ значительной степени литературу съ жизнью, но довершить это дѣло выпало на долю новаго избранника—Гоголя.

Раскроемъ любое произведеніе Пушкина, особенно прозаическое — и мы будемъ встрѣчать очень часто отрицательные типы, что̀ и вполнѣ естественно и понятно, потому что Пушкинъ, какъ истинный художникъ, изображалъ жизнь такъ, какъ она есть, нисколько не закрывая глазъ на ея темныя стороны, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, и у Гоголя мы легко можемъ отыскать въ числѣ другихъ и положительные типы. Тарасъ Бульба и его сыновья, большинство казаковъ, изображенныхъ въ поэмѣ, панночка, старосвѣтскіе помѣщики, молодой художникъ Пискаревъ, множество малороссійскихъ типовъ, въ родѣ Черевика, Левка, Катерины въ „Страшной Мести", и проч.—будто бы всѣ эти типы отрицательные? Наоборотъ, личности Пугачева, Швабрина, Зурина въ „Капитанской Дочкѣ", Троекурова, его дерзкаго псаря, оскорбившаго Дубровскаго, засѣдателя Шабашкина съ цѣлой арміей самыхъ отвратительныхъ подьячихъ, кузнеца Архипа Спицына, князя Верейскаго и проч., въ „Дубровскомъ" Германа и графини въ „Пиковой Дамѣ", чудака Григорія Ивановича, отца Лизы, въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ", Сильвіо и его соперника въ „Выстрѣлѣ", пустого и пошлаго Корсакова въ „Арапѣ Петра Великаго", Буянова, Зарѣцкаго въ „Онѣгинѣ", наконецъ личности Мазепы, Орлика, Алеко, Анджело, — неужели всѣ это типы положительные? Исполненныя глубокаго чувства и замѣчательно справедливыя слова Гоголя въ VII главѣ „Мертвыхъ Душъ" обыкновенно понимаются поверхностно; мыслью, въ нихъ выраженной, слишкомъ часто злоупотре-

[1]) «Русск. Арх.», 1871, 4 5, стр. 958.

бляютъ, повторяя ее безъ строгаго разбора. Нельзя даже говорить безотчетно, что Пушкинъ изображалъ только свѣтлыя стороны жизни, а Гоголь — только темныя. Пушкинъ, какъ художникъ, реально представлявшій жизнь, вовсе, повторяемъ, не хотѣлъ и не могъ избѣгать ея темныхъ сторонъ въ своемъ творчествѣ: мы найдемъ у него не только порочныхъ людей, но также хотя хорошихъ, но смѣшныхъ, съ ихъ недостатками, пошлостью и странностями. (Иванъ Кузьмичъ, Василиса Егоровна Мироновы, поручикъ Иванъ Игнатьевичъ, и проч. и проч.; также какъ напротивъ Лука Лукичъ Хлоповъ и Бобчинскій съ Добчинскимъ, да и многія другія лица у Гоголя только смѣшны, а не отвратительны). Правильнѣе сказать, что Гоголь, гораздо глубже захватывая въ своихъ произведеніяхъ дѣйствительную и притомъ именно *повседневную* жизнь, и воспроизводилъ ее полнѣе и рельефнѣе, нежели Пушкинъ, и охотнѣе представлялъ не праздничную ея сторону, а обыденную. Такимъ образомъ дѣло не столько въ характерѣ типовъ, сколько въ способѣ представленія жизни, который долженъ былъ зависѣть въ значительной степени отъ качества пережитыхъ впечатлѣній и слѣд. отчасти даже отъ того соціальнаго положенія, въ которое поставила судьба обоихъ писателей. Пушкинъ, какъ аристократъ - помѣщикъ, проходилъ свое жизненное поприще легче и безпечнѣе, сравнительно съ бѣднымъ малороссомъ „съ підъ Полтавы", видѣвшимъ и гòре и нужду, а главное—несравненно ближе соприкасавшимся съ тиною и язвами жизни, и притомъ надѣленнымъ отъ природы особой способностью замѣчать тò, „что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи". Пушкину приходилось больше страдать отъ неудачъ личной жизни, мучиться изъ-за гнусныхъ великосвѣтскихъ интригъ; Гоголь„ заболѣлъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже былъ устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства" [1]). Слѣдовательно, Гоголю именно дано было въ удѣлъ представлять жизнь захолустную, обыденную, буднич-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 279. Въ сущности, по нашему мнѣнію, это самая великая и самая симпатичная сторона въ поэзіи Гоголя, представляющая достойное дополненіе поэзіи Пушкина, ибо „равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ".

ную. Но вѣдь зато, если Пушкинъ кистью великаго художника призвалъ къ жизни изъ своего воображенія цѣлый міръ обаятельныхъ разнообразныхъ и разрозненныхъ поэтическихъ образовъ, съ одинаковымъ совершенствомъ воспроизводя бытъ современный и средневѣковой, русскую жизнь помѣщичьяго и столичнаго круга и жизнь восточную, испанскую, и проч.,— то это преимущественно отдѣльныя мастерскія картины, изображающія избранные эпизоды изъ жизни. „Кавказскій Плѣнникъ", „Бахчисарайскій Фонтанъ", „Цыганы", „Скупой Рыцарь", „Пиковая Дама", „Мѣдный Всадникъ", „Каменный Гость", „Русалка", „Дубровскій", — все это разрозненные поэтическіе этюды сравнительно съ широкимъ изображеніемъ русской жизни у него же въ „Онѣгинѣ" и особенно съ рельефнымъ изображеніемъ ея у Гоголя въ „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ Душахъ". И Пушкинъ, и Лермонтовъ, не говоря объ ихъ предшественникахъ, выбирали для своихъ произведеній исключительные, поэтическіе сюжеты; Гоголь сталъ изображать современную жизнь, какъ она есть въ цѣломъ, а не по частямъ [1]). И въ этомъ существенная разница. Колоссальное представленіе en grand „всей громадно-несущейся жизни"— большое преимущество Гоголя. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ ученикомъ передъ Пушкинымъ, далеко оставляя его за собой, въ свою очередь, въ глубокомъ практическомъ познаніи жизни. Извѣстно, что Гоголь поразилъ и огорчилъ Пушкина печальной картиной общественной жизни въ „Мертвыхъ Душахъ": Пушкинъ, сначала безпечный и веселый, слушая чтеніе поэмы, постепенно становился мрачнѣе и наконецъ воскликнулъ съ тоской: „Боже, какъ грустна наша Россія!" Очевидно, что въ теченіе нѣсколькихъ часовъ чтеніе „Мертвыхъ Душъ" раскрыло передъ нимъ цѣлый неподозрѣваемый прежде міръ, ужаснуло его той непроходимой трясиной, которую представляла тогдашняя провинціальная русская жизнь и которую вмѣстѣ съ милліонами людей не вполнѣ замѣчалъ и Пушкинъ, тогда какъ изображеніе ея съ болѣзненными конвульсіями исторгалъ Гоголь изъ запаса своей необыкновенной наблюдательности [2]). Вотъ причина

---

[1]) Предшественниками Гоголя въ этомъ отношеніи были, конечно, Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» и также Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума».

[2]) Приведенныя выдержки изъ дневника А. О. Смирновой снова подтверждаютъ это.

страстной тоски Гоголя по идеаламъ, проявляющейся впослѣдствіи и въ его перепискѣ и легко объясняемой тѣмъ хаосомъ окружающей жизни, который такъ отчетливо проницалъ его зоркій глазъ. Эту-то неудовлетворенность настоящимъ передалъ потомъ Гоголь и всѣмъ своимъ мыслящимъ современникамъ, затронувъ и расшевеливъ благородное стремленіе къ прогрессу въ душѣ будущихъ даровитыхъ представителей славянофильства и западничества [1]).—Одинъ изъ современныхъ критиковъ приводитъ много соображеній въ пользу того, что не Гоголя, а Пушкина слѣдуетъ считать виновникомъ и основателемъ новѣйшаго направленія нашей литературы [2]); но намъ кажется, что уже указанное нами сейчасъ соображеніе можетъ одно перетянуть чашку вѣсовъ въ данномъ отношеніи. Произведенія Гоголя заставляютъ читателей содрогнуться „за человѣка" и искать выхода изъ мрака—и и въ этомъ ихъ неотразимая общественная сила; въ этомъ причина ихъ безспорно значительнаго вліянія, вѣрно замѣченнаго и оцѣненнаго современниками. Пушкинъ изображалъ и темныя стороны жизни; но Гоголь къ нимъ имѣлъ случай ближе присматриваться, и кромѣ того мы находимъ у него болѣе глубокій психологическій анализъ, который именно всего сильнѣе и дѣйствуетъ на читателей, заставляя ихъ задуматься надъ тѣмъ, что̀ въ противномъ случаѣ неминуемо промелькнуло бы мимо. Въ этомъ заключалось педагогическое значеніе произведеній Гоголя для общества. Благодаря психологическому анализу, надъ героями Гоголевыхъ повѣстей и драмъ нельзя не остановиться, тогда какъ соотвѣтствующіе герои и случаи жизни, изображенные Пушкинымъ, нисколько не тревожатъ насъ и почти не возбуждаютъ чувства отвращенія. Возьмемъ такой примѣръ. Вліяніе пошлыхъ, мелочныхъ причинъ на взаимныя человѣческія отношенія изображено не только у Гоголя въ его повѣсти „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", но и у Пушкина въ „Барышнѣ-Крестьянкѣ": но только Пуш-

[1]) Такимъ образомъ произведенія Гоголя, человѣка, не высоко стоявшаго по образованію, послужили, однако, могучимъ рычагомъ, двинувшимъ впередъ развитіе всего нашего общества въ сороковыхъ годахъ.

[2]) Впрочемъ взглядъ этотъ достаточно опровергнутъ и при томъ многими критиками, такъ что мы останавливаться на немъ не будемъ. Но ниже указанное замѣчаніе того же критика о Пушкинѣ и Гоголѣ весьма цѣнно.

кинъ представляетъ моментъ примиренія, Гоголь — самую ссору. Сходство несомнѣнное; разница же *въ впечатлѣніи*: ссора двухъ малороссовъ у Гоголя поражаетъ и подавляетъ читателя, тогда какъ у Пушкина ссора двухъ сосѣдей только занимаетъ его. Другой примѣръ можетъ представить изображеніе негодяя Шабашкина въ „Дубровскомъ" и чиновниковъ у Гоголя. Пушкинъ также представляетъ намъ отвратительную готовность мелкаго приказнаго унижаться передъ сильными міра и превозноситься передъ слабыми, чинить въ угоду знатныхъ вельможъ всякія неправды и проч.; но Пушкинъ не вводитъ читателя, подобно Гоголю, въ грязную трущобу низкой души героя; тогда какъ это именно и могло бы произвести потрясающее дѣйствіе неумолимо-реальной правдивостью изображенія и подѣйствовать воспитательно, заставивъ оглянуться на себя и вокругъ себя. Пошлость Коробочки опять несравненно рельефнѣе и сильнѣе изображена, нежели пошлость Натальи Павловны въ „Графѣ Нулинѣ".

Но если относительно внутренняго содержанія произведеній Пушкина и Гоголя слѣдуетъ признать указанную нами разницу въ характерѣ изображенія жизни, то съ внѣшней стороны должно быть отмѣчено противное; склонность къ цѣльному представленію жизни увлекала Гоголя, человѣка южнаго темперамента, въ преувеличенія и эффекты, которыхъ такъ тщательно избѣгалъ Пушкинъ. Это сравненіе было мѣтко указано однимъ изъ новѣйшихъ критиковъ, г. Скабичевскимъ, слова котораго позволимъ себѣ здѣсь привести: „Въ то время, когда Пушкинъ все необычайное и выдающееся старается свести къ будничному, показать намъ, что необычайнымъ оно кажется только издали, на самомъ дѣлѣ оно тонетъ въ уровнѣ повседневной жизни, Гоголь наоборотъ всѣ образы въ своемъ романѣ („Тарасѣ Бульбѣ") освѣщаетъ бенгальскимъ огнемъ и они рисуются передъ вами въ дивномъ, волшебномъ сіяніи" („Сѣвер. Вѣстн.", 1886 г., 2, 687 стр.).

Замѣтимъ еще, что Пушкинъ изображалъ также иногда пошлую сторону жизни и въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ", въ стихахъ:

„Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все такъ же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ", и проч.

Иногда впрочемъ у Пушкина впечатлѣніе ослабляется романическими эффектами. Такъ Пушкинъ удовлетворяетъ чувству досады читателей на подьячихъ печальной для нихъ развязкой—ихъ гибелью отъ руки кузнеца Архипа, не отказывающаго тутъ же въ состраданіи кошкѣ.

II.

Съ Пушкинымъ Гоголь могъ познакомиться только по возвращеніи послѣдняго изъ Москвы, въ которой поэтъ прожилъ всю первую половину 1831 года, и до переѣзда Пушкина на заранѣе нанятую по его просьбѣ Плетневымъ квартиру въ Царскомъ Селѣ. Во второй половинѣ мая Пушкинъ пріѣзжалъ на недѣлю или на двѣ въ Петербургъ, и тутъ-то, безъ всякаго сомнѣнія, началось знакомство его съ Гоголемъ. Я. К. Гротъ, основываясь на письменной рекомендаціи Гоголя Пушкину въ письмѣ Плетнева отъ 22-го февраля 1831 года и на другихъ соображеніяхъ, относитъ знакомство къ іюню 1831 г.[1]); но оно произошло еще *въ маѣ*[2]). Только принявъ это предположеніе, можно съ полной увѣренностью согласить всѣ извѣстныя до сихъ поръ и разрозненныя данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи. Хотя въ іюнѣ 1831 г. Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій и А. О. Россетъ, всѣ собрались въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскѣ, но вѣдь первая встрѣча Гоголя съ Россетъ произошла еще въ Петербургѣ, въ домѣ Балабиныхъ[3]). Наше соображеніе какъ нельзя болѣе оправдывается нетерпѣніемъ, съ какимъ Плетневъ, по его собствен-

---

[1]) „Хронологическая канва для біографіи Пушкина“, г. Грота, 2-е изд., стр. 30.

[2]) См. „Русскую Старину“, 1888, IV, стр. 45, и выше, стр. 329.

[3]) Удивительно, что неизвѣстный намъ авторъ статьи въ „Русской Жизни“ (1891, № 39) почему-то утверждаетъ, что будто я въ трехъ разныхъ статьяхъ предлагаю разныя даты начала этого знакомства, и даже приводитъ точныя цифры, хотя во всѣхъ трехъ указанныхъ имъ мѣстахъ это знакомство относится къ одному времени. («Русск. Стар.», 1888, IV, 45: «знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, а слѣдовательно и съ Смирновой, относится *къ лѣтнимъ мѣсяцамъ 1831 года*; «Вѣстн. Евр.», 1890, I, 93: «Данилевскій полагалъ, что еслибы Гоголь познакомился съ Пушкинымъ до его отъѣзда (28 апрѣля 1831 г.) то онъ зналъ бы объ этомъ». Наконецъ третье мѣсто («Вѣст. Евр. 1890, VII, 512—513) читатель можетъ видѣть выше, на этой страницѣ. Всѣ три соображенія безусловно согласны между собой.

нымъ словамъ, спѣшилъ его „подвести подъ благословеніе“ Пушкина. Онъ, конечно, не замедлилъ для этого воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, который и представился именно по пріѣздѣ Пушкина въ Петербургъ. Притомъ Плетневъ, остававшійся лѣтомъ въ Петербургѣ или, если жившій въ окрестностяхъ его, то развѣ въ другомъ мѣстѣ, напр., Лѣсномъ,—гдѣ онъ не разъ проводилъ каникулы [1]),—является въ перепискѣ довѣреннымъ посредникомъ обоихъ писателей и самъ пользовался посредничествомъ Гоголя, какъ общаго хорошаго знакомаго; встрѣчаться же втроемъ они могли только въ Петербургѣ до переѣзда на дачи, потому что сношенія между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ по случаю холеры были тогда въ высшей степени затруднены.

Лѣто 1831 г. Гоголь провелъ въ Павловскѣ въ качествѣ гувернера при малолѣтнемъ князѣ Василіи Алексѣевичѣ Васильчиковѣ. Здѣсь ему представился случай еще короче сойтись съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, такъ что даже всѣ письма и посылки отправлялись на имя послѣдняго. Отрѣзанные отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ, они почти ежедневно видѣлись другъ съ другомъ. Гоголь восхищался въ чтеніи самихъ поэтовъ ихъ новыми произведеніями и былъ посвященъ въ ихъ литературные замыслы и интересы. Но самъ онъ, можетъ быть, не читалъ вполнѣ „Вечера“ Пушкину въ Царскомъ; по крайней мѣрѣ, по полученіи корректурнаго экземпляра, Пушкинъ писалъ Воейкову, что онъ былъ пріятно изумленъ ими, какъ любопытной литературной новинкой. Всего же скорѣе, однако, слѣдуетъ здѣсь видѣть неточность, допущенную изъ нежеланія вдаваться въ откровенность. Гоголь же не только познакомился со сказками обоихъ поэтовъ и повѣстью „Домикъ въ Коломнѣ“ [2]), но ему было поручено Пушкинымъ передать Плетневу посылку, въ которой заключались повѣсти Бѣлкина. Въ началѣ августа 1831 года, еще до окончатель-

[1]) По свидѣтельству Я. К. Грота, Плетневъ жилъ въ лѣтніе мѣсяцы, начиная съ 1826 г., на Спасской мызѣ около Лѣсного института. Такъ называлъ онъ домикъ, который занималъ на землѣ, принадлежавшей сперва Молчанову (Молчановкѣ), потомъ Кушелеву (Кушелевкѣ), наконецъ Беклешову (Беклешовкѣ). Недалеко отъ него впослѣдствіи (въ 40-хъ годахъ) построилъ себѣ дачу и князь П. А. Вяземскій. См. Соч. Плетнева, т. III, стр. 374.

[2]) Гоголь называетъ эту повѣсть „Кухарка“. См. „Соч. и письма Гоголя“, изд. Кулиша, томъ V, стр. 139.

наго возвращенія въ Петербургъ, которое назначалось на 15 число, Гоголь пріѣхалъ туда на нѣсколько дней для сношеній съ типографіей, печатавшей „Вечера". Неожиданно встрѣтилъ онъ 8-го августа днемъ на Вознесенскомъ проспектѣ Пушкина, который „воззвалъ голосомъ трубнымъ къ нему, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокимъ окномъ" [1]). Пушкинъ передалъ недавно разставшемуся съ нимъ Гоголю свѣжее извѣстіе о новыхъ сказкахъ, написанныхъ имъ и Жуковскимъ, и поручилъ взять у него рукопись для передачи Плетневу; но вечеромъ того же дня уѣхалъ въ Царское, а случайность помѣшала Гоголю, въ свою очередь возвращавшемуся въ Павловскъ, остановиться возлѣ его квартиры и захватить рукопись. Черезъ нѣсколько дней посылка всетаки была доставлена для передачи черезъ Гоголя Плетневу пріѣхавшею слѣдомъ за Гоголемъ изъ Павловска въ Петербургъ Александрой Ивановной Васильчиковой. 15-го августа Гоголь возвратился вторично въ столицу, а черезъ нѣсколько дней уже успѣлъ передать „въ исправности посылку и письмо", хотя „холера всѣхъ поразгоняла во всѣ стороны, и знакомымъ нуженъ былъ почти цѣлый мѣсяцъ антракта, чтобы встрѣтиться между собой" [2]).

[1]) „Русскій Архивъ", 1871, 4—5, стр. 947.

[2]) Г. Гротъ въ „Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина" (2-е изд., стр. 32) относитъ отправленіе рукописи повѣстей Бѣлкина Плетневу къ іюлю 1831 г. Намъ кажется, что здѣсь незначительная неточность. Для того, чтобы наши соображенія не показались произвольными, считаемъ необходимымъ слѣдующее поясненіе. Факты таковы: 8-го августа Пушкинъ и Гоголь, оба пріѣхавшіе не надолго въ Петербургъ, встрѣтились, оба возвратились потомъ обратно, причемъ Гоголь пробылъ въ Павловскѣ до 15 числа. 16-го писалъ: „Я только-что пріѣхалъ въ городъ и никого еще не видалъ". Когда обстоятельства помѣшали Гоголю заѣхать за посылкой, Пушкинъ долженъ былъ ее взять съ собой въ Царское, иначе Гоголь, не заѣхавшій къ нему на обратномъ пути, не могъ бы вмѣсто себя просить Васильчикову взять рукопись. Ср. „Русскій Архивъ". 1880, 2, 509—510, и 1871, 4—5, стр. 947, также Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 278.

Какъ Я. К. Гротъ, такъ и Л. Н. Поливановъ (школьное изданіе Пушкина, т. IV, стр. 59) были, очевидно, введены въ заблужденіе слѣдующими словами одного изъ писемъ Пушкина Плетневу: „На-дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга (Геслинга) повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля" (изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 276). Но дѣло въ томъ, что онѣ не были на самомъ дѣлѣ доставлены Геслингомъ, вѣроятно вслѣдствіе карантинныхъ затрудненій, и 19-го іюля Плетневъ отвѣчалъ: „Эслинга (Богъ знаетъ, что̀ это за существо! Ты вообра-

Литературное сближеніе Пушкина съ Гоголемъ отразилось и на мелочахъ: Пушкинъ былъ занятъ полемикой съ Булгаринымъ, и Гоголь наполняетъ одно изъ первыхъ писемъ къ Пушкину язвительными насмѣшками по адресу Булгарина, а защищаемаго Пушкинымъ А. А. Орлова называетъ „ихъ *общимъ другомъ*". Въ свою очередь, Пушкинъ не безъ сочувствія принимаетъ шутливую мысль Гоголя о предполагаемой полемической статьѣ противъ Булгарина и, кажется, готовъ придать ей бо́льшее значеніе, нежели какое имѣло у Гоголя мимоходомъ пущенное острое словцо. Онъ сообщаетъ Гоголю, какъ лицу, вполнѣ посвященному въ дѣло, о томъ, что Надеждинъ изъ страха колеблется напечатать въ „Телескопѣ" извѣстную статью: „Александръ Анѳимовичъ Орловъ, или торжество дружбы". Пушкинъ отъ души радуется первымъ лаврамъ Гоголя и отечески заботится о распространеніи его славы, о лучшемъ пріемѣ его въ журналистикѣ. Руководя Гоголемъ, онъ не только даетъ ему сюжеты, но даже иногда принимаетъ на себя предварительную цензуру его произведеній относительно ихъ художественнаго достоинства, хотя при всей этой близости, въ постоянномъ житейскомъ круговоротѣ и среди обширныхъ литературныхъ трудовъ и разъѣздовъ, едва-ли часто находилъ часы для бесѣды съ Гоголемъ [1]). Во всякомъ случаѣ Пушкинъ дѣлаетъ его своимъ фаворитомъ и восторгается имъ, какъ прежде Баратынскимъ и Языковымъ. Въ свою очередь, Гоголемъ, въ знакъ исключительнаго почета и расположенія, предназначаются Пушкину, Жуковскому и А. О. Россетъ первые вышедшіе изъ типографіи экземпляры „Вечеровъ" и при отправленіи ихъ выражается такой благоговѣйный энтузіазмъ, который не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ высокой авторитетности передъ Гоголемъ всѣхъ этихъ лицъ, несмотря на ихъ обращеніе съ нимъ за панибрата [2]).

жаешь, что я знакомъ со всѣмъ свѣтомъ) я не принималъ еще у себя и о повѣстяхъ никакого извѣстія не имѣю", послѣ чего въ *августѣ* Пушкинъ снова пишетъ: „*Посылаю тебѣ съ Гоголемъ* сказки моего друга И. П. Бѣлкина" (Изд. Лит. Фонда, т. VII, стр. 278).

[1]) См. прямое указаніе на это въ письмѣ Гоголя къ И. И. Дмитріеву („Русскій Архивъ", 1866, 11—12, 1729 стр.). Но въ 1832 г. они, конечно, встрѣчались уже весьма часто.

[2]) „Русскій Архивъ", 1871, 4—5, стр. 946—947.

V. ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ КЪ А. С. ДАНИЛЕВСКОМУ ВЪ НАЧАЛѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Мы говорили, что вскорѣ по возвращеніи Гоголя въ Петербургъ онъ постепенно вошелъ въ кругъ Пушкина, Жуковскаго, Плетнева и Смирновой (тогда еще Россетъ). Все это произошло уже въ половинѣ 1831 г., когда Данилевскій оставилъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и уѣхалъ изъ Петербурга. Въ мартѣ 1831 года, распростившись съ школой, онъ переселился прямо къ Гоголю и оставался у него до дня отъѣзда (28 апрѣля 1831 г.). Около того же времени Пушкинъ пріѣхалъ изъ Москвы съ молодой женой и поселился въ Царскомъ Селѣ (въ маѣ 1831 г.). Данилевскій полагалъ, что еслибы Гоголь познакомился съ Пушкинымъ до его отъѣзда, то онъ непремѣнно зналъ бы объ этомъ, тѣмъ болѣе, что Гоголь всегда гордился знакомствомъ и дружбой Пушкина и говорилъ о немъ съ энтузіазмомъ. Изъ всѣхъ названныхъ выше лицъ А. С. Данилевскій зналъ только Плетнева, но пока единственно какъ преподавателя въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ; лично же познакомился съ нимъ позднѣе, по возвращеніи въ Петербургъ съ Кавказа въ 1834 году. Какъ профессора, онъ такъ характеризовалъ Плетнева: „онъ говорилъ очень хорошо, но особенно не выдавался; онъ только-что поступилъ еще на службу и, видимо, конфузился. Товарищи и ученики его любили“.

Въ день выѣзда Данилевскаго изъ Петербурга Гоголь пи-

салъ въ посылаемомъ съ нимъ письмѣ къ матери: „Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вѣстникъ о прибытіи моемъ на слѣдующій годъ“. На прощаньѣ друзья обѣщали часто писать другъ другу, но Данилевскій съ своей стороны не очень спѣшилъ исполнить данное слово. Начата была переписка не имъ, а Гоголемъ, который по его порученію наводилъ въ Петербургѣ справки у докторовъ о наилучшемъ лѣченіи его болѣзни. Черезъ четыре дня по отъѣздѣ Данилевскаго Гоголь уже писалъ къ нему слѣдующее письмо, которое, какъ небывшее въ печати, приводимъ здѣсь вполнѣ:

Мая 2-го (1831 г.).

„Вышла моя правда: Арендтъ совершенно забылъ и о тебѣ, и о твоей болѣзни, несмотря на то, что я былъ у него на другой день послѣ твоего отъѣзда; и когда я сказалъ нѣсколько словъ о болѣзни твоей, онъ совѣтовалъ написать къ тебѣ, чтобы ѣхалъ скорѣе на Кавказъ и слѣдовалъ въ точности предписаніямъ тамошняго доктора, который дастъ тебѣ всѣ предуготовительныя къ тому средства. Пилюль же не почитаетъ онъ нужнымъ по благорастворенности малороссійскаго воздуха и потому, что [1]) время для нихъ прошло.

„Я до сихъ поръ сижу еще на прежней квартирѣ, и никакая новость и внезапность не потревожили мирной и однообразной моей жизни. Красненькій [2]) (эта вещь принадлежитъ тоже къ внезапнымъ явленіямъ) не показывался со дня отъѣзда твоего. Съ друзьями твоими Беранжеромъ и Близнецовымъ случились несчастія. Первый долго скитался безъ пріюта и уголка, изгнанный изъ ученаго сообщества Смирдина неумолимымъ хозяиномъ дома, вздумавшимъ передѣлывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вѣсти о Беранжерѣ; наконецъ, на четвертый день увидѣли на окошкахъ дому (sic) графини Ланской (гдѣ были звѣри) Хозревовъ на бѣлыхъ лошадяхъ. А бѣдный Близнецовъ сошелъ съума!... Вотъ что наши знанія!...

„На первый день мая по обыкновенію шелъ снѣгъ, и даже твой Сомъ не показывался на улицу [3]).

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ еще слово *ты;* затѣмъ послѣ зачеркнутаго слова продолжается: „время для нихъ прошло“.

[2]) Н. Я. Прокоповичъ.

[3]) Всѣхъ названныхъ здѣсь лицъ вслѣдствіе ихъ незначительности и за давностью лѣтъ А. С. Данилевскій припомнить не могъ.

„Моя книга [1]) врядъ ли выйдетъ лѣтомъ: наборщикъ пьетъ запоемъ.

„Ну, какъ-то принимаютъ воина, пріѣхавшаго отдыхать на лаврахъ [2]). Не забудь (разсказать) подробно и обстоятельно, не выключая Саввы Кирилловича [3]), ни Катерины Григорьевны, ни Марины Ѳедоровны. Я думаю: нами обоими не слишкомъ довольны дома, — мною, что вмѣсто министра сдѣлался учителемъ, тобою — что изъ фельдмаршаловъ попалъ въ юнкера.

„Счастливецъ! ты пьешь теперь весну! а у насъ что-то сырое, что-то холодное, въ родѣ осени. Упомяни хоть слова два про нее въ письмѣ своемъ, чтобы я могъ хоть за морями подышать ею.

„Прощай. Адресуй: Николаю Васильевичу Гоголю въ Институтъ Патріотическій Общества благородныхъ дѣвицъ, потому что я еще не знаю, гдѣ будетъ моя квартира.

„Мое нелицемѣрное почтеніе Василію Ивановичу и Татьянѣ Ивановнѣ“ [4]).

На это письмо долго пришлось ждать отвѣта. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Гоголь писалъ матери уже 24 іюня 1831 года: „Увѣдомьте меня пожалуйста о Данилевскомъ. Я до сихъ поръ не имѣю никакого извѣстія о немъ со времени отъѣзда его изъ Петербурга. Скажите ему, что я разссорюсь съ нимъ на вѣки, если не получу отъ него письма“ [5]). Между

1) „Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки“.

2) Гоголь не прочь былъ иногда дружески потрунить надъ своими домашними и сосѣдями, которые бывали ему полезны своимъ знаніемъ малороссійской старины (см. V, 140, гдѣ интересно, между прочимъ, то, что онъ просилъ для этой цѣли разыскать между сосѣдями „*старосвѣтскихъ* людей“).

3) Савва Кирилловичъ—священникъ въ Олифировкѣ. Онъ сообщалъ Гоголю, какъ и нѣкоторые другіе сосѣди, разныя данныя о малороссійскомъ бытѣ для „Вечеровъ на Хуторѣ“ (см. V, 88). Мы уже упоминали, что А. С. Данилевскій только смутно помнилъ эту личность.

4) Отчиму и матери Данилевскаго.

5) По своей крайней безпечности А. С. Данилевскій сдѣлалъ даже немалую неловкость: какъ только вышли „Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки“, о печатаніи которыхъ Гоголь сообщалъ ему въ приведенномъ письмѣ, — ему одному изъ первыхъ былъ высланъ экземпляръ въ Сорочинцы вмѣстѣ съ требуемымъ имъ словаремъ Ольдекопа. Впрочемъ посылка не застала уже Данилевскаго въ деревнѣ и книги попали въ руки его отчима В. И. Черныша и зятя Егора Львовича Лапо-Данилевскаго (мужа родной сестры Александра Семеновича, Марьи Семеновны). Сообщая потомъ Данилевскому объ успѣхѣ „Вечеровъ“, Гоголь

тѣмъ Данилевскій, проживъ нѣкоторое время въ деревнѣ, успѣлъ, по совѣту Арендта, уѣхать на Кавказъ, чтобы пользоваться лѣченіемъ Нарзаномъ. Но прежде чѣмъ ѣхать въ Кисловодскъ, онъ поселился въ домѣ какого-то генерала въ Пятигорскѣ. Вскорѣ сердце его было завоевано ослѣпительной красотой извѣстной родственницы Лермонтова, Эмиліи Александровны Верзилиной (впослѣдствіи Шанъ-Гирей). Не знаемъ, насколько могъ онъ разсчитывать на сочувствіе, но о бракѣ, вслѣдствіе значительной разницы въ положеніи, нельзя было и мечтать юному воину.

Первыя письма Данилевскаго къ Гоголю были наполнены восторженнымъ прославленіемъ предмета его пламенной страсти. Въ нихъ заключался также цѣлый рядъ порученій, возлагаемыхъ на Гоголя пріятелемъ. Данилевскій безпрестанно просилъ его покупать и пересылать ему подарки, книги, сюртуки, галстухи, даже духи, забывая, что послѣдніе не принимаются на почтѣ. На первый разъ онъ просилъ достать для своей повелительницы самыхъ лучшихъ нотъ. „Вотъ оно какъ!" изумлялся по этому поводу Гоголь: „пятый мѣсяцъ на Кавказѣ и, можетъ быть, еще бы столько прошло до первой вѣсти, еслибы *Купидо сердца не подгоняло лозою*". Въ письмѣ шесть разъ упоминалось о нотахъ. Гоголь поспѣшилъ собрать всѣ возможныя свѣдѣнія, чтобы лучше исполнить просьбу своего друга, и съ этой цѣлью обратился къ знакомымъ фрейлинамъ, которыя, благодаря вліянію М. Ю. Віельгорскаго, хорошо изучили музыку и увлекались ею. Просьбой о нотахъ Гоголь, какъ мы уже говорили выше, безпокоилъ Софью Урусову и Александру Осиповну Россетъ, которая шутливо настаивала на объявленіи имени той счастливой смертной для коей Гоголь такъ усердно хлопоталъ. Гоголь отдѣлался шуткой, сказавъ, что „средоточіе его любви согрѣваетъ ледовитый Кавказъ и бросаетъ на него лучи косвеннѣе сѣ-

былъ, очевидно, доволенъ имъ и упоенъ первой славой, доставшейся ему такъ легко. Онъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Плетневымъ, Пушкинымъ и Жуковскимъ, и о томъ, какія произведенія вышли изъ-подъ пера послѣднихъ; онъ уже вступилъ въ ихъ литературный кругъ. Но въ то же время онъ не скрывалъ своего удовольствія и по поводу наивно-хвалебнаго письма Черныша, который называлъ его сочиненіе „прекраснѣйшимъ дѣломъ" и „благороднѣйшимъ занятіемъ". («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 143). Данилевскій же позабылъ даже поблагодарить пріятеля.

вернаго солнца" [1]). Данилевскому же онъ писалъ, что готовъ исполнять его желанія и прислалъ бы ему охотно самыхъ изящныхъ дамскихъ вещей, которыя только-что получены изъ-за моря, и которыя — „совершенное объѣденіе",—если только онъ ему откровенно скажетъ, чего хочетъ. Гоголь даже просилъ объ этомъ Данилевскаго, которому уже послѣ покупки нотъ оставался кое-что долженъ. Въ каждомъ письмѣ притомъ онъ не забывалъ извѣщать Данилевскаго о товарищахъ-нѣжинцахъ, которые не переставали попрежнему бывать у него каждую среду и каждое воскресенье, и „изъ которыхъ еще не одинъ не имѣетъ звѣзды и не директоръ департамента" [2]).

II.

Къ страсти Данилевскаго Гоголь относился съ какой-то шутливой ироніей. Онъ какъ будто не хотѣлъ или не могъ

[1]) Нѣкоторыя подробности объ этомъ были уже сообщены нами въ статьѣ: „А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь" („Русская Старина", изд. 1888, 4, стр. 40. примѣчаніе). См. также замѣтки на нее М. А. Веневитинова («Русск. Стар.», 1888, VI. стр. 695—696).

[2]) Все это составляетъ содержаніе письма Гоголя къ Данилевскому отъ 2 ноября 1831 года, которое напечатано у г. Кулиша съ незначительными пропусками (см. V, 138—140); послѣдніе возстановляемъ здѣсь.

Послѣ словъ: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ"- слѣдуетъ дополнить: „Стало быть, не былъ свидѣтелемъ временъ терроризма. бывшаго въ столицѣ".

Замѣчательно, что цензура затруднилась пропустить слово „терроризмъ" и нашла нужнымъ выпустить эту фразу, хотя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что рѣчь касается здѣсь свирѣпствовавшей въ 1831 году въ Петербургѣ холеры.

Далѣе, въ самомъ концѣ письма есть также пропускъ:

„Хотя по назначенному тобою адресу можно было тебя отыскать, но все лучше и скорѣе будетъ, когда ты станешь употреблять слѣдующій: 2-ой Адмиралтейской части, въ Офицерскую улицу, въ домъ Брунста".

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 1 января 1832 года) пропущены только два слова: „проклятыя почты!" Пропускъ обозначенъ въ изданіи г. Кулиша двумя чертами.

Негодованіе Гоголя вызвано было пропажей письма Данилевскаго, въ которомъ онъ описывалъ свой пріѣздъ изъ Петербурга домой. Письма вообще нерѣдко пропадали въ то время; но почти въ то же время пропала у Гоголя и отправленная имъ домой цѣнная посылка на 90 руб., и онъ жаловался на это кн. Голицыну, главному директору почтъ въ Петербургѣ (см. V. 144).

повѣрить въ силу и искренность увлеченія своего легко воспламенявшагося пріятеля, и смотрѣлъ на все дѣло, какъ на одинъ изъ тѣхъ незначительныхъ и забавныхъ эпизодовъ, которые нерѣдко разыгрываются на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Благодаря обычной свободѣ нравовъ и легкости сближенія на тамошнихъ курортахъ, такіе эпизоды вносятъ пріятное разнообразіе въ жизнь посѣщающей воды молодежи и помогаютъ ей украсить и сократить время сезоннаго срока; они потомъ легко забываются, и, конечно, не мѣшаетъ иногда по поводу ихъ поговорить и посмѣяться въ свободной дружеской бесѣдѣ. Притомъ Кавказъ считался въ тѣ времена классическимъ мѣстомъ всякихъ любовныхъ и романическихъ приключеній, а въ качествѣ военнаго человѣка первой молодости, блестящаго, ловкаго и представительнаго, Данилевскій, казалось, не могъ и обойтись безъ романа; это было бы неестественно. Недаромъ Гоголь одно изъ первыхъ писемъ своихъ къ нему начинаетъ многозначительнымъ возгласомъ: „впустили молодца на Кавказъ!“

Высокій ростъ и стройная фигура Данилевскаго въ соединеніи съ счастливою наружностью производили самое выгодное впечатлѣніе, а обходительность и свобода въ обращеніи дѣлали его симпатичнымъ и обворожительнымъ въ обществѣ. Вообще люди, знавшіе его съ дѣтства, въ своихъ воспоминаніяхъ не безъ удовольствія отзываются объ юношѣ Данилевскомъ, котораго въ занимающую насъ пору представляютъ пріятнымъ и развязнымъ свѣтскимъ кавалеромъ. Ошибочно было бы, однако, выдвигать въ его характеристикѣ исключительно эту сторону въ ущербъ его духовной жизни, которой онъ никогда не былъ чуждъ, но въ тѣ годы ранней юности она еще была заслоняема бросившимся въ глаза внѣшнимъ изяществомъ.

Весьма можетъ быть, что Гоголь зналъ прежде за Данилевскимъ нѣкоторую слабость въ отношеніи сердечныхъ склонностей, и потому готовъ былъ и въ данномъ случаѣ видѣть обыкновенный мимолетный романъ молодого человѣка, только-что со школьной скамьи вступающаго въ жизнь съ самыми благопріятными данными для сердечныхъ побѣдъ. Съ другой стороны естественнымъ поводомъ къ шуткамъ Гоголя могъ послужить даже просто черезъ-чуръ рьяный, чисто романтическій энтузіазмъ, которымъ были преисполнены письма

его друга. „Знаешь ли“, — спрашивалъ Гоголь, — „сколько разъ ты, въ письмѣ своемъ, просилъ меня не забыть прислать нотъ? Шесть разъ: два раза сначала, два въ серединѣ, да два при концѣ. Ге, ге, ге! дѣло далеко зашло!“ [1]) — „Подлинно много чуднаго въ письмѣ твоемъ!“ [2]) восклицаетъ онъ въ самомъ началѣ слѣдующаго письма.

Какъ истый романтикъ, Данилевскій не спѣшилъ познакомить своего друга обстоятельно и прозаически съ предметомъ своей страсти и не назвалъ его даже по имени, восторженно величая его „кавказскимъ солнцемъ“, что вызвало со стороны Гоголя слѣдующія шутливыя строки: „Поэтическая часть твоего письма удивительно хороша, но прозаическая въ довольно плохомъ состояніи. Кто это кавказское солнце? Почему оно именно одинъ только Кавказъ освѣщаетъ, а весь міръ оставляетъ въ тѣни, и какимъ образомъ ваша милость сдѣлалась фокусомъ зажигательнаго стекла, то-есть привлекла на себя всѣ лучи его? За такую точность ты меня назовешь бухгалтерскою книгою, или инымъ чѣмъ; но самъ посуди: если не прикрѣпить красавицу къ землѣ, то черты ея будутъ слишкомъ воздушны, неопредѣленно общи и потому безхарактерны“ [3]).

Гоголю, безъ сомнѣнія, гораздо естественнѣе казалось предположить, при чтеніи пламенныхъ тирадъ, которыя онъ называлъ поэтической стороной писемъ своего друга, что въ нихъ получало себѣ исходъ броженіе неуходившихся силъ воспріимчивой натуры юнаго сангвиника, нежели повѣрить, что и въ душѣ послѣдняго возгорѣлось наконецъ настоящее, а не искусственное, театральное пламя. Такому взгляду особенно способствовала чрезмѣрная расточительность Данилевскаго на восторженныя лирическія изліянія, показавшіяся сдержанному скептику Гоголю преувеличенными и напускными. Въ высшей степени доступный лиризму въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, Гоголь, не испытавшій никогда любви и не часто изображавшій ее въ своихъ произведеніяхъ, повидимому, не узналъ ея при встрѣчѣ съ ней въ дѣйствительной жизни. Въ то время какъ Данилевскаго молодость и

[1]) „Соч. и письма Гог.“, т. V, стр. 138.
[2]) Тамъ же, стр. 142.
[3]) Тамъ же.

дружба побуждали безъ оглядокъ и щепетильнаго взвѣшиванія словъ говорить языкомъ сердца, причемъ онъ впадалъ, правда, въ крайность и письма его отзывались романтическимъ паѳосомъ, — Гоголь, въ силу юмористическаго склада ума, при всемъ дружескомъ расположеніи къ нему и готовности исполнять малѣйшую его просьбу или порученіе, не могъ, однако, воздерживаться отъ стрѣлъ остроумія, тѣмъ болѣе, что къ нимъ вообще особенно располагаютъ щекотливые сердечные вопросы. Но во всякомъ случаѣ нельзя забывать, что въ перепискѣ двухъ молодыхъ пріятелей, привыкшихъ говорить между собой обо всемъ безъ стѣсненія, что̀ только было на душѣ, существовали вполнѣ интимныя отношенія; на ихъ взаимные упреки и слегка задирающій тонъ шутокъ слѣдуетъ смотрѣть такъ, какъ обыкновенно принято въ подобныхъ случаяхъ, нимало не предполагая тѣни намѣренной насмѣшки или разсчитанныхъ уколовъ самолюбія. Во всѣхъ шутливыхъ выходкахъ Гоголя звучалъ тотъ беззавѣтно-веселый тонъ, который такъ плѣняетъ насъ въ вышедшихъ около того времени „Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки“. Къ такимъ безцеремоннымъ выходкамъ нельзя не отнести, напримѣръ, примѣненіе имъ къ Данилевскому извѣстныхъ стиховъ Пушкина:

„Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Ты Saint-Priest въ карикатурахъ“ [1]).

Впрочемъ, перечитывая одно за другимъ письма Гоголя къ Данилевскому, нигдѣ нельзя уловить въ нихъ дѣйствительно насмѣшливаго отношенія къ предмету рѣчи; въ нихъ проявлялась только его обычная наклонность къ юмору. Но не такъ представлялось дѣло заинтересованному въ немъ Данилевскому. Его коробилъ и отчасти оскорблялъ слишкомъ шутливый тонъ пріятеля. Особенно задѣли его за живое приведенныя выше шутки относительно „кавказскаго солнца“, когда Гоголь, принимая роль благоразумнаго скептика, не

[1]) Стихи эти были сказаны Пушкинымъ за два года передъ тѣмъ объ одномъ знакомомъ, встрѣченномъ имъ на кавказскихъ водахъ. Гоголь, безъ сомнѣнія, зналъ, и къ кому они относятся; зналъ это и А. С. Данилевскій, но, къ сожалѣнію, во время моего непродолжительнаго пребыванія у него, не могъ припомнить,—къ кому именно.

удовлетворился диөирамбами очаровательной красотѣ, но по праву дружбы потребовалъ болѣе существенныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о предметѣ такой возвышенной страсти, безъ стѣсненій называя ее „страстишкой“ и выражая юмористическое желаніе самому „принять на время образъ влюбленнаго и взглянуть на другихъ такимъ же взоромъ, исполненнымъ сарказма“, какимъ, по его словамъ, Данилевскій смотрѣлъ на какихъ-то мышей, выбѣгавшихъ на середину его комнаты [1]). Особенно дался Гоголю этотъ мнимый сарказмъ Данилевскаго и его блаженство на седьмомъ небѣ. Какъ бы не желая отстать отъ своего пріятеля, онъ насмѣшливо сочиняетъ себѣ собственную „сѣверную повелительницу“ своего „южнаго сердца“. „Чортъ меня возьми“,—шутилъ онъ,—„если я самъ теперь не близко седьмого неба! и съ такимъ же сарказмомъ, какъ ты, гляжу на славу и на все, хотя моя владычица куда суровѣе твоей“, и проч.

Легко понять, что всѣ эти шутки, имѣвшія въ виду напускное или неглубокое чувство, мало гармонировали съ настроеніемъ, вызывавшимъ длинныя пламенныя посланія, въ которыхъ кипѣла страсть и краснорѣчіе лилось бурнымъ потокомъ. Данилевскій замолчалъ. Но по этому слишкомъ неясному признаку при его хронической неисправности въ корреспонденціи, которою онъ въ нѣсколько разъ превосходилъ Гоголя, еще нельзя было сдѣлать никакихъ предположеній о неудовольствіи. „Видно, тебѣ теперь ничего не нужно изъ Петербурга, потому что ты только тогда писалъ ко мнѣ, когда имѣлъ во мнѣ надобность“ [2]), жаловался ему Гоголь, кажется, и не подозрѣвая о настоящей причинѣ молчанія. Замѣтимъ кстати, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Данилевскому онъ поставилъ въ упрекъ его чрез-

[1]) „Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 148—149.

Очевидно, намекъ на какое-нибудь шутливое сообщеніе въ утраченномъ письмѣ къ Гоголю Данилевскаго. — А. С. Данилевскій не могъ, спустя болѣе 50 лѣтъ, припомнить эти мелочи.

[2]) „Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 148.—Данилевскій часто оказывался, вслѣдствіе увлеченій или по забывчивости, неисправнымъ въ перепискѣ и утверждалъ потомъ, что его письма пропадали. Словамъ его въ этомъ случаѣ, конечно, можно и не довѣрять; ему иногда случалось сваливать свою неаккуратность на почту и выставлять даты заднимъ числомъ; (см. упреки ему за это со стороны Гоголя въ письмѣ изъ Рима, отъ 11 апрѣля 1838 г. Изд. Кулиша, „Соч. и письма Гог.“, изд. 306). Но все это, было, однако, не серьезно.

вычайную щекотливость и обидчивость, и, дѣйствительно, въ ихъ перепискѣ есть данныя, изъ которыхъ видно, что у послѣдняго были чувствительныя струны, которыя не допускали неделикатнаго прикосновенія съ чьей бы то ни было стороны. Такъ было и на этотъ разъ: безобидныя въ сущности шутки Гоголя были приняты имъ за профанацію его чувства, и онъ рѣшился, наконецъ, показать обиду. При этомъ, какъ видно, онъ не особенно выбиралъ выраженія и прямо обозвалъ сдѣланное Гоголемъ раздѣленіе характеристики любимой имъ особы на поэтическую и прозаическую — *безсмысленной*. Съ нескрываемой досадой отозвался онъ и о шуткахъ, наполнявшихъ письма Гоголя. Упреки эти вызвали со стороны послѣдняго подробное объясненіе въ слѣдующемъ письмѣ того, что́ именно разумѣлъ Гоголь подъ этимъ раздѣленіемъ. Обидѣ Данилевскаго, конечно, не серьезной, онъ не придалъ, съ своей стороны, никакого значенія и отвѣчалъ ему тономъ праваго, — вообще тонъ отвѣта его обычный: спокойный, шутливый, дружескій. Тутъ же, какъ всегда, передаются и новѣйшія извѣстія о литературѣ и о нѣжинскихъ товарищахъ — Кукольникѣ и Прокоповичѣ [1]).

Только значительно позднѣе, уже къ самому концу пребыванія Данилевскаго на Кавказѣ, Гоголь принялъ болѣе серьезный тонъ, говоря о его страсти. Это произошло уже послѣ личнаго ихъ свиданія, когда онъ имѣлъ, вѣроятно, случай убѣдиться, что дѣло было нешуточное, отъ котораго Данилевскій собирался „дать тягу въ Одессу или въ иное мѣсто". Тогда, напротивъ, Гоголь называлъ его счастливцемъ и высказывалъ зависть къ нему, вкусившему сладость и волненія любви, хотя и не раздѣленной, но въ то же время рекомендовалъ ему упорный трудъ, какъ самое дѣйствительное средство для исцѣленія отъ страстей. На этотъ разъ, между прочимъ, по поводу спора объ искренности Пушкина и Байрона въ стихотворномъ изображеніи любви (Гоголь, какъ всегда, стоялъ горою за Пушкина), онъ высказалъ ясно свой взглядъ на различныя проявленія ея, вполнѣ разъясняющій

[1]) Отношеніе къ этимъ товарищамъ-нѣжинцамъ у Гоголя было весьма различное: каждая строка, касающаяся Красненькаго (Прокоповича), дышетъ искреннимъ расположеніемъ, тогда какъ Кукольника, съ его любовью ко всему натянутому и напыщенному, Гоголь не долюбливалъ и саркастически надъ нимъ потѣшался, называя его Возвышеннымъ.

намъ, почему письма Данилевскаго заставляли его сомнѣваться въ серьезности увлеченія послѣдняго. „Сильная, продолжительная любовь“,—говоритъ Гоголь, „проста, какъ голубица, то-есть, выражается просто, безъ всякихъ опредѣлительныхъ и живописныхъ прилагательныхъ. Она не выражаетъ, но видно, что хочетъ что-то выразить, и этимъ говоритъ сильнѣе всѣхъ пламенныхъ, краснорѣчивыхъ тирадъ“ (Кулишъ, „Соч. и письма Гоголя“, V, 165).

Лѣтомъ 1832 года Гоголь собирался провести вакаціонное время (онъ былъ тогда, какъ то извѣстно, преподавателемъ Патріотическаго института въ Петербургѣ) въ Васильевкѣ, которую не видалъ уже три года. Ему улыбался счастливый, привольный отдыхъ отъ обычныхъ преподавательскихъ занятій въ кругу домашнихъ и товарищей, такъ какъ случайно его намѣреніе совпало съ такимъ же рѣшеніемъ другихъ нѣжинцевъ, съ которыми, конечно, было бы не трудно видѣться въ родныхъ палестинахъ,—наконецъ, въ заманчивомъ видѣ рисовалось ему предстоящее мирное наслажденіе обаятельной природой Малороссіи послѣ продолжительнаго томленія на угрюмомъ сѣверѣ. Недоставало ему одного Данилевскаго, тогда какъ его-то видѣть больше всѣхъ и жаждало сердце Гоголя. И вотъ какъ онъ соблазняетъ своего друга пріѣхать въ Малороссію. „Желалось бы мнѣ поглядѣть на тебя. Да нельзя ли это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы мы выѣхали одинъ другому навстрѣчу? Сборное мѣсто положить хотя въ Толстомъ или въ Васильевкѣ. Наши нѣжинцы почти всѣ потянулись на это мѣсто въ Малороссію, даже Красненькій уѣхалъ. А въ іюлѣ мѣсяцѣ, еслибы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей или безропотно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ холодной воды со льдомъ“, и проч. [1]).

13-го декабря [2]). Санктъ-Петербургъ (1832).

„Стыдно тебѣ не написать мнѣ ни строчки. Я отъ маменьки слышу, что ты уже не ѣдешь въ Петербургъ, а ду-

[1]) Далѣе въ изданіи Кулиша пропущено: „Письмо можешь адресовать ко мнѣ въ Полтаву, а оттуда въ Васильевку“.

[2]) Дополнимъ по подлинному письму отъ 20-го декабря 1832 г. пропускъ, сдѣланный въ изданіи г. Кулиша послѣ словъ: „Здѣсь и драгунъ. Василій Яко-

маешь служить въ Одессѣ. Если этому виною, какъ говорятъ, холодъ, который ты воображаешь найти въ Петербургѣ, то увѣряю тебя, что здѣсь теперь теплѣе, нежели у насъ въ Малороссіи. Вотъ уже ползимы, слава Богу, а еще не было ни одного порядочнаго морозу. Термометръ показываетъ или два, или одинъ градусъ тепла. Ты все мѣряешь Петербургъ по параду, на которомъ заставляли тебя мерзнуть нѣсколько часовъ Звѣгинцевъ и Гудимъ. Но впрочемъ, если ты имѣешь какія-нибудь выгоды особенныя въ Одессѣ служить, то противъ этого я ничего не смѣю тебѣ совѣтовать.

„Какъ бы то ни было, въ томъ или другомъ случаѣ пиши ко мнѣ и извѣщай подробнѣе обо всемъ.

„Я теперь такъ спѣшу, что не сообщаю тебѣ ни о чемъ

влевичъ Прокоповичъ, братъ „Красненькаго“. Такой молодецъ съ себя! съ страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма.

„Братецъ, чтобы показать ему все любопытное въ городѣ, повелъ его на другой день въ — —; только онъ все время— —прехладнокровно читалъ книгу и вышелъ, не прикоснувшись ни къ чему, не сдѣлавъ даже значительной мины брату, какъ будто изъ кондитерской.

„Получивши отъ тебя письмо, я получилъ такую объ тебѣ живую идею, что когда встрѣтилъ близъ Синяго моста шедшаго подпрапорщика, то подумалъ про себя: нужно зайти къ нему: его, вѣрно, не пустили за невзноску денегъ въ казну за чичеры, и поворотилъ къ школѣ и уже спросилъ солдата на часахъ, былъ ли сегодня великій князь и не ожидаютъ ли его... да послѣ опомнился и пошелъ домой“.

Конецъ письма въ изданіи г. Кулиша напечатанъ безъ пропусковъ.

Слѣдующее письмо (отъ 8-го февраля 1833 г.) было отправлено къ Данилевскому уже въ деревню, гдѣ онъ дѣйствительно видѣлся съ Гоголемъ лѣтомъ и гдѣ потомъ остался жить на неопредѣленное время. Гоголь вспоминалъ въ этомъ письмѣ объ ихъ лѣтнемъ свиданіи. „Мнѣ ужъ кажется, что время то, когда мы были вмѣстѣ въ Васильевкѣ и въ Толстомъ, чортъ знаетъ какъ отдалилось,—какъ будто ему минуло пять лѣтъ! Оно получило для меня уже прелесть воспоминанія“ (Изд. Кул., V, 171).—Въ этомъ письмѣ опять сообщаются петербургскія литературныя и другія новости. Пропущены въ немъ слѣдующія строки: „Насмѣшилъ ты меня Лангомъ. Чтобы его чортъ побралъ съ его клистирами“. (Лангъ—черниговскій оберъ-форшмейстеръ). Далѣе послѣ словъ: „Одинъ Хвостовъ и Шишковъ, на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остаются тверды и переживаютъ всѣхъ — —свои исподнія платья“. Послѣ словъ: „Вообрази себѣ: уже печатаетъ малороссійскій романъ подъ названіемъ „Мазепа“ слѣдуетъ читать: „Пришлось и намъ терпѣть!“ Наконецъ, послѣ словъ: „Красненькій еще не женился, да что-то и не столько уже поговариваетъ объ этомъ“, слѣдуетъ: „баетъ, что ему не хотѣлось бы, да непремѣнно долженъ“. Въ концѣ приписка: „Свидѣтельствуй мое почтеніе папенькѣ и маменькѣ и поцѣлуй за меня ручки сестрицъ, Анны и Варвары Семеновны“.

здѣшнемъ, не увѣренъ будучи, застанетъ ли это письмо тебя дома. До того времени вотъ тебѣ мой адресъ: 2-й Адмиралтейской части, въ Новомъ переулкѣ, въ домѣ Демутъ-Малиновскаго. Это очень близко возлѣ твоего гнѣзда, твоихъ воспоминаній — юнкерской школы. Прощай. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя извѣстія. Твой Гоголь".

Прибавимъ къ обзору писемъ Гоголя къ Данилевскому во время пребыванія послѣдняго на Кавказѣ еще одно указаніе на шутливую дружескую ноту, которая слышится въ слѣдующихъ забавныхъ упрекахъ ему Гоголя по поводу замѣчательной неисправности его пріятеля въ корреспонденціи:

„Разсмѣшила меня до крайности твоя приписка или обѣщаніе въ концѣ письма: „Можетъ быть, въ слѣдующую почту напишу къ тебѣ еще, а, можетъ быть, нѣтъ". Къ чему такая благородная скромность и сомнѣніе? къ чему это: *можетъ быть, нѣтъ?* Какъ будто удивительная твоя аккуратность мало извѣстна!" И дѣйствительно, непосредственно послѣ этого обѣщанія, Гоголю пришлось пѣнять на то, что прошло ужь три мѣсяца, а онъ не получаетъ „ни двоеточія, ни точки" [1]). И опять исполнялись имъ попрежнему порученія Данилевскаго, посылались и сообщались литературныя новинки, наприм., послѣднія главы „Онѣгина" и собственныя новыя сочиненія.

Послѣ этого переписка съ Данилевскимъ прекратилась, такъ какъ вскорѣ онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Съ этихъ поръ только изрѣдка встрѣчаются о немъ незначительныя упоминанія въ письмахъ Гоголя къ матери; напр.: „скажите Ивану Данилевскому, что братецъ его, который сейчасъ только ушелъ отъ меня, приказывалъ ему крѣпко-на-крѣпко привезть ему варенья, по крайней мѣрѣ пять банокъ. Онъ бы и самъ къ нему писалъ объ этомъ, да не пишетъ потому, что въ десять разъ лѣнивѣе меня" [2]). Въ печальномъ дѣлѣ учрежденія разорившей М. И. Гоголь фабрики, затѣянномъ по мысли мечтателя поляка, ея зятя, Павла Осиповича Трушковскаго, Николай Васильевичъ возлагалъ большія надежды на родителей Данилевскаго, которые, по его плану, должны были сдерживать въ извѣстныхъ границахъ увлеченія непрактичной Марьи Ивановны. Съ своей стороны, Гоголь настоятельно

---

1) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 143.
2) Тамъ же, стр. 262.

совѣтовалъ матери соображаться съ мнѣніемъ Василія Ивановича Черныша и привлечь его къ участію въ составленіи смѣты. Онъ даже писалъ: „Да ведете ли вы, то-есть ведетъ ли Василій Ивановичъ, приходы и расходы по имѣнію аккуратно каждый мѣсяцъ“ (Изд. Кул., V, 218). Все это не повело ни къ чему, предупредить разореніе было уже невозможно, но считаемъ нелишнимъ упомянуть и объ этой мелкой подробности, показывающей, что Гоголь не только называлъ, но и считалъ дѣйствительно семейство Данилевскаго близкимъ для себя и почти родственнымъ.

VII.

Чтобы не раздѣлять разсказъ объ отношеніяхъ Гоголя къ его другу въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, заглянемъ нѣсколько впередъ и прослѣдимъ ихъ отношенія до совмѣстной поѣздки ихъ за-границу.

Въ Петербургѣ Данилевскій поступилъ на службу въ канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ поселился вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ Иваномъ Семеновичемъ, а Гоголь переѣхалъ на Малую Морскую, въ домъ Модераха, гдѣ оставался все время до отъѣзда за-границу. Здѣсь-то происходили тѣ вечера, на которыхъ въ средѣ нѣжинцевъ стали появляться нѣкоторыя другія лица, какъ П. В. Анненковъ. Данилевскаго Гоголь старался ввести въ свой кружокъ и познакомилъ раньше всѣхъ именно съ Анненковымъ, а потомъ уже съ Плетневымъ и княземъ Одоевскимъ. Съ первымъ Гоголь былъ въ то время уже коротко знакомъ, а послѣдняго узналъ близко только за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда за-границу. У Плетнева Данилевскій встрѣчалъ также нерѣдко Крылова и Пушкина.

О знакомствѣ съ Пушкинымъ Александръ Семеновичъ припоминалъ слѣдующее. Однажды лѣтомъ отправились они съ Гоголемъ въ Лѣсной на дачу къ Плетневу, у котораго довольно часто бывали запросто. Чрезъ нѣсколько времени, почти слѣдомъ за ними, явились Пушкинъ съ Соболевскимъ. Они пришли почему-то пѣшкомъ съ зонтиками на плечахъ. Это первое знакомство съ Пушкинымъ осталось особенно памятно Данилевскому. Онъ живо передавалъ, какъ вскорѣ къ Плетневу пріѣхала еще вдова Н. М. Карамзина, и Пуш-

кинъ затѣялъ съ нею споръ. Карамзина выразилась о комъ-то: „она въ интересномъ положеніи". Пушкинъ сталъ горячо возставать противъ этого выраженія, утверждая съ жаромъ, что его напрасно употребляютъ вмѣсто коренного, чисто русскаго выраженія: она *брюхата* [1]), что послѣднее выраженіе совершенно прилично, а напротивъ неприлично говорить: „она въ интересномъ положеніи".

Послѣ обѣда былъ любопытный разговоръ. Плетневъ сказалъ, что Пушкина надо разсердить и тогда только онъ будетъ настоящимъ Пушкинымъ, и сталъ ему противорѣчить.

Впечатлѣніе, произведенное на Данилевскаго Пушкинымъ, было то, что онъ и въ обыкновенномъ разговорѣ являлся замѣчательнымъ человѣкомъ, каждое слово его было вѣско и носило печать геніальности; въ немъ не было ни малѣйшей натянутости или жеманства; но особенно поражалъ его долго не выходившій изъ памяти совершенно дѣтскій, задушевный смѣхъ. Онъ бывалъ съ женой у Плетнева. Въ это время Плетневъ дѣлалъ уже быстрые успѣхи въ обществѣ и былъ преподавателемъ при меньшихъ великихъ княжнахъ, Ольгѣ Николаевнѣ и Александрѣ Николаевнѣ.

Въ 1835 году, передъ поступленіемъ Гоголя адъюнктъ-профессоромъ въ петербургскій университетъ, онъ вмѣстѣ съ Данилевскимъ ѣздилъ домой въ Малороссію. Гоголь только-что хлопоталъ о профессурѣ въ Кіевѣ, гдѣ мечталъ устроиться вмѣстѣ съ однимъ изъ близкихъ своихъ друзей Максимовичемъ, перешедшимъ туда изъ московскаго университета. Но, какъ извѣстно, надежда Гоголя не оправдалась, и онъ былъ въ великомъ разочарованіи. Рѣшившись взять мѣсто адъюнктъ-профессора въ Петербургѣ, Гоголь, какъ видно изъ его писемъ, относящихся къ концу 1834 года, все-таки,—такъ какъ ему не удалось ѣхать осенью совсѣмъ въ „гетманщину",—рѣшился по крайней мѣрѣ навѣстить въ ней на короткое время Максимовича при первой возможности. При этомъ онъ не хотѣлъ оставить мысль о кіевской каѳедрѣ и утѣшалъ себя тѣмъ, что, занявъ каѳедру въ столицѣ, тѣмъ больше правъ получитъ къ занятію ея въ Кіевѣ. Въ 1835 году онъ

[1]) Такъ дѣйствительно и выражался всегда Пушкинъ, напр., въ письмахъ „Смирнова ужасно *брюхата*, а родитъ черезъ мѣсяцъ" (Соч. Пушк., изд. Лит. Фонда, VII, 350 стр.).

собирался хоть въ концѣ весны непремѣнно заглянуть къ Максимовичу въ Кіевъ, хотя бы это было совсѣмъ не по дорогѣ. На дѣлѣ вышло иначе: спѣша домой, онъ не захотѣлъ сдѣлать большой крюкъ въ сторону и направилъ путь прямо въ Полтавскую губернію, не оставляя однако мысли на обратномъ пути хоть на нѣсколько дней посѣтить Максимовича. Такъ онъ и сдѣлалъ. На обратномъ пути онъ нарочно сдѣлалъ 300 верстъ крюку и заѣхалъ съ Данилевскимъ къ Максимовичу, у котораго они остановились. Пробывъ у Максимовича дня два, они принуждены были взять на прокатъ коляску, такъ какъ дилижансовъ тогда еще не существовало, и отправились изъ Кіева въ Москву, гдѣ Гоголь хотѣлъ повидаться съ Погодинымъ и другими своими друзьями. Поѣздку они совершали втроемъ; къ нимъ присоединился еще одинъ изъ бывшихъ нѣжинскихъ лицеистовъ-сотоварищей, Иванъ Григорьевичъ Пащенко, находившійся съ обоими въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Здѣсь была разыграна оригинальная репетиція „Ревизора", которымъ тогда Гоголь былъ усиленно занятъ. Гоголь хотѣлъ основательно изучить впечатлѣніе, которое произведетъ на станціонныхъ смотрителей его ревизія съ мнимымъ инкогнито. Для этой цѣли онъ просилъ Пащенка выѣзжать впередъ и распространять вездѣ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ ревизоръ, тщательно скрывающій настоящую цѣль своей поѣздки. Пащенко выѣхалъ нѣсколькими часами раньше и устраивалъ такъ, что на станціяхъ всѣ были уже подготовлены къ пріѣзду и къ встрѣчѣ мнимаго ревизора. Благодаря этому маневру, замѣчательно счастливо удававшемуся, всѣ трое катили съ необыкновенной быстротой, тогда какъ въ другіе раза имъ нерѣдко приходилось по нѣскольку часовъ дожидаться лошадей. Когда Гоголь съ Данилевскимъ появлялись на станціяхъ, ихъ принимали всюду съ необычайной любезностью и предупредительностью. Въ подорожной Гоголя значилось: адъюнктъ-профессоръ, что̀ принималось обыкновенно сбитыми съ толку смотрителями чуть ли не за адъютанта Его Императорскаго Величества. Гоголь держалъ себя, конечно, какъ частный человѣкъ, но какъ будто изъ простого любопытства спрашивалъ: „покажите пожалуйста, если можно, какія здѣсь лошади; я бы хотѣлъ посмотрѣть ихъ" и проч. Такъ ѣхали они съ самаго Харькова.

VI. ПОСТЕПЕННОЕ РАСШИРЕНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СВЯЗЕЙ ГОГОЛЯ.

I.

Литературныя отношенія Гоголя быстро расширялись. Послѣ признанія его таланта Пушкинымъ, а за нимъ представителями періодической печати, ему уже не нужно было робко прикрываться псевдонимомъ, не нужно и самому покровителю его ходатайствовать за начинающаго автора передъ какимъ-нибудь Воейковымъ [1]). Скоро Гоголь признается всѣми довольно видной величиной въ литературномъ мірѣ; съ нимъ знакомы извѣстные писатели, сотрудничества его ищутъ журналисты, передъ нимъ предупредительно раскрываются двери аристократическихъ салоновъ и гостиныя фрейлинъ Незамѣтно онъ становится на короткую ногу съ Вяземскимъ.

[1]) Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, 287.—Н. С. Тихонравовъ сомнѣвается въ показаніи Колбасина, что Жуковскій и Пушкинъ упрашивали его взять подъ свое покровительство Гоголя, но что Гоголь будто бы отправился вмѣсто того къ Булгарину. „Къ сожалѣнію",—говоритъ онъ,—«г. Колбасинъ не указываетъ, откуда заимствовано это имъ извѣстіе" (Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 510). Но это не только сомнительно, а просто невѣроятно. Замѣтимъ только, что въ извѣстномъ пасквилѣ Герсеванова противъ Гоголя послѣднему поставлено въ упрекъ исканіе протекціи Булгарина, *но въ указанной тамъ цитатѣ Б. означало Брадке, а не Булгарина,* въ чемъ можно убѣдиться изъ самаго текста письма Гоголя къ Максимовичу. См. „Письма Гоголя къ Максимовичу по подлинникамъ, исправленныя и дополненныя С. И. Пономаревымъ" (изъ XVIII тома Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности), стр. 9.

Соллогубомъ, Соболевскимъ, Одоевскимъ, Брюловымъ [1]), вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ Смирдинымъ.

Несмотря на огромные успѣхи, сдѣланные въ короткое время Гоголемъ, его общественное положеніе долго остается неустановившимся, переходнымъ. Съ одной стороны, мы встрѣчаемъ его въ присутствіи придворныхъ, знатныхъ вельможъ, и даже одного изъ великихъ князей [2]); съ другой, въ качествѣ гувернера, онъ долженъ забавлять барича или занимать мѣсто на нижнемъ концѣ во время обѣда, помѣщаясь рядомъ съ мальчиками аристократами и забавляя ихъ своими остроумными шутками. Отъ придворнаго этикета до совершенно непринужденной бесѣды въ кружкѣ товарищей-нѣжинцевъ было, безъ сомнѣнія, много промежуточныхъ ступеней, также какъ и впечатлѣнія жизни у Гоголя были до крайности разнообразны, и даже, въ противоположность окружающей средѣ, всего живѣе и ярче воспринимались въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ соприкасался съ міромъ скромныхъ слоевъ петербургскаго общества. Отсутствіе прочнаго положенія и вполнѣ опредѣлившейся профессіи жившаго „на чердакѣ" Гоголя не мало способствовали сохраненію имъ высоко оригинальной личности, на которую не наложилъ отпечатка никакой постоянный родъ дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ Гоголь въ началѣ тридцатыхъ годовъ? Недавній чиновникъ департамента, онъ является передъ нами по утрамъ оффиціальнымъ педагогомъ въ классахъ Патріотическаго института, въ часы обѣда—веселымъ, непринужденно держащимъ себя съ своими маленькими сосѣдями, гувернеромъ, вечеромъ—иногда въ роли домашняго учителя, то откровенно скучающаго за занятіями, то весело покатывающагося со смѣха съ своими учениками на урокѣ исторіи или географіи, иногда задушевнымъ собесѣдникомъ Пушкина или своихъ дорогихъ нѣжинцевъ, или матери своихъ учениковъ, Лонгиновой, или же, наконецъ, почетнымъ гостемъ, приглашеннымъ какимъ - нибудь аристократомъ, въ родѣ Дашкова или Блудова, въ качествѣ чтеца своихъ произведеній.

Но въ каждомъ изъ этихъ амплуа Гоголь всего менѣе походилъ на типическихъ представителей избранныхъ профессій

1) „Истор. Вѣстн.", 1881, I, 136—138.

2) См. „Русск. Стар.", 1888, IV, 48 и выше стр. 333.

и всегда оставался самимъ собою, наблюдательнымъ, тонкимъ, проницательнымъ малороссомъ съ ногъ до головы. Почти вездѣ онъ занималъ пока положеніе младшаго члена, быстро получающаго большія права, но все еще замѣтно стоящаго ниже окружающихъ. Онъ явно находился въ условіяхъ очень молодого человѣка, которому только предстоитъ занять подобающее мѣсто. Надежды на будущее были у него очень обширны и разнообразны. Какъ писатель, онъ слишкомъ скоро начинаетъ относиться съ пренебреженіемъ къ „Вечерамъ" и другимъ юношескимъ опытамъ и задумываетъ комедію съ серьезнымъ общественнымъ содержаніемъ, погружается въ сферу альманаховъ и литературно-журнальныхъ интересовъ; какъ учитель-историкъ, предпринимаетъ рядъ статей историческаго содержанія, замышляетъ новые обширные труды и, несмотря на крайне дилеттанское отношеніе къ дѣлу, ставитъ себя неизмѣримо выше толпы „вялыхъ профессоровъ" [1]; какъ эстетикъ, горячо интересуется искусствомъ въ разныхъ его отрасляхъ, но особенно съ любовью занимается собираніемъ и записываніемъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ.

Такую разбросанную дѣятельность создали Гоголю прежде всего обстоятельства, потребовавшія приспособленія къ условіямъ не одной среды, принявшей его въ число своихъ членовъ. Быстро создавшаяся репутація, оправдываемая умѣніемъ такъ или иначе найтись въ каждомъ данномъ положеніи, неудержимо вовлекала его въ новыя отношенія. Но Гоголь не подчинялся никакой опредѣленной спеціальной сферѣ не только въ силу обстоятельствъ, но и по самой природѣ. Для этого онъ не имѣлъ данныхъ ни въ наслѣдственности, ни въ предшествующей жизни. Складъ его личности достаточно опредѣлился ко времени вступленія въ литературные кружки, и онъ уже едва-ли могъ бы сдѣлаться человѣкомъ кабинетнымъ или рабомъ какого-нибудь одного практическаго дѣла. Въ свободные часы его манитъ въ театръ, его привлекаютъ картины или другія произведенія искусствъ, или, забывая о суровыхъ требованіяхъ жизни и службы, онъ весь отдается вдохновенной литературной работѣ, особенно послѣ пріятнаго освѣженія въ обществѣ близкихъ пріятелей [2]. Ни аккуратность, ни

[1] „Русск. Арх.", 1880, 2, 513.
[2] „Соч. и письма Гоголя", изд. Кулиша, V, 381.

даже простая заботливость при выполненіи обыденныхъ обязанностей, необходимыя въ каждой служебной дѣятельности, не могли отличать Гоголя уже въ силу особенностей его недисциплинированной въ обыкновенномъ смыслѣ натуры. Самая яркость и живость воспринимаемыхъ ежедневно впечатлѣній и образовъ въ значительной мѣрѣ исключали возможность сформированія въ немъ чиновника или педагога. Какъ человѣкъ съ богатыми природными задатками, Гоголь гораздо больше зависѣлъ отъ ихъ свойства и силы, нежели большинство обыкновенныхъ людей. Если въ гибкомъ раннемъ возрастѣ онъ имѣлъ, благодаря геніальности, больше данныхъ для внѣшняго приспособленія къ окружающей средѣ, то всего менѣе могъ бы по волѣ обстоятельствъ измѣнить внутреннему голосу, направлявшему его въ ту, а не въ иную сторону. Все, что для большинства проходитъ почти незамѣченнымъ, ярко отпечатлѣвалось въ его душѣ и настоятельно просилось на бумагу. Какъ предшествующая жизнь въ Малороссіи оставила въ его воображеніи картины малороссійской природы, быта, нравовъ, такъ глубоко запечатлѣваются въ душѣ Гоголя-петербуржца и сырыя петербургскія сумерки, и Невскій проспектъ въ разныя времена сутокъ, и угрюмый видъ опустѣлой улицы, когда „движущаяся сѣть дождя задернула почти совершенно все, что прежде видѣлъ глазъ". Впечатлѣнія искусства были надъ нимъ такъ же властны, какъ и масса будничныхъ, порой даже просто уличныхъ впечатлѣній. Именно въ отсутствіи спеціализаціи была чрезвычайно выгодная сторона, способствовавшая развитію творчества Гоголя, въ томъ, что онъ не замкнулся въ ограниченномъ кругѣ однообразныхъ представленій и не былъ оторванъ отъ всей „громадно-несущейся жизни". Поэтому даже въ небольшихъ и отрывочныхъ набросках его пера, какъ въ оптическомъ стеклѣ, нашли отраженіе самыя разнообразныя проявленія повседневной дѣйствительности, а въ цѣломъ рядѣ повѣстей и драматическихъ сценъ ему удалось воспроизвести такія черты жизни, которыя требуютъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ нею, нежели какое достается людямъ, не озабоченнымъ ея внимательнымъ изученіемъ. Притомъ несомнѣнно, что Гоголь, хотя и безъ опредѣленной цѣли вначалѣ, давно сталъ внимательно присматриваться ко всему, что впослѣдствіи дало ему возможность создать самыя капитальныя свои произведенія. Дан-

ные Пушкинымъ сюжеты только потому могли послужить канвой для первоклассныхъ художественныхъ созданій, что на нихъ авторъ получилъ возможность и случай приложить къ дѣлу неистощимый запасъ ббразовъ и наблюденій, ожидавшихъ только формы для своего воплощенія. И если „Мертвыя Души“ имѣютъ право на названіе энциклопедіи русской жизни, то и наблюденія Гоголя должны были также имѣть характеръ энциклопедическій, а не случайный и ограниченный.

II.

Необходимо придать особенное значеніе словамъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что̀ взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, онъ невольно схватывалъ мельчайшія подробности предметовъ, и эти образы, постоянно воспринимаемые, населяли его воображеніе и деспотически завладѣвали имъ. Нѣкоторые, наиболѣе глубоко врѣзавшіеся въ душу, иногда настойчиво повторялись; поэтому, можетъ быть, Гоголь не разъ воспроизводилъ въ своихъ сочиненіяхъ сходные ббразы, хотя его колоссальный талантъ позволяетъ уловить это лишь при внимательномъ перечитываніи. Развѣ не то же, напримѣръ, глубоко врѣзавшееся впечатлѣніе высказывается у Гоголя при изображеніи католическаго богослуженія и звуковъ органа въ „Тарасѣ Бульбѣ“ и въ статьѣ: „Скульптура, живопись и музыка“? Часто также вносилъ Гоголь въ свои сочиненія чьи-нибудь характерные и понравившіеся ему восклицанія, фразы, анекдоты [2]), часто оставлялъ названія дѣйствительно близко

1) Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, стр. 256.

2) Вотъ нѣсколько примѣровъ: разсказы о пропавшей кошкѣ въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ и о кускѣ-городничемъ заимствованы у Щепкина; о степныхъ пожарахъ и лебедяхъ, летящихъ въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки,—у школьнаго товарища Шаржинскаго; о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ (въ повѣсти „Носъ“)—изъ городскихъ слуховъ; даже армейская фраза въ „Игрокахъ“: „руте, рѣшительно руте, просто карта-фоска!“ заимствована (Соч. Гог., изд. 10-е, т. IV, 561, примѣч.; изданіе Кулиша, V т., стр. 220; „Современникъ“, 1854, III, 88, и „Русское Слово“,

знакомыхъ ему мѣстностей (Сорочинцы, Пселъ, лубенскій и пирятинскій повѣтъ, хуторъ близъ Диканьки).

Лирическій паѳосъ Гоголя и его страсть къ образному, метафорическому способу выраженія вытекаетъ изъ той же глубины и силы впечатлѣній, и тѣмъ же объясняется его способность придать такую жизненность и силу всему, что затрогивало его душу.

Любя исторію, живо ею интересуясь, Гоголь не могъ бы, однако, серьезно посвятить себя этой наукѣ. Исторія, конечно, даетъ большой просторъ для проникновеннаго чтенія въ ней такому художнику по природѣ, какимъ былъ Гоголь, и работать на этомъ поприщѣ было бы для него дѣломъ весьма благодарнымъ. Сомнительно, напримѣръ, чтобы Гоголь, при крайней несосредоточенности въ занятіяхъ и особенно при отсутствіи усидчивости, могъ прочесть много историческихъ сочиненій. Можетъ быть, даже нѣкоторыя статьи его объ иностранныхъ историкахъ и другія написаны вскорѣ послѣ перваго знакомства съ ними; но онѣ дали ему множество оригинальныхъ мыслей, труды ихъ нашли отголосокъ въ его душѣ, затронули въ ней чувствительныя струны. Въ бѣглыхъ историческихъ замѣткахъ Гоголь блещетъ роскошью красокъ, разсыпанныхъ съ увѣренностью неистощимаго богатства, заставляющею предполагать за выставленнымъ на видъ обширный скрытый запасъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Весьма вѣроятно, что Гоголь и другихъ ослѣплялъ казовой стороной своего изложенія изустнаго и письменнаго, да и самъ крайне преувеличивалъ свои силы. Ученикъ его, Лонгиновъ, оставилъ любопытное воспоминаніе о томъ, какъ Гоголь увлекалъ его и брата своими разсказами изъ исторіи, которые они, маленькія дѣти, слушали съ удовольствіемъ, не тяготясь даже непривычными вечерними занятіями. Не потому ли онъ надѣялся и въ университетѣ читать лучше „вялыхъ профессоровъ"? Въ своихъ педагогическихъ статьяхъ онъ мало даетъ значенія познаніямъ и на первый планъ ставитъ умѣнье возбудить любопытство живымъ изложеніемъ, которымъ дѣйстви-

1859, I, 125). Кстати позволимъ себѣ здѣсь объяснить значеніе этой замысловатой и въ настоящее время мало кому понятной фразы: *руте* (отъ французскаго route—дорога), по объясненію опытныхъ игроковъ, помнящихъ старинныя игры, значитъ настойчиво держать банкъ на одну и ту же карту; карта-фоска — обманчивая, на которую нельзя разсчитывать (carte fausse).

тельно обладалъ. Не потому ли такой опытный и тонкій судья, какъ С. С. Уваровъ, могъ обмануться въ степени основательности притязаній Гоголя на каѳедру? Не потому ли и Пушкинъ съ Жуковскимъ, не трудясь особенно вникать въ размѣры познаній Гоголя, такъ легко признали его достойнымъ своего покровительства? [1]).

Ни въ школѣ, ни въ своей служебной дѣятельности Гоголь не подлежалъ усиленнымъ требованіямъ, предъявляющимъ деспотическія права на значительную долю времени и силъ; но вѣдь отъ человѣка, находящагося въ возрастѣ сознанія, уже нравственный долгъ требуетъ не только посвященія лучшихъ силъ обществу, но и совѣстливаго исполненія каждаго взятаго на себя дѣла. Между тѣмъ Гоголь, по недостатку выдержки въ трудѣ, не въ силахъ былъ заковать себя въ суровыя колодки долга и даже не считалъ этого для себя обязательнымъ. Такое легкое воззрѣніе въ значительной мѣрѣ объясняется вліяніемъ усвоеннаго отъ Пушкина взгляда — о преимуществахъ избранниковъ передъ толпой, призванныхъ сказать вдохновенное слово тамъ, гдѣ послѣдняя нуждается въ особомъ руководствѣ со стороны генія. Когда Гоголь сдѣлался профессоромъ, то, по свидѣтельству своего товарища Никитенка, онъ поражалъ „фантастическимъ самолюбіемъ", и при всемъ глубокомъ благоговѣніи къ его памяти нельзя не согласиться, что онъ дѣйствительно полагалъ, что „геній его даетъ ему право на высшія притязанія" [2]). Типъ скромнаго труженика былъ симпатиченъ Гоголю и интересовалъ его въ своихъ разновидностяхъ; онъ съ любовью изображалъ Чарткова, Пискарева и Акакія Акакіевича; изъ повѣсти „Портретъ" видно, что онъ былъ склоненъ признавать огромное значеніе трудолюбія и выдержки; но и теорія противоположности между избранниками и толпой имѣла на него также вліяніе.

Пушкинъ, въ свою очередь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайне преувеличивалъ способности Гоголя; онъ, по собственному признанію, убѣждалъ его писать исторію русской критики; съ другой стороны ни онъ, ни Жуковскій все-таки

[1]) О Гоголѣ, какъ профессорѣ, см. нашу статью: „Взгляды Пушкина и Гоголя на воспитаніе" („Гимназія", 1888, V–VII).

[2]) „Русская Старина", 1889, IX, 527.

не могли вполнѣ оцѣнить дѣйствительныхъ размѣровъ его таланта. Оба относились къ Гоголю какъ къ писателю, только подающему надежды. Тонъ писемъ Гоголя къ обоимъ поэтамъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, при всей искренности и теплотѣ отношеній, разстояніе между ними и Гоголемъ не исчезло вполнѣ до смерти Пушкина и до отъѣзда Жуковскаго за-границу. А какъ гордился ихъ дружбой Гоголь, какъ онъ благоговѣлъ передъ ними! Покойный А. С. Данилевскій передавалъ намъ, что о Пушкинѣ Гоголь во всю жизнь не могъ вспоминать безъ восторга, а иногда онъ даже нѣсколько наивно щеголялъ своими отношеніями къ нему. Однажды онъ писалъ Данилевскому: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я". Точно также долго, очень долго оставался онъ въ почтительной позиціи передъ Плетневымъ. Вообще петербургскіе друзья Гоголя, разумѣется, кромѣ Пушкина, какъ это ни странно, не могли такъ скоро оцѣнить необычайные размѣры его таланта [1]), какъ это удалось гораздо менѣе блестящимъ и даровитымъ москвичамъ, вдавшимся, впрочемъ, въ противоположную крайность.

[1]) О взглядѣ Жуковскаго на значеніе литературной дѣятельности Гоголя см. „Исторію моего знакомства съ Гоголемъ" С. Т. Аксакова („Русь", 1880, № 5, 15. и „Русск. Архивъ", 1890, VIII. 28).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Къ стр. 16 Въ дополненіе къ перечню статей о Гоголѣ кстати отмѣтить и такіе труды, какъ біографію Бѣлинскаго А. Н. Пыпина, біографическій очеркъ о Гоголѣ въ „Русской Библіотекѣ“ М. М. Стасюлевича, статью „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ“ г. Скабичевскаго (т. II, стр. 676—682), біографію Погодина, составленную г. Барсуковымъ, книгу Погодина „Годъ въ чужихъ краяхъ“ и его же „Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ“, „Матеріалы для біографіи Пушкина“, П. В. Анненкова, „Записки актера М. С. Щепкина“ и проч. [1]), статью о нихъ Аѳанасьева въ „Библіотекѣ для Чтенія“, 1864, II, статью А. Н. Веселовскаго: „На могилѣ Гоголя“ (Русск. Вѣдом.“, въ октябрѣ), „Пушкинъ и Гоголь“ Авенаріуса („Родникъ“).

Къ стр. 24. Желательно широкое распространеніе сочиненій Гоголя и въ народной средѣ. Нельзя не вспомнить по этому поводу хорошо всѣмъ извѣстныхъ, прекрасныхъ стиховъ Некрасова:

„Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко.
Когда (приди желанное!...)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,

[1]) Кромѣ того мы позабыли указать выше нѣкоторыя небольшія статьи, „Гоголь о Пушкинѣ“ и „Пушкинъ о Гоголѣ“ и проч., напечатанныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и проч., статью г. Пользинскаго (въ „Гимназіи“), статьи г. Елагина и Розанова и проч.

Что книга книгѣ рознь.
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали-ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія:
Носили ихъ, прославили
Заступники народные!
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать...“
(„Кому на Руси жить хорошо“).

Къ страницѣ 45.

I.

Свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя.

По нашей просьбѣ, секретарь дворянства Полтавской губерніи, Захаръ Георгіевичъ Костырко, сообщилъ намъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о службѣ Василія Аѳанасьевича Гоголя, извлеченныя имъ изъ подлиннаго дѣла:

„Послѣ тщательной провѣрки изъ дѣла о дворянствѣ рода Гоголей-Яновскихъ свѣдѣній, относительно времени рожденія Василія Аѳанасьевича Гоголь-Яновскаго, производства его въ корнеты и дальнѣйшей службы, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, точныя указанія изъ подлинныхъ и копій документовъ, имѣющихся въ дѣлѣ: 1) въ доношеніи отъ 1-го октября 1784 года, поданномъ отцомъ Василія Гоголя, полковымъ писаремъ Аѳанасіемъ Гоголь-Яновскимъ, въ Кіевское дворянское собраніе, между прочимъ, сказано, что онъ имѣетъ отъ жены Татьяны сына Василія, по малолѣтству при немъ въ воспитаніи находящагося; 2) въ семейномъ спискѣ того-же Аѳанасія Гоголя, поданномъ Зеньковскому маршалу 1798 году въ маѣ мѣсяцѣ, подписанномъ Гоголемъ, въ чинѣ секундъ-маіора, и маршаломъ Чернышемъ, въ особой графѣ значится — имѣетъ сына Василія 15 лѣтъ; 3) при отношеніи почтоваго департамента отъ 15-го октября 1853 года за

№ 13633, прислана въ Полтавское дворянское депутатское собраніе копія патента, записаннаго въ военной коллегіи подъ № 504, выданнаго 1788 года іюня 9-го дня, изъ коего видно, что Василій Яновскій, служившій значковымъ товарищемъ, пожалованъ въ корнеты 1787 года ноября 27-го дня и, наконецъ, 4) при отношеніи почтоваго департамента, отъ 14-го марта 1854 года за № 3957, присланы двѣ тожественныя копіи съ аттестатами служившаго въ бывшемъ малороссійскомъ почтамтѣ коллежскаго асессора Василія Гоголь-Яновскаго, съ увѣдомленіемъ, что формулярнаго списка Гоголя въ дѣлахъ архива департамента, а равно и черниговской почтовой конторы, не оказалось, и неизвѣстно, когда онъ поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство и въ какой состоялъ послѣднее время должности. Упомянутый аттестатъ выданъ изъ малороссійскаго почтамта въ городѣ Черниговѣ 9-го мая 1806 года, изъ коего значится, что Василій Гоголь-Яновскій, по прохожденіи воинской службы, поступилъ въ малороссійскій почтамтъ въ чинѣ корнета, за добропорядочную службу высочайшимъ именнымъ указомъ 1799 года апрѣля 16-го дня произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника; потомъ высочайшимъ именнымъ указомъ, объявленнымъ правительствующему сенату главнымъ директоромъ почтъ въ 22-й день декабря 1805 года, по прошенію и болѣзни, уволенъ вовсе отъ службы и въ награжденіе усерднаго продолженія оной произведенъ коллежскимъ ассесоромъ и приведенъ къ присягѣ.

„Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ считаю необходимымъ присовокупить, что изъ копій документовъ, которые были представлены дѣдомъ писателя Николая Васильевича Гоголя, секундъ-маіоромъ Аѳанасіемъ Гоголь-Яновскимъ въ Кіевское дворянское собраніе, въ числѣ доказательствъ на дворянство, видно, что въ 1776 году мая 3-го дня состоялась урядовая запись на выдѣленныя женѣ Аѳанасія Гоголя, Татьянѣ, совмѣстно съ мужемъ, изъ имѣнія матери ея Лизогубовой, села съ посполитыми людьми, слѣдовательно Аѳанасій былъ женатъ уже въ 1776 году; изъ другого же уступнаго записа, сдѣланнаго 1781 года іюня 25-го отцомъ жены Аѳанасія Гоголя, бунчуковымъ товарищемъ Симеономъ Лизогубомъ, что онъ отписалъ въ Миргородскомъ полку въ урочищѣ рѣки Голтвы хутора дочери своей Татьянѣ Яновской и родившемуся отъ нея внуку его Василію. Этимъ объясняется, что

Василій родился не позже 1781 года, а можетъ быть и раньше, такъ какъ въ доношеніи Аѳанасія, въ 1784 году поданномъ, говорится, что сынъ его Василій по малолѣтству въ воспитаніи находится, а это означало, по тогдашнему понятію, что обучается грамотѣ. Въ виду этихъ соображеній, надо полагать, что въ спискѣ семейномъ ошибочно показаны ему лѣта 15, вмѣсто 18 лѣтъ. Обстоятельство, что Василій былъ пожалованъ въ корнеты въ 1787 году, т. е. 7 или 8 лѣтъ, надо признать дѣйствительнымъ фактомъ; такіе примѣры въ Екатерининское время были не рѣдки.

II.

Копія съ прошенія В. А. Гоголя къ Д. П. Трощинскому о назначеніи его на должность.

„Ваше Высокопревосходительство! Щастливая надежда на вашу ко мнѣ благорасположенность произвела смѣлость безпокоить васъ, безпримѣрный благодѣтель, слѣдующими строками:

„Извѣстно вашему высокопревосходительству, что Богъ благословилъ меня двумя сынами, коихъ встрѣчаютъ уже тѣ годы, въ которые требуетъ долгъ родителей дать имъ приличное воспитаніе. Сей-то главнѣйшій предметъ моей обязанности обратилъ нынѣ все мое попеченіе: во-первыхъ, я старался сыскать для нихъ порядочнаго учителя, но наконецъ увидѣлъ, что въ нашихъ мѣстахъ сыскать таковаго весьма трудно, да хотя бы и сыскался; но за возможное по моимъ достаткамъ жалованье не согласится глотать скуку въ хуторѣ — итакъ я принужденнымъ нахожусь отдать ихъ въ общественное училище; но покуда лѣта укрѣплятъ (sic!) ихъ силы и юный разсудокъ сблизится къ совершенному понятію, желательно мнѣ имѣть ихъ подъ своимъ надзоромъ, почему и я расположенъ проживать въ томъ городѣ, гдѣ будутъ мои дѣти, а для лучшей удобности къ прожитію въ городѣ всенижайше прошу вашего превосходительства доставить мнѣ приличную должность въ Кіевѣ или Полтавѣ (зачеркнуто: именно совѣтника втораго департамента или губернскаго почтмейстера, или же директора фабрикъ, т. е. попечителя нещастныхъ колонистовъ), изъ коихъ въ послѣднемъ для меня было бы удобнѣе по близости моего имѣнія“.

III.

Два доклада В. А. Гоголя Трощинскому.

Въ бумагахъ Василія Аѳанасьевича находятся еще два оффиціальные его доклада Трощинскому:

„Зная, сколь великое имѣете вы попеченіе объ общественныхъ нашихъ пользахъ, осмѣливаюсь доложить вамъ: 1) всѣ вамъ чрезвычайно благодарны за разсрочку уравнительнаго рекрутскаго набору, но опасаются многіе, что ежели теперь не отдадутъ всѣхъ рекрутъ и придется отдавать за подачей ревизской сказки и ежели изъ ревизіи ихъ не исключатъ, то сіе будетъ еще отяготительнѣе, чѣмъ единовременное уравненіе; но съ пожертвованіемъ нашимъ на содержаніе и ополченіе оружіемъ и лошадьми, кажется, никакая губернія не поравняется, почему и относимъ мы, что вы исходатайствуете для насъ милость, что отдаваемые рекруты по уравнительному набору исключатся изъ ревизіи и тогда только будетъ уравнена сія повинность; 2) великое бы было для насъ благодѣяніе, если бы доставили, чтобы съ передержателей бѣглыхъ крестьянъ взыскался штрафъ въ казну и строжайшій бы о семъ послѣдовалъ указъ; ибо у насъ подъ часъ рекрутскихъ наборовъ всѣ молодые люди убѣгаютъ въ Константиноградскій повѣтъ и въ Екатеринославскую губернію и передерживаютъ таможню, черезъ это принуждены мы отдавать въ рекруты отцовъ семейства, а наипаче въ нынѣшній наборъ, въ который ужасно какъ бракуютъ; 3) по милости вашей зачтены въ рекруты не только не возвратившіеся казаки изъ ополченія, по велѣно принимать и искалѣченныхъ по службѣ въ инвалидныя команды и выдавать зачетныя квитанціи. Многіе искалѣченные и потерявшіе на службѣ свое здоровье, искали милостиваго разрѣшенія возвратиться, коихъ также слѣдовало бы, кажется, зачесть, но таковые получили отказъ на свои просьбы“.

Къ стр. 76. По нашему мнѣнію, къ Орлаю слѣдуетъ отнести и слѣдующія слова на стр. 4-ой V тома „Сочиненій и писемъ Гоголя“: „Третьяго дня я былъ у Ивана Семеновича, и онъ говорилъ, ежели я буду хорошо вести себя, то онъ отпуститъ меня домой на праздникъ“.

Это письмо у Кулиша отнесено еще къ полтавскимъ письмамъ Гоголя, когда онъ учился до Нѣжина въ полтавской гим-

назіи, но оно должно быть отнесено не къ 1820 г., а къ 1821, и написано было уже въ Нѣжинѣ. Въ полтавскихъ письмахъ слѣдуетъ вообще указать на совершенное отсутствіе помѣты или по крайней мѣрѣ отсутствіе какой-нибудь *опредѣленной* даты, если уже допустить возможнымъ, что былъ обозначенъ только годъ, но не было обозначено ни мѣсяца, ни числа, что само по себѣ, разумѣется, весьма сомнительно. Это обстоятельство должно было представлять нѣкоторое затрудненіе для издателя при расположеніи писемъ въ точномъ хронологическомъ порядкѣ, на который имъ, вѣроятно, при незначительномъ количествѣ полтавскихъ писемъ, и не было обращено особеннаго вниманія. По крайней мѣрѣ слѣдующія соображенія могутъ навести на мысль, что изданіе Кулиша въ этомъ отношеніи не свободно отъ небольшихъ неточностей, и, можетъ быть, ошибокъ. Объ Иванѣ Семеновичѣ упоминается, очевидно, какъ о воспитателѣ или начальникѣ, у котораго Гоголь былъ за нѣсколько дней до отъѣзда. Между тѣмъ извѣстно, что въ нѣжинской гимназіи, гдѣ воспитывался Гоголь, директоромъ былъ Иванъ Семеновичъ Орлай. Не болѣе существеннымъ представляется намъ затрудненіе относительно опредѣленія мѣста, откуда было отправлено письмо, потому что оно находится въ тѣсной связи съ предыдущимъ.

Къ стр. 92. Дополнимъ здѣсь выше приведенную выписку изъ дневника товарища Гоголя:

„Русская литература у насъ процвѣтала вопреки профессору и несмотря на то, что въ ту пору даже порядочныхъ руководствъ не было никакихъ, кромѣ Словаря Остолопова, съ жадностію изучаемаго нами. Я уже говорилъ, что даже грамматики сколько-нибудь толковой не было у насъ... Но въ особенно незавидномъ положеніи было въ то время въ нашемъ Лицеѣ изученіе Русскаго права, которое намъ преподавалъ Билевичъ по единственному въ то время руководству Кукольника, отца моего товарища и бывшаго директоромъ нашего заведенія до Орлая. Преподаваніе заключалось въ чтеніи профессоромъ одной главы, съ приказаніемъ выучить. Затѣмъ въ практическомъ веденіи тяжбъ между слушателями по заданнымъ профессоромъ темамъ. Процессы эти представляли нѣкоторый интересъ, потому что самъ руководитель профессоръ былъ собственно адвокатъ того времени, знатокъ судейскихъ крючковъ, и училъ насъ, какъ выигрывать тяжебныя

дѣла, приводя то тотъ, то другой указъ. Что́ же касается теоріи права по руководству, бывало для сокращенія урока обольемъ заблаговременно жидкимъ клеемъ два листа книги профессора, потомъ склеимъ, и тѣмъ избавимся отъ двухъ лишнихъ страницъ in 4⁰. Помнится, случилось такъ, что страница оканчивалась словами „то тѣхъ судей", а слѣдующая послѣ наклеенной, начиналась словами „сдаютъ въ архивъ". При чтеніи лекціи это озадачило Билевича. Сначала подумалъ онъ, что это опечатка, и сталъ искать опечатокъ въ концѣ книги, тамъ ничего онъ не нашелъ; не теряя присутствія духа, онъ намъ пояснилъ, что это должно быть метафора, а подъ словомъ тѣхъ судей надо понимать тѣ судейскія дѣла кладутъ въ архивъ...

„Таковъ былъ у насъ преподаватель права, а между тѣмъ изъ нашей Гимназіи Высшихъ Наукъ вышелъ извѣстный теперь въ Россіи профессоръ Русскаго права Рѣдкинъ [1]). О Никольскомъ говорилъ я довольно, учениками его были Гоголь и Кукольникъ. Рѣдкинъ довершилъ свое воспитаніе въ Германіи; но Гоголь и Кукольникъ и другіе даровитые литераторы рѣшительно нигдѣ не учились по окончаніи курса въ Гимназіи Высшихъ Наукъ. Объясняется это тѣмъ, что въ ту пору кипѣла академическая своеобразная жизнь въ этомъ молодомъ заведеніи, которое, послѣ порядковъ, введенныхъ графомъ Уваровымъ, пришло въ совершенный упадокъ.

„Въ 1826 году поступили къ намъ два новые преподаватели, профессоръ Римскаго и естественнаго права Бѣлоусовъ, ученикъ Шада и профессоръ Естественной исторіи Соловьевъ. Эти молодые ученые обворожили насъ совершеннымъ контрастомъ съ нашими наставниками, педантами стараго времени...

„Около этого времени посѣтилъ насъ графъ Сперанскій на пути изъ своего полтавскаго помѣстья въ Петербургъ, куда вызывалъ его Императоръ Николай I....."

Кстати исправляемъ другую погрѣшность, допущенную г. Кулишомъ при распредѣленіи дѣтскихъ писемъ Гоголя въ хронологическомъ порядкѣ.

По поводу письма, въ которомъ упоминается Ландраженъ [2]), считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую поправку: вѣроятно, и здѣсь г. Кулишъ ошибся въ расположеніи писемъ по по-

[1]) Авторъ воспоминаній скончался прежде П. Г. Рѣдкина.
[2]) „Соч. и письма Гоголя", т. V, стр. 9.

рядку, помѣстивши это письмо безъ даты не раньше, а позже письма отъ 10 октября 1822 г. Необходимо отмѣтить здѣсь во-первыхъ въ перепискѣ весьма значительный перерывъ: послѣ 7 января нѣтъ *ни одного письма* вплоть до 10 октября того же года. Это обстоятельство, повидимому, даетъ поводъ предполагать потерю нѣсколькихъ писемъ, хотя Гоголь и говоритъ о томъ, что долго не могъ писать, потому что былъ опасно боленъ. Для болѣе вѣрнаго опредѣленія времени, когда было написано разсматриваемое письмо, мы имѣемъ нѣсколько соображеній, въ силу которыхъ его слѣдовало бы отнести приблизительно къ іюлю — или самое позднее — къ августу мѣсяцу этого же года. Дѣло въ томъ, что Гоголь только-что передъ этимъ возвратился изъ дому послѣ вакацій; это было притомъ именно *второе* письмо по возвращеніи (первое было такъ коротко, что въ немъ, по недостатку времени передъ экзаменомъ, Гоголь не описывалъ подробностей своего пріѣзда; это письмо, по всей вѣроятности, пропало). Между этимъ и предшествующимъ письмомъ, а также и самымъ пріѣздомъ, не могло быть продолжительнаго промежутка: письмо не только носитъ на себѣ свѣжіе слѣды возвращенія автора изъ дому, но и заключаетъ въ себѣ прямыя указанія на него: („извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать мой пріѣздъ сюда. Причиной сему была скорость, съ каковою я писалъ, боясь не опоздать" и далѣе: „Немного грустно разставшись съ вами, а дѣлать нечего"). Во-вторыхъ упоминается о только-что состоявшемся переходѣ Гоголя изъ третьяго въ четвертый классъ. („Я теперь переведенъ въ IV классъ и учусь со всѣмъ стараніемъ"). Весьма вѣроятнымъ въ виду сказаннаго можно считать предположеніе, что разсматриваемое письмо было написано *не позже августа*, основываясь при томъ и на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ Гимназіи Высшихъ наукъ, изъ которыхъ видно, что Гоголь былъ переведенъ въ IV классъ въ іюлѣ 1824 года. (См. „Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института", 1879, статья Лавровскаго „Гимназія Высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ", стр. 241). Совершенно согласны съ этими данными слова Гоголя въ занимающемъ насъ письмѣ о томъ, что „онъ началъ занятія французскимъ языкомъ у недавно пріѣхавшаго профессора Ландражина". (или Ландражена, какъ называетъ его Гоголь), который прибылъ 1 іюля 1822 г., назначенъ же

17 мая 1822 г. („Лицей кн. Безбородко“, отд. I., стр. 276). Въ виду столькихъ соображеній можно было бы считать нашу догадку несомнѣнной, если бы съ другой стороны не представлялось затрудненія ее съ утвержденіемъ Гоголя, что пріѣхалъ также профессоръ греческаго языка, который по оффиціальнымъ даннымъ значится поступившимъ лишь въ февралѣ слѣдующаго года. Кромѣ того, можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли Гоголь говоритъ о возвращеніи домой послѣ лѣтней поѣздки, такъ какъ изъ вѣдомостей заведенія за этотъ годъ („Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филол. Инст.“, т. 3, 1879, г., стр. 241) можно видѣть, что ученики получали отмѣтки даже за іюнь и іюль мѣсяцы, слѣдов., какъ бы вовсе не пользывались вакаціей. Но этого, конечно, не могло быть: вакація, хотя бы мѣсячная, (напр. отъ половины іюля до половины августа) была же дана воспитанникамъ, и притомъ не можетъ быть сомнѣнія, что Гоголь извѣстилъ бы родителей въ первомъ же письмѣ о своемъ переходѣ въ слѣдующій классъ. а слѣдов. почти несомнѣнно и то, что письмо отъ 10 октября было написано позже разсматриваемаго письма безъ помѣты Не можетъ ли и послѣднее указанное затрудненіе быть совершенно устранено, если принять въ соображеніе слѣдующія слова проф. Лавровскаго въ его статьѣ „Гимназія Высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ“, („Извѣстія Нѣжинскаго Историко-Филологич. Института“, 1879, т. 3): „Преподавателя греческаго языка не приходилось искать далеко: кровный грекъ, Христофоръ Іеропесъ, состоялъ тогда учителемъ греческаго языка въ Нѣжинскомъ Александровскомъ греческомъ училищѣ. Въ своемъ прошеніи въ сентябрѣ 1822 г. Іеропесъ предлагаетъ обучать цѣлый годъ греческому языку“.... („Изв. Нѣж. Ист. Фил. Инст.“, 1879, стр. 180, 181, и пр.). Но, можетъ быть, не оффиціальное согласіе его было извѣстно уже раньше. (По словамъ г. Бородина въ „Лицеѣ князя Безбородко“, Іеропесъ былъ утвержденъ уже 13 января 1822 года).

Къ примѣчанію на стр. 121.

Въ „Кіевской Старинѣ“ (1884, V, стр. 143—147) находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя г. Пономаревымъ объ одной изъ рукописныхъ книжекъ издававшагося лицеистами журнала подъ названіемъ „Метеоръ Литературы“; но авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ относительно вопроса, что̀ именно въ этой книжкѣ принадлежало перу Гоголя.

Къ стр. 220.

Письмо Н. В. Гоголя къ матери отъ 22-го марта 1842 года.

„Я долго не писалъ къ вамъ потому, что былъ совершенно не въ силахъ, и никому во всю бытность теперешнюю мою въ Москвѣ я не писалъ почти. Здоровье мое въ странномъ положеніи; иногда я просто не въ силахъ даже подумать о чемъ-либо. И что̀ всего хуже, мной овладѣло то тягостное и тоскливое состояніе духа, которое и прежде, и въ первый мой пріѣздъ, мною было овладѣло. Вліяніе ли климата или что̀ другое, но дурно то, что это дѣйствуетъ на мои умственныя занятія и я до̀ сихъ поръ не въ силахъ привести въ порядокъ дѣлъ своихъ. Какъ было я чувствовалъ себя хорошо весь годъ, проведенный въ Римѣ, такъ теперь нехорошо. Но государь милостивъ и благоволилъ меня причислить къ нашему посольству въ Римѣ, гдѣ я буду получать жалованье, достаточное для моего содержанія, а до тѣхъ поръ потерпимъ. Авось Богъ устроитъ все къ лучшему. Во всякомъ случаѣ я непремѣнно увижусь съ вами. Какъ это будетъ, я еще не знаю до сихъ поръ. Потому еще нѣтъ никакой перемѣны въ моихъ дѣлахъ, но какъ только получу какія-нибудь средства и возможность, увѣдомлю васъ заблаговременно.

„Прощайте! да хранитъ васъ Богъ.

„Вашъ сынъ Николай.

„Припасите мнѣ полдюжины рубашекъ простыхъ и полдюжины исподняго изъ холста потолще, чѣмъ на рубашкахъ; чѣмъ толще, тѣмъ лучше.

„Благодарю васъ за ваше письмо; еще болѣе благодарю Бога за ваше выздоровленіе. Я еще не совсѣмъ оправился, устаю и не могу заняться моими дѣлами, какъ бы хотѣлъ, а что̀ самое главное, встрѣтилъ множество неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ препятствій. Но Богъ милостивъ, и мнѣ, вѣрно, удастся преодолѣть все. Объ этомъ молитесь теперь Богу. Жаль только, что дѣла мои затянутся на долгое время и нескоро придется вамъ что-нибудь получить отъ меня. Скажите старшей сестрѣ Маріи, что напрасно она такъ испугалась моего письма: кого любятъ, отъ того съ радостью при-

нимаютъ даже упреки. Письмо мое много бы заключило для нея непріятнаго.—Ей никогда и вѣкъ не понять, что одна любовь и только любовь сильная даетъ такіе упреки, какіе когда-либо давалъ ей я. Если бы она думала обо мнѣ и разбирала бы почаще мои строки, она бы увидѣла это ясно. И прежде въ припискѣ къ ней и въ письмѣ къ меньшой сестрѣ я сказалъ ясно, что письмо будетъ на счетъ ея сына [1]); она должна бы почувствовать, что письмо для нея заключитъ много пріятнаго.

„Скажите сестрѣ Аннѣ, что прежде всего она должна благодарить за многія напоминанія, которыя я сдѣлалъ. Что̀ же касается до обвиненій, которыя я на нее взвелъ, то они были сдѣланы съ тѣмъ, чтобы разсердить ее хорошенько. Я зналъ, что ничѣмъ другимъ нельзя было разсердить ее, какъ этимъ, а разсердить ее чѣмъ - нибудь нужно, чтобы разбудить ея сонный, готовый всегда залѣниться и засидѣться характеръ.

„Прощайте, поцѣлуйте отъ меня Колю (Н. П. Трушковскаго). Надѣйтесь во всемъ на Бога и молитесь. Придетъ время, когда Богъ чудно вознаградитъ васъ за вашу теплую вѣру и будетъ счастье ваше выше, чѣмъ счастье всякаго другого.

„Вашъ признательный сынъ Николай.

„Поздравляю васъ всѣхъ съ наступающимъ новымъ годомъ“.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

---

[1]) Николая Павловича Трушковскаго.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
7	прим., 3 снизу	цитированныя выше	цитированныя ниже
13	примѣч. 11 сверху	не свойственныхъ	свойственныхъ
75	въ первомъ примѣч.	„Соч. м Письма“	„Соч. и Письма“
88	17 снизу	подраженіе	подражаніе
122	примѣч., 8 сверху	послѣ слова *впрочемъ*	замѣтимъ
126	23 сверху	о томъ, не только,	не только о томъ
158	18 сверху	мы находимъ однако	мы находимъ съ одной стороны
172	17 сверху	достойнаго	достойною
187	16 сверху	въ этомъ разсказѣ	въ разсказѣ Гоголя
191	12 сверху	корреспондента	корреспондентка
193	16 сверху	вы еще болѣе не знаете	вы еще не знаете
193	10 снизу	скромность	скрытность
243	въ первомъ примѣч.	Современпикъ	Современникъ
245	6 снизу	чтòжь	чтòжъ
263	13 сверху	доходь	доходъ
278	17 сверху	женщипу	женщину
280	9 снизу	близь	близъ
305	въ первомъ примѣч.	Они	Письма къ Смирновой
311	въ перв. прим., стр. 7	чувстами	чувствами
324	въ четверт. примѣч.	вышо	выше
351	въ четверт. примѣч.	отчему	отчиму
383	8 сверху	пользывались	пользовались

